

Вадим Колмаков

С Россией в сердце

Дмитрий Скрынченко

история жизни

Комиссия по канонизации святых
Воронежской и Борисоглебской епархии,
Воронежская Православная Духовная Семинария

Вадим Колмаков

С Россией в сердце

Дмитрий Скрынченко

история жизни

Воронеж
2012

ББК 86.372

УДК 27–1

К 60

По благословию
митрополита Воронежского и Борисоглебского
СЕРГИЯ

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 11-118 -1912*

К 330-летию образования Воронежской и Борисоглебской епархии
К 180-летию прославления святителя Митрофана,
первого епископа Воронежского

Колмаков В.Б.

К 60 С Россией в сердце. Дмитрий Скрынченко. История жизни /
под ред. А.Ю. Минакова. – Воронеж, 2012. – 400 с., 1 вкл.

Книга освещает жизненный путь нашего земляка, известного русского богослова, педагога, историка и публициста Дмитрия Васильевича Скрынченко (1874–1947). Выпускник Воронежской Духовной семинарии и Казанской Духовной академии, он много лет отдал преподавательской, научной и журналистской деятельности, воспитывая молодежь в духе православной веры и любви к Отечеству. Автор делает особый акцент на определяющей роли Православия в жизни России и отечественной истории. В книге затронуты актуальные вопросы духовного пути русского народа и государства. На широком историческом материале автор показывает связь трагических событий нашей истории с судьбой Д.В. Скрынченко. Написанная на высоком научном уровне в форме популярных очерков книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей Православной Русской Церкви, историческими судьбами России и русского народа.

ББК 86.372

УДК 27–1

© Колмаков В.Б., 2012

© Издательский отдел Воронежской
и Борисоглебской епархии, 2012

© ООО «Пресса ИПФ», 2012

ISBN

Дорогие читатели!

История Воронежского края богата духовно одаренными людьми, беззаветно преданными своему Отечеству и Церкви. Об одном из таких скромных и преданных своему призванию людей – Дмитрие Васильевиче Скрынченко – рассказывает книга воронежского историка В.Б. Колмакова.

Уроженец Воронежской губернии, выпускник Воронежского Духовного училища и семинарии, Д.В. Скрынченко успешно окончил Казанскую Духовную академию и в течение многих лет преподавал в Минской Духовной семинарии. Талантливый публицист, он является автором ряда глубоких богословских статей, а также актуальной по сей день книги «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению», которая в 2010 г. была переиздана в Москве. В наши дни хорошо известен вклад Д.В. Скрынченко в изучение истории Православия в Белоруссии и укрепление Православной Церкви на западных окраинах России.

В книге подробно рассказывается о киевском периоде жизни Д.В. Скрынченко, где он проживал с 1913 по 1918 г., работал в киевских газетах, участвовал во Всеукраинском Церковном Соборе, на котором активно отстаивал единство Православной Российской Церкви. Тернистый путь привел Д.В. Скрынченко в эмиграцию. В изгнании Д.В. Скрынченко способствовал устроению церковной жизни. В качестве се-

кретаря в 1921 г. он принимал участие в работе Русского Все-заграничного Церковного Собора, был близок к митрополиту Антонию (Храповицкому). Еще одной жизненно важной для него задачей стало сохранение русской культуры в эмиграции. Знаменательно, что именно в наши дни выявилась значимость многих идей Д.В. Скрынченко.

Эта книга, несомненно, внесет свой вклад в изучение истории Русского Православия, как в России, так и в русском рассеянии, способствуя укреплению православного самосознания, церковного единства и патриотизма. На высоком научном уровне автор глубоко исследует сложные изломы истории XX века, через которые Д.В. Скрынченко сумел пройти благодаря искренней вере в Бога и любви к своему земному Отечеству.

*Митрополит Воронежский
и Борисоглебский Сергей*

Предисловие

Замысел написать о жизни Дмитрия Васильевича Скрынченко возник у меня, когда я занимался разысканиями о своем прадеде по материнской линии Михаиле Васильевиче Скрынченкове. В архивном деле я наткнулся на письмо его брата Дмитрия. Оно было послано из Минска в 1909 г. и подписано: Дм. Скрынченко, преподаватель Минской Духовной семинарии. До этого момента я не знал, что у моего прадеда был брат. Начавшиеся поиски оказались успешными. Мне посчастливилось вернуть его доброе имя обществу.¹ Оказалось, что это был уникальный человек, чья жизнь буквально впитала в себя несколько эпох. Д.В. Скрынченко родился, когда в России на троне был

¹ Колмаков В.Б. Дмитрий Васильевич Скрынченко. Биографический очерк // Воронежский епархиальный вестник. 2003. № 2 (69), № 3 (70); Колмаков В.Б. Д.В. Скрынченко (1874 – 1947) – деятель Церкви, историк и педагог // Из истории Воронежского края. Вып. 11, Воронеж, 2003; Колмаков В.Б. Проблемы церковной реформы в публицистике Д.В. Скрынченко // Воронежский епархиальный вестник. 2006. № 1 (74), № 2 (75); Колмаков В.Б., Скрынченко В.А. Д.В. Скрынченко – верный сын православного Отечества // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь» за 2006 год. Свято-Троицкий Монастырь, Джорданвилль, 2006. – С. 86-100; Колмаков В.Б. Об одном националистическом нарративе начала XX века // Вестник ВГУ. Сер. Философия. 2010. № 1(3). – С. 48-61; Колмаков В.Б. Скрынченко Д.В. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. – С. 464-466; Скрынченко Д.В. Мои воспоминания. Публ. и предисл. В.Б. Колмакова и А.Н. Акиншина // Из истории Воронежского края. Сб. статей. Вып. 13. Воронеж, 2004. – С. 165-172; Скрынченко Д.В. Воспоминания Д.В. Скрынченко о Казанской Духовной академии. Публ., предисл. и прим. В.Б. Колмакова // Православный собеседник (Казань), 2010. № 2 (20) С. 159-170; Скрынченко Д.В. Мои воспоминания. Публ., предисл. и прим. В.Б. Колмакова // Имперское возрождение, 2010. № 1 (27). – С. 56-80; № 2 (28). – С. 46-63; Скрынченко Д.В. Эмигрантский дневник. Вступ. слово В.Б. Колмакова (Воронеж), комментарии А.Б. Арсеньева (Нови-Сад), В.Б. Колмакова, В.А. Скрынченко (Киев) // Славянский альманах, 2008. М., 2009. – С. 355-371; Скрынченко Д.В. Минувшее и настоящее. Избранная публицистика. Предисловие, составление, подготовка текста и примечания В.Б. Колмакова. Воронеж, 2009. Ч. 1-2; Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. Изд. 2, доп. М., УРСС. 2010. 192 с. Предисл. и коммент. В.Б. Колмакова.

Александр II, а умер в эмиграции в Югославии, где после войны уже начали строить социализм. Он был многогранной личностью – блестящий публицист, педагог, религиозный философ, деятель Церкви, политик регионального масштаба. Дмитрий Васильевич был носителем консервативных взглядов, заслуживших в среде либеральной русской интеллигенции презрительное отношение. А зря. Он отстаивал простые и надежные ценности, такие как православная вера, Церковь, русское государство, семья, национальная история.

В последние годы внимание исследователей русского консерватизма было привлечено к лицам из «первого эшелона» консервативной мысли, таким как В.В. Розанов, М.О. Меньшиков, Л.А. Тихомиров. В настоящее время изучение консервативной мысли вплотную подошло к рубежу, когда предметом интереса должно стать творчество многочисленных публицистов и теоретиков русского консерватизма из «второго эшелона», людей, доселе неизвестных исторической науке. Среди них – Дмитрий Васильевич Скрынченко.

Интерес к истории жизни отдельного человека всегда присутствовал в историографии, достаточно вспомнить «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Особая тяга к личной истории характерна для напряженного российского исторического сознания, так как в СССР в течение 70 с лишним лет история преподносилась в почти дегерсонифицированном виде и, скорее, представляла, по выражению М. Горького, «историю фабрик и заводов». Впрочем, справедливости ради следует заметить, что тенденция эта возникла задолго до появления на свет советской власти и сохранилась после ее конца.

Автор ставил целью воссоздать в основных чертах жизнь на фоне времени человека, чья ментальная история вобрала в себя значительный спектр идей и мифов, которыми столь богат XX век, реконструировать мировоззрение образованного человека консервативных взглядов, а также показать, какое влияние оказали на формирование идей консерватизма и национализма события российской истории. Поэтому

была выбрана форма очерков, и, хотя работа носит популярный характер, она снабжена ссылками.

В небольшом по объему введении невозможно перечислить все темы, звучавшие в статьях и заметках Д.В. Скрынченко. О многих из них речь пойдет ниже. Мне бы хотелось сделать акцент на двух, наиболее весомых, на мой взгляд, проблемах, без рассмотрения которых мы не только не поймем жизненный путь Д.В. Скрынченко, но рискуем не понять историю России последнего столетия. Это проблема Православия, которое всегда играло стержневую роль в русской жизни и, несмотря на страшные изгибы XX века, не утратило этой роли по сей день. Дмитрий Васильевич был страстно верующим человеком, и этим он походил на митрополита Антония (Храповицкого), с которым судьба связала его почти на 40 лет. Исчезновение православной веры из повседневной жизни миллионов людей в СССР (а инерционно этот процесс длится и сегодня) означало, что была утрачена сама метафизика бытия, цель и смысл жизни ограничились посюсторонним миром и свелись к приобретению вещей. Секуляризация, охватившая просвещенный мир с XVIII в., в минувшем веке обернулась для десятков миллионов людей внутренней пустотой, верой в утопии и тотальной безнравственностью. В противовес этой позиции Д.В. Скрынченко всегда утверждал, что Православие – единственное духовное начало, без которого Россия просто погибнет. По-моему, имеются все основания согласиться с этим тезисом, исходя из опыта русской истории последних ста лет.

Вторая проблема – проблема цивилизационного пути русского народа и государства. Как русский националист, Д.В. Скрынченко всегда исходил из принципа *неделимости* не только государства, но и русской нации, понимая ее широко, как триединство великороссов, малороссов и белорусов. Русские националисты всегда боролись за реализацию этого принципа, понимая недопустимость разделения русской нации по отдельным славянским государствам, которые были бы независимы от России. В силу объективных причин современная Украина, подобно существовавшей в XVII в. гет-

манщине, не может быть ведущей; она может быть только ведомой. Такова геополитическая реальность. Поэтому опасность сепаратизма, особенно украинского, возникшего в Юго-западном крае, для русских националистов всегда была очевидна. Они понимали, что образовавшиеся при распаде России государства самостоятельными игроками в мировой политике быть не могут, они всегда будут искать покровительства на стороне, с тем, чтобы отдать кому-нибудь часть своего суверенитета.

Дмитрий Васильевич Скрынченко выступал за сильное, единое и эффективное государство. Отсюда неизбежное присутствие в его публицистике национального вопроса, не утратившего значимость и сегодня. Распад Советского Союза, продолжавшего в других обстоятельствах Российскую империю, остро поставил перед современной Россией вопрос о новом собирании земель, поскольку с России ответственность за судьбы народов, прежде входивших в состав империи, а затем Союза, никто не снимал. Речь, конечно, не идет о войнах за «исконные вотчины», но это означает, что территории, входившие в состав Российской империи и Советского Союза, являются, по выражению В.Т. Третьякова, сферой канонического русского влияния.

Для реализации политики по сохранению империи (а империя есть не что иное, как государство, объединяющее на основе определенной идеологии разные народы и гарантирующее им процветание) лучшей политической формой является самодержавие. В консервативно-националистическом дискурсе самодержавие не сводится к монархии. Это внешняя и далеко не единственная форма проявления самодержавия. Самодержавие, как его понимал Д.В. Скрынченко, – это самостояние государства, его предельная суверенность, включающая ответственность за населяющие его территорию народы.

Д.В. Скрынченко принадлежал к тогдашней элите Российской империи, к тем ее слоям, что формулировали и распространяли идеологию сохранения России как единого и неделимого государства, утверждали ответственность за ее

состояние. Такой ответственностью обладал Д.В. Скрынченко, о чем свидетельствуют его неустанные труды не только на Родине, но и в эмиграции, когда, казалось бы, все уже было потеряно и верить было не во что. Его жизнь может служить примером для многих представителей современной правящей элиты России, которые преданы государству лишь настолько, насколько они имеют возможность наполнять кошелек из государственной казны.

Несколько слов о понятиях. Устоявшиеся понятия «Украина» и «украинец» вряд ли удачно могут быть спроецированы в прошлое, как это иногда хочется некоторым современным авторам. Эти понятия соотносятся с современными этнополитическими реалиями, которые могут быть описаны с их помощью достаточно адекватно. Попытки применить эти понятия для описания исторических ситуаций XIX в. или более ранних времен приводят только к заблуждениям и политизации исторического исследования. Украинскую идентичность в начале XX в. осознавала лишь небольшая группа интеллектуалов, которая стремилась распространить ее на все население Малороссии. Крупнейший специалист по украинскому вопросу А. Миллер пишет, что «вплоть до Первой мировой войны разговор о национальной идентичности имеет смысл лишь применительно к элитным группам и части городского населения».²

И последнее. Не изменяя нормам литературного русского языка, автор пишет «на Украине», но не «в Украине». Литературная норма, согласно которой следует говорить и писать «на Украине», – результат исторического развития языка на протяжении нескольких столетий, указывающий на топонимическое происхождение слова «Украина». В 1993 г. Правительство Украины признало нормативным вариант «в Украине». Тем самым Украина с предлогом «в» получала, по мнению украинских властей, лингвистическое подтверждение статуса суверенного государства, поскольку названия государств оформляются в русской традиции с помощью

² Миллер А. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1. – С. 88.

предлогов «в (во)» и «из». Этим же «разрывалась» этимологическая связь конструкций «на Украину» и «на окраину». Не забудем, однако, что литературная норма не может измениться в одночасье из-за каких-либо политических процессов или постановлений.

В заключение хочу выразить мою искреннюю бесконечную признательность и благодарность его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Воронежскому и Борисоглебскому за предоставленную возможность публикации сего скромного труда. Глубокая моя благодарность схиигумену Рафаилу (Шишкову), насельнику Московского Свято-Данилова монастыря и протоиерею Борису Узаревичу за благоговейную молитвенную поддержку. Я сердечно благодарю ректора Воронежской Духовной семинарии игумена Иннокентия (Никифорова) и проректора семинарии Н.В. Макеева за помощь и поддержку в работе над книгой. Особо и безгранично я благодарен протоиерею Андрею Изакару, чье пастырское участие, удивительная отзывчивость и поистине творческая помощь щедро оказываются мне в течение почти 10 лет.

Кроме того, хочу выразить сердечную благодарность моей дорогой жене Ирине, без чьей неоценимой поддержки, глубоких советов и доброго участия эта книга вряд ли вышла бы в свет. Проживающий в Киеве внук Дмитрия Васильевича Владимир Скрынченко любезно представил многие документы, сохранившиеся от его деда, включая воспоминания и дневник, за что ему особая благодарность. Искреннюю благодарность хочу выразить живущей в Буэнос-Айресе внучке Д.В. Скрынченко Светлане Царевской. Она поведала многое из того о жизни Д.В. Скрынченко и его семьи, что не сохранили документы. Искреннюю признательность за помощь я выражаю проживающему в Нови-Саде (Сербия) историку русской эмиграции Алексею Арсеньеву. Его усилиями была восстановлена могила Д.В. Скрынченко в Нови-Саде, он обнаружил, перевел и переслал мне ряд документов, связанных с жизнью Д.В. Скрынченко на чужбине. Особую благодарность я хочу

выразить заведующей справочно-библиографическим отделом библиотеки РАН в Петербурге Н.А. Сидоренко и сотрудникам отдела, благодаря неустанной помощи которых я получил необходимые документы и материалы, связанные с жизнью Д.В. Скрынченко. Глубокую признательность я хочу выразить работникам Государственного архива Воронежской области Н.Г. Воротилиной, В.М. Комаровой, Т.Н. Литвиновой и А.А. Гоголевой. Сердечное спасибо я хочу сказать выдающемуся воронежскому краеведу А.Н. Акиньшину, чьи высококвалифицированными советами мне приходилось не раз пользоваться. Также мне хотелось бы отметить особую заслугу историков В.А. и С.Г. Алленовых, которые своими советами способствовали завершению работы над книгой. Кроме того, я очень ценю те профессиональные уточнения, которые дал священник Олег Миронов. Ему, а также всем, кто так или иначе оказывал мне помощь, я выражаю сердечную и искреннюю признательность.

ЧАСТЬ I. Глубинная Россия

Орепк 1

Истоки.

Пространственно-временной контекст

Мне кажется, Дмитрий Васильевич Скрынченко знал об истоках своего рода. К сожалению, первая страница его воспоминаний, которые до нас дошли, утрачена. Как раз там он мог изложить родовое предание, повествующее о первых Скрынченко. Но страница отсутствует, поэтому попробуем реконструировать ранний этап истории рода Скрынченко. Начнем с этимологии. Скрынченко – фамилия малороссийская, она имеет корень скрын- (скрин-), что означает ларь, сундук. В.И. Даль относил это слово к южно-малороссийским,¹ а по мнению М. Фасмера, восточнославянские слова этого корня пришли из польского и чешского, где они имеют то же значение. Источником западнославянских слов корня скрын- (скрин-) является латинское *scrinium* – цилиндрический ящик для хранения бумаг.² Экскурс в этимологию не проясняет, откуда пришли люди, носившие фамилию Скрынченко, но может указать на некоторые черты, свойственные характеру отдельных людей, либо отсылает к профессии носителей фамилии. Можно полагать, что фамилия Скрынченко возникла на основе прозвища «скрыня» или «скриня», причем первое более соответствует нормам белорусского языка, а второе – украинского.³ Неясно, когда прозвище превратилось в фамилию, возможно, это случилось не ранее второй половины XVIII века. А может быть, Скрынченковы происхо-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955. – С. 209.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. – С. 657.

³ Там же. Т. 3. – С. 657.

дили из хутора Скрыня, который в середине XIX в. имелся в Змиевском уезде Харьковской губернии.⁴ Теперь определить это едва ли возможно.

На малороссийские истоки указывает суффикс -енко, образующий значительную часть украинских фамилий, хотя фамилии с этим суффиксом встречаются и в южной Белоруссии,⁵ а в Поднепровье и Левобережной Украине формант -енко охватывает местами до 60% фамилий местного населения. По наблюдению В.А. Никонова, он господствует в восточных областях Украины и Белоруссии.⁶ И еще одно соображение. Как мы увидим, многие представители рода были служителями Православной Церкви, но Скрынченко – фамилия нецерковная. Это говорит о том, что она возникла раньше, чем люди с такой фамилией стали служить Церкви. Многие представители духовенства носили фамилии искусственные, придуманные специально. Здесь следует заметить, что фамилия Скрынченко в большинстве случаев в документах XIX в. имеет окончание -ов, но иногда можно встретить малороссийское написание. Фамилию писали то на русский, то на малороссийский манер, не придавая окончаниям большого значения и чувствуя себя по духу русскими.

Нам неизвестно, когда представители рода Скрынченко обосновались на Воронежской земле, но, скорее всего, они пришли с потоком малороссийских переселенцев в XVII в. «...Я по происхождению малоросс»,⁷ – написал однажды Д.В. Скрынченко. В одной из своих работ, говоря о трудностях усвоения русской грамоты, он произвольно перечислил некоторые уезды России, приводя их в качестве случайного примера, и среди них Валуйский уезд, расположенный на юге Воронежской губернии и населенный пре-

⁴ Списки населенных мест Российской Империи. Т. XLVII, Харьковская губерния. СПб., 1869. – С. 175.

⁵ Унбегаун Б.Г. Русские фамилии. М., 1995. – С. 205, 227. Подробнее см.: Гринькова Н.П. Из истории областных слов. Скрыня // Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института. Т. 130. Л., 1957. – С. 121-148.

⁶ Никонов В.А. География фамилий. М., 1988. – С. 113.

⁷ Скрынченко Д. По поводу текущих событий // Минские епархиальные ведомости (далее – МЭВ). 1907. № 12. Ч. неоф. – С. 379.

имущественно выходцами из Малороссии.⁸ Конечно, такое случайное упоминание Валуйского уезда трудно считать указанием на исток рода, но отбрасывать подобную версию, видимо, не стоит.

Первым Скрынченковым, о котором сохранились достоверные сведения, был Иван Скрынченко. Скорее всего, он родился в 80-х гг. XVIII в., а в начале века XIX мы находим его непосвященным в стихарь пономарем Трехсвятительской церкви слободы Васильевка Бобровского уезда Воронежской губернии. В 1803 г. пономарь Иван Скрынченко прибыл в Воронеж для сдачи экзамена в Воронежской консистории. Но экзамен он не сдал, после чего на его бумагах тогдашний Воронежский и Черкасский епископ Арсений II (Москвин) начертал: «За то, что неисправным явился, оштрафовать в соборе положением 500 поклонов, а для совершенного обучения отослать или в русскую опять школу, или к соборным псаломщикам».⁹ Как видим, наказания за «неисправность» были весьма строгими.

Естественно предположить, что отец Ивана Скрынченкова и, возможно, дед принадлежали к церковнослужителям.¹⁰

⁸ Скрынченко Д. Белорусы, их разговорный и книжный язык при свете истории // Минская старина. Вып. 1, Минск, 1909. – С. 78.

⁹ Материалы для истории воронежской епархии. Резолюции Арсения II, епископа Воронежского и Черкасского (1800–1810) // Воронежские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1891. № 18. – С. 581.

¹⁰ Самое раннее упоминание о Скрынченковых относится к концу XVIII в. Из сохранившегося в Воронежском государственном архиве дела следует, что в конце XVIII в. в острожке Урыв (нынешняя Урыв-Покровка) Острогжского уезда скончался диакон Успенской церкви Григорий Иванович Скрынченко, у которого осталось двое детей. Сын Федор, который родился в 1780 г., и сын Григорий 1777 г. рождения. – Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 254/263, оп. 1, д. 198. Л. 4. В 1786 г. Федор Скрынченко просил о причислении его в число приказных служителей в Бобровскую и Павловскую нижнюю расправу (расправой в Российской империи в 1775–1796 гг. назывался суд для государственных крестьян и однодворцев. Нижние расправы в уездах решали мелкие уголовные и гражданские дела). Понятно, что писал он не сам, но характерно, что в деле перечислены еще дети ряда умерших священников, которых также стремились заранее пристроить к делу, дабы они в будущем не остались без куска хлеба. Прощение Федора Скрынченкова было адресовано на имя Императрицы Екатерины II. На прошение был получен положительный ответ, и дети покойного диакона были причислены «в приказной чин, а для совершенного обучения оставлены при матери» (ГАВО, там же. Л. 3). Но за малолетством они были причислены к расправе лишь в 1795 г., о чем свидетельствует выписка из журнала Бобровской и Павловской расправы за 25 апреля 1795 г. (ГАВО, там же. Л. 6).

Приходское духовенство обладало рядом льгот, призванных компенсировать корпоративную закрытость и низкий уровень жизни. Оно не платило податей и было освобождено от рекрутских наборов, постоя и поземельного налога.¹¹ Все это приводило к тому, что духовенство на протяжении длительного времени продолжало оставаться достаточно замкнутым сословием, которое воспроизводило само себя. Современный историк следующим образом характеризует его социальный статус во второй половине XIX в.: «не благородное, но и не подлое, не европейски ориентированное, но и не замкнутое на допетровские идеалы, не богатое, но и не бедное».¹² Психологически духовенство пребывало в сложном межуточном положении – оно было более образованным, чем крестьяне, но бедным и зависимым по сравнению с дворянством. Ни среди дворян, ни среди крестьян духовенство не было своим, причем положение псаломщиков было еще более ущербным по сравнению с положением священников. Оно мало изменилось за вторую половину XIX в. Протоиерей Георгий Флоровский так охарактеризовал положение православного духовенства: «Духовенство, особенно сельское, жило в крайней скудости, бедности, часто в прямой нищете».¹³

В 1816 г. у Ивана Скрынченкова родился сын Андрей. Ревизская сказка 1833 г. зафиксировала его в качестве дьячка каменной одноприходной Покровской церкви села Верхний Кисляй (Ливенка тож) Павловского уезда Воронежской губернии. По достижении 14 лет Андрей Скрынченков был «определен к сей церкви в штат на убылое место», а в 1832 г. у него родился сын Василий.¹⁴ Интересно, что жена Андрея Скрынченкова Елена Сампсоновна была старше его на 5 лет. Понять ситуацию, когда жениху 15 лет, а невесте 20, невозможно, исходя из нынешних реалий, но в начале XIX в. это

¹¹ Римский С.В. Церковная реформа 60-х – 70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. – С. 168.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 2000. – С. 105.

¹³ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. – С. 479.

¹⁴ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО), ф. 18, оп. 1, д. 121, л. 148 об.

была рутинная практика. Как правило, женились на «своих», за них же выходили замуж. Породниться с выходцами из другого сословия было практически невозможно. По причине бедности причта дочери редко снабжались приданым. Иногда их приданым было место дьячка, псаломщика или пономаря для будущего мужа, поэтому женитьба на наследнице места давала возможность его безболезненно занять.¹⁵ Можно полагать, что женитьба на Елене Сампсоновне была связана с возможностью получить место псаломщика в Покровском храме Верхнего Кисляя.

Итак, Василий Скрынченков, получив домашнее образование, стал псаломщиком и в 1848 г. он был определен в тот же Покровский храм¹⁶, где он служил в течение длительного времени¹⁷. Жизнь сельского псаломщика вряд ли была насыщена значительными событиями. Она была тихой и незаметной, подобно жизни миллионов русских людей, занятых повседневными делами и проблемами. Как указывается в «Ведомостях о церковных приходах Бобровского уезда» за 1911 год, Василий Скрынченков «в походах против неприятеля не участвовал, под судом не состоял, в отпуске не был».¹⁸ В конце 60-х гг. он был переведен в село Песковатку Бобровского уезда, где служил псаломщиком в Покровском храме. Причина перевода, видимо, была связана с тем, что в 1869 г. началось укрупнение приходов, сопровождавшееся сокращением состава причтов. Общее изменение числа приходов, по мысли властей, должно было решить материальные проблемы духовенства, по крайней мере, смягчить их. В результате в 70-х гг. XIX в. число причетников сократилось на 19%.¹⁹ Но Василий Скрынченков

¹⁵ См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство со времен реформы Петра. СПб., 2003. – С. 274.

¹⁶ ГАВО, ф. 84, оп. 1, д. 1951, л. 65. Домашнее образование заключалось в «обучении детей чтению, пению и всему церковному порядку». – Знаменский П.В. Там же. – С. 274. С. 268.

¹⁷ Ныне этого храма нет, вернее, остались полуразрушенные стены. При советской власти в церкви был размещен цех по засушке фруктов и овощей Павловского пищекомбината. В середине 90-х гг. здание было заброшено.

¹⁸ ГАВО, ф. 84, оп. 1, д. 1951, л. 65.

¹⁹ Полунов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е – первая половина

уцелел. Лишь в возрасте 64 лет 31 марта 1896 года лет он был уволен за штат согласно собственному прошению.²⁰ После ухода на пенсию должность псаломщика в Покровском храме, как это иногда случалось, осталась вакантной, и Василий Андреевич вышел на работу. Окончательно он ушел на пенсию в 1906 году, 3 июля, когда по указу Воронежской Духовной консистории ему была назначена пенсия 99 рублей в год.²¹ Оставшуюся жизнь он провел в Песковатке, где имел собственный деревянный дом.²² Если быт сельских пастырей отличался от крестьянского разве что тем, что икон было больше да хозяин был мало-мальски образован, то псаломщики жили, почти как крестьяне, с минимальным уровнем комфорта и низким доходом. Социальный статус псаломщика был близок крестьянскому, а расходы были выше. Нужно было учить детей – даже если их брали на церковный кошт, обучение в городе все равно стоило денег.

В 1854 г. в Песковатке был поставлен деревянный Покровский храм на каменном фундаменте.²³ По масштабам XIX столетия село было большим: в 1859 г. оно насчитывало 115 дворов и более 1200 жителей.²⁴ В дальнейшем Песковатка росла. В начале XX в. в ней уже имелась земская и церковно-приходская школы, мелкие торговые заведения, а число жителей превысило 2000 человек.²⁵ В 1868 г. в трех верстах от села прошла железная дорога Ростов – Воронеж, и по соседству с Песковаткой возникла станция Лиски, располагавшаяся, как и Песковатка, на левой стороне Дона.

Женой Василия Андреевича Скрынченкова была Татьяна Михайловна Путинцева. Она происходила из старинного ду-

1890-х годов) // Вопросы истории. 1997. № 11. – С. 126.

²⁰ ВЕВ. 1896. № 11. – С. 189.

²¹ ГАВО, ф. 84, оп. 1, д. 1951, л. 65.

²² ГАВО, ф. 2, оп. 9, д. 1279, л. 1 об.

²³ церкви Воронежской губернии за истекшие столетия (1586–1886) // ВЕВ, Приложение за 1886 г. – С. 121.

²⁴ Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1865. – С. 37.

²⁵ Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Воронеж, 1900. – С. 189; Сведения о населенных местах Воронежской губернии. Воронеж, 1906. – С. 45.

ховного рода, предки ее жили на р. Битюг с конца XVII в, когда эти территории активно осваивались.

Пришлые люди стали заселять Битюг начиная с 1696 года. Среди 18 проживавших в слободе Бобровской (будущий Бобров) жителей значился Карп Остахович Путинцев.²⁶ Ревизии, проводившиеся в XVIII веке, полностью и точно не отличались, поэтому потомки Карпа Путинцева могли в них не попасть. Но уже в конце XVIII в. мы находим Виссариона Ивановича Путинцева, который родился в 1789 году. В 20–30-х гг. XIX в. он служил дьячком в сл. Масловка Бобровского уезда и был женат на девице Дарье Борисовне 1791 г. рождения. Они имели четырех детей: старший сын Михаил (р. 1808 г.) числился при Николаевской церкви той же Масловки, помогая отцу в службе. Другой сын, Федор, родился в 1814 г. и через четыре года скончался. Кроме сыновей имелось две дочери – Анна (р. 1815 г.) и Екатерина (р. 1817 г.). Известно, что старший сын Михаил, получив, как тогда говорили, домашнее образование, в 1830 г. был переведен пономарем к Покровской церкви с. Старопокровского Бобровского уезда. В архиве сохранились сведения, что жену его звали Марья Петровна.²⁷ У Михаила и Марии Путинцевых было много детей – это было в традиции того времени. Среди них две дочери – Татьяна и Анна, родившиеся после 1834 г. Татьяна вышла замуж за псаломщика Василия Андреевича Скрынченкова и большую часть жизни провела в с. Песковатка Бобровского уезда, где скончалась после 1911 г. Она была матерью Дмитрия Скрынченко.

²⁶ Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1978. – С. 58.

²⁷ ГАВО, ф. И-18, оп. 1, д. 121, л. 342 об., 415.

Орепк 2

Время учения

Первенцем Василия и Татьяны Скрынченковых был Михаил (1862–1919), который в возрасте 14 лет был определен в Бирюченское (Бирюч – ныне Красногвардейское Белгородской обл.) Духовное училище. По причине неуспехов в учебе вскоре его отдали в Бобровское уездное училище, которое он окончил в 1880 году. Проработав несколько лет писцом в Бобровском уездном казначействе, в 1884 г. он перешел служить в Бобровское уездное полицейское управление и в июле 1887 г. был назначен исправляющим должность столоначальника.²⁸

Детство Дмитрия, родившегося 21 сентября 1874 г., прошло в Песковатке, на берегу Дона, там он учился в народной школе. Лето Дмитрий проводил на реке, научившись ловить рыбу. После обучения грамоте Дмитрия повезли в Масловку – большое село в 15 верстах к востоку от Песковатки, в котором имелась церковно-приходская школа. Именно в то время, когда Дмитрий учился в Масловской школе, он решил во что бы то ни стало учиться, получить образование. Так вспоминал он об этом через много лет: «Помню хорошо, что во мне проснулась жажда сделаться ученым, запавшая в мою душу еще тогда, когда я был в сельской школе... Я решил трудиться, не жалея сил, и свое молчаливое решение после осуществил»²⁹. Долго Дмитрий в Масловке не задержался, потому что было решено отдать его в Бобровскую прогимна-

²⁸ См.: Колмаков В.Б. К истории рода Скрынченко // Генеалогический вестник. Вып. 15. СПб., 2003. – С. 37–46. Подробнее о судьбе братьев и сестер Дмитрия Скрынченко будет сказано в конце книги.

²⁹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания. Публикация и предисловие В.Б. Колмакова; комментарии А.Н. Акиншина и В.Б. Колмакова // Из истории Воронежского края. Вып. 13. – С. 169.

зию, где он проучился два года. В Боброве, где начал учиться Дмитрий, жили его дядя и тетя – Путинцевы и брат Михаил.

Уже в эмиграции Д.В. Скрынченко с нежностью вспоминал о времени, проведенном в Боброве: «Насколько я теперь представляю себе учебную жизнь Бобровской гимназии, она была поставлена прекрасно. Надо иметь в виду, что это было в 1885–1886 гг., а между тем там не только была серьезность обучения, но и обращалось большое внимание на наше воспитание и на физическое развитие... Бобров стоит на жирном черноземе, поэтому во время дождей на его немощеных улицах, без тротуаров, была невылазная грязь; но гимназия, с ее прекрасным зданием, чистотой, хорошими порядками, стоит в моей памяти как нечто светлое, чистое. Учился я в ней всего лишь два года, так как отец, желая обучать на казенный счет подростшего брата Ваню, решил взять меня из прогимназии и отдать в духовное училище. Со слезами я прощался с гимназией. Директор Иван Иванович меня перекрестил и поцеловал, причем я, протягивая свою мордочку для поцелуя, почему-то перекрестился...».³⁰

В 1887 году было решено направить Дмитрия и его брата Ивана по духовной линии. Его младшего брата Ивана приняли в Воронежское Духовное училище, а для Дмитрия места не нашлось, и он был определен в Задонск, в тамошнее духовное училище. После окончания 1-го класса Дмитрий Скрынченко, как лучший ученик, был переведен в духовное училище в Воронеж. В 1891 г. Д. Скрынченко закончил 4-й класс училища и был удостоен перевода в 1-й класс Воронежской Духовной семинарии.³¹ Экзаменов для поступавших в духовную семинарию не существовало, прием производился на основании свидетельств, выданных управлениями духовных училищ. Возраст поступавших в семинарию колебался от 14 до 18 лет. Лучшим ученикам (перворазрядным и второразрядным) по окончании присваивалось звание студента, а срок обучения в семинарии составлял 6 лет.

Трехэтажное здание семинарии стояло на Большой Дво-

³⁰ Там же. – С. 168.

³¹ ВЕВ, 1891. № 14. – С. 318.

рянской, в нем находилась церковь во имя Иоанна Богослова, зала, библиотека, квартиры начальствующих и холостых преподавателей, жилые помещения для семинаристов. Помещения для церковнокоштных учеников были на 1-м и 3-м этажах, а классные комнаты – на 1-м и 2-м.³² Общее количество учеников, как правило, не превышало 600 человек. Среди преподававшихся предметов можно обнаружить словесность, всеобщую и русскую историю, латынь, древнегреческий, французский (иногда немецкий), логику, педагогику, Библейскую историю, гомилетику (раздел богословия, в котором рассматриваются теоретические и практические аспекты проповеди), русскую церковную историю. Семинаристы изучали также Священное Писание, каноническое право, литургику (теория и практика богослужения), всеобщую церковную историю, а также догматическое и обличительное богословие.³³

Значительная часть детей священнослужителей бралась на церковный кошт, тем же, кто им не пользовался, предлагалось платить за обучение с пансионом по 130 руб. в год.³⁴ Если учесть, что священники и псаломщики имели много детей, которым следовало дать образование, а доходы были невелики, то становится понятным, почему государство брало на себя содержание учащихся семинарий и училищ. Церковнокоштным ученикам выдавали черную суконную пару (блузу и брюки), кожаный ремень, парусиновую пару для лета, черное драповое пальто, черную форменную фуражку для зимы и парусиновую для лета. Распорядок дня в семинарии был достаточно строгим. В 6 утра – подъем, в 7 часов – молитва и завтрак, затем следовала подготовка к урокам. Занятия проходили с 9 до 12 дня, затем следовал перерыв на обед до 14 часов, после которого семинаристы могли отдыхать до 6 вечера. Вечерние часы отводилось на выполнение домашнего задания. В 21 час был ужин, а в 22 отходили ко сну.³⁵ Пита-

³² Никольский П. История Воронежской Духовной семинарии. Воронеж, 1899. Т. 2. – С. 183-185.

³³ Там же. – С. 164-165.

³⁴ ВЕВ, 1892. № 18. Неоф. часть. – С. 593.

³⁵ Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период

ние семинаристов было, как правило, скудным. Но бывали исключения – все зависело от семинарской администрации, ее внимания к нуждам воспитанников. Обычно в семинарии кормили три раза, но иногда бывали полдники.³⁶

Учился Дмитрий Скрынченко блестяще. В 1892 г. он окончил первый класс семинарии и был переведен во второй по первому разряду.³⁷ Происходя из семьи псаломщика, он во время обучения в семинарии находился на церковном коште.³⁸ В 1893 г. в списках семинаристов, публиковавшихся «Воронежскими епархиальными ведомостями», он значится как неполный пансионер.³⁹ В 1893 г. Д. Скрынченко закончил год первым учеником первого разряда и был переведен в 3-й класс Воронежской Духовной семинарии,⁴⁰ в 1894 г. – в 4-й класс первым учеником первого разряда.⁴¹ К концу 5-го класса он был третьим учеником первого разряда.⁴² В 1896 г. находившийся на церковном коште Дмитрий закончил 5-й класс и был переведен в 6-й третьим учеником по первому разряду.⁴³ После окончания в 1897 г. последнего, 6-го класса Воронежской Духовной семинарии Д.В. Скрынченко был уволен в епархиальное ведомство со званием студента семинарии.⁴⁴

С первых лет обучения Дмитрий вел дневник, куда заносил сомнения и критику, свои взгляды на жизнь. Однажды, как он вспоминал, дневник попал в руки инспектора семинарии протоиерея Василия Борисоглебского.⁴⁵ Пока семинаристы обедали, инспектор прочитал дневник, после чего написал на последней странице: «Сею рукопись читал, но содержание оной

(1700-1917). М., 2003. – С. 107.

³⁶ Сушко А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12. – С. 112.

³⁷ ВЕВ, 1892. № 13. – С. 274.

³⁸ ВЕВ, 1892. № 22. – С. 441; там же, 1893. № 5. – С. 101.

³⁹ ВЕВ, 1893. № 19. – С. 480.

⁴⁰ ВЕВ, 1893. № 13. – С. 327.

⁴¹ ВЕВ, 1894. № 13. – С. 276.

⁴² ВЕВ, 1895. № 15. – С. 347.

⁴³ ВЕВ, 1896. № 12. – С. 183.

⁴⁴ ВЕВ, 1897. № 13. – С. 252.

⁴⁵ Борисоглебский Василий Петрович (1849–1911). Преподаватель, инспектор и ректор (1900–1907) Воронежской Духовной семинарии.

не одобрил».⁴⁶ Знакомство с мыслями ученика не прошло для последнего бесследно: Дмитрию запретили прислуживать в алтаре, ограничили его выход в город. Наверно, поэтому в 4-м классе он ушел из общежития на съёмную квартиру. Для детей, живших вне семьи в общежитии или на квартире, значительную, если не определяющую роль играли семинарские преподаватели. Во многом от их настроения и поведения зависел нравственный и административный климат в семинарии. Дмитрий Васильевич отзывался положительно о своих учителях в духовной семинарии. В его воспоминаниях мы не найдем горьких сетований на стесненную и давящую обстановку в семинарии, описанную в «Дневнике семинариста» И.С. Никитиным, который учился в Воронежской Духовной семинарии за 50 лет до Дмитрия Скрынченко. «Дневник семинариста» просто пронизан безысходностью и тоской, на которую налагалась тяга поэта к яркой и гуманной жизни. Страницы воспоминаний Дмитрия Скрынченко о пребывании в стенах семинарии вполне благожелательны, хотя и не лишены известного критицизма. Можно предположить, что в стенах семинарии он чувствовал себя на своем месте: жил ее жизнью, и она была частью его души.

Чтобы жить вне стен общежития, Дмитрий, как он вспоминал, «репетировал 7-8 учеников, и это давало мне возможность не только содержать себя, но и иметь лишнюю копейку для посещения театров, концертов и т. п.».⁴⁷ Семинарист использовал возможность самому распоряжаться свободным временем: он много читал, кроме того, частенько посещал театр. Можно себе представить, как подействовало театральное представление на молодого провинциала. Театр для него был фрагментом возвышенной жизни, к которой он всегда стремился. Зимой в число развлечений входило катание на коньках в городском саду, а весной и летом – на лодке по реке Воронеж. Летние вакации Дмитрий проводил дома в Песковатке, где читал и удил рыбу.

В дальнейшем Дмитрий Скрынченко принадлежал к той

⁴⁶ Неточная цитата из повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека».

⁴⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания. – С. 170.

небольшой, но удивительно стойкой когорте «рыцарей Православия», которые, преодолевая колебания и душевные боли, стремились максимально реализовать в жизни православный идеал. Но как объяснить столь вольную жизнь Дмитрия в стенах семинарии, посещение концертов, чтение светских книг? Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с типичным русским явлением. Контроль над семинаристами был слабым, да и не в традиции в России бесконечно дожимать подчиненных. Постепенно многочисленные запреты обрастали лазейками, что вызывалось традиционным нежеланием соблюдать заведомо вредные ограничения. Ужесточение порядков в духовных учебных заведениях приводило к результатам, обратным желаемым, а строгость закона зачастую компенсировалась его неисполнением.

В Воронежской Духовной семинарии Дмитрий получил глубокие основы знаний. Особенно давались ему классические языки и философские предметы – логика, психология, история философии. В семинарии большое внимание уделялось умению изложить свои мысли на бумаге, приветствовались диспуты, особенно при изучении раскола и сектантства. «Среднее учебное заведение, – вспоминал Д.В. Скрынченко, – много дало мне для развития. В конце VI класса я стал думать о продолжении своего образования в Петроградском историко-филологическом институте, но ввиду моих успехов был отправлен в Казанскую Духовную академию, а в университет при отсутствии средств не рисковал поступить».⁴⁸ Семинарию в Воронеже Дмитрий Скрынченко окончил 18 июня 1897 г. Летом в Песковатке он готовился к вступительным испытаниям и приехал в Казань к 15 августа, когда начинались экзамены. К этому сроку следовало подать в академию прошение на имя ректора и предоставить семинарский аттестат об окончании полного курса наук, метрическое свидетельство о рождении и крещении, медицинское свидетельство о привитии оспы и состоянии здоровья, а также документ о сословной принад-

⁴⁸ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания. – С. 171.

лежности.⁴⁹ Лучшие из выдержавших экзамены принимались на церковный кошт, но за каждый год содержания в академии они должны были прослужить полтора года (все-го 6 лет) по церковному ведомству.⁵⁰

В конце века Казань была одним из культурных и научных центров России. Это был полиэтничный и многоконфессиональный город, большой даже по тогдашним меркам, с населением около 130 тысяч человек. В ней имелся университет, ветеринарный институт, зимний и два летних театра. К этому следует добавить, что в конце XIX в. Казань была восточным форпостом Православия. Здесь располагалась духовная академия, особенностью которой было миссионерское отделение «для просвещения инородцев».⁵¹ Она была создана в царствование Павла I, когда духовную семинарию преобразовали в академию.

В число студентов принимались выпускники первого разряда (т. е. отличники) из духовных семинарий, в основном Поволжья и Сибири, но иногда и из других регионов. В академии училось немало иностранных студентов: представителей православных церквей из Австро-Венгрии, Болгарии, Греции, Сербии, Османской империи, Черногории и даже Японии. Отличного аттестата было мало – абитуриенты сдавали сложные вступительные экзамены. Срок обучения составлял 4 года. Обучение в академии не только давало обширные знания, но и обеспечивало выпускникам хорошую карьеру – как минимум преподавателя духовной семинарии, многие из окончивших преподавали в вузах, гимназиях, служили в ведомствах народного просвещения и православного вероисповедания.

В начале 90-х гг. ректором академии был доктор богословия и выпускник Казанской академии протоиерей Александр Владимирский (1828–1906). Он преподавал логику и психологию и был последним ректором, происходившим из белого духовенства. В 1895 г. ректорское кресло занял

⁴⁹ ВЕВ. 1897. № 14. Неоф. часть. – С. 389-390.

⁵⁰ Большая Энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова. Т. 1., СПб. – С. 209.

⁵¹ Бердников И. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской Духовной академии за пятьдесят лет ее существования 1842–1892. Казань, 1892. – С. 17-20.

архимандрит Антоний (Алексей Храповицкий, 1863–1936), который в 1897 г. стал епископом Чебоксарским. Назначение архимандрита Антония ректором было реализацией политики К.П. Победоносцева, стремившегося распространять «ученое монашество». Ректор возглавлял Совет академии, который заседал примерно раз в две недели и решал основные учебные и научные вопросы. Вторым по значению административным органом академии было Правление, куда входил ректор, инспектор и три профессора, избранные Советом. Антоний, которому в 1895 г. исполнилось 32 года, управлял академией до июля 1900 г., когда он был переведен в Уфу на самостоятельную кафедру. Пять лет ректорства Антония сказались на жизни академической корпорации. «Молодой, живой, увлекающийся, во все вмешивающийся и все преобразующий по-своему, – новый ректор весьма заметно растревожил академическую жизнь и повел ее форсированным шагом», – сообщает богословская энциклопедия. И далее: «Никогда не бывало столько, сколько при нем, коллоквиумов, никогда столько не производилось магистров и докторов, не избиралось почетных членов и не выпускалось окончивших (70 в 1900 г.)».⁵²

Ежегодно в академию принимали несколько десятков человек. Желающие поступить должны были сдать следующие вступительные экзамены: догматическое и нравственное богословие, общую церковную историю, русскую церковную историю, латынь, Св. Писание и один из новых языков.⁵³ В «Ведомостях о воспитанниках семинарии, явившихся к приемным испытаниям в Казанскую Духовную академию в 1897 г.» Дмитрий Скрынченко был записан под номером 15, а под номером 14 значился его тезка Дмитрий Попов, происходивший из слободы Юрасовка Острогожского уезда.⁵⁴ Так что в Казани Дмитрий не был один с самого начала. В 1897 г. на казенное содержание было принято 25 человек.

⁵² Казанская Духовная академия новая 1842-1907 // Православная Богословская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1907. Стб. 809.

⁵³ Православная Богословская энциклопедия. Т. VIII. Стб. 822.

⁵⁴ Национальный архив республики Татарстан (далее – НАРТ), ф. 10, оп. 1, д. 9693, л. 107.

Среди них был Дмитрий Скрынченко.⁵⁵ Позднее он вспоминал: «Казанская академия, куда я поступил после экзамена вторым учеником, сразу же произвела на меня впечатление высшей школы; это была, так сказать, лаборатория для выработки высоких интеллектов. Какое богатство, какой размах. Начать с того, что академия – это отдельный городок; большие корпуса для конвикта,⁵⁶ особая церковь, колоссальная библиотека с мировой литературой по всем областям знания, прекрасная больница, огромный парк и т. п.»⁵⁷ Действительно, библиотека поражала подбором богословской и светской литературы. Ее собирали весь XIX век, и значительную и наиболее ценную ее часть составляли книги из собрания Соловецкого монастыря, вывезенные в Казань во время Крымской войны да так там и оставшиеся. Собрание книг и рукописей стремительно росло, на его пополнение денег не жалели. Если в 1891 г. в собрании насчитывалось 49 тыс. томов, то в начале XX в. их число превысило 80 тыс.⁵⁸ Вместе с библиотекой росла академия. В 1901 г., когда Дмитрий Скрынченко ее окончил, число студентов достигло 180.⁵⁹

Нагрузка у студентов академии была весьма значительной. На трех первых курсах предписывалось 18 лекций в неделю, на последнем – не менее 9. Выпускник Казанской Духовной академии академик А.Н. Пыпин вспоминал: «Поступившего в академию питомца старых семинарских бурс сразу окружала непривычная ему атмосфера какой-то общей порядочности, полная уважения к его студенческому достоинству, на каждом шагу напоминавшая ему о самоуважении и воспитании в себе благородных чувств и поступков».⁶⁰

⁵⁵ Памятная книжка Казанской Духовной академии, 1900–1901 гг. Казань, 1900. – С. 90.

⁵⁶ Конвикт – (лат.) общежитие в духовных учебных заведениях.

⁵⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 5.

⁵⁸ Бердников И. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской Духовной академии за пятьдесят лет ее существования 1842–1892. – С. 108; Казанская Духовная академия новая 1842–1907. // Православная Богословская энциклопедия. Т. VIII. Стб. 837.

⁵⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905. – С. 202.

⁶⁰ Пыпин А. Казанская Духовная академия // Вестник Европы. 1892. № 12. С. 728.

На первом курсе академии Дмитрий Скрынченко погрузился в изучение целого ряда богословских и общеобразовательных дисциплин. Прежде всего, это Введение в круг богословских наук и Св. Писание, которые изучались два года. Кроме того, студентам предлагались гомилетика (теория и практика проповеди) и история проповедничества, а также библейская история. К общеобразовательным предметам относились психология, латынь, общая гражданская история, иностранные языки. Помимо этих предметов необходимо было написать три семестровых сочинения и экзаменоваться в чтении проповеди. Семестровые сочинения следовало представить 1 ноября, 10 января и 15 марта. Темы курсовых сочинений на старших курсах выбирались самими студентами, а затем утверждались Советом академии. Написанию семестровых сочинений издавна отводилась значительная роль. В старом академическом уставе 1814 г. значилось: «Добрая метода учения состоит в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума в воспитанниках».⁶¹

За свои первые сочинения Дмитрий Скрынченко получил четыре с плюсом, 4,5, 4 и 4,5 балла.⁶² На втором году обучения круг дисциплин несколько менялся. Оставались иностранные языки, семестровые сочинения и проповедь. Добавлялись церковная история, патристика, логика, история философии, всеобщая и русская история. А вот на третьем курсе вводились догматическое и нравственное богословие, церковное право, история Русской Церкви, церковная археология и литургия, метафизика, история и разбор западных исповеданий. Студенческая жизнь в академии складывалась, прежде всего, из занятий. Лекции длились 1 астрономический час, причем посещение лекций было обязательным. На содержание студента академии выделялось 200 рублей в год. Каждому выдавалась казенная форма, которая представляла собой подрясник

⁶¹ Бердников И. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской Духовной академии за пятьдесят лет ее существования 1842–1892. – С. 60.

⁶² НАРТ, ф. 10, оп. 1, д. 10241, л. 39 об.

темно-синего сукна с бархатным синим поясом, а при выходе на улицу предписывались сибирка⁶³ и шляпа.

В академии лишь лучших студентов переводили на 4-й курс для работы над кандидатской или магистерской диссертацией, остальные выпускались со званием «действительного студента».⁶⁴ На последнем курсе читалось пастырское и догматическое богословие, педагогика, церковное право, церковная археология и литургика, история и обличение русского раскола.⁶⁵ Особое внимание уделялось написанию кандидатского сочинения. Под руководство профессора В.И. Несмелова Дмитрий Скрынченко написал и 1 мая 1901 г. представил блестящую работу «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению». Добавим, что он обладал удивительной работоспособностью. Он умел сосредоточить усилия на разнородных предметах, не упуская при этом главного, того, ради чего он учился и получал глубокие знания. Сохранившийся в архиве «Табель баллов» за 1897–1901 гг. и копия его диплома свидетельствуют о его способностях, трудолюбии и глубоких знаниях.⁶⁶

О пребывании в стенах академии Дмитрий Васильевич вспоминал: «Я лично много работал, особенно над языками французским, немецким и английским, но последний год менее работал, так как отвлекся в сторону вне академической жизни. Окончил академию очень хорошо, так называемым «магистрантом»; кандидатское сочинение написал на тему: «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению»; после оно было напечатано в виде приложения к журналу профессора Петроградской академии Лопухина, называвшемуся, кажется, «Наука и жизнь»;⁶⁷ семестровое свое сочинение «Немезий, епископ Эмесский, и его сочинение «О природе» (писатель IV в. по Р.Х.) я напечатал уже в Минске».⁶⁸

⁶³ Сибирка – верхняя одежда из сукна в виде короткого кафтана в талию со сборками.

⁶⁴ Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. – С. 414.

⁶⁵ НАРТ, ф. 10, оп. 1, д. 10241, л. 40.

⁶⁶ НАРТ, ф. 10, оп. 1, д. 10241, л. 257 об, л. 299.

⁶⁷ Книга была напечатана в виде приложения к журналу «Странник».

⁶⁸ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 8. Название труда Немезия – «О природе человека».

В Казани Дмитрий Скрынченко посещал театр, в котором полгода давали оперу, а полгода драму. Его кумиром был известный актер Мамонт Дальский. «Игра этого артиста, – вспоминал он, – потрясла студенческую молодежь».⁶⁹ В свободное время Дмитрий пел в сводном хоре, составленном из студентов академии, университета и ветеринарного института, посещал профессоров академии, прежде всего А.В. Говорова, который читал гомилетику, В.И. Несмелова, П.К. Жузе. Как удавалось Дмитрию, невзирая на строгий режим в академии, посещать театры, петь в светском хоре и пр.? Может, дело в природной живости ума, дипломатичности и такте, умении находить компромиссы, или тут причиной слабый контроль над студентами со стороны академического начальства? Скорее, и то, и другое, и третье. Как всегда в России, противоречие на противоречии.

Ректор Казанской Духовной академии архимандрит Антоний (Храповицкий) сыграл в жизни Дмитрия Скрынченко важную роль. Точную характеристику ему дал протоиерей Георгий Флоровский: «Он не был исследователем, не был ученым, но у него всегда были *свои* мысли, и мысли живые, и у него был особый дар их передавать или внушать».⁷⁰ Сам ректор читал в академии курс пастырского богословия. Архимандрит исходил из того, что проповедь есть не только средство передачи учения Церкви, но прежде всего средство пробуждения в пастве глубокого религиозного чувства. «Молодой, высокообразованный, талантливый и обаятельный, с десятилетнего возраста мечтавший стать монахом – архимандрит Антоний был фанатиком монашества. Его пламенный монашеский дух заражал, увлекал, зажигал сердца... Монашество в нашем представлении благодаря ему возвысилось до идеала сплоченного крепкого братства, ордена, рати Христовой, которая должна спасти Церковь от прокуратуры (т. е. синодального устройства – В.К.), вернуть подобающее ей место независимой воспитательницы и духовной наставницы русского народа. Перед нашим взором развертывались

⁶⁹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 7.

⁷⁰ Флоровский Г. Пути русского богословия. – С. 427.

грандиозные перспективы: восстановление патриаршества, введение новых церковных начал, переустройства академии в строго церковном духе...»⁷¹ Кроме пропаганды монашества архимандрит Антоний выступал сторонником восстановления патриаршества в России. Уже будучи ректором Московской Духовной академии, Антоний говорил, что «мысль о созыве Всероссийского Собора давно уже зреет в сознании мудрых архипастырей Русской Церкви, и для многих из них она составила предмет возжеланных мечтаний».⁷²

Следует отметить, что Дмитрий Скрынченко испытал сильное влияние со стороны архимандрита Антония, чью простоту обхождения и доступность отмечали многие. Но надо отдать должное молодому студенту: он сумел устоять перед обаянием архимандрита и монахом не стал. Впрочем, предоставим слово самому Д.В. Скрынченко. «Молодой, с правильными чертами лица, большим лбом, беспредельно ласковый и добрый, бесребреник и девственник, он имел огромное влияние на студентов, а его хорошие манеры и дворянское происхождение привлекали в академию и ее церковь городскую знать и целый хвост так называемых «мироносиц», его поклонниц, которых, кстати сказать, он жестоко высмеивал пред студентами. [...] его страстью было обратиться и постричь в монахи возможно больше студентов, и это ему вполне удавалось; дело дошло до того, что чуть не четвертая часть студентов приняла постриг; особенно много потянулось в нашу академию окончивших гимназии, университетов, военные школы, представителей дворянства и даже аристократии»...⁷³ О том, что архимандрит Антоний проповедовал, и небезуспешно, идею монашества, вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский), учившийся в Московской Духовной академии в бытность там ректором Антония: «Идею монашества архимандрит Антоний пропагандировал

⁷¹ Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. – С. 41.

⁷² Цит. по: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. – С. 89. В 1891 г. Антоний возбудил вопрос о патриаршестве, что было обратной стороной вопроса о Соборе. См. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев, Святейший Синод и архиереи в 1881 – 1894 гг. // Вестник МГУ, серия 8. История. 1994. № 4. – С. 32.

⁷³ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 6.

среди нас поистине фанатически. В нем она сочеталась с женоненавистничеством. Он рисовал нам картины семейной жизни и супружеских отношений в мрачных, даже грязных тонах – и его проповедь имела успех...».⁷⁴ О деятельности архимандрита Антония (Храповицкого) в качестве ректора так вспоминал митрополит Мелетий Харбинский: «Он видел, что непосредственное и постоянное общение с учащимися, чего до него почти не было, будет иметь самые благоприятные результаты. И вот это большое дело он делал при помощи устраиваемых у себя в квартире чаепитий».⁷⁵

Выдвижение монашества на передний план церковной жизни было далеко не случайным. Наиболее последовательным проводником этой идеи был не столько архимандрит Антоний, сколько обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. Идеализация монашества и стремление передать в его руки управление духовными школами были основаны на представлении, что подлинное христианство осуществимо лишь в иночестве, в отрешении от мирских забот и суеты. Последние рассматривались как преграда на пути искания и осуществления правды. Д.В. Скрынченко монахом не стал – земное пересилило небесное, но сохранилось жгучее стремление идеализировать монастырскую жизнь, в чем мы еще убедимся. И.К. Смолич, известный знаток истории Православной Церкви пишет, что в академии архимандрит Антоний «организовывал кружки, где студенты выступали с докладами и проповедями, дискутировали. Целью архимандрита было устранить барьер между собой и студентами».⁷⁶ Тенденциям модернизации в Церкви архимандрит Антоний противопоставлял «ученое монашество», что выражалось в пропаганде монашеского пострига в академической среде. В монахомании некоторые исследователи склонны видеть одну цель – епископскую хиротонию в будущем и усиление

⁷⁴ Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. – С. 41.

⁷⁵ Жизненный путь Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого) // Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. – С. 22.

⁷⁶ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1, М., 1997. – С. 475.

роли черного духовенства.⁷⁷ Вместе с тем, нельзя не видеть и того, что архимандрит Антоний потому ратовал за усиление монашества, что ему просто-напросто представлялось, что монашество – единственное естественное и нормальное состояние человека. Можно полагать, что в монашестве архимандрит Антоний усматривал глубинные, метафизические основания жизни. Ему казалось, что лишь монахи служат и могут служить нравственным примером для общества, а монастыри – моделью жизни. Внедрение монахов в жизнь духовной школы выражалось в стремлении изолировать воспитанников от вредных влияний извне, что, конечно, не могло привести к желаемым результатам, а вызывало конфликты и разочарование будущих пастырей. В целом же это вело к падению авторитета Церкви. «Антоний Храповицкий, – пишет И.К. Смолич, – мог многих воодушевить, но воспитать поколение монахов со здоровыми, аскетическими взглядами он не сумел».⁷⁸

Обучение Дмитрия Скрынченко в Казанской Духовной академии выпало на то время, когда жизнь академии выстроили в соответствии с новым уставом 1884 г. Была усилена власть ректора и ослаблена роль Совета, на последнем четвертом курсе вводились обязательные лекции – раньше студенты последнего года обучения были освобождены от занятий для написания диссертаций. Начальству было предписано строго наблюдать за составом библиотеки и выбором тем для курсовых сочинений.⁷⁹ В целом новый устав усилил утилитарно-прикладной характер академий. Ужесточался контроль за чтением студентов. Так, в 1883 г. в Казанской академии выписывали 18 газет и 9 журналов, а в 1890-м – 5 газет и один журнал («Исторический вестник»)⁸⁰ В 1889 г. были утверждены и изданы «Правила рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых степеней». В них предлагалось обращать внимание не только на ученые достоинства работ, «но и на со-

⁷⁷ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 91.

⁷⁸ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 476.

⁷⁹ Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. Гл. 2. // <http://www.conservatism.narod.ru/polunov/polunov.html>.

⁸⁰ Там же.

ответствие общего направления их с духом и достоинством православной церкви».⁸¹ Документ этот, разработанный Св. Синодом, требовал, чтобы представленные сочинения не могли вызвать ни малейшего сомнения в истинности православного учения и не давали бы повод к ложным вопросам.⁸² «Правила» были документом охранительным. Несколько забегаая вперед, можно сказать, что в написании своей работы в Казанской Духовной академии Дмитрий Скрынченко был вынужден следовать этим «Правилам», и вряд ли они показались ему излишними. Он был воспитан в суровой строгости, которая совпадала с настроем эпохи. Видимо, эти строгости воспринимались Дмитрием как естественные и необходимые. В его воспоминаниях мы не найдем сетований по поводу ограничений со стороны академических властей. Его самого отличала нетерпимость к инаковерию и инакомыслию, что определялось искренней верой и приверженностью строгим принципам. В Православии он видел основу русской жизни и, естественно, стремился сохранить его в неизменном виде.

В академическом дипломе за номером 1051, врученном выпускнику Казанской Духовной академии Дмитрию Скрынченко летом 1901 г., значилось:

«Предъявитель сего Скрынченко Дмитрий, сын псаломщика Василия Скрынченко из Воронежской губернии, имеющий ныне от роду 26 лет, поступив в число студентов Казанской Духовной академии в 1897 году, в течение четырех лет выслушал полный курс наук общеобразовательных и специальных по второй группе (историческое отделение – В.К.) и при отличном поведении оказал на испытаниях следующие познания:

<i>По введению в круг богословских наук</i>	5
<i>Священному Писанию</i>	5
<i>Библейской истории</i>	5
<i>Догматическому богословию</i>	5
<i>Нравственному богословию</i>	5

⁸¹ Флоровский Г. Пути Русского Православия. – С. 418.

⁸² Там же.

Гомилетике и истории проповедничества	5
Пастырскому богословию	5
Педагогике	5
Церковному праву	4,5
Общей церковной истории	5
Истории Русской Церкви	3,75
Патристике	5
Церковной археологии и литургике	4,87
Логике	5
Психологии	5
Метафизике	5
Истории философии	5
Истории и разбору западных исповеданий	5
Истории и обличению русского раскола	4
Общей гражданской истории	4,87
Русской гражданской истории	4,75
ЯЗЫКИ	
Латинский	5
Немецкий	5
Английский	5

И представил сочинение под заглавием “Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению”, признанное Советом академии заслуживающим степени **кандидата богословия**. Посему на основании § 137-140 и 81 лит. б. п. 10 Устава православных духовных академий удостоен Советом академии степени кандидата богословия и утвержден в оной Высокопреосвященнейшим Арсением, Архиепископом Казанским и Свяяжским 7 июня 1901 года с представлением ему права преподавать в семинарии.

Вследствие сего предоставляются Скрынченко Д. все права и преимущества, законами Российской империи со степенью кандидата соединяемые.

Д. Скрынченко за воспитание в академии на казенном содержании в продолжение четырех лет обязан прослужить шесть лет в духовно-учебном ведомстве или же уплатить

сему ведомству сполна и единовременно 800 р. и за воспитание в Воронежской семинарии 225 р., итого 1025 руб. В удостоверение чего от Совета Казанской Духовной академии выдан кандидату Скрынченко Д. сей диплом за надлежащим подписом и приложением академической печати.

*Казань. 16 июня 1901 года».*⁸³

После окончания академии Д.В. Скрынченко вернулся в отчий дом в Песковатку. К этому времени в большой семье Скрынченковых произошли перемены. Его старший брат Михаил уже имел четырех детей: трех дочерей – Серафиму, Веру и Софию и сына Дмитрия. Михаил Васильевич жил со своим семейством в Боброве, дослужился до станового пристава и имел чин коллежского секретаря. Младший брат Дмитрия Иван, окончив Воронежское Духовное училище, возвратился в родную Песковатку, где служил псаломщиком в Покровском храме. Старшая сестра Дмитрия Митродора вышла замуж за выходца из Задонского уезда Воронежской губернии Ивана Образцова, от которого имела двоих детей – Александру и Николая. В конце 90-х гг. И. Образцов скончался, и Митродора Васильевна вышла замуж за путейского инженера Георгия Вандышева, после чего ее дети были причислены в семейство Вандышева.

Окончание духовной академии создавало «веер возможностей» для молодого кандидата. Лето 1901 г. – точка бифуркации, когда было принято решение, определившее последующие годы. Не все из окончивших академию становились пастырями, получали приходы, служили и проповедовали. Дмитрий Скрынченко не стал священником. В июле 1901 г. он приехал в Воронеж, где был принят чиновником в Казенную палату – учреждение, ведавшее сбором податей. Там ему надлежало заниматься промысловым налогом. Можно полагать, что молодой кандидат богословия испытывал колебания, всматриваясь в свое будущее, которое он не связывал с духовным ведомством. Что было тому причиной? Кризисное состояние Церкви? Нищета духовенства? Как многие мыс-

⁸³ НАРТ, ф. 10, оп. 1, д. 10241, л. 229.

лящие люди, Дмитрий видел разрыв между благими пожеланиями и реальностью, между официальной идеологией и жизнью. Его уход из духовного ведомства был продиктован, как он писал, «индифферентизмом к религии», овладевшим им в конце учебы в Академии.

Он не стал пастырем, и на его выбор, видимо, повлияли те фундаментальные архетипические принципы, что коренятся и по сей день в русском менталитете. Я имею в виду отношение к духовенству, жившее в народе и подпитывавшееся социальной и политической обстановкой того времени. В языке выработалось два понятия для обозначения духовенства: батюшка и поп. Заметим, что оба они являются оценочными. «Первое определение, – как отмечает Т.Г. Леонтьева, – соответствовало патерналистскому идеалу, второе представало апофеозом бессмысленности».⁸⁴ Дмитрий Скрынченко, как выходец из семьи псаломщика, прекрасно знал глубину оценок, содержащихся в этих предикатах. Он чувствовал (понимание пришло позже), что положение Православной Церкви, все еще пребывавшей в синодальной поре, приводило к девальвации духовного звания и неизбежно превращало батюшку в попа. К тому же в русской культуре на протяжении XIX в. складывался в целом негативный образ священнослужителя, изрядно подкреплявшийся набором едких пословиц и поговорок, в которых духовенство было представлено далеко не в лучшем свете. Нелицеприятные оценки духовенства были приняты и в среде народнической и либеральной интеллигенции, которая, с одной стороны, склонялась к позитивизму и безбожию, а с другой – была занята поисками «новой религии». Исследователь русского духовенства замечает, что противоречивость положения священнослужителей, особенно сельских, заключалась в том, что «батюшка был не только миссионером-пропагандистом, но и государственным служащим».⁸⁵ К этому следует добавить, так сказать, онтологическое противоречие – «динамичное развитие России в духовном отношении был

⁸⁴ Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000. – С. 34.

⁸⁵ Там же. – С. 37.

призван обеспечить наименее мобильный во всех отношениях социальный слой» (духовенство – В.К.).⁸⁶ Подчеркивая последнее качество священнослужителей, В.В. Розанов писал: «Духовенство же всегда было замкнутым, почти замурованным сословием».⁸⁷

Наверно, еще один мотив действий Дмитрия Скрынченко мы найдем, размышляя о причинах его выбора. Это бесправие священнослужителей. Если священник был бесправен и мог быть унижен чуть ли не всяким начальником, то о псаломщиках и говорить не приходится. Знакомый изнутри с жизнью причта, Дмитрий Скрынченко сделал свой выбор: он решил уйти из состояния зависимости и вечного произвола. Летом 1901 г. он колебался, поступив на чиновную должность, но подчинился, когда получил предписание из Казани. В Совет Казанской духовной Академии поступила бумага из канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Вот что в ней значилось:

*«По утверждённому Г. Синодальным Обер-прокурором 25 июля 1901 г. докладу учебного комитета при Святейшем Синоде кандидат Казанской Духовной академии Дмитрий Скрынченко определен на должность преподавателя латинского языка в Пермскую Духовную семинарию с 16 августа».*⁸⁸

Одновременно он был утвержден в чине коллежского ассессора.⁸⁹ Уволившись из Казенной палаты и простившись с близкими, Д.В. Скрынченко устремился в неведомое будущее. Он вышел из церковных низов, где в те времена сомнение в вере было редким, а преданность царю и Отечеству почиталась за естественную добродетель. И вместе с тем, те взгляды, которыми обладал к началу стремительного и зыбкого XX века молодой кандидат богословия, формировались на основе той идеологемы, которая складывалась в России на протяжении нескольких веков.

⁸⁶ Там же. – С. 39.

⁸⁷ Розанов В.В. Струве о духовном сословии и духовной школе // Розанов В.В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916-1918 гг. М.-СПб., 2008. – С. 42.

⁸⁸ НАРТ, ф. 10, оп. 1, д. 10221, л. 28.

⁸⁹ Пермские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). 1901. № 20. Офиц. отдел. – С. 298.

Ядром ее была государственно-православная идея, выраженная формулой монаха Филофея: «Москва – третий Рим». Она выражала отождествление русской жизни со Святой Русью, которая мыслилась как идеал нравственный не только для самих русских, но и для других народов. В формуле Филофея коренилось не только утверждение о Руси как хранительнице истинной веры и ее защитнице; не только указание на особую роль государства, которое защищает веру, но и вероисповедная настороженность в отношении к иноверцам, покоящаяся на оппозиции «мы – они». Москва, где веками концентрировалась высшая политическая власть, рассматривалась как носитель истинной веры, из чего и вытекал страстный поиск священного смысла царской власти. Понятие «царь» в России того времени имело мистический смысл, отсылавший к религиозной позиции, в которой царем назван Бог. «Сакрализация монарха, – как отмечают В.М. Живов и Б.А. Успенский, – входила в самый механизм государственного и в частности синодального устройства».⁹⁰

Исходным тезисом православной идеологии была фундаментальная идея о двойственном строении мирового и исторического бытия. Это значит, что все вещественное и материальное служит слабым средством выражения высшей истины и высшей красоты. Будучи человеком веры, Д.В. Скрынченко нес в себе многие из тех глубинных и фундаментальных черт русского сознания, которые в свое время получили название «мистический реализм». Характеризуя его, В.В. Зеньковский писал, что он «признает всю действительность эмпирической реальности, но видит за ней иную реальность; обе сферы бытия действительны, но иерархически неравноценны; эмпирическое бытие держится только благодаря «причастию» к мистической реальности».⁹¹ В пределах мистического реализма, на- верно, определяющим является мотив целостности, кото-

⁹⁰ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монархии в России // Язык культуры и проблема переводимости. М., 1987. – С. 55-56; 142.

⁹¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1, ч. 1. Л., 1991. – С. 40.

рая противостоит дискретности и расчлененности бытия, компромиссам и половинчатости и учит во всем идти до конца. Как мы увидим в дальнейшем, этот мотив превратился в одно из важнейших душевных качеств Дмитрия Васильевича Скрынченко. Мистический реализм предполагает пленение (вольное или невольное) сознания утопией – это сакрализация царской и государственной власти, черно-белое видение мира, нежелание идти на уступки, страстное стремление приблизиться воплощению Царства Божия на земле. «Это был удивительный миф, – писал В.В. Зеньковский, – вырвавшийся из потребности сочетать Небесное и земное, Божественное и человеческое в конкретной реальности».⁹² Заметим, что Дмитрий Васильевич обладал *церковным сознанием*, так как получил церковное образование, и в то же время владел вполне рациональными светскими знаниями, которые весьма органично были встроены в сознание церковное.

В православном дискурсе Церковь, нация и государство, их история и культура воспринимались как единое целое. Уже после Флорентийской унии 1439 г. Русская Церковь стала осознавать себя единственной хранительницей незамутненной веры. Параллельно возникла идея, что конечные судьбы мира связаны лишь с тем, что совершается в христианских народах, и более конкретно – в славянских. Идеи эти со временем обросли подробностями и аргументацией, подтолкнули к возникновению славянофильства, породили панславизм и усилили мессианскую направленность русской идеи. В начале XX в. словосочетание *Святая Русь* использовалось не только для обозначения русских православных, но для обозначения всей нации, «в которой возрождалось христианство в исходном смысле этого слова».⁹³

Дмитрий Васильевич обладал мистическим пониманием истории, выражавшимся в виде представлений о сочетании в царе и государстве Божественного и челове-

⁹² Там же.

⁹³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. – С. 518-519.

ческого начал. Причем в рамках подобного понимания исторический процесс развивается, безусловно, к своему оцерковлению, «к превращению земного властвования в церковное».⁹⁴ В конце XIX – начале XX в. в идеологии мистического реализма имелся набор идей, которые Н.А. Бердяев удачно назвал церковным национализмом. Последний включал в себя сохранение государственного устройства в неизменном виде, церковность русской жизни и патриотизм. Это была идея консервативной стабильности, выражавшая стремление укрепить тело (государство) и душу (Церковь), слить их в едином синтезе.

Взгляды Дмитрия Васильевича складывались в сложную эпоху, когда консервативному сознанию стало противопоставлять себя революционное, бесовское, по выражению Ф.М. Достоевского, начало. И он впитал многое из того, что составляло суть консервативного сознания рубежа веков. В его понимании это был, конечно, православный консерватизм, так как в течение многих лет только на Православие он возлагал надежды в плане переустройства общества. Время, в которое формировались взгляды Дмитрия Скрынченко, было временем для России противоречивым. Оно было продолжением эпохи Великих реформ, которые в сфере церковной жизни не были доведены до логического конца: Церковь по-прежнему была инкорпорирована государственным организмом, а вокруг проблемы свободы совести происходили острые дискуссии. Подданные империи не обладали правом свободного религиозного выбора, Православие как государственная религия находилось в привилегированном положении по сравнению с другими конфессиями. В отличие от либералов, ратовавших, подобно В.С. Соловьеву, за освобождение Церкви из-под опеки государства, многие иерархи Православной Церкви не спешили требовать свободу для Церкви. Позиция К.П. Победоносцева заключалась в том, что религиозная принадлежность неразрывно слита с национальной и го-

⁹⁴Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1, ч. 1. – С. 49.

сударственной и государство должно усилить патернализм по отношению к Церкви. «Сколько бы мы ни говорили о свободе и непринуждении в делах веры, – писал он, – слово это, в существе истинное, будет... рассыпаться в соприкосновении с действительностью».⁹⁵ Поэтому считалось, что Православие нуждается в поддержке, а остальным конфессиям следует играть второстепенную роль, не претендуя на общезначимость. Поскольку всякое вероучение неизбежно политизируется и несет в себе национальные ценности, государство должно утверждать Православие как национальную и одновременно государственную религию. Во времена Александра III утвердилась идея, согласно которой Православие есть истинное выражение народного духа, оно есть государственное сознание, обеспечивающее единство империи.⁹⁶

В правление К.П. Победоносцева Церковь окончательно стала государственной, контроль над архиереями ужесточился, последние, в свою очередь, стремились жестко контролировать подчиненное им духовенство и учебные заведения. В подобном выстраивании «вертикали власти» можно усмотреть одну из причин того, почему Дмитрий Скрынченко не избрал пути пастыря. Здесь сыграло свою роль его своеобразное вольнодумство, помноженное на жесткую принципиальность, стремление внести в жизнь ясные православные ценности, а главное – неподдельная вера в чистоту и святость русского народа. Подобно К.П. Победоносцеву, опорой жизненного строя он считал не дворянство, а простой народ. В 1896 г. К.П. Победоносцев писал, что «в народе хранится запас духовной силы и глубокой веры, из коего сами учителя и правители народа должны почерпать свою силу и одушевление».⁹⁷ Несомненно, Дмитрий Скрынченко подоб-

⁹⁵ Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. Гл. 4. // <http://www.conservatism.narod.ru/polunov/polunov.html>.

⁹⁶ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. – С. 286.

⁹⁷ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки 1866–1995. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. – С. 403-404; подробнее см.: Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев – человек и политик // Отечественная история, 1998. № 1. – С. 45.

ные взгляды разделял, хотя конкретную политику обер-прокурора в сфере церковной и духовной жизни считал излишне жестокой и малоперспективной. Бюрократизация церковной жизни и отчужденность Церкви от многих насущных проблем не могли не подтолкнуть Дмитрия Скрынченко к уходу в сферу воспитания пастырей. Как и обер-прокурор, Дмитрий исходил из мысли о несовершенстве человека и вследствие этого необходимости подчинения его высшему организующему началу – Богу. Он отвергал наивный взгляд Ж.Ж. Руссо, искренне верившего в изначально добрую природу человека. Собственно, идея улучшения людей не принадлежала обер-прокурору. Но он был ее сторонником и стремился реализовать на практике. Спустя десятилетия Д.В. Скрынченко вспоминал о годах обучения в академии вполне доброжелательно. Он соблюдал дисциплину, принимая ее как данность, стремился получить профессиональные знания, при этом увлекался литературой и искусством. Он не хотел быть монахом. Выйдя из низов духовного сословия, он хотел вернуться в него полным знаний, с тем, чтобы просвещать. Внешний вид Дмитрия Скрынченко определялся ценностями эпохи: он, конечно, носил бороду. Этим обозначалась не только принадлежность к духовному ведомству, но и симпатия к Александру III, в правление которого ношение бород стало повсеместным и проникло даже в гвардию. Кроме того, борода его была выражением единства с народом, который он знал и любил, и с церковнослужителями, из среды которых он вышел.

Дмитрию Скрынченко довелось жить при трех последних императорах. Он родился при Александре II, а когда Дмитрию исполнилось 7 лет, царь был убит. Годы его юности падают на правление Александра III. Как раз в это время Дмитрий Скрынченко получил заряд того русского консервативно-православного духа, который он сохранил на всю жизнь. Время его взросления и самостоятельной жизни протекли в царствование Николая II. Эта эпоха носила ярко выраженный транзитивный характер, что иногда замечали современники, правда, мало кто мог с уверенностью сказать, к какому рубежу вскоре подойдет страна. Ретроспективно можно по-

нять, что происходил переход от традиционного к индустриальному обществу, пронизанному прагматизмом, безверием и рационализмом. Процессы такого рода всегда сопровождаются утратой частью общества социальной идентичности и разрушением привычных взглядов на мир. Поэтому, с одной стороны, формируется протестный потенциал, порождающий соответствующие идеологии, а с другой – укрепляется охранительная идеология, которая ставит своей целью заключить общество в достаточно жесткие рамки, придать ему стабильность на основе традиционных ценностей. Именно такую идеологию исповедовал Дмитрий Скрынченко.

Орек 3

Первые годы

Путь от Песковатки до Перми был неблизким. Начался он на станции Лиски, через которую проходила Юго-Восточная железная дорога. Дмитрий Васильевич так описывал свои впечатления: «На место своего назначения я поехал по железной дороге через Рязань, Самару, Уфу, Екатеринбург, Чусовую. Красота Урала, особенно около Златоуста, Миасса и от Челябинска до Екатеринбурга, и перевал снова через Урал от Екатеринбурга очаровали меня. ...Как красива уральская береза в августе месяце, а горные пласты, выпячивание там и сям наружу угольных слоев действовало на меня упоительно: точно в сказке, я наблюдал панораму природы».⁹⁸

По сравнению со многими городами центральной России Пермь была городом с неглубоким прошлым. В долине реки Егошихи в мае 1723 г. был заложен медеплавильный завод, рядом с которым и возник город Пермь.⁹⁹ В 1901 г., когда в Пермь приехал Д.В. Скрынченко, в городе начали строить электростанцию, а с 1902 г. центр города получил освещение.¹⁰⁰ Почти все улицы в центре Перми были заощены, имелся водопровод и телефон, два сада, соборы и храмы, несколько сот каменных строений. В 1897 г. в Перми проживали чуть более 45 тыс. человек.¹⁰¹ Через двадцать с лишним лет Дмитрий Васильевич так писал в воспоминаниях: «Пермь лежит на берегу реки Камы, глубокой, многоводной; на высоком берегу стоит собор. Красивый, хотя внешне малокультурный город. Я любил ходить в

⁹⁸ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 9.

⁹⁹ Спешилова Е.А. Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. Пермь, 2003. – С. 7-9.

¹⁰⁰ Пермь. Пермь, 1957. – С. 42-43.

¹⁰¹ Спешилова Е.А. Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. – С. 541.

окрестные леса, кататься по Каме, ездить в село Мотовилиху на казенный пушечный завод в 5 верстах, катался на диких татарских лошадаках с бешеной скоростью и восточными покриками татар, ел пельмени, иногда сибирскую огромную и вкусную рыбу нельму, оленье мясо, ездил для прогулки в Екатеринбург (кто мог тогда думать, что тут произойдет трагедия с царем и Россией), в Чусовую; везде принимали с нескончаемым русским радушием: какие обеды, ужины. Теперь это представляется сном, чем-то невероятным: так сытно жила Русь».¹⁰²

Места под Пермью действительно были необычайные. Вот описание Камы в Пермском крае, которое оставил Д.Н. Мамин-Сибиряк: «Кама, бесспорно, одна из самых красивых русских рек и представляет собой резкий контраст с Волгой по своему глубокому руслу и особенно по характеру своих оригинально-живописных берегов. Здесь нет белых песчаных отмелей, нет этих мягких очертаний береговой линии, нет далекой перспективы, которая поражает глаз на Волге; красоты Камы более сурового характера, берег значительно выше, и даль заслонена холмами или хвойным лесом. Собственно говоря, Кама совсем пустынная, дикая река. Селения встречаются редко. Признаков цивилизации никаких, за исключением кое-где вырубленных лесов да двух-трех встречных пароходов». Говоря о великой реке, Д.Н. Мамин-Сибиряк находил, что «отдельно взятые ее части не представляют, пожалуй, ничего хорошего, но в своем сочетании они действуют на душу как могучий, полный затаенной силы и поэзии аккорд».¹⁰³

Дмитрий Васильевич получил назначение в Пермскую Духовную семинарию не случайно: она входила в учебный округ Казанской Духовной академии. Можно понять состояние молодого преподавателя, волею судьбы оказавшегося в далеком пермском крае: «Не без волнения я подъезжал к Перми, – вспоминал Д.В. Скрынченко, – ласково встретил меня ректор... Для учеников я сделался другом,

¹⁰² Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 9.

¹⁰³ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. – С. 388-389.

их любимцем, хотя, помню, я очень конфузился, краснел, выступая с уроками пред взрослыми юношами. Много переживает преподаватель перед всяким уроком, а тем более новичок. Я знал, что популярность учителя иногда вредна для дела, старался держать на подобающем уровне и строгость учителя, и любовь к юношам, покровительство их стремлению вперед...».¹⁰⁴

В Перми обозначился устойчивый интерес Д.В. Скрынченко к истории, к прошлому государства, народа и Православной Церкви. Это было связано с тем, что в ряде городов открыли ученые архивные комиссии, возникло краеведение. Вспоминая о жизни в Перми, Д.В. Скрынченко писал, что «в архивной комиссии много работал по разбору древних актов и описанию архива губернских учреждений. В ее «Трудах» я напечатал несколько статей; меня очень ценил председатель комиссии В.С. Малченко, член окружного суда».¹⁰⁵ В августе 1902 г. Дмитрий Васильевич вместе с председателем Пермской ученой архивной комиссии В.С. Малченко был командирован на XII Археологический съезд в Харьков. Позднее Д.В. Скрынченко вспоминал: «Здесь я познакомился со многими учеными и историками и еще более стал интересоваться археологией и историей. Археологические съезды в России имели огромное значение для изучения истории и географии России».¹⁰⁶ Нас не должно смущать, что съезд назывался археологическим – во второй половине XIX – начале XX в. археологию определяли довольно широко – как «совокупность разнообразнейших сведений о памятниках древности».

На съезде ожидалось несколько сот участников. Археологические съезды, собиравшиеся в России с 1869 г., были весьма демократическим учреждением. Наряду со столочными светилами в них принимали участие любители

¹⁰⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 9.

¹⁰⁵ Скрынченко Д.В. Там же. Малченко Василий Степанович (ум. после 1912 г.), чиновник, архивист. С 1900 г. был членом Пермского Окружного суда, с 1901 по 1905 гг. – председатель пермской ученой архивной комиссии. – Краеведы и краеведческие организации Перми: биографический справочник. Пермь, 2000. – С. 171-172.

¹⁰⁶ Скрынченко Д.В. Указ. соч. – С. 9.

и дилетанты, а также просто знатоки местной старины. Харьковский съезд открылся 15 августа в актовом зале университета. В президиуме съезда находились археолог графиня П.С. Уварова, которая была активной участницей российских археологических съездов и пользовалась заслуженным авторитетом, попечитель харьковского учебного округа М.М. Алексеенко, ректор университета Н.О. Куплеваский, городской голова А.К. Погорелко, профессора Харьковского университета. Вечером в том же зале «состоялось собрание депутатов-членов для дружеской беседы».¹⁰⁷

Что привлекло внимание молодого преподавателя на съезде, в котором приняли участие светила русской археологии и антиковедения? Прежде всего, 28-летний ученый сумел выработать критическое отношение к тому, что происходило на съезде. Его, воспитанного в понятиях строгих правил, питомца Казанской Духовной академии, удивила академическая неразбериха, царившая на съезде. Несоблюдение регламента, когда ораторы говорили, «увлекаясь собственным красноречием», утомляло и снижало работоспособность. Кроме того, окунувшись в жизнь съезда, который проходил в основном на секциях, Д.В. Скрынченко сетовал на невозможность присутствовать на всех заседаниях.¹⁰⁸ Эти недостатки съезда, по мысли Д.В. Скрынченко, не могли умалить его значимости, которая выражалась в простой и важной формуле: любовь к старине. «Ведь глубокая правда, – писал он, – скрывается в известном трюизме, что народ, не знающий своего прошлого, не имеет права называться цивилизованным народом».¹⁰⁹ Эта идея, нацеленная на поддержание и формирование осознания прошлого и настоящего как единого целого, стала для Д.В. Скрынченко идеей инструментальной. Исходя из опыта съезда, он настаивал на том, что необходимо создавать

¹⁰⁷ Археологический съезд в Харькове // Русский вестник. 1902. № 9. – С. 361.

¹⁰⁸ Скрынченко Д.В. О XII Археологическом съезде в г. Харькове // Труды Пермской ученой архивной комиссии (далее – ПУАК). – Вып. VI, Пермь, 1903. – С. 142.

¹⁰⁹ Там же. – С. 143.

провинциальные музеи, в которых хранились бы осколки старины, как он писал, «всякая вещица, говорящая о прошлом известного района».¹¹⁰

После возвращения из Харькова Д.В. Скрынченко опубликовал в «Пермских епархиальных ведомостях» статью под названием «Церковный отдел на XII Археологическом съезде в г. Харькове»¹¹¹, а 1 октября он сделал доклад на заседании Пермской ученой архивной комиссии.¹¹² В реферативном изложении итогов съезда можно уже увидеть те черты его будущего научного и публицистического творчества, которые проявились в дальнейшем. Это аналитизм, убежденность в своей правоте, а в содержательном плане – глубокое беспокойство по поводу незнания прошлого, без которого непонятно настоящее и немислимо будущее. Основная идея, вынесенная из обозрения работы съезда, была сформулирована им в виде вопроса: «Не пора ли духовенству Пермской епархии заняться собиранием и изучением церковных памятников своего народа?».¹¹³ Отсюда вытекала практическая задача: для систематического и целенаправленного собирания и изучения памятников духовной культуры следует создать Церковно-археологический музей при духовной семинарии по примеру других епархий.

Идею основания музея в Перми Д.В. Скрынченко разработал в объемной статье «К вопросу об образовании в Пермской епархии церковно-археологического музея», предложив создать действенный орган для «дела собирания и изучения церковных памятников».¹¹⁴ Создание музея он считал делом высшей епархиальной власти, а именно епископа Иоанна (Алексеева). Административным ресурсом проекта

¹¹⁰ Скрынченко Д.В. О XII Археологическом съезде в г. Харькове. – С. 143.

¹¹¹ Скрынченко Д.В. Церковный отдел на XII Археологическом съезде в г. Харькове // Пермские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). 1902. № 39. Неоф. отдел. – С. 489-500.

¹¹² Скрынченко Д.В. О XII Археологическом съезде в г. Харькове. – С. 141-152.

¹¹³ Скрынченко Д.В. Церковный отдел на XII Археологическом съезде в г. Харькове // ПЕВ, 1902. № 39. Неоф. отдел. – С. 500.

¹¹⁴ Скрынченко Д.В. К вопросу об образовании в Пермской епархии церковно-археологического музея. // ПЕВ, 1902. № 43. Неоф. отдел. – С. 531-542.

должна была, по мысли Д.В. Скрынченко, стать консистория. Во второй части статьи он привел возможную программу сбора сведений о церковных древностях, разработанную комитетом по проведению XII Археологического съезда. За образец устава он рекомендовал взять устав Воронежского историко-археологического церковного комитета, открытого в январе 1901 г.¹¹⁵ Справедливости ради следует добавить, что Церковно-археологический комитет был создан в Перми лишь в 1912 г. под название «Церковно-археологическое общество».¹¹⁶

Побывав на харьковском съезде, Д.В. Скрынченко приобрел к духу российской исторической науки. Съезд ученых для него был важен не только новой информацией, но самой атмосферой, возможностью общения, столкновением различных точек зрения. В начале XX в. в русской исторической науке обозначился интерес к локальной истории, результатом чего стал Первый областной съезд исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области, прошедший в Ярославле. Проведение Первого областного съезда в Ярославле было глубоко символично. Древнейший русский край, один из истоков Московского государства, принял историков-краеведов. Осознание глубинной связи истории России и локальной истории привело участников съезда к выводу о необходимости периодического созыва съездов, освещающих локальную историю. Поэтому следующий областной съезд было намечено провести в Твери в августе 1903 г.

Исследование прошлого невозможно без использования архивных документов. Эта очевидная связь привлекла внимание Д.В. Скрынченко к книге Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России». Упоминание книги Д.Я. Самоквасова не случайно. Еще на харьковском съезде Д.В. Скрынченко стал свидетелем дискуссии о необходимости централизации музейных и архивных древностей, сосредоточения их в столицах. «Наша архивная комиссия, – писал Д.В. Скрынченко, – стала бороться с профессором Московского университета

¹¹⁵ Там же. – С. 536.

¹¹⁶ Сообщено автору Е.А. Спешиловой.

Д. Самоквасовым, желавшим централизовать в Москву все архивы; эта борьба имела отражение и на археологическом съезде».¹¹⁷ Дискуссия о развитии архивного дела имела свою предысторию. Как отмечает современный исследователь, «на рубеже XIX–XX вв., когда на повестку дня вновь встал вопрос о проведении давно назревшей архивной реформы, научная общественность обсуждала два способа ее осуществления – путем централизации архивного дела и создания Главного архивного управления или с помощью губернских ученых архивных комиссий».¹¹⁸

На первом варианте настаивал управляющий московским архивом министерства юстиции профессор Д.Я. Самоквасов. Идею централизации архивов он выдвинул еще в 1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве. Его проект предусматривал создание стройной системы управления архивами и архивной сети. Предполагалось, что будет создано Центральное государственное архивное управление, Центральный исторический архив, который должен хранить документы центральных государственных учреждений до 1825 г. Далее планировалось создать 12 областных (региональных) архивов, в которых сосредоточились бы документы до 1775 г., и, наконец, 90 губернских архивов с документами после 1775 г.¹¹⁹ Другой вариант, который лоббировало МВД, Русское историческое общество и Археологический институт, предусматривал проведение реформы с опорой на губернские ученые архивные комиссии и с предоставлением им государственных субсидий и особых помещений.¹²⁰

В противовес второму варианту Д.Я. Самоквасов полагал, что губернские архивные комиссии не способствуют сохранности древних актов. Определенные резоны в позиции Д.Я. Самоквасова имелись. В России в начале

¹¹⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 9.

¹¹⁸ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань, 2002. – С. 98.

¹¹⁹ Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. – С. 102.

¹²⁰ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 98–99.

века в отличие от стран Западной Европы (а Самоквасов ссылался именно на европейский опыт) не готовили профессиональных архивистов, сохранность документов в архивах была низкой, масса старых бумаг уничтожалась или просто отправлялась на бумажные фабрики. По инициативе Д.Я. Самоквасова Киевский археологический съезд обратился к императору с прошением запретить уничтожение бумаг государственного делопроизводства, а самое главное – преобразовать губернские архивные комиссии.¹²¹

В рамках реформы Д.Я. Самоквасов предлагал создать центральный орган управления архивами России и издать закон о централизации местных архивов. «Взамен окончательных архивов¹²² при канцеляриях действующих губернских, уездных и городских присутственных мест и учреждаются государственные архивы, в которые присутственные места всех ведомств обязаны передавать свои решения и исполненные дела по истечении сроков».¹²³ Идея централизации хранения документов имела определенный смысл: многочисленные ведомственные архивы хранили дела из рук вон плохо. К тому же, по мнению Д.Я. Самоквасова, губернские архивные комиссии почем зря уничтожали много документов, демонстрируя подчас слабую профессиональную подготовку. Он считал, что архивные комиссии занимаются «повальным разрушением наших исторически слагавшихся архивных фондов».¹²⁴ Как видим, вопрос об архивной реформе возник на харьковском съезде не случайно. Д.Я. Самоквасов предложил организовать архивные комиссии в губерниях в местные научные общества по примеру западноевропейских стран,

¹²¹ Самоквасов Д.Я. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902. – С. 6-8, 9.

¹²² Окончательный архив – хранилище дел, окончательно решенных или исполненных.

¹²³ Самоквасов Д.Я. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. – С. 19.

¹²⁴ Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн. I. Современное русское архивное нестроение. М., 1902. – С. 22.

при этом их задачи следовало ограничить изданием и разработкой архивных материалов и других памятников местной старины.¹²⁵ Для выработки оптимального решения по архивной реформе еще на XII Археологическом съезде в Харькове было созвано специальное заседание под председательством директора Археологического института Н.В. Покровского. «На заседании было принято постановление, в котором книга Самоквасова признавалась «оскорбительной, резкой и несправедливой по тону, а его обвинения ГУАК в разрушении исторически сложившихся фондов основанными на тенденциозном и одностороннем подборе фактов».¹²⁶

Второй областной археологический съезд, в котором от Пермской ГУАК участвовали В.С. Малченко и Д.В. Скрынченко, начал работу в Твери 10 августа 1903 г.¹²⁷ Съезд открылся в 12 часов пополудни в зале Благородного дворянского собрания. Почетным председателем был избран гофмейстер Б.В. Штюрмер (тот самый, который на 10 месяцев в 1916 г. станет председателем Совета министров), а председателем – тверской губернатор кн. Н.Д. Голицын (который станет последним председателем Совета министров в конце 1916 – начале 1917 гг.). Тверской и Кашинский архиепископ Дмитрий (Самбкин)¹²⁸ отслужил молебен, а после богослужения к участникам съезда обратился тверской губернатор князь Н.Д. Голицын.

На открытии с докладом «О научном значении областных съездов» выступил известный археолог В.Н. Сторожев, который отметил основную роль архивных комиссий – собира-

¹²⁵ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 100.

¹²⁶ Там же. – С. 98-99. Подробнее см.: Щавелев С.П. Д.Я. Самоквасов – историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1993, №3. – С. 180-181.

¹²⁷ Труды Второго областного археологического съезда. Тверь, 1906. – С. VII; Тверские губернские ведомости (далее – ТГВ), 1903, 2/15 авг. (№ 81). – С. 3. В списках участников съезда Дмитрий Васильевич был представлен как «преподаватель Пермской Духовной семинарии, член Пермской ученой архивной комиссии. Представитель комиссии». – ТГВ. 1903, 5/18 авг. (№ 82). – С. 4.

¹²⁸ Дмитрий (Самбкин, 1839–1908), епископ Тверской и Кашинский, с 1898 г. архиепископ. Выходец из Воронежской губернии.

ние следов прошлого. Эти комиссии, как он считал, призваны «сохранить и описать для памяти потомства все прошлое, имеющее исторический интерес».¹²⁹ В связи с этим областные съезды нужны были для координации исследования с особым акцентом на изучении народного быта, а также хозяйственной стороны жизни России. Далее для желающих было организовано посещение епархиального архива, который хранился в Архиерейском доме. Работа съезда была построена таким образом, что заседания и обсуждения докладов чередовались с обширной программой знакомства с памятниками местной старины и достопримечательностями. 11 августа состоялась экскурсия делегатов съезда в деревню Дуденево, где производились раскопки славянских курганов XII–XIII вв.¹³⁰ Чтобы добраться на место, экскурсантам были предоставлены два парохода – «Тверь» и «Солижаровка».¹³¹

В 20 часов открылось вечернее заседание, на котором было прочитано два доклада, а утром на следующий день делегаты посетили Отрочь Успенский мужской монастырь, основанный в XIII в. В XVI в. в нем почти 20 лет находился в заточении преподобный Максим Грек, а затем опальный митрополит Филипп (Колычев). Экскурсанты осмотрели часовню в келье святителя Филиппа. Она была устроена незадолго до съезда в подвале двухэтажной Каменной церкви в память митрополита Филиппа.¹³² После монастыря экскурсанты посетили церковь «Белая Троица» и загородный Успенский Желтиков монастырь. Этот древний монастырь, при советской власти снесенный, произвел на экскурсантов сильное впечатление. Во всяком случае, именно эти экскурсии запомнились Д.В. Скрынченко. В своем сообщении о съезде он писал: «В Отрочем монастыре интересовались главным образом подвальными помещениями под монастырем, где был заключен и задушен, по преданию, Малютой Скуратовым, святой ми-

¹²⁹ Скрынченко Д.В. Тверской областной историко-археологический съезд // Труды Пермской ГУАК. Пермь, 1904. Вып. 7. – С. 57.

¹³⁰ Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. – С. 95.

¹³¹ ТГВ, 1903. 12/25 авг. (№84). – С. 6.

¹³² Тверская область. Энциклопедический справочник. – С. 187.

трополит Филипп. Теперь в этом подвале, сыром, холодном – часовня с разными изображениями по стенам из жизни святителя Филиппа». ¹³³ А вот как описывал пребывание в Твери Д.В. Скрынченко спустя 20 лет: «Командирован был я также и на Тверской областной археологический съезд. Помню Тверь с ее старинной кельей, где был задушен Малютой Скуратовым знаменитый московский митрополит Филипп, с ее старыми церквями, раскопками погребений XII в., Волгой, фабриками Морозовых, – все это произвело на меня сильное впечатление. Эти поездки, знакомство с людьми, городами, стариной, очень способствовали расширению моего горизонта в смысле отечествоведения». ¹³⁴ Д.В. Скрынченко участвовал в посещении тверской мануфактуры, куда делегатов пригласил директор правления И.А. Морозов. После осмотра производства в фабричном театре силами рабочих фабрики был дан спектакль – картина из драмы А.К. Толстого «Князь Серебряный» и одноактная пьеса с пением «Тетка-трещотка из чужого околотка». После спектакля состоялся ужин, «сервированный в зале при театре». ¹³⁵

Вечернее заседание 10 августа было посвящено проблемам архивных комиссий и архивоведения. На секции архивных комиссий и архивоведения 12 августа выступал и воронежский краевед Л.М. Савелов с детальным анализом книги Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России». Большинство выступлений на секции было связано с критикой идеи Д.Я. Самоквасова, так что доклад Л.М. Савелова имел характерное название – «В защиту ученых архивных комиссий». Предложения Д.Я. Самоквасова подверглись на съезде серьезной критике. Так, председатель пермской ГУАК В.С. Малченко полагал, что обратной стороной подобной реформы станет неизбежная бюрократизация архивного дела. ¹³⁶ Конечно, предложения Д.Я. Самоквасова означали прекращение работы комиссий в губерниях. Представите-

¹³³ Скрынченко Д.В. Тверской областной историко-археологический съезд. – С. 66-67.

¹³⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 9.

¹³⁵ ТГВ, 1903. 14/27 авг. (№ 85). – С. 4.

¹³⁶ Скрынченко Д.В. Тверской областной историко-археологический съезд. – С. 64.

ли комиссий признавали, что иногда комиссии работают с ошибками, а главный их недостаток – отсутствие денежных средств и квалифицированных работников. «Если подсчитать суммы, отпускаемые на наши центральные архивы, – говорил на съезде представитель ярославской архивной комиссии И.Я. Гурлянд, – и сопоставить с этим продуктивность работ архивных комиссий, то едва ли архивные комиссии хуже работают, чем эти богатые учреждения».¹³⁷ Итог дискуссии об архивной реформе подвел директор Археологического института В.Н. Покровский, который предложил архивным комиссиям «забыть книгу проф. Самоквасова и самим спокойно обсудить свои недостатки».¹³⁸

Критика идей Д.Я. Самоквасова, по сути дела, стала хорошим тоном в ученых архивных комиссиях. В ходе дискуссии об архивной реформе Министерство внутренних дел направило запрос для выяснения позиции научно-исторических обществ и учреждений относительно проекта Д.Я. Самоквасова. По получении ответов выяснилось, что такие авторитетные организации, как Русское историческое общество, Русское археологическое общество, Общество истории древностей российских при Московском университете, Общество ревнителей русской истории, Академия наук и Петербургская археологическая комиссия, выступили в пользу упрочения позиций ГУАК.¹³⁹ Вместе с тем полемику вокруг архивной реформы следует расценивать как столкновение интересов различных групп, которые относились к ней с точки зрения ослабления или укрепления их собственного статуса.¹⁴⁰

Почему научная общественность отказала проекту Д.Я. Самоквасова? Прежде всего, неприемлема была резкость тона реформатора, непривычная в среде научной интеллигенции. Кроме того, сказалась традиционное для

¹³⁷ Скрынченко Д.В. Тверской областной историко-археологический съезд. – С. 65.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 103.

¹⁴⁰ Щавелев С.П. Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998. – С. 129-131.

мыслящей элиты стремление отвергнуть любые государственные инициативы – большинство членов ГУАК по инерции разделяли либеральные взгляды второй половины XIX в. и, следовательно, противились усилению роли государства в архивном деле. Наконец, не последнюю роль сыграла нехватка средств, потребных для проведения реформы.¹⁴¹ 14 августа в помещении юнкерского училища под председательством директора Археологического института Н.В. Покровского прошло совещание представителей губернских ученых архивных комиссий, на котором был выработан проект нового устава комиссий. За комиссиями по проекту Н.В. Покровского закреплялся статус местных историко-краеведческих обществ.¹⁴²

ГУАК просуществовали в России до начала 20-х гг. Несмотря на то, что их возможности были ограничены, вклад их в развитие исторической науки в России переоценить трудно. Комиссии жили в основном на пожертвования земских и губернских органов, а также пособия МВД, которые составляли около 200 руб. в год. Ежегодный бюджет некоторых ГУАК не превышал 1 тыс. рублей.¹⁴³ Тем не менее трудами многих комиссий были изданы тысячи текстов документов по локальной истории, а многие сотни тысяч документов были ими просто спасены. Вопрос о субсидировании ГУАК был положительно решен лишь в 1909 г. на 2-й сессии III Государственной думы. По докладу депутата А.Д. Протопопова было решено отпустить на нужды каждой комиссии 5200 р., а с 1910 г. внести эти суммы в государственный бюджет.¹⁴⁴

13 августа местом заседания делегатов съезда стал загородный архиерейский дом. Было жарко, и архиепископ Димитрий пригласил участников съезда перейти в сад. Все-

¹⁴¹ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 103-105.

¹⁴² Тельчаров А.Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX в. // Проблемы истории СССР. Вып. V. М., 1976. – С. 421-422.

¹⁴³ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 98-99.

¹⁴⁴ Тельчаров А.Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX в. – С. 427.

го к тверскому владыке приехали около 70 человек. Можно с уверенностью полагать, что Дмитрий Васильевич был среди них – он не мог не принять приглашения своего земляка. Поперек широкой аллеи сада были поставлены скамьи, а президиум – архиепископ Димитрий, председатель секции Н.В. Покровский и И.А. Иванов – разместились за столиком на террасе беседки. На воздухе был сделан доклад преподавателем Тверской Духовной семинарии В.И. Колосовым о благоверной княжне Анне Кашинской. Около 8 вечера гостей пригласили в столовую, где им были предложены чай и фрукты. Здесь же были прочитаны доклады о тверских иконописцах и Бежецком князе Димитрии Юрьевиче. Около 10 вечера члены съезда вернулись в Тверь, причем каждый получил на память от Преосвященного в подарок «Месяцеслов святых».¹⁴⁵

Вечером 15 августа состоялось последнее заседание съезда, на котором была принята приветственная телеграмма почетному председателю съезда Б.В. Штюрмеру, а председатель тверской ГУАК И.А. Иванов высказал предположение о проведении следующего съезда во Владимире. В 22 часа председатель съезда кн. Н.Д. Голицын «после краткой речи с выражением благодарности участникам съезда объявил съезд закрытым».¹⁴⁶ На следующий день состоялся, как говорили в те времена, товарищеский ужин, который был проведен в зале гостиницы «Центральная», затянувшийся далеко за полночь.

Отдаленная от столиц империи, Пермь не была отрезана от них в духовном смысле: мыслящих людей волновали одни и те же проблемы. С конца XIX в. в прессе все явственней проступала тема церковной реформы, которая была необходимым и неотъемлемым элементом модернизации общества и государства. Среди многочисленных аспектов религиозного возрождения особое место занимал вопрос о церковной музыке и церковном пении, которые были самыми доступными жанрами музыкального искусства именно в силу своей бессловности. Возможно, поэтому тема церковного пения и церковной

¹⁴⁵ ТГВ. 1903. 19 авг./ 1 сент. (№86). – С. 4.

¹⁴⁶ Там же.

музыки стала одной из ведущих тем на рубеже веков. Дмитрий Васильевич регулярно читал такое солидное издание, как «Русский вестник», в котором его заинтересовала статья священника М. Лисицына.¹⁴⁷ В «Пермских епархиальных ведомостях» Д.В. Скрынченко представил ее обзор. «Статья эта, – писал он, – представляет собой прекрасную попытку уяснения исторического характера церковной музыки вообще и русской в частности; написанная с большим знанием дела и любовью к нему, она пытается, и небезуспешно, решить вопрос, какого характера должна быть церковная музыка».¹⁴⁸

Вопрос, поставленный М. Лисицыным, однозначного ответа не имел. Дело в том, что с середины XIX в. в музыкальных кругах России возникла дискуссия, результатом которой стали две точки зрения на церковную музыку. Первая выражала стремление унифицировать церковное пение. Этим занималась Придворная капелла под руководством А.Ф. Львова, «выпустившая к середине столетия свою гармонизацию певческого Богослужебного круга, которая государственными постановлениями была предписана как обязательная для всей России».¹⁴⁹ До XVIII в. русская церковная музыка развивалась под влиянием греческой. Начиная с XVIII в. обозначилось заметное влияние европейской музыки на русскую церковную музыку, что выражалось в творчестве ряда композиторов, писавших духовные произведения – М.С. Березовского и Д.С. Бортнянского. По мнению М. Лисицына, они в своем творчестве «не несли национально-церковного начала».¹⁵⁰ А в XIX в. появились такие композиторы как упо-

¹⁴⁷ Лисицын М. Церковь и музыка (по поводу новых течений в церковно-музыкальном искусстве) // Русский вестник. 1902. № 10. – С. 574–591. Священник Михаил Александрович Лисицын (1872–1918) – композитор, музыкальный критик. Автор статей и книг по церковной музыке и пению.

¹⁴⁸ Скрынченко Д. Церковная музыка последнего времени // ПЕВ. 1902. № 41. Неоф. отдел. – С. 519.

¹⁴⁹ Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III. Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников 1861–1918. М., 2002. – С. 17; Львов Алексей Федорович (1798–1870) – русский скрипач, композитор, дирижер.

¹⁵⁰ Лисицын М. Церковь и музыка (по поводу новых течений в церковно-музыкальном искусстве) // Русский вестник. 1902. № 10. – С. 581; Березовский Максим Созонтович (1745–1777) – русский композитор; Бортнянский Дмитрий Сергеевич (1751–1825)

минавшийся уже А.Ф. Львов, П.И. Чайковский, А.А. Архангельский, Н.М. Пютулов, которые стали создателями национальной церковной музыки.

Другая точка зрения, которую специалисты условно называют «фольклористической», выражалась в том, что акцент в церковной музыке делался на устную исполнительскую народную практику.¹⁵¹ М. Лисицын исходил из того, что церковная музыка должна не только быть приурочена к обиходу, в котором отразился дух Церкви, но и нести в себе черты народной музыки, она должна быть высшим синтезом «академического» и «народного» начал. Этот синтез он назвал «новым направлением». Церковный музыковед полагал, что «новое направление» соединит в себе церковно-обиходные и песенно-народные мотивы с западными музыкальными формами.¹⁵² Воплощение нового направления в церковной музыке он усматривал в творчестве А.Д. Кастальского, чьи произведения «Херувимская», «Милость» и «Милосердия двери» были наиболее выразительны в «новом направлении». Сюда же он относил произведения А.Т. Гречанинова «Волною морскою» и «Свете тихий». Упомянул он также композитора С.М. Панченко, чьи «Милость мира» и «Господи, помилуй» по праву относятся к вершинам церковной музыки.¹⁵³

За «новым направлением» М. Лисицын усматривал будущее. Новая музыка, по его мнению, должна объединять людей в эпоху разобщенности. «Новое направление», как он считал, заботится о чистоте и неповрежденности слов церковных песнопений, облекая последние в западные симфонические формы.¹⁵⁴ В то же время, по мысли М. Лисицына, произведения, создаваемые в рамках нового направления,

– русский композитор; Архангельский Александр Андреевич (1846–1924) – русский композитор; Пютулов Николай Михайлович (1819–1873) – русский композитор.

¹⁵¹ Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III. – С. 17.

¹⁵² Лисицын М. Церковь и музыка. – С. 596.

¹⁵³ Лисицын М. Церковь и музыка. – С. 582; Кастальский Александр Дмитриевич (1856–1926) – русский композитор; Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956) – русский композитор; Панченко Семен Викторович (1887–1937) – русский композитор.

¹⁵⁴ Лисицын М. О новом направлении в русской церковной музыке // Русская духовная музыка в документах и материалах. – С. 531.

должны «соответствовать» духу Церкви, воплощенному, так сказать, в церковно-обиходных композициях». ¹⁵⁵ Придерживаясь идей М. Лисицына, Дмитрий Васильевич полагал, что в «таком усвоении западной музыки Церковь нет ничего предосудительного, зазорного: наша Церковь Православная, как показывает история, никогда не чуждалась заимствований и не проявляла в данном случае ригоризма. И это вполне понятно: одно только обиходное пение, хотя бы и не в один голос, очень бедно в музыкальном отношении». ¹⁵⁶ Эти строки ясно показывают, что Д.В. Скрынченко был чужд культурному изоляционизму и не отвергал возможности «нашего объединения с Западом в желательном нам смысле». ¹⁵⁷

В мае 1903 г. Д.В. Скрынченко опубликовал статью «Преосвященный Иннокентий (Коровин)». В ней можно видеть появление объемного видения прошлого, в котором Д.В. Скрынченко выделил несколько взаимосвязанных «кругов» истории. Это всеобщая история, церковная и история местного края. ¹⁵⁸ Таким образом, познание прошлого стереоскопично. В большой круг всеобщей истории вписывается круг истории церковной, а в него – местной. Выделение различных степеней приближения к прошлому позволило ему вписать отдельные события локальной истории в контекст истории Церкви и истории всеобщей, увидеть в малом событии глубинный смысл, понять отдельные факты в контексте истории Церкви и общества.

Время пребывания Д.В. Скрынченко в Перми совпало с торжеством прославления преподобного Серафима Саровского, которое происходило 10 июля 1903 г. В преддверии торжества в июне 1903 г. в «Пермских епархиальных ведомостях» Дмитрий Васильевич опубликовал две статьи о канонизации святых в Православии. Первая статья представляет собой краткий реферат исследования Е.Е. Голубин-

¹⁵⁵ Лисицын М. Церковь и музыка. – С. 596.

¹⁵⁶ Скрынченко Д. Церковная музыка последнего времени. – С. 524.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Скрынченко Д.В. Преосвященный Иннокентий (Коровин) // ПЕВ. 1903, № 21. Неоф. отдел. – С. 207.

ского, профессора Московской Духовной академии. В статье Д.В. Скрынченко познакомил читателей как с проблемой канонизации, так и с исследованием Е.Е. Голубинского. Он писал, что существуют особые условия, или правила, канонизации. Одним из них является совершение чудес – или при жизни, или по смерти у гроба от мощей подвижника благочестия.¹⁵⁹ Д.В. Скрынченко описал схему процесса канонизации, принятую в Русском Православии, а затем показал, насколько правила канонизации были соблюдены в отношении преподобного Серафима Саровского. Для причисления к лику святых в данном случае имелось строго зафиксированное основание – чудесные знамения и исцеления, на основании чего Св. Синодом было принято решение о канонизации Серафима Саровского.¹⁶⁰

Во второй статье, которая вышла в июле, Д.В. Скрынченко остановился на том, какие основания имелись для канонизации в Греческой Церкви: «Основаниями для причтения к лику святых в Греческой Церкви служили: апостольство, мученичество и дар чудотворений».¹⁶¹ Здесь же он, опираясь на исследование Е.Е. Голубинского, выделил четыре периода в истории канонизации русских святых. В первый период (от начала Русской Церкви до церковных соборов середины XVI в.) были канонизированы 22 святых, первыми из них были Борис и Глеб. Во второй период (Макарьевские Соборы 1547 и 1549 гг.) были канонизированы 39 подвижников благочестия. В третий, досинодальный период, канонизировали около 150 святых (для общего почитания, т. е. для почитания везде – 15, остальные были местными, которых почитали в отдельных местностях или монастырях). В синодальный период были канонизированы 5 святых: митрополит Дмитрий Ростовский, первый епископ Иркутский Иннокентий,

¹⁵⁹ Скрынченко Д.В. О канонизации святых в Русской Церкви // ПЕВ. 1903. № 23. Неоф. отдел. – С. 215. Почти одновременно эта статья появилась в издании Казанской Духовной Академии: Скрынченко Д.В. О канонизации святых в Русской Церкви // Православный собеседник. 1903. № 22 (31 мая). – С. 229-232.

¹⁶⁰ Скрынченко Д.В. О канонизации святых в Русской Церкви // ПЕВ. 1903. № 23. Неоф. отдел. – С. 219.

¹⁶¹ Скрынченко Д.В. Краткая история канонизации святых в православных церквях Греческой и Русской // ПЕВ. № 27. Неоф. отдел. – С. 263.

первый епископ Воронежский Митрофан, одиннадцатый епископ Воронежский Тихон и архиепископ Черниговский Феодосий.¹⁶² Обе статьи представляли собой изложение исследования Е.Е. Голубинского и не претендовали на оригинальность. Это была своего рода развернутая рецензия, показавшая высокий уровень профессионального мастерства будущего публициста.

Все свое время молодой преподаватель отдавал питомцам семинарии, в занятия с которыми вкладывал всю душу. «Горячий и увлекающийся, – вспоминал он, – я стал звать учеников учиться и учиться, чтобы отдать свои силы на служение прекрасному, но темному русскому народу».¹⁶³ В сентябре 1903 г. его работа в Перми была прервана чрезвычайной для того времени ситуацией. Позднее Д.В. Скрынченко ее описывал так: «На втором году моей службы произошел в семинарии на какой-то почве бунт. Архиерей Иоанн...¹⁶⁴ потребовал строгого наказания, включительно до массового увольнения, а послушный ректор протоиерей Константин Добронравов,¹⁶⁵ как и старые преподаватели Юрьев, Фаминский, Кандауров, легко пошли ему навстречу; я стал на сторону учеников вместе с преподавателем А.И. Обтеперанским и на ежедневных разборах этого события вел бой с рутинерами; многих удалось спасти, но зато я оказался переведенным «для пользы службы» в духовное училище в Старую Руссу на кафедру арифметики и географии».¹⁶⁶ Проводы на пермском вокзале были сердечными. Семинаристы любили молодого преподавателя, который мог понять их, увидеть в них надежду России, ее будущих пастырей. Вот как вспоминал о прощании (не без преувеличения) со своими питомцами Д.В. Скрынченко:

¹⁶² Там же. – С. 265-267.

¹⁶³ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 9

¹⁶⁴ Преосвященный Иоанн (Алексеев), (1862–1905), архиепископ Пермский и Соликамский, служил в Перми с 5 апреля 1902 по 1 января 1905 гг. (сообщено автору Е.А. Спешиловой).

¹⁶⁵ Добронравов Константин Михайлович, протоиерей, с 1891 по 1915 гг. служил ректором Пермской Духовной семинарии (сообщено автору Е.А. Спешиловой).

¹⁶⁶ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 9.

«...трудно описать волнение юношей, когда они узнали о моем переводе; мне поднесли адрес, «офорты» художника Шишкина, на вокзале творилось что-то невероятное: сотни голов молодежи, много горожан, речи, поцелуи, слезы...».¹⁶⁷

В октябре 1903 года Д.В. Скрынченко приехал в Старую Руссу, небольшой уездный городок Псковской губернии, расположенный в 32 верстах к югу от озера Ильмень. В начале века Старая Русса была популярным курортом, который иногда посещали знаменитости. С середины XIX в. славились старорусские грязевые ванны и воды, которые рекламировались как средство от многих болезней. Несмотря на то, что Старая Русса была неплохо обустроена (в городе имелся общественный сад, бульвары и парк), Дмитрию Васильевичу Старая Русса не понравилась. Городок был курортным, летом количество жителей возрастало, начинал работать театр, в котором выступали кочующие труппы артистов, оживлялся старинный гостинный двор с полутора сотнями лавок, а с первыми холодами все затихало, погружаясь в застойную атмосферу русских провинциальных городов. Жизнь города теплилась вокруг духовного училища, старых храмов и древнего, основанного в самом конце XII в. Спасо-Преображенского монастыря, в котором особо почиталась Чудотворная икона Старорусской Божией Матери. Нет сомнения в том, что Д.В. Скрынченко бывал в монастыре и не раз поклонился святыне.

Как почитатель таланта Ф.М. Достоевского, Д.В. Скрынченко почел своим долгом посетить дом, где с 1876 по 1881 г. жил великий писатель. После смерти Ф.М. Достоевского дом был превращен в музей, за которым надзирал священник Георгиевской церкви о. И.И. Румянцев. В 1899 г. он перестроил дом писателя, а еще раньше, в 1883 г., по инициативе жены Ф.М. Достоевского Анны Григорьевны в Старой Руссе была открыта трехлетняя церковно-приходская школа им. Ф.М. Достоевского, ее первым директором стал И.И. Румянцев.¹⁶⁸ Школа, которая в дальнейшем стала шестилетней,

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Рейнус Л.М. Достоевский в Старой Руссе. М., 1971. – С. 68.

находилась при церкви Благовещения.¹⁶⁹ В 1903 году, когда Д.В. Скрынченко жил в Старой Руссе, И.И. Румянцев был еще жив. В эмиграции Дмитрий Васильевич вспоминал: «Этого священника и его дочь любила жена Достоевского Анна Григорьевна; в доме священника я высказывался с восхищением о своем преклонении перед талантом Достоевского; это имело лично для меня вот какое значение: когда я уже перевелся из Старой Руссы в Минск, я однажды получаю четко написанное, по-мужски, письмо Анны Григорьевны Достоевской, где она предлагала мне, ввиду моего ставшего ей известным почитания ее мужа, занять место заведующего школой, при условии женитьбы на дочери Румянцева... Это неожиданное предложение я, конечно, отклонил».¹⁷⁰

Изображенная Ф.М. Достоевским в «Братьях Карамазовых» в виде городка Скотопригоньевска, Старая Русса произвела на Д.В. Скрынченко впечатление захолустья. Такое же впечатление тридцатью годами раньше она произвела на Ф.М. Достоевского. В одном из писем жене писатель так выразил отношение к уездному городу: «Ужасный мизер эти воды, и парк мне решительно не нравится. Да и вся эта Старая Русса ужасная дрянь».¹⁷¹ По сути дела работа в уездном городке была ссылкой для человека широких взглядов и пытливого ума. Ко времени «ссылки» в Старой Руссе закончилось становление Дмитрия Скрынченко как вполне самостоятельно мыслящего человека. Он начал понемногу писать, чувствуя в этом настоятельную потребность. По взглядам он был умеренный консерватор, сформировавшийся в лоне Православной Церкви.

Читаем в воспоминаниях: «Уездный город был тогда для меня тесен, а в осеннюю слякоть, когда я туда приехал, он произвел на меня удручающее впечатление; и, как ни настаивал мой начальник, кажется, Смирнов, остаться в Старой Руссе, я поехал в Петроград, добился моего единственного в жизни приема у К.П. Победоносцева, затем у В.К. Саблера и

¹⁶⁹ К 25-летию юбилею школы имени Ф.М. Достоевского в Старой Руссе // Исторический вестник. 1908. № 12. – С. 1171–1172.

¹⁷⁰ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 10.

¹⁷¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 29. М., 1986. – С. 240.

был переведен на латинский язык в семинарию в Минск».¹⁷² В.К. Саблер, бывший товарищем обер-прокурора Св. Синода, не сразу разрешил Д.В. Скрынченко перевод на новое место. «Тогда, – вспоминал Дмитрий Васильевич, – я сказал, что немедленно брошу службу по духовному ведомству; решительность моего тона помогла: я сейчас же был переведен в не известный мне Минск».¹⁷³ Выбор Минска был не случаен. Пожив на Урале, Д.В. Скрынченко решил глубже познакомиться с Россией и выбрал для этого не известный ему Северо-западный край.

¹⁷² Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 10.

¹⁷³ Там же.

ЧАСТЬ II. Северо-западный край

Орешк 4

Большая политика

I

В Минске Дмитрий Скрынченко начал работу преподавателем Духовной семинарии. Вот как он вспоминал это время: «Ректором семинарии был архимандрит Николай, красивый иеромонах, а инспектором сначала г. Зенкевич, а после хитрый, довольно подлый, но толковый А.М. Панов, незаконнорожденный сын одной прислуги, с рыжими волосами... Преподаватель А.В. Товаров, человек практической сметки, был редактором «Епархиальных ведомостей»; Е.М. Пахомов, походивший на Вл. Соловьева, был добрейший преподаватель; очень милые старики Н.И. Антипович и Прокопович были живой летописью школы и города; преподаватель литературы А.М. Никольский был старым холостяком и лентяем; латыш Д.Я. Рудзит преподавал физику, человек скромный, но несколько озлобленный; греческий язык преподавал И.Е. Зверев, квартира которого вечно была полна гостями, сидевшими за картами. Все семейные справляли дни именин, жилось, словом, недурно».¹ Скорее всего, сначала Дмитрий Скрынченко проживал в здании Духовной семинарии, где имелись квартиры для преподавателей, а затем снял квартиру в городе. В начале прошлого века жалование преподавателя Духовной семинарии не превышало 1 тыс. рублей в год, что по тогдашним меркам было немного. Но ему, пока что неженатому, видимо, хватало. Правда, и цены в Минске были невысоки. Фунт хлеба стоил 5-7 копеек, фунт

¹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 12.

говядины – 37, килограмм картофеля – 19 копеек, а дюжина яиц – 30.²

Быстрая политизация общества в ходе революции 1905 г. привела к образованию в России политических партий. В силу своего политического темперамента Д.В. Скрынченко не мог оставаться вне партийной борьбы, и поэтому сначала он стал членом партии октябристов, основные идеи которой казались ему близкими: его привлекали монархизм, утверждение единства и неделимости России, неприятие автономизма и федерализма. Октябристы были, выражаясь современным языком, партией «статусных» людей. «Правда, на собрании членов партии «Союз 17 октября» в январе 1906 г. один из лидеров партии барон П.Л. Корф говорил, что «в наш «Союз» уже вступила и вступает масса народа, в том числе много рабочих и крестьян».³ В этих словах есть известная доля преувеличения, но невозможно отрицать значительную степень влияния партии на общество. В лучшие годы она насчитывала 75-77 тыс. человек.⁴ Отвечая на вопрос, почему Дмитрий Васильевич вступил в партию октябристов, уместно спросить: а мог ли он вступить куда-нибудь еще? Ведь даже если октябристы чем-то его не устраивали, то альтернативы им в Минске не имелось – сфера партийной жизни находилась в состоянии брожения и кристаллизации.

Итоги выборов в I Думу для октябристов были малоутешительны: депутатами от партии стали всего 13 человек. А вот во II Думе им удалось получить 42 депутатских места. Это было значительное увеличение, но оно было пределом того, что могли получить октябристы при существующем избирательном законе. Осенью 1906 г. началась предвыборная кампания во вторую Государственную думу. 15 ноября 1906 г. «Минское слово» опубликовало обращение «Минского русского предвыборного комитета», подписанное

² Шибeko З.В., Шибeko С.Ф. Минск. Страницы истории дореволюционного города. Мн., 1990. – С. 34, 74.

³ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905–1907. М., 1996. – С. 71.

⁴ Там же. – С. 7.

рядом правых деятелей, в том числе Д.В. Скрынченко. Среди подписавших мы найдем Г.К. Шмида, ставшего в конце 1905 г. во главе Минского отдела партии «Союз 17 октября», генерала Н.А. Кованько, минского типографа С.А. Некрасова. Вот что говорилось в обращении. «На прошлых выборах русское население, составляющее громадное большинство Минской губернии, осталось без представителей в Государственной думе. Частью виновато в этом само население; сельские жители не понимали значения нового учреждения и относились к нему равнодушно; городские жители, занявшись партийными программами, раскололись на отдельные группы. На нынешних выборах все русское население должно сплотиться для проведения своих кандидатов и чтобы противостать объединившимся полякам и евреям, которые образовали союз между собою. С 17 окт. 1905 г. народ, через избираемую им Государственную думу, сам участвует в законодательстве. От самого народа зависит судьба его, но только тогда Государственная дума может выражать волю народа, когда никто не уклонится от участия в выборах. Идите все к избирательным урнам подать голоса за тех, кого вы считаете **лучшими** людьми, достойными быть народными представителями. Многое изменилось со времени выборов в первую Государственную думу. Истекший год, ужасный и кровавый, полный раздоров и насилий, многому научил русских граждан и заставил понять свои прежние ошибки. Мы верим, что теперь, когда все будущее России, ее свобода, благосостояние и жизнь каждого зависит от того, какая будет Дума, вы пошлете в нее людей, которые будут работать на общее благо, а не предаваться гибельной партийной борьбе и преднамеренному противодействию во всем правительству. Вы не допустите выбора таких лиц, которым чужды интересы и благо России. Мы верим, что в эту вторую Государственную думу должны войти **лучшие русские** люди, которые поставят на своем знамени мирное преобразование Отечества и будут неуклонно стремиться ко благу всего народа, не увлекаясь мечтаниями все перестроить по своим несбыточным планам и не забывая, что

каждый ошибочный шаг в их законодательной работе надолго приведет к разорению и гибели многих».⁵

Предвыборная борьба разделила политиков по вопросу о будущем Польши. Либералы в лице кадетов настаивали на ее автономизации, чего октябристы не допускали. В начале декабря 1906 г. Д.В. Скрынченко выступил с речью в общем собрании Минского отдела «Союза 17 октября». Охарактеризовав октябристов как «прогрессивную национальную русскую партию», он подверг критике идеи кадетов о польской автономии и «приобщении» к ней Минской губернии, полагая, что поляки, как исповедующие католицизм, «такой же чуждый нам народ, как немцы».⁶

Далее Д.В. Скрынченко перечислил «измены» поляков – участие в походе наполеоновской армии, восстания 1830–31 и 1863–64 гг. и, конечно, полностью отверг идею польской автономии. Он исходил из того, что «Польша нами завоевана: никаких толков о мнимых исторических актах, будто бы подтверждающих польскую автономию, не может быть».⁷ «Вопрос о польской автономии для нашего края обостряется еще более тем, – говорил он, – что поляки хотят и нашу губернию ввести в черту «автономной» Польши».⁸ Он полагал, что включение западных губерний в Польшу может предотвратить только «единая, нераздельная, могучая Русь!».⁹ Критика автономизма была связана с тем, что среди депутатов I Государственной думы, к этому времени уже распущенной, образовалась группа автономистов, в которой ведущую роль играли представители западных окраин. Всего их насчитывалось около 150 человек. Учитывая, что всего в Думе заседали 524 депутата, можно утверждать, что автономистов было угрожающе много. Их ядром было т. н. Польское коло (31 человек) и 12 представителей северо- и юго-западных губерний. Поч-

⁵ Русским избирателям // Минское слово. 1906. 15 ноября (№ 10).

⁶ Скрынченко Д. Об автономии Польши и роли поляков в Северо-западном крае // МЭВ. 1906. № 23. Ч. неоф. – С. 675.

⁷ Там же. – С. 677.

⁸ Там же. – С. 673-674.

⁹ Там же. – С. 677.

ти все они были поляки, выступавшие с требованием автономии Польши.¹⁰

Активизация Минского отдела партии октябристов была связана с тем, что председателем его в 1906 г. был избран Густав Карлович Шмид, а Дмитрий Васильевич стал товарищем председателя. На I съезде октябристов в феврале 1906 г. Шмид резко выступил против автономии отдельных территорий России. «Автономию окраин, – говорил он, – под какой бы кличкой она нам ни преподносилась, каким бы, по кухонному выражению, «гарниром» она не сдабривалась, мы, безусловно, отвергаем по глубокому и неистребимому убеждению».¹¹ Акцент на неприемлемости автономии Польши (и не только ее) в речи Г.К. Шмида был связан с тем, что руководство партии октябристов активно поддерживало идею культурной автономии. В отличие от лидеров партии Г.К. Шмид и Д.В. Скрынченко считали, что культурная автономия в условиях империи есть первый и последовательный шаг к автономии политической, неизбежно ведущей к распаду России.

По натуре Г.К. Шмид был авантюрист. В 1891 г., будучи морским лейтенантом на Балтийском флоте, он составил ложный план минных заграждений Кронштадта и под видом настоящего продал его представителю одной из западных держав, скорее всего, немцам. Это дело получило огласку, Шмид был лишен дворянства и орденов, разжалован и сослан в Сибирь. Однако в дальнейшем император помиловал его и разрешил вернуться в европейскую Россию. Так в 1901 г. Шмид очутился в Минской губернии, где с присущей ему энергией включился в политическую борьбу. Д.В. Скрынченко вспоминал об этих событиях так: «Лишь много спустя мы узнали о Шмиде следующее: он служил лейтенантом русского флота в Балтийском море, увлекался женщинами и картами, будучи уже женатым на дворянке

¹⁰ Казбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996. – С. 68-71. См. также Павельева Т.Ю. Польская фракция в Государственной думе России 1906-1914 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. – С. 113.

¹¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905-1907. – С. 141.

Ярославской губернии, в поисках денег составил фальшивый план минных заграждений в Моонзунде и продал его под видом настоящего одной иностранной державе, т. е. попросту надул ее, но в результате попал под суд, затем в каторгу, откуда, по Высочайшей милости, был сослан сначала на вольное поселение в Сибирь, а затем возвращен в Россию».¹² Острое перо Г.К. Шмида коснулось и минского губернатора Я.Е. Эрдели. Тогда, разузнав о прошлом Г.К. Шмида, его политические противники подняли большой шум. 7 октября 1907 г. на заседании ЦК партии октябристов А.И. Гучков сделал доклад о ситуации со Шмидом, а 3 ноября Шмиду предложили добровольно покинуть партию. Председателем Минского отдела «Союза» был избран И. Чигирев.¹³ Осенью 1907 г. скандал вокруг Шмида начал набирать обороты. В феврале 1908 г. Г.К. Шмид был выведен из состава III Государственной думы и лишен депутатской неприкосновенности. «Решение Государственной думы, – вспоминал Д.В. Скрынченко, – убило этого железного человека... и в конце 1909 года его не стало».¹⁴

Д.В. Скрынченко был одним из тех, кто выдвинул кандидатуру Г.К. Шмида на выборы в Государственную думу. Поэтому он был вынужден выступить в печати, указав, что ошибка Г.К. Шмида заключалась в том, что тот не снял своей кандидатуры перед выборами, а то, что он сделал для укрепления русской государственности в Северо-западном крае, с лихвой перекрывает его вину за прошлый проступок.¹⁵ Конечно, лишение Г.К. Шмида депутатских полномочий нанесло заметный удар по позициям октябристов в Минске. Именно Г.К. Шмид был основателем местного отдела партии октябристов, именно он предлагал изменить избирательный закон по выборам в Государственную думу.

¹² Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 15.

¹³ Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т. 2. 1907–1915. М., 2000. – С. 19. И. Чигирев – бывший полицейский чиновник, частный поверенный, председатель могилевского отделения Союза 17 октября. – Там же. – С. 370.

¹⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 18.

¹⁵ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1908. № 5. Ч. неоф. – С. 112–113; Скрынченко Д.В. Умер Михаил-Густав Карлович Шмид // МЭВ. 1909. № 23. Ч. неоф. – С. 596.

Уже начиная с I съезда октябристов у Д.В. Скрынченко возникли расхождения с руководством партии. На этом съезде была создана специальная секция по окраинному вопросу. Она предложила резолюцию, в которой утверждалось, что «ныне действующий избирательный закон наносит ущерб единству России и русской государственности на окраинах и уже нарушает начало справедливости в деле выборов на окраинах».¹⁶ Однако делегаты с окраин империи просчитали, что в Государственную думу при существующей системе выборов попадет «лишь местный иноземный элемент».¹⁷ По расчетам выходило, что депутатами Думы от западных губерний смогут стать лишь польские помещики. Поэтому члены секции предложили: пока не поздно, изменить избирательный закон и выбирать выборщиков и депутатов по национальностям.¹⁸

Против такого предложения выступил кн. П.М. Волконский, слывший либералом. Он считал, что предложение изменить избирательный закон противоречит принципу равенства всех перед законом. Волконского поддержал лидер партии А.И. Гучков, который сказал, что осуществление требования преимущества для русских на окраинах невозможно по причине «признания нами равноправия всех народностей».¹⁹ В итоге съезд не сумел принять резолюции «По окраинному вопросу». Тогда 9 марта 1906 г. руководители местных отделов партии в Вильно, Риге, Минске, Юрьеве и Варшаве подали императору адрес с просьбой об установлении отдельного представительства для западных губерний. Руководство партии расценило этот демарш как самоуправство, а один из партийных функционеров Ю.Н. Милютин подготовил специальный доклад «Об отпадении некоторых отделов на западных окраинах».²⁰ К лету 1906 г. ситуация с фрондирующими отделами

¹⁶ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905–1907. – С. 137.

¹⁷ Там же. – С. 138.

¹⁸ Там же. – С. 138.

¹⁹ Там же. – С. 138.

²⁰ Там же. – С. 377.

обострилась. 25 июня в столице состоялось заседание ЦК «Союза», на котором выступил неугомонный Ю.Н. Милютин, предложивший исключить пять «мятежных» отделов из состава партии либо исключить их из списка будущего съезда. Однако столь радикальные решения не прошли. Более умеренные октябристы, такие как граф В.В. Гудович, барон П.Л. Корф и Г.Г. Лерхе, рекомендовали перенести обсуждение казуса на ближайший съезд и пригласить на него представителей провинившихся отделов. Это решение и было принято.²¹ Однако руководство партии недооценивало остроту национального вопроса на окраинах. Так, на соединенном совещании столичных отделений ЦК 8 и 9 января 1906 г. А.И. Гучков говорил, что «окраинный вопрос можно было бы не включать в программу...».²² Еще более серьезные расхождения с позицией октябристов обнаружились у Д.В. Скрынченко, после того как он побывал на II съезде партии октябристов.²³ После съезда он отмечал, что в партии есть кадетствующие, и они могут пойти на соглашение с конституционными демократами. Он имел в виду таких октябристов, как Ю.Н. Милютин, А.В. Бобрищев-Пушкин, П.В. Каменский. Ему было непонятно, «почему они до сих пор не перекочевали в кадетский лагерь».²⁴ На окраине России, как ему казалось, «немыслима политика кадета, или октябриста, или с. д.; здесь должна быть только русская окраинная политика».²⁵ Надо признать, что в исторической ретроспективе взгляды Д.В. Скрынченко выглядят как несомненно более конструктивные, нежели взгляды лидеров октябристов.

Летом 1907 г. Д.В. Скрынченко выступил с резкой критикой политики ЦК: «Провинциальные отделы не могут больше выносить такого положения дел, чтобы Центральный комитет позволял себе разные выходы, компрометирующие

²¹ Там же. – С. 201.

²² Там же. – С. 344.

²³ См.: МЭВ. 1907. № 10. Ч. неоф. – С. 297.

²⁴ Скрынченко Д. Октябристы и кадеты // Минское слово. 1907. 14 июня (№ 176).

²⁵ Скрынченко Д. Письмо в редакцию // Минское слово. 1908. 9 янв. (№ 572).

партию».²⁶ С точки зрения Д.В. Скрынченко, столичные комитеты октябристов уклонились влево, причем делегаты из губерний, по его мнению, остались на прежних позициях, а верхушка партии начала от них отходить. Для разрешения противоречия между ЦК и местными отделами он предложил созвать внеочередной съезд, на котором следовало бы переизбрать руководство партии. В случае отказа провести съезд провинциальные отделы партии должны провести свой независимый съезд и размежеваться с нынешними партийными лидерами. «Партия от этого не умрет, – заключал Д.В. Скрынченко, – а, наоборот, лишь окрепнет, ясно определит свою национально-прогрессивную программу».²⁷

Эволюция взглядов лидеров октябристов являет типичный пример того, как идеи патриотизма и государственности подверглись девальвации. Вестернизированная элита стремилась перенять европейские принципы либерализма, почитая их универсальными. С ее молчаливого согласия в обществе возникли и постепенно укрепились силы, которые, стремясь к свободам, объективно разрушали или существенно ослабляли государство. Известно, что в I Государственной думе один из кадетских депутатов говорил: «Чем больше патриот, тем больше идиот». И его слова были покрыты сочувственным смехом.²⁸ Оппозиционеров можно понять: многое в жизни российского общества и государства их не устраивало. Однако стремление изменить жизнь к лучшему было в начале века в России столь страстным и глубоким, что очень часто критики политического режима не видели разницы между самим государством и теми, кто им управлял. Иногда можно подумать, что в головах миллионов людей одномоментно зазвучал знаменитый лозунг М.А. Бакунина: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!».

4-8 октября 1909 г. Д.В. Скрынченко принял участие в III съезде октябристов, проходившем в Москве в здании

²⁶ Скрынченко Д. Октябристы и кадеты // Минское слово. 1907. 14 июня (№176).

²⁷ Там же.

²⁸ Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т. 2. 1907–1915. – С. 62.

Политехнического общества на Мясницкой. В докладе лидер партии А.И. Гучков едва обмолвился о национальном вопросе. На пятый день съезда с докладом вновь выступил А.И. Гучков, который сообщил, что в бюро съезда поступило три заявления. Первое было подписано девятью делегатами, среди которых был Д.В. Скрынченко. Текст письма гласил: «В бюро съезда «Союза 17 октября». Мы, нижеподписавшиеся делегаты провинциальных отделов, явившись на 3-й Всероссийский съезд октябристов, убедительно просим допустить обсуждение основных вопросов о национальном характере «Союза 17 октября» и постановить соответствующую резолюцию».²⁹ Кроме того, авторы первого письма подписали еще одно, в котором предлагали «внести на обсуждение съезда о дополнении избирательного закона включением трех прибалтийских губерний в число местностей, избирающих членов Государственной думы особо от русского населения».³⁰ Отвечая на письмо, А.И. Гучков заявил, что предлагаемый вопрос уже не подлежит обсуждению на съезде, так как прием замечаний и дополнений по повестке уже закончен.³¹ Таким образом, письмо девяти делегатов было отвергнуто, что и послужило причиной того, что Д.В. Скрынченко покинул съезд, разочаровавшись в национальной политике октябристов. От III съезда у Д.В. Скрынченко осталось негативное впечатление: «Было мало представителей провинциальной России, и слишком много людей из столиц». И далее он замечал: «России совсем не было видно на съезде».³²

В дальнейшем разногласия Д.В. Скрынченко с партией октябристов по национальному вопросу только усилились.³³ Он был убежден, что «октябристы определенно отмежевались от национально-русских традиций и купаются в том молочном конституционализме, который готовит им скорое

²⁹ Там же. – С. 487, прим.86.

³⁰ Там же. – С. 119.

³¹ Там же. – С. 119.

³² Скрынченко Д. Минск, 23 декабря // Минское слово. 1909. 23 дек. (№ 887).

³³ Скрынченко Д. Октябристский развал и Гучковское запугивание // Минское слово. 1909. 29 марта (№ 680).

и жестокое поражение».³⁴ Утверждение имело основания. Октябристы ограничились признанием «за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту культурных нужд в пределах, допустимых идеей государственности и интересами других национальностей».³⁵

К концу 1909 г. расхождения с октябристами заставили Д.В. Скрынченко обратиться к думской фракции этой партии с открытым письмом. Поводом послужило обсуждение Думой закона о свободе перехода из Православия в другие исповедания, в том числе нехристианские. Д.В. Скрынченко был убежден, что новый закон был губителен для Северо-западного края. В губерниях, где самосознание русского народа было развито слабо, а крестьянское население в значительной степени находилось в зависимости от польского дворянства, свобода перехода в иные конфессии могла привести лишь к ослаблению позиций Православия и самого государства. Д.В. Скрынченко выразил позицию лаконично: «пусть люди не терпят стеснений в исповедании своей веры, как это признано актами 17 апреля 1905 г., но пусть и не думают о свободе пропаганды».³⁶ Для него любая религиозная пропаганда, кроме православной, была равносильна пропаганде антигосударственной.

Другой причиной расхождения Д.В. Скрынченко с октябристами был «польский вопрос». Польша, как считал он, объявила настоящую войну России за Северо-западный край. Что требуется сделать, чтобы не допустить поражения, чтобы усилить русское влияние на западных окраинах? Прежде всего, следует лишить польское дворянство края возможности выбирать себе предводителей, иными словами, следует разрушить корпоративность шляхты, не дать ей возможности существовать в институциональных формах. Польское дворянство не является опорой России и

³⁴ Скрынченко Д. Октябристская злоба и ханжество // Минское слово. 1909. 22 сент. (№ 814).

³⁵ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. – С. 343.

³⁶ Скрынченко Д. Открытое письмо думским октябристам // Минское слово. 1909. 25 дек. (№ 889).

Престола, как считал Д.В. Скрынченко, это лишь «интеллигентный класс сепаратистов».³⁷ Любые реверансы в сторону Польши и поляков со стороны октябристов он считал предательством русских национальных интересов. Наконец, камнем преткновения был вопрос о земствах в западных губерниях. Д.В. Скрынченко не рекомендовал вводить земства по образу глубинной России. Он знал, что октябристы лоббируют введение этого закона в окраинных губерниях, стремясь тем самым завершить начавшуюся еще в XIX в. реформу местного самоуправления. «У нас, – утверждал Д.В. Скрынченко, – или не должно быть никакого земства, или оно должно быть совершенно русским».³⁸

Поскольку в политически активной части общества созрела идея решить проблему земств на западных окраинах, в 1910 г. законопроект о земствах был внесен в Государственную думу правительством. Для губерний, в которых вводились земства, была разработана новая система выборов, автором которой был талантливый чиновник Сергей Ефимович Крыжановский. Судя по воспоминаниям Д.В. Скрынченко, С.Е. Крыжановский, который в 900-х гг. служил товарищем министра внутренних дел, приезжал в Минск, чтобы ознакомиться с ситуацией на месте. По плану С.Е. Крыжановского, выборы должны были проходить по национальным куриям – русской и польской. Количество гласных (т. е. выборных людей) от каждой курии определялось по сложному сочетанию количества имущества и количества населения той или иной национальности. Проект С.Е. Крыжановского создавал искусственное преимущество гласным от русской курии. Несмотря на возражения кадетов Ф.И. Родичева и А.И. Шингарева, 12 мая 1910 г. проект был принят в первом чтении, а в конце месяца окончательно.³⁹

После этого возникла парадоксальная ситуация, когда

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Смирнов А.Ф. Государственная дума российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. – С. 373–374; Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря российской империи. СПб., 2009. – С. 172.

закон, отвечавший интересам государства, был отклонен Государственным советом. Причиной тому, как это часто случается, стали амбиции П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова, которые истолковали императору проект П.А. Столыпина «как революционную выдумку», цель которой – оттеснить от земского дела культурные и консервативные (хотя и польские) элементы.⁴⁰ В результате под влиянием императора Государственный совет закон отклонил. Тогда П.А. Столыпин посетил Николая II и поставил ультиматум: или закон будет проведен по ст. 87 (с трехдневным роспуском Государственной думы и Государственного совета), или он уйдет в отставку. Император, попавший почти что в патовое положение, размышлял неделю и 14 марта подписал указ о введении земств в Витебской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях. Октябристы отреагировали на временный роспуск Думы крайне нервно. По свидетельству работавшего в канцелярии Государственной думы Я.В. Глинки, «октябристы посылают депутации, умоляющие Столыпина не делать этого, а с другой стороны – националисты поддерживают Столыпина». В своем дневнике он сделал следующую запись: «Закон о земстве в западных губерниях опубликован. Националисты ликуют, октябристы возмущены».⁴¹

В феврале 1910 г. Д.В. Скрынченко вышел из партии октябристов. В обращении к ЦК партии он писал, что октябристы стоят на «космополитической почве» и превращаются в «кадетов 2-го сорта». Поводом для выхода послужил рассмотренный Государственной думой закон о налогах на недвижимое имущество, по которому с Привисленского края (как стали называть территорию Царства Польского) были списаны долги в размере 2,5 млн рублей. Октябристы голосовали в поддержку закона. «Считая такое поведение партии преступным по отношению к русскому народу, настоящим заявляю о своем выходе из партии», – писал Д.В. Скрынченко.⁴²

⁴⁰ Там же. – С. 374-375.

⁴¹ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. – С. 81.

⁴² Скрынченко Д. Центральному комитету партии «Союз 17 октября» // Минское слово. 1910. 21 февр. (№ 934).

II

Революция 1905 г., прокатившаяся по России волной стачек и забастовок и беспорядков, не обошла стороной и Северо-западный край. В Минске пробудились к жизни различные политические силы. Волна забастовок началась осенью. 2-3 октября в Минске не работала конка, многие на работу добирались пешком. А вечером 6 октября бундовцы попытались провести демонстрацию, которая была разогнана полицией.⁴³ «Революционная волна, – вспоминал Дмитрий Васильевич в эмиграции, – пронесшаяся по России и выразившаяся в пугачевщине, в Минской губернии и вообще в Белоруссии почти не проявилась; белорусский крестьянин, с подавленной польским правительством психологией, с испуганными, бегающими глазами, не бунтовал. Но в Минске случилось следующее: толпа молодежи, преимущественно еврейской, направилась к вокзалу в огромной манифестации, куда для порядка посланы были солдаты; красные флаги, пение революционных песен, сборы «на гроб Николашки» – все это настолько возмутило солдат, что они сами, без команды офицеров, мирно смешавшихся с толпой, выпалили по толпе; командующий офицер ползком из толпы приблизился к воинской части и, при общем смятении и шуме, когда ничего не было слышно и нельзя было разобрать, предупредил второй залп тем, что рукой показал вверх; и пули пронеслись высоко над головами. Начались демонстративные похороны «жертв революции».⁴⁴

Начиная с 13 октября на Виленском вокзале в Минске происходили спорадические сходки железнодорожников, которые время от времени разгонялись полицией. Полицейскими чинами были замечены агитаторы-евреи, которые не имели отношения к железнодорожной службе.⁴⁵ 17 октября Император после длительных колебаний подпи-

⁴³ 1905 год у Беларусі. Менск, С.45.

⁴⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 25-26.

⁴⁵ 1905 год у Беларусі. – С. 54.

сал Манифест, который начали рассылать по губерниям. Но то ли делалось это неспешно, то ли произошла задержка на телеграфе – только собравшимся на привокзальной площади первым сообщил весть о подписании Манифеста военный комендант станции полковник Жданович. Воспользовавшись этим, митингующие потребовали разрешить сходку на основании дарованных свобод. Подполковник Марченко, в чьей зоне ответственности находился вокзал, отвечал, что у него нет указаний на сей счет. В 13 часов 18 октября, когда Манифест дошел до канцелярии губернатора, тот разрешил сходку. Странность ситуации заключалась в том, что Петербург не удосужился оповестить местные власти о грядущем подписании документа и поставил их в сложное положение. Чувствовалось, что власти растеряны.⁴⁶

На стихийно возникшем перед зданием вокзала митинге начали выкрикивать непристойности в адрес императора, а затем толпа, будучи возбуждена речами, решила освободить из тюремного замка арестованных. Митингующие выделили 9 человек, которые отправились к губернатору. В результате переговоров последний согласился освободить лишь административно арестованных, а депутации сообщил, что «арестованные по политическим делам находятся в ведении следственной власти и прокурорского надзора, от которых и зависит их освобождение».⁴⁷ Демонстранты требовали убрать из города казаков, но губернатор отвечал, что полк Кубанского казачьего войска стоит в Минске по приказу военного начальства и не может быть удален из города по воле губернатора.⁴⁸ После переговоров толпа с красными флагами направилась к вокзалу, где к ней присоединились учащиеся, интеллигенция, пожилые люди. Словом, Манифест 17 октября воодушевил многих, чем поспешили воспользоваться как те, кто хотел ухудшить ситуацию, так и те, кому хотелось бы все запретить. Толпа стала напирать на вокзал, в результате произошла сумятица и неизбежная в таких ситуациях неразбери-

⁴⁶ Там же. – С. 54-55.

⁴⁷ Курлов П.Г. Гибель императорской России. – С. 52-53.

⁴⁸ Там же. – С. 52-53.

ха, в ходе которой была открыта стрельба. Убито было около 50, ранено 150 человек.⁴⁹ В мемуарах бывший минский губернатор обрисовал ситуацию на вокзале следующим образом: «Кто-то вырвал из рук начальника караула шашку и нацепил на нее красный флаг, а толпа стала отнимать у неподвижно стоявшего караула ружья. Этого солдаты не стерпели и без команды открыли беспорядочный ружейный огонь».⁵⁰ После октябрьских событий С.Ю. Витте вызвал П.Г. Курлова в столицу и потребовал его отставки. Однако скорее всего благодаря поддержке императора минский губернатор отставлен не был и через несколько дней возвратился в Минск.

В начале 1907 г. Д.В. Скрынченко отмечал, что страна не так давно стояла на краю гибели, «никогда еще русский народ не подвергался таким страшным испытаниям, как в настоящее время».⁵¹ Он полагал, что окраины волнуются, требуют автономии, потому что единый имперский организм ослаблен в ходе Русско-японской войны.

Вину за ухудшающуюся в обществе ситуацию Д.В. Скрынченко в первую очередь возлагал на тогдашнюю элиту общества в лице дворянства. Русское дворянство Дмитрий Васильевич считал социальным носителем космополитизма. Как ему казалось, оно «слишком разбавлено инородческими дрожжами, частью потому, что в последние два века шаталось по заграницам, «скучало» и попадало «с корабля на бал». «Дворянство, – писал он, – взято патриотическим русским обществом под сомнение».⁵² Критическая оценка дворянства, которую можно встретить во многих статьях Д.В. Скрынченко, была весьма распространена в начале позапрошлого века не только в стане левых. Некоторые консервативно настроенные политики рассматривали дворянство как некий реликт, сохранившийся с древности, социальная ценность которого крайне невелика. Один из умнейших чиновников того времени С.Е. Крыжанов-

⁴⁹ 1905 год у Беларусі. – С. 56.

⁵⁰ Курлов П.Г. Гибель императорской России. – С. 53.

⁵¹ Скрынченко Д.В. С Новым годом! // МЭВ. 1907. № 1. Ч. неоф. – С. 1.

⁵² Скрынченко Д.В. Анархическая нация // Минское слово. 1910. 5 янв. (№ 895).

ский, находясь уже в эмиграции, писал, что дворянство «к концу царствования императора Александра III из положения элемента, поддерживавшего престол, перешло уже на положение государственного призреваемого».⁵³ Д.В. Скрынченко как выходец из низов (как, впрочем, и С.Е. Крыжановский) четко подметил социальный эгоизм части дворянства, его чувство вседозволенности и высокомерия по отношению к собственному народу. Д.В. Скрынченко полагал, что дворянство, «белая кость», не должно быть единственным во власти. Он отмечал позднее, что «аристократия, выработка ее нацией вполне естественна; нужно лишь не давать загнивать этой аристократии и превращаться в касту, а делать отбор среди «черной кости» и проводить их на все верхи государственной жизни, как делал, например, гениальный Петр Великий».⁵⁴ Эта мысль перекликается с идеей Л.А. Тихомирова, который полагал, что в России на смену дворянскому сословию должна придти новая аристократия, которая будет состоять из лучших представителей различных сословий.⁵⁵

В эмиграции Д.В. Скрынченко писал, что «Россией правил не русский народ, а правило *дворянское сословие*, поэтому вся система госуправления, построенная на принципах сословности, привела к разложению аппарата управления».⁵⁶ Другим источником смуты он считал депутатов Государственной думы, которые «разжигали народные страсти, играя на низких инстинктах и пожиная дешевые овации, они предлагали произвести над Родиной самые опасные опыты: отобрать всю землю у владельцев, отменить смертную казнь, произвести смуту в армии».⁵⁷ Поэтому причину краха I Государственной думы он видел в ее составе, который «оказался роковым для нее»: «В Думу попало большое число инородцев и безразличных к Родине авантюристов»,

⁵³ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. – С. 125.

⁵⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 24.

⁵⁵ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. – С. 653.

⁵⁶ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 23.

⁵⁷ Скрынченко Д. По поводу текущих событий // МЕВ. 1906. № 14. Ч. неоф. – С. 381.

а что касается дворянства, прошедшего в Думу, то «оно давно уже зарекомендовало себя безразличным отношением к Родине».⁵⁸ По оценке Д.В. Скрынченко, I Государственная дума «не могла нормально работать: созванная в период революционного разгара, она имела в своем составе таких членов, которые попали в нее благодаря своей смелости (если не сказать больше), партийной сплоченности и *благодаря пассивному отношению к выборам мирных граждан*».⁵⁹ Позднее в своих воспоминаниях С.Е. Крыжановский, который был одним из инициаторов роспуска Думы, писал: «Казалось, что Русская земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы. Если исходить из мысли, что эти люди действительно представляли собою народ и его «сокровенные чаяния», то надо было признать, что Россия еще, по крайней мере, 100 лет могла держаться силою внешнего принуждения, а не внутреннего сцепления, и единственный спасительный режим для нее был бы просвещенный абсолютизм».⁶⁰

Больше всего, конечно, Д.В. Скрынченко возмущало, что в Думу от губерний Западного края попало много поляков и евреев. Действительно, избирательный закон был составлен таким образом, что представители коренного белорусского и великорусского населения в законодательном органе были представлены слабо. Как считал Д.В. Скрынченко, «русские люди Минской губернии не должны допускать, чтобы Дума была представлена от Минской губернии только поляками или евреями».⁶¹ Указывая на ухудшение положения русских на окраинах, он прежде всего имел в виду избирательный закон, в соответствии с которым русское население Северо-западного края оказалось представленным в I Государственной думе в основ-

⁵⁸ Там же. – С. 382.

⁵⁹ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Нельзя медлить // МЕВ. 1906. № 16. Ч. неоф. – С. 428.

⁶⁰ Крыжановский С.Е. Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. – С. 137.

⁶¹ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Нельзя медлить // МЕВ. 1906. № 16. Ч. неоф. – С. 429.

ном поляками. «Разве не странен, не возмутителен этот закон?» – спрашивал Д.В. Скрынченко.⁶²

Надеясь на пробуждение национальной идеи в русском населении края, Д.В. Скрынченко призывал: «Русские люди, проснитесь! Пора действовать. Медлить нельзя».⁶³ По его мнению, русскому избирателю на выборах в I Думу не хватило инициативы, а самое главное – отсутствовало *гражданское* самосознание, т. е. отсутствие *граждан* в России есть главная причина кризиса I Думы.⁶⁴ Он призывал к тому, чтобы *обыватель* стал *гражданином*, и считал, что в этом превращении должна свою роль сыграть Церковь. Подводя итоги, спустя три года он писал, что после 17 октября русские люди «действительно стали гражданами».⁶⁵

Стремясь к институционализации гражданского самосознания, он, естественно, пришел к идее политической консолидации для борьбы за места в Думу. «Насколько мне известно, – писал он, – в Минске есть русские люди, которые хотят объединить всех русских людей губернии».⁶⁶ После выборов «Русский предвыборный комитет» был преобразован в «Русский окраинный союз». 26 апреля 1907 г. «Минское слово» напечатало обращение «От комитета Минского отдела РОС», в котором говорилось, что на Северо-западный край претендуют поляки, стремящиеся воссоздать независимую Польшу. Поэтому они усилили пропаганду католицизма и польского языка среди белорусского крестьянства. В связи с польской угрозой РОС ставил своей целью «служить оплотом русской государственности и народности»⁶⁷ на западных окраинах России». При этом Мин-

⁶² Там же. – С. 429.

⁶³ Там же. – С. 430.

⁶⁴ Скрынченко Д.В. «В своей статье...» // МЕВ. 1906. № 18. Ч. неоф. – С. 507-508.

⁶⁵ Скрынченко Д.В. Серьезная нужда // Минское слово. 1909. 19 дек. (№ 884).

⁶⁶ Скрынченко Д.В. «В своей статье...» С. 510.

⁶⁷ Под народностью правые понимали нацию, о чем говорит то, что предикатом субъекта «народность» является «национальный», а не «народный». – Омелянчук И.В. Украинский и польский вопросы в контексте этнополитической составляющей идеологии консервативно-монархических партий России начала XX в. // Славяноведение. 2006. № 5. – С. 10.

ский отдел выступал как против русификации, так и против автономии Северо-западного края.⁶⁸

В речи на собрании «Русского окраинного союза» Д.В. Скрынченко утверждал, что, несмотря на то, что русское дворянство края ополячилось за время господства поляков, «наш край не потерял своего русского характера. Осталось верным и почти совершенно целым крестьянство».⁶⁹ Он полагал, что патриархальность православного крестьянства есть залог успеха на выборах. «Народ наш, – писал Д.В. Скрынченко, – свободен. Он должен осознать и скоро осознает, что он – великий русский народ (великороссы, малороссы и белорусы) – хозяин государства, а паны-поляки должны или бросить свою наступательную политику, или убраться из пределов Минской губернии».⁷⁰

Его усилия по пропаганде национальных русских начал даром не пропали. Во II Думу от Минской губернии в феврале 1907 г. были избраны православные русские, причем основную роль в этой победе Д.В. Скрынченко отводил духовенству. «Значение русской победы в Минске громадно, и именно в моральном отношении, в смысле национального пробуждения. Эта победа показала всему русскому населению края, что оно – объединенное – чрезвычайно много может сделать для защиты своих интересов».⁷¹ Участие Д.В. Скрынченко в политическом процессе выразилось в том, что на выборах во II Думу он вошел в число выборщиков,⁷² а в избирательной кампании в III Думу был включен в выборную комиссию по русскому отделению.⁷³

Новый избирательный закон 1907 г., как его характеризовал С.Е. Крыжановский, имел целью «вырвать Государственную думу из рук революционеров, слить ее с историческими учреждениями, вдвинуть в систему государственного

⁶⁸ «От комитета Минского отдела РОС» // Минское слово. 1907. 26 апр. (№ 138). – С. 1.

⁶⁹ Речь Д.В. Скрынченко на собрании «Русского окраинного союза» // Минское слово. 1907. 5 сент. (№239).

⁷⁰ Скрынченко Д. О Русском Окраинном Союзе // МЕВ. 1907. № 3. Ч. неоф. – С. 71.

⁷¹ Скрынченко Д. Национальный праздник // МЕВ. 1907. № 4. Ч. неоф. – С. 89.

⁷² Минское слово. 1907. 8 марта (№99). – С. 1.

⁷³ Минское слово. 1907. 29 сент. (№257). – С. 3.

управления».⁷⁴ В Высочайшем Манифесте от 3 июня 1907 г. указывалось, что «новая Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности не должны и не будут являться в числе, дающем возможность быть вершителями вопросов чисто русских». Изменение избирательного закона, которое готовил С.Е. Крыжановский, приехавший в Минск и встречавшийся там, в частности, с Г.К. Шмидом и Д.В. Скрынченко, выразилось в том, что было резко сокращено число депутатов от польских губерний – с 36 до 12. Евреи были выделены в особую курию по округам в пределах черты оседлости. В новом законе, как отмечал С.Е. Крыжановский, было «проведено начало державного значения русского племени путем установления особых выборов от русского населения на окраинах».⁷⁵

Самое главное в изменении закона заключалось в том, что 65% выборщиков избирались зажиточными, образованными слоями общества, которые участвовали в земских и городских выборах и имели опыт общественной деятельности. Изменение законодательства привело к тому, что в III Думу польские представители от Минской губернии не прошли. Это была победа, но неполная. Предстояло повлиять на изменение состава Государственного совета. В нем, по мнению Д.В. Скрынченко, «от нашего края заседают лишь враги русской государственности».⁷⁶ С целью исправления положения в Петербург была направлена депутация от Минской губернии в составе двух генерал-лейтенантов – Н.А. Кованько и С.Н. Мезенцова, протоиерея Д. Павского и П.М. Якимовича. Николай II дал им аудиенцию и «обещал удовлетворить желания населения касательно выборов в Государственный совет в полном объеме».⁷⁷

В Минске началась семейная жизнь Д.В. Скрынченко. 16 июля 1905 г. женой его стала удивительная женщина, Алек-

⁷⁴ Крыжановский С.Е. Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. – С. 119.

⁷⁵ Там же. – С. 127.

⁷⁶ Скрынченко Д. К оздоровлению края // МЭВ. 1909. № 10. Ч. неоф. – С. 225.

⁷⁷ Там же. – С. 226.

сандра Ивановна Доброславская (1884–1979). Она происходила из старинного города Богодухов Харьковской губернии, после окончания гимназии училась в Германии в консерватории, обладала музыкальным вкусом и бесконечно любила Дмитрия Васильевича. Они венчались 10 июля 1905 г. После свадьбы Д.В. Скрынченко снял квартиру в самом центре Минска – на Торговой площади в доме № 2. Теперь этой площади нет, но в начале прошлого века это было бойкое место, неподалеку от мужского Свято-Духовского монастыря. В Минске у них родилось трое детей: две дочери – Мария и Ирина и сын Анатолий. Семейный быт налачился быстро, тем более что плата за прислугу была невелика. Она составляла от 6 до 15 руб. в месяц мужчине и от 4 до 10 женщине.⁷⁸ На работу в духовную семинарию, располагавшуюся на Александровской улице, Д.В. Скрынченко ходил через мост, перекинутый через неширокую реку Свислочь.

С появлением детей увеличились расходы, и Д.В. Скрынченко начал преподавать в женской Мариинской гимназии на Подгорной улице. Он позднее вспоминал: «...В женской гимназии я был особенно популярен; ученицы старших классов, где я преподавал, относились ко мне особенно приверженно: часто в классе и чернильница, и ручка оказывались перевитыми голубыми или розовыми ленточками, а на кафедре стояли букеты цветов... Я с увлечением преподавал всеобщую и особенно русскую историю, а один год к тому же и латинский язык».⁷⁹ Лишь в 1909/1910 учебном году из-за ухудшившегося состояния здоровья работу в гимназии пришлось прервать.⁸⁰ Об этих событиях он вспоминал: «...Я лег в хирургическую клинику; операция мне сделана была хорошо, но наложенные металлические швы, только что полученные из Австрии, оказались непродезинфицированными; началось нагноение».

⁷⁸ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900-1917 гг.). Т. III, Минск, 1953. – С. 95.

⁷⁹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 14.

⁸⁰ Скрынченко Д.В. Письмо в редакцию // Минское слово. 1910. 2 февр. (№ 918). – С. 3.

ние на швах, и я пролежал целый месяц в клинике с дренажами; хотя нагноение не прекратилось, я выписался из клиники, с трудом добрался до вокзала и возвратился в Минск; теплый уход милой семьи и д-ра И.У. Здановича через месяц поставил меня на ноги».⁸¹

В 1908 г. серьезно заболел старший брат Дмитрия Васильевича Михаил, служивший помощником исправника в уездном городке Боброве Воронежской губернии. Узнав об этом, 6 января 1910 г. Д.В. Скрынченко написал воронежскому губернатору письмо. Он просил, чтобы губернатор выделил пособие на лечение брата в размере 400-500 руб., чтобы повезти его на лечение в Москву или Харьков.⁸² Надо заметить, что на его просьбу губернатор откликнулся, деньги были выделены. В октябре 1909 г. за выслугу лет Д.В. Скрынченко был произведен в чин коллежского советника,⁸³ который соответствовал полковнику и давал право на личное дворянство.

⁸¹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 18.

⁸² Государственный архив Воронежской области, ф. 2, оп. 9, д. 1280, л. 106.

⁸³ МЕВ. 1909. № 23. Ч. офиц. – С. 259.

Орек 5

Правый националист

I

Минск, в который переехал Дмитрий Васильевич Скрынченко, после Казани казался городом тихим и провинциальным. Но тишина его была обманчивой: именно в Северо-западном крае развивались наиболее активные национальные движения, с которыми власти долго и не всегда успешно боролись. Приехавшему из внутренней России Д.В. Скрынченко сразу же бросилась в глаза национальная разноликость города. Это неудивительно: жизнь в глубинной России без опыта общения с другими нациями часто притупляет национальные чувства, и лишь соприкосновение с иной культурой заставляет задуматься о своих национальных истоках и основах.

По сравнению с Казанью Минск обладал иной полиэтничностью. Это был русский губернский город, но русских в нем проживало меньше, чем евреев. Сравнивая Минск с Пермью, Д.В. Скрынченко подчеркивал, что «прежде всего, здесь чувствуешь себя не в России».⁸⁴ Прожив некоторое время в Минске, Дмитрий Васильевич был вынужден в значительной степени изменить свое понимание национального вопроса. Вот как он описывал этот мучительный процесс: «И я, *вчерашний либерал* (курсив мой – В.К.), готовый за еврея идти на страдания, как-то осунулся, ушел в себя, в проверку всего того, о чем кричала вся русская печать, и каждый день видел, как эта печать бессовестно и безбожно лгала. Я стал наблюдать и затем бросился с головой в изучение края, белорус-

⁸⁴ Государственный архив Пермского края. Ф. 297, оп. 4., д. 137. Письма Скрынченко Д.В.

ского народа, этого мнимого тут «хозяина земли», в опорках, в бедных белых свитках, темного, суеверного, я стал ездить по губернии. Перед глазами моими стало все проясняться, и я прозрел...».⁸⁵ Итогом его размышлений стал постепенный переход на позиции национализма.

В общественном мнении России национализм, как правило, представлялся, да и теперь представляется явлением ретроградным, если не реакционным. Виной тому – трагическая аберрация общественного сознания, когда национализм как комплекс идей, связанных с утверждением и отстаиванием отеческих приоритетов, имел почти одни негативные политические коннотации.⁸⁶ Истоки исторически искаженного понимания национализма следует искать в сознании русской и прежде всего либеральной интеллигенции, в ее идейной ориентации на Запад. Эта часть русской интеллигенции всегда познавала мир через систему понятий и ценностей, пришедших с Запада. По меткому выражению социолога А. Кустарева, это есть способ самоидентификации «челяди через барина». Негативное и даже предвзятое отношение к национализму не позволило сформироваться в России т. н. банальному национализму, который выражается в априорной уверенности в правоте своей страны, презумпции превосходства национальных интересов и национальной гордости.⁸⁷

⁸⁵ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 11.

⁸⁶ Сущность национализма видели «в таком переразвитии национальных чувств, при котором люди, целые группы людей, часто очень многочисленные, начинают переоценивать свою национальность, иногда и свою нацию и считают поэтому совершенно справедливым всяческие для нее преимущества сравнительно с другими национальностями и другими нациями». – Большая энциклопедия. Под ред. – С. Н. Южакова. Т. 13, СПб., б.г., С. 713. Современная наука исходит из более объективного определения: национализм – идеология и вытекающая из нее практика, в которой высшей ценностью является нация как суверенная культурно-политическая общность. – Сергеев С. Заметки о национализме // Логос, 2007. № 1 (58); его же. Пришествие нации. Книга статей. М., 2010. – С. 131. По его мнению, национализм «является служебным идейно-эмоциональным комплексом, который могут использовать любые идеологии». – Там же. – С. 161. Известные специалисты по теории и истории национализма полагают, что в центре национализма как идеологии находится нация, которая выступает источником суверенитета, объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти. – Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. – С. 9.

⁸⁷ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. – С. 416.

В Минске взгляды Дмитрия Скрынченко достаточно быстро обрели национальное содержание. По собственной характеристике, Д.В. Скрынченко был «правым националистом». Национализм он понимал как выражение духа пришедшей к самосознанию нации, а именно русской. Не случайно слово самосознание часто встречается в его статьях. Эта позиция восходит к позиции славянофилов, которая, в свою очередь, подпитывалась от идеи «духа народа» Г. Гегеля. Д.В. Скрынченко считал, что чувство национализма – естественное чувство, оно лежит в основе неравного положения наций в государстве, которое ему представлялось так: «У себя в государстве мы желаем быть хозяевами, а не равными во всех отношениях с инородцами».⁸⁸ Всякое иное положение титульной нации, как он считал, неизбежно приведет к распадению России. О формуле «Россия для русских» он писал: «Этим девизом мы желаем лишь снова найти свое историческое место в государстве, постепенно утерянное нами в течение последних 200 лет и особенно в годы смуты».⁸⁹ В его тезисе было зафиксировано искреннее стремление многих русских националистов, которое «состояло в попытке гармонизации, непротиворечивого и взаимно выгодного сочетания интересов империи и русской нации».⁹⁰ Однако империя как сложносоставной организм не могла опираться только на один, пусть даже численно преобладающий русский этнос. Противоречивость русского национализма зафиксировал современный исследователь: «Строить нацию – значит разрушать империю. Ибо тем самым разрушается ее опора – имперская, надэтническая лояльность».⁹¹

Столкновение русского национализма и имперского принципа ряд авторов не без оснований склонны представлять как фундаментальное противоречие русской истории: «Главное, системообразующее противоречие империи со-

⁸⁸ Скрынченко Д. Национальные пробуждения и казенные перья // Минское слово. 1909. 8 дек. (№ 874).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. – С. 418.

⁹¹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. – С. 110.

ставлял принципиальный конфликт между русским народом и имперским государством». ⁹² Д.В. Скрынченко пытался решить это противоречие на основе христианского дискурса. Он утверждал, что «принцип национализма не только не чужд, но и прямо требуется смыслом Евангелия». Национализм он выводил из заповеди Христа, который «заповедал ученикам Своим идти *прежде всего* к погибшим овцам дома Израилева, а потом уже к другим народам». ⁹³ В результате, как казалось Дмитрию Скрынченко, «Россия скажет миру новое слово, она *возвратит миру забытого им Христа*». ⁹⁴ Последнее означало, что государствообразующая нация должна максимально выявить и развить свой духовный потенциал. В практическом смысле это означало, что именно на русских лежит прямая обязанность сделать Россию привлекательной для проживания. Это был своего рода идеал, цель, к которой следовало стремиться. Национализм Дмитрий Скрынченко мыслил как ресурс, при помощи которого следовало решать многие задачи, стоявшие перед Россией. Именно поэтому он настаивал на укреплении русского этноса, отчетливо понимая, насколько он слаб. Как и многие русские националисты, Дмитрий Скрынченко работал в плоскости культурного национализма, задача которого заключалась в том, чтобы выработать «русский стандарт» жизни в самых разных сферах. ⁹⁵ К сожалению, в начале прошлого века русский национализм не перерос в программу действий, рассчитанных на многие годы.

Феномен национализма возник по историческим меркам сравнительно недавно, в самом конце XVIII – начале XIX в. Его появление подстегнули прокатившиеся по Европе антинаполеоновские войны. Причем изначально национализм

⁹² Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. – С. 45.

⁹³ Скрынченко Д. Национальные пробуждения и казенные перья // Минское слово. 1909. 8 дек. (№ 874).

⁹⁴ Скрынченко Д. Общемировое призвание России и в связи с ним задачи западно-русских семинарий // МЭВ. 1904. № 20. Ч. неоф. – С. 425.

⁹⁵ Ремизов М. Русский национализм как идеология модернизации // Логос. 2007. № 1 (58). – С. 199.

проходил «по ведомству» либеральной идеологии, о чем весьма убедительно пишут как на Западе, так и у нас.⁹⁶ Возникнув, национализм стал использоваться либерализмом для формирования консолидированного общества в противовес активности «опасных классов». Если в странах Западной Европы национализм рассматривался как вспомогательная идеология, укрепляющая целостность общества, то в России, как отмечалось выше, национализм считался явлением недостойным и преподносился обществу либеральной интеллигенцией как «черносотенство».

Русский национализм начала XX в. имел многоликий характер. Он был не только ответом на национальные движения на окраинах империи, но прежде всего являлся реакцией на процесс модернизации общества по буржуазному пути. Поэтому он имел антибуржуазную направленность и стремился к созданию солидарных социальных групп. Националистические идеи помогали восполнить утраченную социальную идентичность тем, кто на себе испытал экономическое и религиозное давление со стороны нетитульных наций.⁹⁷ Сложность положения русского национализма заключалась в том, что со стороны государства отношение к самим националистам часто было негативным. И не только потому, что империя не могла опираться на одних русских. Дело в том, что националисты в конечном счете утверждали лояльность не государю, а нации. Последнюю они рассматривали как важнейший источник суверенитета и основания легитимности власти.

В понимании того, как происходит становление и развитие этносов, существует две позиции. Представители примордиализма (от англ. *primordial* – изначальный, исконный) в понимании развития этносов исходят из того, что развитие этноса есть по сути дела телеологический, предопределенный процесс. Согласно этой точке зрения,

⁹⁶ См.: Валлерстайн И. Конец какой современности? // Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2001. – С. 174; Храмов А. Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма // Вопросы национализма. 2010, №2. – С. 38.

⁹⁷ Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. – С. 91.

оказывается, что белорусская нация вместе со своим национальным самосознанием зародилась в глубине веков, чуть ли не тысячу лет назад, затем подверглась угнетению – сначала поляками, а затем русскими. Вслед за тем началось национальное возрождение, выразившееся в стремлении к свободе и восстановлению едва не утраченной национальной идентичности. Примордиализм т. о. предполагает существование изначальной этнической идентичности, что должно было выражаться в осознании уже в древности всеми членами общества своей принадлежности к одной и той же этнической общности. Таким образом, в прошлое переносится нынешнее актуальное состояние этноса, для подтверждения чего подыскиваются соответствующие факты. Л. Альтюссер остроумно назвал этот подход «ретроспективной телеологией». У некоторых исследователей подобная точка зрения вызывает достаточно скептическое отношение.⁹⁸ В то же время трудно отрицать, что нации имеют древнюю историю, их происхождение, не всегда понятное и труднообъяснимое, уходит иногда в седую древность.

Другая позиция – конструктивизм – исходит из того, что решающим фактором формирования нации является социальная коммуникация. Нация создается, в буквальном смысле слова конструируется под влиянием пропаганды и агитации. Поэтому возникновение наций обусловлено переходом от традиционного к индустриальному обществу, т. е. нации формируются не ранее XVIII–XIX вв. и не являются продолжением ранних этносов. Возникновение единой культуры (в основе которой лежит единый язык) обеспечивает государство, которое активно способствует складыванию нации. Таким образом, нация – это проект, который реализуется на основе национализма. Эта позиция при всей кажущейся искусственности формирования нации имеет весомые основания. Формирование некоторых наций происходит буквально на глазах, что является очевидным фактом.

⁹⁸ Фон Хаген М. Имеет ли Украина историю? // *Ab Imperio*. Теория национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2000. № 1. – С. 37-51.

Если нацию рассматривать как политическую форму этноса, то следует признать, что она утверждает и решает одну из острейших проблем национального бытия – проблему социально-политического и культурного единства. Сначала нация объединяет элиты, верхи общества, а затем она строится (создается) «сверху вниз». Как правило, создание нации происходит под лозунгом ее возрождения. Видимо, примордиализм всегда берется на вооружение теми, кто хочет создать нацию и действует на основе конструктивизма. Скорее всего, адекватное объяснение механизма возникновения и бытования наций лежит на пути синтеза примордиализма и конструктивизма. Так, можно утверждать, что Д.В. Скрынченко как «создавал» нацию, так и «пробуждал» ее – ведь нация не создается на пустом месте, как иногда утверждают крайние конструктивисты. Поэтому во взглядах Д.В. Скрынченко на решение национального вопроса можно найти элементы как примордиализма, так и конструктивизма, каждый из которых выдвигался на первый план в зависимости от сложности решаемых задач. Настаивая на выработке и укреплении национального самосознания, Д.В. Скрынченко и другие русские националисты исходили из того, что строительство нации в России не завершено. Как и на Западе, в России в нацию сначала превратилось дворянство, при этом другим социальным группам вход в эту квазинацию был закрыт. Это не могло не привести в дальнейшем к трагическому социально-культурному разрыву, к возникновению, говоря словами Б. Дизраэли, «двух наций», что завершилось братоубийственной гражданской войной в XX в.⁹⁹

В Северо-западном крае, как и в Юго-западном, завязался тугой узел этнических противоречий, в которые были втянуты русские, поляки и автохтонное население края – белорусы. Последних поляки стремились ополячить, или, как тогда выражались, полонизировать, а русские этому противодействовали. Так сложилось потому, что и поляки, и русские относились к т. н. «великим», или старым, нациям. Старые нации

⁹⁹ Подробнее см.: Сергеев С. Дворянство как идеолог и могильщик русского национализма // Вопросы национализма. 2010. № 1. – С. 26-48.

имеют национальную элиту (дворянство, интеллигенцию), глубокие культурные традиции, государственность, сложившийся литературный язык. Белорусы, чья этничность только формировалась, относились к «малым», или молодым нациям. Молодые нации представлены крестьянскими этносами, не имевшими в своем прошлом государства, не обладавшими сложившимся литературным языком и духовной элитой.¹⁰⁰

Идеалом для Д.В. Скрынченко было национальное государство, политическое тело которого заполнено однородным национальным содержанием. Дмитрий Скрынченко исходил из того, что русская нация должна расшириться за счет тех подданных империи, что населяют Северо-западный край. Столь жесткая позиция определялась давней борьбой двух имперских национальных «проектов» – русского и польского, один из которых, пользуясь поддержкой государства и церкви, нацеливался на уменьшение польского влияния, а другой, опираясь на культурное влияние шляхты и костела, стремился восстановить утраченный status quo. Оба проекта предполагали наличие образа «идеального Отечества», то есть каким оно должно быть «по справедливости». «Для поляков «идеальной Родиной» была Речь Посполитая в границах до 1772 г. Таким образом, польский образ «идеального Отечества» включал заметную часть территории с преобладанием восточнославянского населения (современная Белоруссия и правобережная Украина), которые в русском националистическом дискурсе считались своими. Взаимное наложение «идеальных Отеществ» делало польско-русский конфликт непримиримым, а концепция большой русской нации, объединяющей Великую, Малую, Белую и Червонную (Восточная Галиция – В.К.) Русь, «была главным идеологическим основанием для русской позиции в этом конфликте».¹⁰¹ В рамках борьбы двух «проектов» сами белорусы рассматривались как

¹⁰⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империализма. Т. 1. СПб., 2000. – С. 40; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. – С. 157-158.

¹⁰¹ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. – С. 41.

составная часть русской нации, как попавшие под временное влияние поляков и в силу этого обладающие некоторыми местными особенностями.¹⁰² Эта позиция в дальнейшем получила название западнорусизм.¹⁰³ Поэтому национальная политика Петербурга в Северо-западном крае, который русский философ и публицист В.В. Розанов называл русской окраиной с польским населением, была нацелена на то, чтобы с минимальными издержками интегрировать его в имперский организм. Достижение этой цели предполагало решение в том или ином виде т. н. «польского вопроса». Поляки, чье экономическое и культурное влияние в крае были неоспоримы, рассматривались как основное препятствие на пути интеграции бывших польских земель в культурное и политическое пространство России. Сохраняя латентную мятежность, они не слишком стремились превратиться в верноподданных и освободить белорусских крестьян из-под своего влияния.

Ситуация противостояния двух национальных «проектов» стала возможной потому, что белорусская нация в классическом смысле слова в начале XX в. еще не сформировалась. У белорусов не было кристаллизовавшейся национальной идеи, а та, что имелась, не проникла в толщу народа, охватывая лишь небольшую группу диссидентов с высшим образованием.¹⁰⁴ Идентичность белорусских крестьян (80% белорусов были заняты в сельском хозяйстве) складывалась из отождествления самих себя с деревенским укладом, религией и социальным положением, но не с на-

¹⁰² Советские историки, модернизируя исторический процесс, полагали, что «к началу XX в. уже сложились основные признаки белорусской нации». – История Белорусской ССР. Минск, 1977. – С. 153.

¹⁰³ Под западнорусизмом понимается течение общественной мысли, представители которого считали, что Белоруссия «является в культурном и государственном отношении частью России и потому должна рассматриваться как один из ее составных элементов». – Сильверстова-Куль С.Е. Историография политики царизма в Белоруссии и национальное возрождение белорусов // Славяноведение. 1996. № 5. – С. 6-7. См. также: История Беларуси. Словарь – справочник. Мн., 2000. – С. 64.

¹⁰⁴ Фурман Д., Буховец О. Парадоксы белорусского самосознания // Дружба народов, 1996. № 6. – С. 108-109. Здесь следует напомнить, что первым, кто еще в 1863 г. заговорил об угрозе белорусского сепаратизма, был М.Н. Катков.

циональностью.¹⁰⁵ Белорусская идентичность на грани веков складывалась исключительно как крестьянская или производная от крестьянской, почему белорусов часто называли «мужицким народом». Сельские жители в большинстве своем считали себя не столько поляками или русскими, сколько «тутэйшыми», т. е. тутошними, местными, не интегрированными в национальное целое. К этому следует добавить, что к началу века белорусский язык не был стандартизирован и считался наречием русского языка.¹⁰⁶ Столь же слабым, как и национальное самосознание, был белорусский сепаратизм, который начал идейно оформляться в начале XX в. Он не пользовался поддержкой в крестьянской среде и имел явно маргинальный характер. По мнению Н.А. Окары, белорусскую культуру отличал антиэлитаризм, чем объясняется «отсутствие глобальной белорусской национальной идеи, утверждающей общемировую уникальность белорусов, их место в мистической истории человечества».¹⁰⁷ Поэтому этнический национализм на территории нынешней Белоруссии начала прошлого века не обладал потенциалом модернизации общества и почти не существовал в политическом отношении. Авторы вышедшего на Западе фундаментального

¹⁰⁵ Викс Т.Р. «Мы» и «они» // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. – С. 592.

¹⁰⁶ Современные белорусские авторы отмечают, что «на протяжении XIX в. не была завершена выработка грамматических, лексических и фонетических норм белорусского языка». – История Белорусской ССР. Мн., 1997. – С. 153. Выдающийся русский филолог И.И. Срезневский считал, что «гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором великорусского народа, а не отдельным наречием». – Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887. – С. 36. В пределах терминологии своего времени он исходил из существования трех основных наречий русского языка – великорусского, малорусского и белорусского, которые входили в единый русский язык. – Там же. – С. 34. Аналогичной была позиция филолога академика А.И. Соболевского. «Наука, – писал он, – делит весь стомиллионный русский народ всего на три группы – великорусов, белорусов и малорусов». – Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907. – С. 11. Историк русской общественной мысли академик А.Н. Пыпин писал, что «белорусское племя, по своему происхождению и по основным чертам своего этнического характера, принадлежит к общему русскому целому, в этом нет ни малейшего сомнения». – Пыпин А.Н. Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. № 4. – С. 645.

¹⁰⁷ Окара А.Н. Беларусь в отсутствие «третьей альтернативы» // Национальные интересы. 2001. № 4. – С. 21.

исследования горестно констатируют: «В отличие от украинцев или литовцев у белорусов было очень мало интеллектуалов и, главное, никакой третьей страны, которая поставляла бы им подпольные издания...».¹⁰⁸

Во властных структурах сложилось две точки зрения на польское дворянство. Одни полагали, что попытки русифицировать поляков тщетны, поэтому следует принять лишь некоторые дискриминационные меры против них, все-таки вовлекая их в местное самоуправление и русское гражданское общество. Другая позиция заключалась в том, что польские дворяне неисправимы, поэтому к ним следует применить жесткие меры, вплоть до лишения собственности. Так, было резко ограничено употребление польского языка, чтобы пресечь возможное появление культурного сепаратизма, от которого, как считали власти, один шаг до сепаратизма политического.¹⁰⁹

Чтобы противодействовать польскому влиянию, Д.В. Скрынченко предлагал усилить пропаганду Православия, ввести обязательным предметом во всех школах местную историю, для чего учредить издательские комитеты в губернских городах, а также способствовать тому, чтобы представители власти, чиновники и военные, все были православными.¹¹⁰ На деле, однако, сложно представить себе возможность реализации последнего предложения, учитывая влияние мощного польского лобби в Петербурге и агитацию «прогрессивной» печати.

В конце XIX – начале XX в. началось становление национального самосознания белорусов при помощи т. н. «консолидирующего мифа», авторами которого были писатели-романтики В.И. Дунин-Марцинкевич¹¹¹ и Я. Чечот.¹¹² Именно

¹⁰⁸ Алексюк А., Бовуа Д., Дюкре М.-Э., Клочковский Е., Самсонович Г., Вандич П. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009. – С. 347.

¹⁰⁹ Rodkiewicz W. Russian National Policy in the Western Provinces of Empire (1863-1905). Lublin, 1998. P. 42, 127.

¹¹⁰ Скрынченко Д. Трагедия народа // МЭВ. 1908. № 19. Ч. неоф. – С. 654.

¹¹¹ Дунин-Марцинкевич Викентий Иванович (1807–1884) – белорусский писатель, в творчестве которого развивались сельские темы.

¹¹² Ян Чечот (1796–1847) – белорусский поэт, писал на крестьянские, фольклорные темы.

этому мифу, уходившему корнями в мятежный романтизм А. Мицкевича, противостояла концепция западнорусизма, в рамках которого белорусский этнос рассматривался не как самостоятельный, а как часть русского, «испорченного» польским влиянием. Поэтому Д.В. Скрынченко был убежден, что у местного белорусского населения уже есть свой язык и своя литература – русская. Стремление белорусов создать нечто национально-отличное в языке и литературе он находил вредным и играющим на руку полякам, которых должно, по его мнению, обуздать русское государство. «В прошлом, – писал Д.В. Скрынченко, – культурные представители Белой Руси считали себя только русскими, в настоящем Белоруссия есть, конечно, также чисто русский край, находящийся в ближайшем соприкосновении с Польшей».¹¹³ Д.В. Скрынченко сформулировал альтернативу развития белорусского этноса: либо он останется как этнографический феномен в составе России, либо отойдет под культурное влияние Польши. Политически самостоятельной Белоруссия быть не может: это часть России. Вместе с тем белорусское крестьянство в начале века еще не осознавало себя нацией, а рост самосознания происходил, скорее, в среде небольшой группы интеллигентов, стремившихся противостоять победе как русского, так и польского «проектов» нации. Справедливости ради надо заметить, что белорусское крестьянство, не обладавшее национальной идентичностью, не было исключением – этническое самосознание европейского крестьянства вплоть до середины XIX в. повсеместно отсутствовало.¹¹⁴ Французское крестьянство (как, впрочем, и немецкое) обрело национальное самосознание лишь к началу Первой мировой войны.¹¹⁵ Говоря о белорусах, А.И. Соболевский отмечал, что «само население не в состоянии сколько-нибудь сознательно опреде-

¹¹³ Скрынченко Д. Белорусский клуб // Киевлянин. 1913. № 236. – С. 3.

¹¹⁴ Котлярчук А.С. Самосознание белорусов в литературных памятниках XVI – XVIII вв. // Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М., 1997. – С. 83.

¹¹⁵ Бовыкин Д.Ю. Национальная идея во Франции // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М., 2005. – С. 214.

лить свою принадлежность к той или иной группе». ¹¹⁶ Исходя из такого понимания, политика Петербурга в Северо-западном крае проводилась под лозунгом превращения «испорченных» польским влиянием белорусов в «настоящих» русских, сохраняющих при этом местные особенности.

Зарождение идеологемы об «исконно русском» происхождении населения Северо-западного края относится к 30-м гг. XIX в. Еще в ходе восстания 1830-31 гг. польские повстанцы выпустили ряд адресованных крестьянам прокламаций, в которых кроме земли и отмены личной зависимости обещали, что после победы «крестьяне станут настоящими вольными поляками». ¹¹⁷ Стремясь привлечь крестьян края на свою сторону, инсургенты возрождали идею «Великой Польши», владевшей белорусскими и литовскими землями почти до конца XVIII в. Так как поляки активно использовали латиницу для издания собственно белорусских текстов, то в 1859 г. она была запрещена. ¹¹⁸ В противовес антиимперской риторике повстанцев усилиями русских историков М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова была сформулирована идея, имевшая целью утвердить имперскую принадлежность западных земель. В результате к середине 50-х гг. в той части элиты русского общества, которая обладала чувством государственной ответственности, представление о западных губерниях как о неотъемлемой части нации практически сложилось. ¹¹⁹

После двух неудачных восстаний польское дворянство рассматривалось властями как ненадежное и даже враждебное по отношению к России сословие. Поэтому со времен М.Н. Муравьева политика в отношении польской шляхты выражалась в виде постепенного вытеснения ее из экономической сферы. Так как исторически земли, населенные белорусами, длительное время входили в состав Польши, то среди помещиков преобладало польское дворянство. В 1864 г. в Грод-

¹¹⁶ Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. – С. 12-13.

¹¹⁷ Западные окраины Российской империи. М., 2006. – С. 99.

¹¹⁸ Миллер А.И., Остапчук О.А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение, 2006. № 5. – С. 28.

¹¹⁹ Западные окраины Российской империи. – С. 111, 131.

ненской, Виленской, Витебской и Минской губерниях 87,6% всех землевладельцев составляли поляки, которые владели 87,2% всех поместий.¹²⁰ В 1910 г. в руках поляков находилось 73% помещичьих земель в Виленской губернии, 53% в Гродненской, 49,7% в Минской, 40,6% в Витебской и 33% в Могилевской.¹²¹ Русским помещикам и крестьянам на льготных условиях продавались конфискованные имения участников восстания 1863–1864 гг. После подавления восстания поляки (прежде всего дворяне, но также и крестьяне) были ограничены в покупке и аренде земли в 9 западных губерниях, а с 1865 г. был взят курс на постепенное вытеснение поляков из государственной службы.¹²² Политика ограничения польского влияния дала некоторые результаты. К 1897 г. в Белоруссии и Литве поляки составляли уже 51% землевладельцев. Кроме того, чиновники-поляки вытеснялись из государственного аппарата, их стремились заменить служащими, присланными из великорусских губерний. К этому остается добавить, что в государственных начальных школах и гимназиях края обучение происходило исключительно на русском языке.¹²³

По мнению польского автора, власти отказались от политики интеграции местных нерусских и неправославных элит в единую имперскую элиту.¹²⁴ Если местные элиты присоединенных земель так или иначе традиционно включались в единую общерусскую политическую элиту, то с польским дворянством ситуация складывалась иначе. Полякам небезосновательно (с точки зрения имперских интересов) не доверяли, памятуя о достаточно активном

¹²⁰ Самбук С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). Минск, 1976. – С. 16.

¹²¹ Алексюн А., Бовуа Д., Дюкре М.-Э., Ключковский Е., Самсонович Г., Вандич П. История Центрально-Восточной Европы. – С. 346.

¹²² Подробнее см.: Дякин В.С. национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 5. – С. 130-142.

¹²³ Самбук С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). – С. 72. В 1862 г. в Минской губернии было всего 1,89% непольских помещиков. – Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. – С. 15.

¹²⁴ Rodkiewicz W. Russian National Policy in the Western Provinces of Empire (1863-1905). P. 24.

участии поляков в Кавказской войне на стороне горцев – у Гамзат-бека служил целый отряд поляков.¹²⁵ Кроме того, общественность в России была осведомлена, что в июне 1904 г. польский оппозиционный деятель Юзеф Пилсудский прибыл в Токио, результатом чего стала договоренность, что его партия будет мешать проведению мобилизации в Царстве Польском и при благоприятном стечении обстоятельств поднимет восстание против русских.¹²⁶ Тогда же Токио посетил и глава партии народной демократии, член польского кола Роман Дмовский.¹²⁷

В русском менталитете поляки были синонимом «непримиримо враждебных государственному порядку элементов».¹²⁸ Образ поляка-католика связывался с ненавистью к русским и православным, с идущим от католицизма фанатизмом и агрессивностью.¹²⁹ Оппозиция «православная Русь» – «католическая Польша» была поднята до уровня государственной политики на окраинах империи. Власти дис-

¹²⁵ Казиев Ш. Имам Шамиль. М., 2003. – С. 51, 158. См. также: Бухарин Н.И. Русско-польские отношения в XIX – первой половине XX вв. // Вопросы истории. 2007. № 7. – С. 7.

¹²⁶ Матвеев Г. Пилсудский. М., 2008. – С. 79-86.

¹²⁷ Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990. – С. 35.

¹²⁸ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. – С. 100; подробнее см.: Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. – С. 127-175. «После январского восстания 1863 года, – как отмечает М.Д. Долбилов, – большинство российских чиновников не стеснялось на публике громко и возмущенно произносить слово «поляк». С ним происходят определенные смысловые подвижки. Во-первых, более чем явственная и ранее коннотация принадлежности к дворянскому сословию теперь включается в новый популистский, крестьянофильский дискурс имперской власти. Пренебрежительное – в русском узусе – слово «пан», синонимичное «поляку», именно тогда проникает на страницы вполне официальных бюрократических документов. Во-вторых, в комплексе значений слова «поляк» заметно усиливается мотив не просто политической нелояльности, но неисправимой нерусскости – вплоть до того, что иногда оно выступает своего рода политическим ругательством по адресу людей, не имеющих никаких польских этнических корней (отсюда и такие производные, как поляковать, полякующий, а также сочетания вроде «заядлый поляк» или «заядлая полька»).» – Долбилов М. Поляк в имперском политическом лексиконе // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 47.

¹²⁹ Фалькович С.М. Представление русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. – С. 103.

криминировали поляков, правда, не доходя до крайностей. Дискриминация носила, прежде всего, конфессиональный характер. Католику почти невозможно было сделать карьеру, а межконфессиональные браки становились серьезным препятствием в продвижении по службе. Кроме того, в сознании многих людей, мысливших политическими категориями, поляки и Польша отождествлялись с коварной силой, «паразитирующей на чужих слабостях».¹³⁰ Мотив польской мятежности кристаллизовался в понятии «полонизм», часто встречающемся на страницах работ Д.В. Скрынченко. Согласно традиции, идущей от времен подавления второго польского восстания, «полонизированный» означало «находящийся под временным польским влиянием, бывший русский, а ныне поляк». Смысл полонизма раскрывался через измену, отречение от корней, перерождение, отступничество, приверженность польской культуре и католицизму. «Суть полонизма, – как указывает М.Д. Долбилов, – таким образом, понималась как постоянное пребывание в духе антиимперской мятежности».¹³¹ Образ Польши и поляков обладал явно негативными коннотациями, и неудивительно, что полонизм вызывал реакцию в виде запрета, что еще больше ухудшало ситуацию. В органично построенной империи поляки смотрелись инородным элементом, подрывавшим устоявшиеся имперские порядки. О высокой степени взаимного недоверия поляков и русских упоминал В.В. Розанов: «Нервы, задор, никакой силы, никакого подлинного чувства – вот представление русских о поляках; не иначе, кажется, к нам относятся по ту сторону границы».¹³²

Особую роль в конкуренции двух национальных «проек-

¹³⁰ Долбилов М.Д. Конструирование образов мятежа: политика М.Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova. М., 2000. – С. 354.

¹³¹ Там же. – С. 375. Во времена М.Н. Муравьева полонизм трактовали как отречение от исконной русскости. – Там же. – С. 396.

¹³² Розанов В.В. Белоруссия, Литва и Польша в окраинном вопросе России // Розанов В.В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М.-СПб, 2004. – С. 297. Чуть выше он писал: «К Польше существует наибольшая степень недоверия по сравнению с другими окраинами, и основанием для этого служит исключительно польский характер, далекий от того, чтобы его можно было назвать счастливым». – Там же. – С. 295.

тов» в Северо-западном крае занимала культурная и языковая политика. В ее основе лежала идея противопоставления польского дворянства и автохтонного крестьянства. Еще в 60-х гг. XIX в. эта идея была отчетливо сформулирована виленским губернатором В.И. Назимовым, который в 1862 г. в одной из записок писал о необходимости ослабить польское культурное влияние в крае.¹³³ Он одним из первых высказал мысль, что приобщение народа к польской культуре «есть отступничество от веры и языка предков».¹³⁴ Поэтому до 1905 г. русскими властями было запрещено применение польского языка в прессе, отсутствовал польский театр. Для поляков в западных губерниях наиболее важной была борьба за язык, и это вполне понятно. Здесь уместно напомнить одну курьезную ситуацию, в которую попал минский губернатор П.Г. Курлов. В 1905 г. он разрешил в Минске постановку нескольких оперетт на польском языке, за что получил строгий выговор от товарища министра внутренних дел Д.Ф. Трепова. Курлов до прибытия в Минск не был знаком с реалиями российских окраин и был слабо осведомлен о политике Петербурга в крае. Когда Курлов возразил Трепову и указал на то, что когда тот был во главе московской полиции, то разрешил театральную постановку на польском, Трепов отвечал, что Москва в отличие от Минска – русский город.¹³⁵

Стремление не допустить распространение польского языка порождало двойственное отношение к белорусскому языку. По отношению к нему ставилась задача предотвратить его развитие в полноценный литературный язык, который мог бы конкурировать с русским, и всякое усиление белорусского языка объясняли усилением польского влияния. С другой стороны, применение белорусского языка приветствовалось в сфере фольклора и местной литературы как противовес польскому.¹³⁶ Из двух зол властям приходилось выбирать меньшее.

¹³³ Западные окраины Российской империи. – С. 161

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Rodkiewicz W. Russian National Policy in the Western Provinces of Empire (1863–1905). P. 167.

¹³⁶ Ibid. P. 192-193.

К 1909 г. в либеральных кругах сложился, как сказали бы теперь, политкорректный лозунг «не раздражать инородцев». Д.В. Скрынченко утверждал, что требуется другой, прямо противоположный лозунг: «*инородцы* не должны раздражать русских». ¹³⁷ Он обращал к депутатам Государственной думы справедливые и в то же время горькие слова: «Разве вы не видите, что народ русский – *хозяин* – ходит в лаптях и дырявом зипуне, а, например, еврей – в цилиндре и понятия не имеет о добывании себе хлеба в поте лица». ¹³⁸ Иными словами, Д.В. Скрынченко предлагал не отходить от традиционной имперской политики по отношению к неправославным и нерусским. Суть этой политики на протяжении XIX в. состояла в том, что правительство создавало (в первую очередь на западных окраинах) преференции русским в силу их меньшей экономической активности и цивилизационной развитости по сравнению с поляками, евреями или немцами. Можно полагать, что в начале XX в. этот принцип превратился в анахронизм, так как приходил в противоречие с требованиями модернизации общества, но Д.В. Скрынченко часто исходил из того, что принципы важнее, потому что сама жизнь организована на основе незыблемых принципов. Наверно, поэтому он был обеспокоен неумеренным, как ему казалось, наплывом инородцев в государственные органы империи. «Министерство иностранных дел, акциз, железные дороги кишат инородцами, особенно поляками», – сетовал он. ¹³⁹ Он считал возможным допустить неправославных к управлению государством при одном строгом условии: усвоении русского языка и Православия. Это «обстоятельство было *неписаным* законом, – писал он, – он создан был самим укладом русской истории». ¹⁴⁰

Одним из способов включения белорусов в польский круг культуры стал термин «белоляхи». В начале века этот тер-

¹³⁷ Скрынченко Д. Лозунг «не раздражать инородцев» // Минское слово. 1909. 15 дек. (№ 880).

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

мин активно употребляла как собственно польская пресса, так и польскоязычные газеты. Авторам термина «белоляхи» Д.В. Скрынченко советовал почитать польские королевские грамоты XVII в., адресованные населению Минска и окрестностей. В них население края называлось русским, да и сами грамоты были написаны не по-польски, а по-русски. «Народ здешнего края, – утверждал Д.В. Скрынченко, – есть *русский* и всегда сознавал себя и называл себя таковым».¹⁴¹ Понятно, что в полемическом задоре Дмитрий Васильевич не учитывал, что крестьянское население края с трудом идентифицировало себя в национальном смысле, затрудняясь ответить на вопрос о национальной принадлежности. Термины «Белая Русь», «белорусы» действительно существовали издавна. Современный исследователь не без оснований полагает, что термин Белая Русь использовался уже в XVII в. для обозначения территории современной Белоруссии, которая в те времена входила в состав Польши. Люди, жившие на этой территории, «говорили на одном русском языке и принадлежали к одному этносу вместе с собственно русскими».¹⁴²

Основой для русского «проекта», равно как стремления «очистить» белорусов от польского влияния, была ценностная модель, которая утвердилась в правление Александра III. Суть ее очень точно характеризует М.Д. Долбилов. В рамках этой модели, по его мнению, «современность преподносилась как возрождение некоего идеального прошлого, как материализация имманентной национальной памяти, тогда как историческая дистанция между этим истоком и настоящим «затиралась», подвергалась историческому забвению. Сакральной функцией власти становилось распознавание цельного и гомогенного этнокультурного тела нации и очищение от чужеродных напластований и искажений».¹⁴³ Исходя из принад-

¹⁴¹ Скрынченко Д. «Белоляхи», «белорусы» или просто «русские» // Минское слово. 1907. 2 авг. (№ 214).

¹⁴² Флоря Б.Н. Некоторые соображения об этническом самосознании предков современных белорусов. // Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М., 1996. – С. 93-94.

¹⁴³ Долбилов М.Н. Конструирование образа мятежа: политика М.Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova, 2000. – С. 405.

лежности белорусов к русскому этносу, Д.В. Скрынченко полагал, что предлагаемую им политику нельзя называть русификацией. «Здесь, – утверждал он, – по древности-то более коренная Русь, чем, например, в Пензе; она лишь здесь покрыта польским лаком. И весь вопрос «обрусения» здесь сводится к тому, чтобы сбросить этот польский лак».¹⁴⁴

Тревога за судьбу белорусских земель заставила Д.В. Скрынченко в 1908 г. опубликовать открытое письмо членам Государственной думы. В нем он призвал заняться вплотную проблемой Северо-западного края и остановить процесс окатоличивания белорусов. От решения этого вопроса зависит, как он полагал, будущее западных земель: «С кем они будут: с Польшей или Россией? Не пора ли России, пока не поздно, подумать о том, как возвратить белорусский народ к его православно-русскому, как встарь, самосознанию, помня, что отсюда также «пошла русская земля».¹⁴⁵ Обращаясь к депутатам, Д.В. Скрынченко заключал: «Хочется верить, что вы увидите, а увидев, не сможете не сказать полонизаторам: довольно! Идите отсюда на Вислу».¹⁴⁶ Позднее, находясь в Киеве, Д.В. Скрынченко по-прежнему задавал ставшие уже риторическими вопросы: «Да куда же, наконец, мы идем? Какое будущее мы себе готовим? Когда же будет конец нашей преступной беспечности?».¹⁴⁷

Д.В. Скрынченко, скорее всего, искренне ошибался, когда полагал, что народ можно вернуть к его утраченному самосознанию. Крестьянство Северо-западного края не идентифицировало себя ни в XVII, ни в XX в. по национальным признакам. А вот попытка сформировать национальное самосознание белорусского крестьянства как составной части русского народа, укрепить западнорусизм – была действительно задачей фундаментальной и в принципе выполнимой. Первая мировая война прервала эти усилия. Постепенная кристаллизация белорусской национальной идеи произошла

¹⁴⁴ Скрынченко Д. У нас своя Босния // МЕВ. 1908. № 24. Ч. неоф. – С. 796.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Донской Д. (Скрынченко Д.) Трагедия белорусского народа // Киев, 1914. № 99. – С. 2.

уже при советской власти, когда белорусы начали обретать национальное самосознание. Что касается соперничества русского и польского национальных проектов, то можно сказать, что русский проект в Белоруссии выиграл, на что указывает слабое развитие национального самосознания в современной Беларуси. Даже усиленная полонизация Западной Белоруссии в течение 20 довоенных лет не принесла видимых успехов. Это говорит о том, что если для аккультурации Польши или Финляндии у России достаточного потенциала не имелось, то для реализации аккультурационных процессов в западных губерниях его вполне хватало.

II

В Северо-западном крае Д.В. Скрынченко столкнулся с одним из наиболее острых вопросов тогдашней России – еврейским. Предоставим ему слово: «Минск довольно большой город, залит электричеством, хорошенький театр, узкие улицы, как вообще во всех наших западных городах. Тут поражает масса евреев, среди которых христиане-православные и католики – просто тонут. И хотя он считается столицей Белоруссии, но его правильнее было бы назвать столицей еврейства; говорят на своем жаргоне, но больше по-русски, по-польски же никогда; меня, никогда не видевшего такой массы еврейства, это просто ошеломило; живя в центре и на востоке России, я не представлял себе ничего подобного. Мне с первых же дней стало как-то не по себе, точно как бы жутко. Особенно под еврейскую Пасху город производит впечатление чего-то таинственного, скрытного; всюду в окнах светятся по три свечи, и среди этих домов со свечками христианские дома представляются оазисами, как-то затерянными, случайными, точно случайные и непрошенные гости в этом сплошном еврейском царстве. Пообжившись, я увидел, что евреи «съели» все лучшие дома в городе, заселили лучшие улицы, на окраинах же, большей частью в неприглядных домишках, уютилось христианское, главным образом православное население. Идете вы по главным улицам – Губерна-

торской, Захарьевской и видите лишь фамилии – Каплан, Леви, Лурье, Коген, Каценельбоген, Бруцкус, Рабинович и т. д., – и ни одного русского магазина, даже *ни одного русского портного*».¹⁴⁸ Преобладание евреев бросалось в глаза Д.В. Скрынченко, тем более что в Минске он проживал на Торговой площади, которая располагалась в старом историческом центре. Эти кварталы, от которых ныне мало что сохранилось, были местом обитания еврейского населения. В 1897 г. в Минске проживали почти 50 тыс. евреев, что составляло 52,3% городского населения.¹⁴⁹ Правда, к 1909 г. их число сократилось до 43,3%. На долю русских приходилось 34,8%, а 11,4% жителей города составляли поляки.¹⁵⁰

Размежевание в образованных слоях российского общества по еврейскому вопросу было разительным. «Наша широкодушная свободолюбивая интеллигенция, – как отмечает А.И. Солженицын, – поставила за пределы общества и человечности – не только антисемитизм – но даже: кто громко и отчетливо не поддерживал, и даже в первую очередь, борьбы за равноправие евреев – уже считался «бесчестным антисемитом». Будко-совестливая, остро чуткая русская интеллигенция постаралась полностью внять и усвоить именно еврейское понимание приоритетов всей политической жизни: прогрессивно то, что протестует против угнетения евреев, и реакционно все остальное».¹⁵¹ В консервативном дискурсе отношение к евреям было сформулировано Ф.М. Достоевским, который в «Дневнике писателя» определил еврейство как «государство в государстве». Признаками его, по Ф.М. Достоевскому, являются «отчужденность и отчуждимость на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность – еврей, а другие хоть есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало».¹⁵²

¹⁴⁸ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 11.

¹⁴⁹ Еврейская энциклопедия. Т. 11, М., 1991. Стб. 87.

¹⁵⁰ Шибeko З.В., Шибeko С.Ф. Минск. Страницы истории дореволюционного города. Мн., 1990. – С. 11.

¹⁵¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. М., 2001. – С. 460.

¹⁵² Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август // Полн. собр. соч. Т. 25. Л., 1983. – С. 81.

Еврейский вопрос имеет в России давнюю историю, которая неплохо известна. В большом количестве еврейское население появилось в пределах России после трех разделов Польши, последовавших в конце XVIII в. Исповедовавшие иудаизм и почти не знавшие русского языка, жившие по своим внутренним законам, евреи изначально выглядели инородным телом в организме империи. Ко всему прочему, у евреев не было своего дворянства, они не занимались земледелием, а сосредоточились на финансово-посреднической и ремесленной деятельности. К этому следует добавить, что евреи в России не испытывали, подобно миллионам русских крестьян, крепостного состояния. Тем не менее их права были существенно урезаны наличием черты оседлости, которая была введена указом Екатерины II 23 декабря 1791 г.¹⁵³

В 1804 г. Александр I издал указ, по которому евреи, невзирая на черту оседлости, получили право без ограничений поступать и обучаться в российских учебных заведениях вплоть до университетов. Тогда же при Александре I было принято «Положение о евреях», согласно которому им воспрещалось проживать в сельской местности, где они традиционно держали кабаки, постоялые дворы и занимались винокурением. Вследствие таких ограничений источником существования большинства евреев стала торгово-промышленная и посредническая деятельность. Указ Александра I имел целью «запустить» процессы слияния и ассимиляции евреев, разрушения кагалной системы, управления и сбора податей и постепенного включения евреев в общеимперскую жизнь. Однако мера эта эффекта почти не имела, а получение евреями образования приводило лишь к их усиленному по сравнению с русскими проникновению в образованные слои общества. Причиной самоизоляции евреев от народов, среди которых они жили, считалась идея богоизбранности, а также тлевшая веками мысль, что евреи живут в диаспоре временно, поэтому страна, где они живут – не Родина, но место временного пребывания. Власть в закрытых еврейских мирках принад-

¹⁵³ Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т. 1, М.-Иерусалим, 1993. – С. 78.

лежала кагалу, что, с точки зрения государственных интересов, было явлением внесистемным и потому представляющим потенциальную опасность для государства.

Не следует думать, что черта оседлости была непроницаемой. Ограничения по месту жительства не распространялись на евреев, имевших образование. Кроме того, не только богатые, но и просто состоятельные и предприимчивые евреи эти ограничения достаточно легко преодолевали.¹⁵⁴ Но большая часть евреев пребывала в пределах черты оседлости. Реформы Александра II принципиально положение евреев не изменили. По причине введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности многие из них устремились в гимназии, институты и университеты, так как образовательный ценз спасал от службы в армии. Ответной мерой правительства стало ограничение 1887 г. для евреев, когда по инициативе министра народного просвещения И.Д. Делянова были введены квоты на обучение в учебных заведениях. В черте оседлости квоты составляли 10%, вне черты – 5%, в обеих столицах – 3%.¹⁵⁵ Введение квот на получение образования преследовало две цели. Первая заключалась в том, чтобы отрегулировать ситуацию в учебных заведениях. С легкостью поступавшие в них евреи по сути дела «отбирали» места у русских, процент грамотных среди которых был и без того крайне низким. Вторая цель была антиреволюционной, потому что «среди учащейся молодежи евреи к тому времени выделялись своей активностью и непримиримостью к государственному строю».¹⁵⁶

Еврейское население в самой черте и за ее пределами стремительно росло. Если в результате разделов Польши

¹⁵⁴ В конце XIX в. из более чем 5 млн евреев, проживавших в России, в черте оседлости проживало 3,5 млн. – Кельнер В.Е. Евреи, которые жили в России // Евреи в России. XIX в. М., 2000. – С. 23. А.И. Миллер приводит данные, согласно которым вне черты оседлости в начале XX в. проживало 7% российских евреев, или 314 тыс. человек. – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. – С. 105.

¹⁵⁵ Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе. От 1860-х гг. до революции 1917 г. М. - Минск, 2002. – С. 131.

¹⁵⁶ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. – С. 272.

было присоединено более миллиона евреев, то в 1915 г. их насчитывалось почти 5,5 млн.¹⁵⁷ К концу XIX в. евреи в большинстве овладели русским языком, накопили солидные капиталы, проникли во многие сферы хозяйственной и культурной жизни. Введение и сохранение в течение длительного времени черты оседлости (вплоть до 1915 г.) вряд ли следует оправдывать, но попытаться объяснить причины этого уникального явления нужно. Одна из причин сохранения ограничений кроется в том, что государство стремилось уберечь крестьянство и купечество от неизбежной конкуренции с изощренными столетиями внегосударственной жизни евреями, отточившими за долгие века диаспоры финансово-хозяйственные навыки. «Решающим, – по мысли В.В. Леонтовича, – был страх усиления капиталистических элементов, которые могли бы эксплуатировать крестьян и вообще трудовой народ».¹⁵⁸ По мнению А.И. Солженицына, «ограничения были задуманы правительством – против сплоченного экономического напора, опасного для национальной основы государства».¹⁵⁹ Конечно, все эти меры воспринимались евреями крайне негативно, вызывая лишь чувство ущемленного достоинства и подталкивая их либо к сионизму, либо к революционной деятельности. В целом политику правительства по отношению к евреям А.И. Солженицын характеризует как «чередующуюся *стеснений, ограничений*».¹⁶⁰ Наиболее дальновидные политики рассматривали меры, примененные к евреям, как временные и нуждающиеся в отмене. Так, П.А. Столыпин уподоблял ограничения таможенной пошлине: они вводились, пока русские окрепнут в общественной жизни и экономике.¹⁶¹

Преобладающее влияние евреев было отчетливо заметно во многих сферах тогдашней экономики. Поэтому вполне можно понять изумление Д.В. Скрынченко в Минске по

¹⁵⁷ Лещинский Я. Еврейское население России и еврейский труд // Книга о русском еврействе. От 1860-х гг. до революции 1917 г. М. – Минск, 2002. – С. 187.

¹⁵⁸ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. – С. 252.

¹⁵⁹ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. – С. 293.

¹⁶⁰ Там же. – С. 284.

¹⁶¹ Там же. – С. 437.

поводу преобладания еврейской торговли. В черте оседлости торговля действительно почти сплошь контролировалась евреями. Вне черты роль евреев в экономике тоже впечатляет. Так, в сахарной промышленности России евреям принадлежало 31,5% заводов, в пивоваренной – 22%, в текстильной – 30%, а хлеботорговля была почти сплошь в руках евреев. Им же принадлежала почти вся торговля лесом, особенно в лесной Белоруссии. Во всех российских банках, кроме двух, имелся еврейский капитал или евреи входили в правления.¹⁶² А.И. Солженицын приводит данные, по которым к концу XIX в. евреи содержали 27% всех винокуренных заводов России, а в пределах черты оседлости – 53%. В черте им принадлежал 71% пивоваренных заводов, а в Минской губернии – 94%.¹⁶³ В Северо-западном крае на 1000 торгующих зерном приходилось 930 евреев, а в целом они составляли 35% торгового класса России.¹⁶⁴ В Белоруссии к концу XIX евреи составляли около 60% всей торгово-промышленной буржуазии.¹⁶⁵ Кроме экономических вызовов со стороны еврейства некоторые авторы не без основания говорят и о метафизическом вызове: «Сердцевину русского националистического мифа о еврействе и мотор русского антисемитизма составляло тяжелое ощущение, что русские проигрывают евреям не только экономическую, но, главное, messiанскую конкуренцию. Евреи бросили вызов messiанскому первородству русских в русской же вотчине».¹⁶⁶

В консервативной риторике начала прошлого века тема еврейского разложения России занимала особое место. В евреях видели основной источник революционной смуты, а в их экономической активности усматривали угрозу.¹⁶⁷

¹⁶² Дижур И.М. Евреи в экономической жизни России // Книга о русском еврействе. От 1860-х гг. до революции 1917 г. – С. 172, 179–180.

¹⁶³ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. – С. 294.

¹⁶⁴ Там же. – С. 299, 302.

¹⁶⁵ Самбук С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). – С. 70.

¹⁶⁶ Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. – С. 162.

¹⁶⁷ Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006. – С. 200–201.

У Д.В. Скрынченко было *тотальное* неприятие евреев как силы, противостоящей государству и Православию, но он никогда не призывал к насилию над ними. Он утверждал явно негативное отношение к нерусской культуре, национальным движениям и вообще инородцам, если они не были православными или политически нелояльными. Эту позицию можно понять, но и оценка ее вполне однозначна. Активное неприятие интересов народов, составлявших значительную и достаточно активную часть населения империи, представляется теперь бесперспективным и проигрышным, разрушающим целостность империи. Усиление антиеврейских мер, к чему призывали правые, по выражению А.И. Солженицына, было действием «вопреки всему вектору времени»,¹⁶⁸ а чрезмерное стремление действовать при помощи административных запретов на деле подпитывало леворадикальные движения. Эта политика, как показали дальнейшие события, была ошибочной.

Д.В. Скрынченко сталкивался с евреями прежде всего в политической сфере, где они выступали как противники самодержавия и, следовательно, государства в целом. С конца 1905 г., когда пресса стала не зависимой от предварительной цензуры, влияние евреев в русской журналистике резко возросло. Полемика, которую вел Д.В. Скрынченко с рядом газет, была вызвана тенденцией, присущей левой и в значительной степени еврейской прессе: стремлением ослабить или даже разрушить государство. В.В. Розанов, давний сотрудник «Нового времени», в 1911 г. называл состояние левой печати в России патологическим в том смысле, что она воспитывала в обществе злобу против правительства: «До реальных болей России ей нет дела; до опасностей для России – еще меньше дела этой печати, большей частью находящейся в руках инородцев».¹⁶⁹ А.И. Солженицын отмечает, что в русской прессе на ключевых корреспондентских и редакторских постах

¹⁶⁸ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. – С. 432.

¹⁶⁹ Розанов В.В. Преступная атмосфера. // Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.-СПб., 2005. – С. 226; его же. О родительских комитетах // Там же. – С. 255.

преобладали левые или евреи. «Биржевые ведомости» – редактор С.М. Проппер, орган партии кадетов «Речь» основал Ю.Б. Бак, а редактором был И.В. Гессен, «Киевскую мысль» редактировал Й. Кугель, а одним из ее сотрудников был Л. Троцкий (Бронштейн). Редактором «России» был Л.Ю. Гольдштейн,¹⁷⁰ а секретарем «Русского слова» А. Поляков.¹⁷¹

В начале прошлого века Россия втягивалась в процесс модернизации, под влиянием которого традиционные формы жизни претерпевали изменения и постепенно приходили в упадок, их болезненно сменяли новые, не получившие еще отчетливых очертаний. Прогрессивно ориентированные пытливые умы, которых всегда хватало в России, сосредоточились на темных, даже безрадостных сторонах русской жизни, чтобы показать всем, как она непереносима. При этом позитивные процессы рассматривались как досадная aberrация. Можно представить, как разрушительно действовало на массовое сознание подобное настроение, выплеснутое через прессу. В меру сил и возможностей на страницах «Минских епархиальных ведомостей» и «Минского слова» Д.В. Скрынченко пытался противостоять антигосударственным тенденциям, исходившим от радикальной прессы. А.И. Солженицын справедливо спрашивает: «Где же были сильные консервативные, радеющие о русских умы и перья? Почему не создали газет достаточного уровня, но противовесных этому разрушительному вихрю?».¹⁷² Одна из очевидных причин – недостаток средств у консервативной прессы. Правительственные субсидии получали не более 30 газет в разных углах России, в том числе и «Минское слово». По словам Д.В. Скрынченко, его газета получала «поддержку через архиеерея Михаила от правительства в ничтожной сумме 7-8 тыс. рублей в год».¹⁷³ Наряду с суворинским «Новым време-

¹⁷⁰ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. – С. 426-428.

¹⁷¹ Аронсон Г. Евреи в русской литературе, критике, журналистике, общественной жизни // Книга о русском еврействе. От 1860-х гг. до революции 1917 г. – С. 396.

¹⁷² Солженицын А.И. Двести лет вместе. (1795-1995). Ч. 1. – С. 431.

¹⁷³ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 22.

нем» и «Киевлянином», который редактировал Д.И. Пихно, еврейской и левой прессе противостояло и «Минское слово», выходявшее под лозунгом «Царь, Дума и Народ. – Единство России. – Россия для русских. – Свобода, Порядок, Труд и Собственность». Однако «Минское слово» почти не имело хождения за пределами Северо-западного края. Историк русской журналистики свидетельствует о ситуации в начале века: «Примерно из 500 органов периодики, за вычетом 13 официальных, только 41 издание указано в рубрике «консервативно-патриотические и монархические», 263 названы безразличными в политическом смысле, но почти половина петербургских изданий – оппозиционные».¹⁷⁴ Через несколько лет в Киеве Д.В. Скрынченко с горечью писал: «Будем откровенны и скажем от сердца: кто же, какая печать отвоевывала у улицы русскую душу? Какая печать спасала эту душу? Какая печать, оберегая русскую душу от уничижающих и иссушающих насмешек, позволяла себе громко говорить, почти кричать: спасайте Россию от этих клевет, от этих насмешек, подрывающих веру в собственные силы народа; не все, далеко не все плохо в нашей стране и в нашем народе, помогите ему стать на ноги твердо и вы не узнаете этого народа: он выпрямится во весь свой могучий рост?».¹⁷⁵

III

Стремление противостоять, как он выражался, «отзвукам давно уже разложившейся Польши» привело Д.В. Скрынченко к мысли о необходимости консолидации всех общественных сил, защищающих интересы государства в Западном крае. Поражение в Русско-японской войне, политические свободы, повлекшие повышение политической активности поляков и евреев (особенно в I и II Государственной думе), – все это не могло не вызвать к жизни от-

¹⁷⁴ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Учебное пособие. М., 2002. – С. 29.

¹⁷⁵ Скрынченко Д. Святые люди // Киев, 1914. № 299. – С. 1.

ветную реакцию в виде образования националистических организаций. При активном участии Д.В. Скрынченко «Русский предвыборный комитет», созданный в Минске в 1907 году для выборов во II Государственную думу, был преобразован в Русский окраинный союз. Целью Союза его основатели считали укрепление «русской государственности и русской народности на окраинах».¹⁷⁶ Задачи Союза сводились к объединению русских, проживавших в Минской губернии, защите их интересов, ходатайстве перед властями об ущемлении русских интересов и ознакомлению общественности «с действительным положением окраин и его русского населения».¹⁷⁷ Окраинный союз действовал в качестве подразделения Русского собрания в Минске.¹⁷⁸ Кроме него из правых политических организаций в Минске существовали отделы Русского собрания, Союза Михаила Архангела и Союза русского народа, а также православные братства.¹⁷⁹

Русское Собрание возникло в 1900 г. и было официально зарегистрировано 26 января 1901 г. Для России, почти не знавшей в течение многих веков общественных организаций, Русское собрание представляло по-своему уникальное явление. Это было не столько политическое, сколько культурно-просветительное объединение, имевшее ярко выраженный консервативный уклон. Русское собрание было организацией элитарной, объединявшей людей образованных и известных. Для примера достаточно привести имя члена Русского собрания академика А.И. Соболевского. К тому же

¹⁷⁶ Устав Русского окраинного союза // МЭВ. 1907. № 3. Ч. неоф. – С. 72.

¹⁷⁷ Там же. – С. 72.

¹⁷⁸ Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900-1917. М., 2003. – С. 63.

¹⁷⁹ По справке Департамента полиции МВД, Русский окраинный союз в Минске насчитывал 1,5 тыс. членов, а всего в Минской губернии в нем состояло 12700 человек. В Минском отделе Союза русского народа насчитывалось 450 человек, а всего в губернии имелось 3770 членов СРН. – Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. – С. 616; Кирьянов Ю.И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5. – С. 32; его же. Численность и состав членов Русского собрания // Росийская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. – С. 338-369.

годовой взнос в 1905 г. равнялся 10 рублям – сумма по тем временам немалая.¹⁸⁰ В политическом плане Русское собрание придерживалось принципа монархизма и унитарного государства. В избирательной программе Русского собрания значилось, что «Русская народность как собирательница земли русской... имеет первенствующее значение в государственной жизни и государственном строительстве».¹⁸¹

Минский отдел Русского собрания возник не ранее 1907 г. под названием Минское русское общественное собрание.¹⁸² Д.В. Скрынченко был избран одним из старшин собрания (всего их было 30)¹⁸³ и регулярно участвовал в культурно-просветительных мероприятиях, проводившихся Русским собранием в Минске. «Основным направлением деятельности Русского собрания, – как отмечает Ю.И. Кирьянов, – было проведение докладов».¹⁸⁴ Русское собрание отметило двухсотлетний юбилей со дня рождения М.В. Ломоносова и трехсотлетие со дня мученической смерти Патриарха Гермогена в 1612 г.¹⁸⁵ Поскольку Русское собрание было организацией элитарной, естественно, возникла потребность в организации, которая имела бы более широкую социальную опору. Призывы к созданию национальной партии раздавались в те годы достаточно часто. Так, к созданию партии, опирающейся на различные слои и этнические группы за исключением евреев, призывал известный теоретик национализма П.И. Ковалевский.¹⁸⁶ В Минске такой организацией стал отдел Всероссийского национального союза (ВНС). Сам Союз возник в Петербурге в июне 1908 г., численность его членов первоначально была невелика – 2,5 тыс. человек, а в 1912 г.

¹⁸⁰ Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917. – С. 74.

¹⁸¹ Там же. – С. 260.

¹⁸² После начала периода стабилизации социального порядка происходил вполне закономерный поиск организационных форм, в которых могло существовать национальное движение.

¹⁸³ Минское слово. 1908. 23 марта (№ 396). – С. 3.

¹⁸⁴ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. – С. 170.

¹⁸⁵ Годовой отчет Минского Русского общественного собрания за 1911–1912 гг. Минск, 1912. – С. 5-6.

¹⁸⁶ Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). – С. 192.

составляла около 5 тыс.¹⁸⁷ Всероссийский национальный союз объединял русских националистов умеренного толка. Современный исследователь определяет ВНС как «партию либеральных консерваторов, стоящую между крайне правыми и октябристами».¹⁸⁸ Националисты верно уловили, что сплотить общество в постреволюционное время может лишь широко понимаемая идея национального интереса. При этом членом ВНС мог стать любой инородец, если он руководствовался в своей деятельности интересами империи.¹⁸⁹ Название новой организации придумал талантливый публицист М.О. Меньшиков, он же разработал программу и устав. Первоначально новая партия была представлена лишь одним Петербургским отделом, но после слияния в Государственной думе фракций националистов и умеренно-правых началась организация отделов в провинции.

Приведем небольшой отрывок из воспоминаний Дмитрия Васильевича: «Из своей деятельности в Минске я должен еще упомянуть организацию мною отдела Всероссийского национального союза. Я уже говорил выше, что, побывав на двух съездах октябристов, я лично крайне разочаровался в этой партии А.И. Гучкова. На открытие нашего Отдела из Петербурга были присланы граф В.А. Бобринский, руководитель газеты «Свет» (фамилии не помню).¹⁹⁰ и Бельский. Многолюдное собрание прошло очень успешно».¹⁹¹ ВНС сыграл значительную роль в отстаивании национальных приоритетов в Северо-западном крае. В основе политики Союза лежали такие фундаментальные принципы, как унитарность государства и исключительное право русского народа на самостоятельное государствен-

¹⁸⁷ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель Всероссийского национального союза. М., 2001. – С. 31, 37; Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006.

¹⁸⁸ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917) С. 103.

¹⁸⁹ Там же. – С. 53.

¹⁹⁰ Редактором газеты «Свет» в это время был И.А. Баженов, а в Минск приехал сотрудник издания К.П. Медведский. – Минское слово. 1911. 21 мая (№ 1283). – С. 4.

¹⁹¹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 23-24.

ное бытие. Кроме того, программа ВНС исходила из тезиса об «инородческом засилье» и украинном «паразитизме» и необходимости борьбы с ними.¹⁹² Ключевым у ВНС был девиз, позаимствованный из эпохи Александра III: «Россия для русских». Вместе с тем, утверждение принципа господства (экономического, политического и конфессионального) русской нации вступало в противоречие с основным принципом имперской власти, который выражался в том, что самодержавие стремилось к неограниченному господству власти над всеми подданными независимо от этнической принадлежности.¹⁹³

17 апреля 1911 г. в Русском клубе прошло собрание для образования в Минске отдела ВНС. Собрание было созвано Д.В. Скрынченко, он же выступил с речью. Необходимость создания отдела в Минске он связывал с грядущими выборами в Государственную думу и в созданные в западных губерниях земства. После его речи была избрана комиссия из 6 человек для практической работы по созданию Минского отдела ВНС.¹⁹⁴ Торжества по случаю открытия отдела ВНС состоялись в Минске 19 мая 1911 г. На открытие прибыли видные деятели – члены Государственной думы от Минской, Подольской и Волынской губерний, губернатор, чиновники, дворянство и духовенство, а также специально приехавший член Совета ВСН гр. В.А. Бобринский. После молебна, отслуженного кафедральным протоиереем Д.М. Павским, собрание членов-учредителей открыл Д.В. Скрынченко. Затем с речами выступили член ГД от Подольской губернии А.С. Гижицкий и гр. В.А. Бобринский, один из лучших ораторов своего времени. Он сделал экскурс в историю Белой Руси, стараясь показать ее исконную принадлежность русской культуре, несмотря на ту муку, «которую испытало в Белой Руси Православие

¹⁹² Программа партии русских националистов (Всероссийского национального союза) // Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М., 1995. – С. 367.

¹⁹³ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. – С. 235.

¹⁹⁴ Собрание националистов // Минское слово. 1911. 14 апр. (№ 1256). – С. 3.

от польщизны и католическо-иезуитской пропаганды».¹⁹⁵ Поляки сумели, как считал В.А. Бобринский, переманить почестями дворянство края, а русское мещанство уничтожили. Поэтому опорой государственности и Православия остается крестьянство. Утверждая последнее, В.А. Бобринский, скорее всего, был прав, если не приуменьшать силу католического влияния на низы общества.

После речи графа выступил Д.В. Скрынченко. Он призвал к объединению под эгидой ВНС все православно-русские организации губернии, прежде всего православные братства. Минский отдел выделялся ему действенной организацией, которая «могла бы сплотить в одно неразрывное крепкое народные православные братства и другие организации... в деле борьбы с врагом, посягающим на Русскую Православную Церковь, русскую государственность и русскую народность».¹⁹⁶ Д.В. Скрынченко с радостью отметил, что В.А. Бобринский обратил внимание на явный недостаток закона о земстве, выразившийся в устранении духовенства от участия в работе местных органов власти. «Мы не можем обойтись без того, – отметил Д.В. Скрынченко, – чтобы в новом выборном земстве не участвовало православное духовенство».¹⁹⁷ Он предложил созвать в следующем году съезд ВНС, чтобы обсудить вопросы работы земств и городских дум, в которых большинство часто представляли поляки.¹⁹⁸ Членами Совета отдела Союза были избраны протоиерей Д. Павский, П.У. Зданович, Н.А. Кованько и ряд других известных в Минске лиц. После этого в помещении «Русского собрания» состоялся обед, на котором произносились тосты и застольные речи во славу Минского отдела ВНС и его нового председателя. 23 мая император прислал телеграмму на имя минского губернатора, в которой благодарил Минский отдел ВНС за выраженные чувства. Эта телеграмма была ответом на депешу Минского отдела, в ко-

¹⁹⁵ Новинский А. Открытие отдела Всероссийского национального союза // Минское слово, 1911. 21 мая (№ 1283). – С. 3.

¹⁹⁶ Открытие отдела Всероссийского национального союза // Минское слово, 1911. 24 мая (№ 1285). – С. 3.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

тором императора заверяли, что члены ВНС будут верно служить царю и русскому делу.¹⁹⁹

К началу 1912 г. ВНС представлял заметную политическую силу, объединявшую людей правоконсервативных взглядов. Союз имел более 70 отделов в 30 губерниях империи.²⁰⁰ Минский отдел ВНС руководство союза оценивало как «весьма многочисленный по своему составу и деятельный, располагающий к тому же печатным органом – «Минской газетой».²⁰¹ 19-21 февраля 1912 г. в Петербурге прошел I съезд представителей ВНС, председателем которого был избран П.Н. Балашов. Д.В. Скрынченко присутствовал как председатель Минского отдела Союза. Основным вопросом съезда был вопрос о выработке политической платформы и тактики на предстоящих выборах в Думу. Поскольку электорат Союза составляли в основном дворяне и крупные собственники, была высказана идея блокирования с другими партиями и даже с поляками. В частности, такую идею высказал член Государственной думы В.Г. Ветчинин, указавший, что «могут представляться случаи, когда соглашения с поляками окажутся весьма выгодными».²⁰² В своем выступлении Д.В. Скрынченко как представитель Минского отдела настаивал на опасности соглашения с поляками, мотивировав тем, что «польское засилье в управлении краем, а также в организациях самоуправляющихся чрезвычайно велико».²⁰³ Кроме вопросов тактики на съезде обсуждали проблему переименования ряда городов и территорий на окраинах империи. На рассмотрение было вынесено предложение о переименовании Брест-Литовска в Берестье, о придании новых названий Эстляндии, Курляндии и Лифляндии. Д.В. Скрынченко предложил изменить название уездного го-

¹⁹⁹ Открытие отдела Всероссийского национального союза // Минское слово. 1911. 24 мая (№ 1285). – С. 2.

²⁰⁰ Смолин М. Краткая историко-политическая характеристика Всероссийского национального союза // Меньшиков М. Национальная империя. М., 2004. – С. 501.

²⁰¹ Вестник Всероссийского национального союза. 1912. № 3. – С. 6. «Минское слово» ошибочно названо «Минской газетой».

²⁰² Всероссийский национальный союз. Первое собрание представителей. 19-21 февраля 1912 г. СПб., 1912. – С. 16.

²⁰³ Там же.

родка Минской губернии Новогрудка на Новгородок.²⁰⁴ Съезд принял избирательную платформу и призвал объединить все патриотические силы, для того чтобы провести в Думу людей, преданных Православию, Царю и Отечеству. Своими противниками собрание видело «прогрессивный беспартийный блок», кадетов, евреев, поляков и других инородцев, враждебных российскому государству.²⁰⁵

Второй съезд представителей ВНС проходил в Петербурге в феврале 1914 г. Д.В. Скрынченко на нем не присутствовал, но откликнулся передовой статьей в газете «Киев». Он сетовал на слабую распространенность националистических идей: «Доселе в русском обществе национальные идеи развиты чрезвычайно слабо, и откровенное признание чье-либо о принадлежности к националистам вызывает обыкновенно у присутствующих недоумение, смешанное с выражением скорби».²⁰⁶ Воспитание национальных чувств и сознания, как он полагал, происходит тогда, когда в народе появляется самоуважение, которое возникает на основе осознания реальных интересов. Тревога за национальное самосознание была оправданной: партия националистов клонилась к упадку.²⁰⁷ Здесь не место анализировать причины этого, достаточно сказать, что среди правых не было ярких личностей, подобных, скажем, П.А. Столыпину, а социальная опора националистов практически не расширялась.

IV

Дмитрий Васильевич Скрынченко прекрасно понимал, что для распространения национально-государственной идеи требовался действенный печатный орган. Им стало «Минское слово», первый номер которого вышел 4 ноября 1906 г. По современным меркам издание относилось к т. н.

²⁰⁴ Там же. – С. 13.

²⁰⁵ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). – С. 194.

²⁰⁶ Передовая // Киев, 1914. № 31. – С. 1.

²⁰⁷ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). – С. 274–275.

качественным газетам, рассчитанным на сравнительно небольшой круг читающей публики. «В понимании деятелей русской журналистики качественная газета, или «большая» газета – это политический орган со строго выдержанным направлением, рассчитанный на своего читателя-единомышленника, образованного, понимающего стилистически сложные публикации, в которых обсуждаются серьезные общественные, политические, научные и другие проблемы». Как правило, тираж таких изданий в провинции составлял от 1 до 3 тыс. экземпляров».²⁰⁸

Такой газетой было «Минское слово». Значительная часть русской прессы в период между двумя революциями вела себя явно безответственно. Поругание власти, переходившее в ее отрицание, приводило к смятению умов и падению авторитета государства. Многие газеты расшатывали государственную идеологию, создавали мешанину в умах людей, сеяли безверие и нравственный релятивизм. Воздействие на публику (а тем более на армию) левых, прогрессистских газет, как считал Д.В. Скрынченко, было разлагающим, вело к падению дисциплины и росту преступности. Он подметил характерную черту межреволюционного времени, которое мы привыкли считать чуть ли не эталоном стабильности в истории России. Стремление к свободам в российском обществе, к тому же малоискушенном в политике, принимало формы вседозволенности. Желание сбросить ненужные и устаревшие ограничения приводило к отмене чуть ли не всех ограничений, что отрицательно сказывалось на моральном климате общества. Тем более что с думской трибуны частенько раздавались голоса, публично и безнаказанно колебавшие авторитет веры и власти.

Вскоре после открытия «Минского слова» Д.В. Скрынченко стал сотрудником нового издания. Кроме него газете оказывали содействие старший врач городской больницы И.У. Зданович, управляющий отделением Госбанка А.Н. Беляев и, конечно, епископ Минский Михаил (Темнорусов). Секретарем органа стал М.К. Шофэр, а редактором Г.К. Шмид.

²⁰⁸ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. – С. 70.

«По своему языку, образности выражений, боевому характеру «Минское слово» было выдающимся печатным органом в России», – вспоминал Д.В. Скрынченко.²⁰⁹

Задача «Минского слова», как ее понимал Д.В. Скрынченко, заключалась, во-первых, в защите русских интересов от «иностранческого натиска». Во-вторых – в защите интересов «бедного трудящегося русского народа». Направленность «Минского слова» Д.В. Скрынченко характеризовал так: «Минское слово» – это газета не консервативная, – писал он, – потому что она никогда не защищала тот status quo, который привел к Мукдену и Цусиме».²¹⁰ Стратегической задачей издания, как ее понимал Д.В. Скрынченко, была борьба с католицизмом. Ситуация осложнялась тем, что в Северо-западном крае православное духовенство было единственным из образованных сословий, на которое реально могла опереться государственная власть, могла, но почти не опиралась. «Русскому губернатору и дворянину был ближе «милый польский пан», чем был русский священник», – писал Д.В. Скрынченко.²¹¹ Он вспоминал позднее, что «с открытием «Минского слова» началась, я бы сказал, новая эпоха в общественной жизни Белоруссии, дотоле небывалая по своей национально-русской энергии; никогда еще тут не была таким ключом русская национальная мысль. Минск стал большим русским центром, куда потянулись нити из всех конечностей Белоруссии. На обеде по случаю открытия газеты присутствовали, как после я увидел, главнейшие сотрудники газеты, некоторые предводители дворянства и земские начальники. О некоторых из них необходимо сказать. Это: старший врач городской больницы д-р Иван Устинович Зданович, управляющий отделением Государственного банка Александр Никанорович Беляев и еврей Марк Карпович Шофэр. Зданович – природный белорус, духовного происхожденья, женатый на польке, большой умница, остряк, отлично знавший польские язык и обычаи; он являлся незаменимым разгадчиком поль-

²⁰⁹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 16.

²¹⁰ Скрынченко Д.В. Бодро вперед // Минское слово. 1908. 1 янв. (№ 328).

²¹¹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 13.

ских хитросплетений; читать его статьи, выходявшие под псевдонимом, было одним удовольствием; о интересности личного общения с ним я уже и не говорю; как доктор, он всегда пользовал мою семью. А.Н. Беляев – человек крупного калибра, прирожденный журналист-сатирик; его стихотворения, эпиграммы, сатиры на наших «передовых деятелей» читались с восторгом».²¹²

Работа редактора приносила наряду с удачами немало проблем. Однажды он в сердцах писал: «Да и естественно: что, кроме огорчений и душевных мук, дает такая работа? Материальных же выгод вы у нас в Минске от такой работы не найдете. Разве поддерживала местная гражданская власть *хоть чем-нибудь* нашу *единственную во всем Северо-западном крае газету* «Минское слово»? Совершенно наоборот! «Минское слово» считалось и считается в глазах нашей бюрократии беспокойным и вредным (конечно, для бюрократии) органом. Я лично имею от газетного издательства только один результат: расстройство здоровья и три судебных дела...».²¹³ По воспоминаниям Д.В. Скрынченко, губернатор Эрдели потребовал через Министерство внутренних дел закрытия газеты, так, якобы она «взяла демагогической тон», следствием чего стал бунт крестьян Игуменского уезда.²¹⁴ На самом деле крестьяне, изнемогавшие от поборов некоего польского помещика, отказались выполнять работы. «Разговаривая с помощником министра Сергеем Ефимовичем Крыжановским по поводу обвинения меня в возбуждении «игуменского бунта», я с горечью сказал ему: «Какая странная и страшная ирония судьбы – представитель власти преследует газету национальную и людей, государственно мыслящих; вы, товарищ министра, это видите, соглашаетесь со мной и не можете заставить губернатора не делать неправды, не уберете его от нас». – «А что я могу поделывать, – сказал Крыжановский, – если Эрдели име-

²¹² Там же. – С. 16.

²¹³ Скрынченко Д.В. Poleмика от наболевшего сердца // МEB. 1909. № 5. Ч. неоф. – С. 113.

²¹⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 20.

ет большие связи: брат его служит в свите Его Величества. Даже у Столыпина часто опускаются руки...».²¹⁵

Иногда «Минское слово» публиковало весьма острые материалы о положении крестьян. В июле 1911 г. газета напечатала статью агронома Л. Каликинского о бедственном положении крестьян в Бобруйском и Игуменском уездах.²¹⁶ По прочтении статьи напрашивался один вывод: хуже быть не может. Вполне возможно, что этот материал усилил недовольство губернатора редактором. Кроме того, Д.В. Скрынченко стремился поддерживать широкие контакты с общественностью, для чего осуществлял прием просителей на дому. Иногда в «Минском слове» встречалось такое объявление: «По делам газеты издатель Д.В. Скрынченко принимает посетителей у себя на квартире от 6 до 7 вечера».

Вскоре ситуация резко изменилась. Ухудшилось здоровье минского Преосвященного Михаила, который поддерживал Д.В. Скрынченко в его начинаниях, и в конце мая 1912 г. он скончался. «Я и мои единомышленники, – писал Д.В. Скрынченко, – потеряли в нем и моральную и материальную поддержку».²¹⁷ На место архиепископа Михаила был назначен ректор Виленской Духовной семинарии викарный епископ Иоанн (Поммер). Новый владыка, по словам Дмитрия Васильевича, «быстро сошелся с губернатором Я.Е. Эрдели, стал осуждать деятельность епископа Михаила».²¹⁸ Серьезная размолвка с новым епископом у Д.В. Скрынченко произошла из-за уволенного ранее за бесчестность секретаря газеты М.К. Шофэра, которого власти потребовали восстановить в ранее занимаемой должности.

Вот как вспоминал об этом Д.В. Скрынченко: «Считая, что издание «Минского Слова» теперь не отвечает ни местному, ни общему курсу... я решил прекратить издание газеты, что и сделал 15 июня 1912 года. В прощальной передовой статье я указывал, что газета не может идти при сложивших-

²¹⁵ Там же. – С. 20.

²¹⁶ Минское слово. 1911. 27 июля (№ 1136). – С. 3.

²¹⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 21.

²¹⁸ Там же.

ся обстоятельствах, при явном противодействии властей. К этим строкам придрался губернатор, произвел обыск в редакции в моем отсутствии и конфисковал весь номер газеты; не пропали лишь номера, которые были уже сданы на почту... Для меня уже давно было ясно, что тогдашняя наша власть «была по своим», по выражению Достоевского, и рано или поздно она должна была пожать плоды своей неумной, а иногда и преступной политики». ²¹⁹ Закрытие «Минского слова» совпало с изменениями на политической арене. Ставший после убийства П.А. Столыпина председателем Совета министров В.Н. Коковцов не пользовался поддержкой националистически настроенной общественности, кроме того, он явно поддерживал губернатора Я.Е. Эрдели. ²²⁰ С «Минским словом» у Дмитрия Васильевича был связан большой, творческий период жизни, политической борьбы за русскую национальную идею.

²¹⁹ Там же. – С. 23.

²²⁰ Еще в Киеве после убийства П.А. Столыпина В.Н. Коковцова посетила делегация националистов Юго-западного края (П.Н. Балашов, Д.Н. Чихоев, Потоцкий и проф. Чернов). Они довели до его сведения, что ему «партия не доверяет и очень опасается, что моя политика будет совершенно иная, чуждая ясным национальным идеалам, и проникнется слишком большими симпатиями к Западу, следовательно, к элементам международного комитета – инородческим». – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 – 1919. Кн. 1. М., 1992. – С. 413.

Орек 6

История: антипольский дискурс

Для консервативного сознания прошлое предстает как не менее, а быть может, и более ценное по сравнению с настоящим. И уж во всяком случае, настоящее полностью определяется прошлым. Знание прошлого должно было, по мысли Дмитрия Васильевича, помочь утвердить русскую идею, воспитать и укрепить самосознание, пробудить его у не знающего своего прошлого белорусского крестьянства, манифестировать фундаментальный приоритет русской культуры. Основой русской национальной идентичности Д.В. Скрынченко полагал самосознание, основанное на Православной вере и знании прошлого. Для него было очевидно, что утверждение русской идеи и вслед за ней политического влияния России в Северо-западном крае нуждается в историческом обосновании. «Поляки и особенно ксендзы, – писал Д.В. Скрынченко, – не стесняясь, стараются одурачить русский народ, говоря, что Минская губерния – польский край, что польский язык, католичество и вообще польская культура в Минской губернии древнее русской».²²¹ Поэтому требуется, как он полагал, показать *истоки*, укорененность русской культуры в Северо-западном крае, обосновать исконность Православия, которое на протяжении веков формировало культуру России, интегрировало общество.

В начале XX в. в Вильно и в Минске возникла т. н. историческая школа «краевцев», представители которой (Б. Яловецкий) утверждали, что родиной поляков, проживающих на восточной окраине Российской империи, является не столько этническая Польша, сколько собственно Западный край. Подъем этой школы начинается в ходе событий 1905 г.,

²²¹ Скрынченко Д. Необходимость Церковно-археологического музея и комитета в Минской епархии // МЭВ. 1907. № 5. Ч. неоф. – С. 125.

когда поляки, проживавшие в крае, достаточно остро почувствовали свою маргинальность и оторванность от этнической Польши. Польские историки стремились доказать приоритетное и позитивное влияние поляков на культуру белорусских земель.²²² Поэтому Д.В. Скрынченко полагал необходимым противостоять усилиям польских публицистов и историков, утверждавших принадлежность Северо-западного края Польше.

Исторические разыскания Д.В. Скрынченко начал в 1906 г., когда 15 июня в очередном номере «Минских епархиальных ведомостей» появилось его исследование «Заслуги, оказанные старыми дворянскими родами Минской губернии православной вере».²²³ Он привел перечень десятков фамилий польских и литовских дворян, живших в Минской губернии в XVI–XVII вв. В то время большинство из них были православными и, подвергаясь давлению поляков, постепенно перешли в католицизм. «В смысле измены родной вере и народу дворяне здешнего края очень схожи с дворянством балканских славян: с наступлением турецкого владычества на Балканском полуострове многие дворяне из болгар и сербов приняли ислам и отуречились».²²⁴ Суждения его об ополяченных дворянах были ироничны, если не сказать едки: «Но господа! Отуреченные дворяне балканских славян жаждут и получают милости от султана; а вы – наши дворяне – на что рассчитываете? Польского крулевства не будет – это уж будьте уверены!».²²⁵ Его слова несли традиционную угрозу, подкрепленную административными мерами: «Государство

²²² Смоленчук А.Ф. Историческое сознание и идеология поляков Белоруссии и Литвы в начале XX века // Славяноведение. 1997. № 3. – С. 104.

²²³ Скрынченко Д.В. Заслуги, оказанные старыми дворянскими родами Минской губернии православной вере // МЭВ. 1907. № 14. Ч. неоф. – С. 232-234; № 15. Ч. неоф. – С. 257-263; № 16. Ч. неоф. – С. 295-301. Первая часть этой статьи с дополнениями была опубликована в «Минском слове». См.: Скрынченко Д.В. Кто были ваши предки? Ополячившимся дворянам Минской губернии // Минское слово. 1907. 13 июля (№199); его же. Еще фамилии западнорусских ренегатов // Минское слово. 1907. 15 июля (№ 201).

²²⁴ Скрынченко Д. Заслуги, оказанные старыми дворянскими родами Минской губернии православной вере // МЭВ. 1907. № 15. Ч. неоф. – С. 257.

²²⁵ Там же.

не позволит вам мутить край; оно ударит вас по карману: *отнимет у вас земли*, и тогда все ваши польские бредни рассыпятся прахом».²²⁶

Д.В. Скрынченко рекомендовал польским дворянам, чьи предки некогда были православными, вернуться к вере отцов. «Это единственный для вас выход», – заключал он.²²⁷ Из документов, на которые он ссылался (Сборник древних грамот и актов городов Минской губернии. Минск, 1848), следовало, что с усилением католического давления *«православные дворяне делали завещания своим потомкам крепко, даже под угрозой родительского проклятия, держаться православной веры»*.²²⁸ Но отсутствие среди местного дворянства православных (за исключением русских помещиков, получивших выморочные или конфискованные после восстания земли) говорило Д.В. Скрынченко о том, что дворяне не были верны заветам предков, что характеризовало их ненадежность с точки зрения имперской власти. Хотя, конечно, были и такие, кто, несмотря на религиозный прессинг, не оставили Православия и писали по-русски польскими литератами.²²⁹ Статья не имеет окончания, она обрывается на полуслове. Возможно, она писалась в цейтноте, а может быть, окончание так и не было напечатано из-за нехватки места. Конечно, тенденциозность ее, заданная политическим дискурсом, очевидна. На статью Д.В. Скрынченко резко отреагировал издававшийся в Вильне *Dziennik Wiłenski*. В своем ответе, полном сарказма и плохо скрытого презрения, Д.В. Скрынченко утверждал, что русская культура имеет несравненно более глубокие корни в Западном крае по сравнению с польской.²³⁰ В статье содержалось предупреждение дворянам-католикам (а по сути дела полякам): «Живите смиренно здесь, не трогайте хозяина края или же подите прочь отсюда... Советуем ополчившим-

²²⁶ Там же. С. 258.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. – С. 261.

²²⁹ Скрынченко Д.В. Заслуги, оказанные старыми дворянскими родами Минской губернии православной вере // МЭВ. 1907. № 16. Ч. неоф. – С. 298.

²³⁰ Скрынченко Д.В. Два слова «истинно польской» газете *Dziennik Wilenski* // Минское слово. 1907. 5 апр. (№ 123).

ся дворянам этого края серьезно подумать об этом! И смело, мужественно сбросить с себя польское иго и снова сродниться с русским народом! Пора уже, время пришло!».²³¹

Ответ на вопрос, почему же многие дворяне приняли католичество, Д.В. Скрынченко попытался найти в работе «Почему ополячились наши дворяне?» В ней он отстаивал идею, согласно которой почти все дворянские роды Западного края перешли в католицизм не по причине превосходства последнего над Православием, а «потому что прельщены были милостями польских крулей, а главное потому, что не выдержали угнетений и притеснений поляков».²³² То есть они перешли в католицизм по экономическим и политическим причинам, но не духовным.

Д.В. Скрынченко исходил из архетипа скрытой враждебности *всех* поляков России, их мятежности, лживости и ненадежности. Характерным примером подобной оценки поляков служит его полемика с издававшейся в Минске пропольской газетой «Окраина». Предметом спора был вопрос о том, как и кем проводилась реформа по освобождению крестьян в Северо-западном крае. Началом полемики стала статья Д.В. Скрынченко «Польские паны и крепостные крестьяне». В противовес высказанному в «Окраине» мнению Н. Серебрякова, который считал, что знаменитый рескрипт Александра II В.И. Назимову 20 ноября 1857 г. был дан потому, что польские помещики первыми ходатайствовали об освобождении крестьян, Д.В. Скрынченко писал, что отрицать сам факт ходатайства не имеет смысла. Однако польские дворяне северо-западных губерний заявили о желании своем раскрепостить крестьян не потому, что страстно желали дать им волю. Они стремились таким образом «привлечь к себе симпатии крестьян и заставить их принять участие в задуманном ими мятеже».²³³ Приведя многочисленные

²³¹ Там же.

²³² Скрынченко Д.В. Почему ополячились наши дворяне? // МЭВ. 1917. № 17. Ч. неоф. – С. 319.

²³³ Скрынченко Д.В. Польские паны и крепостные крестьяне // Минское слово. 1907. 11 авг. (№ 221).

факты предельно бесправного положения крестьян Северо-западного края до отмены крепостного права, Д.В. Скрынченко утверждал, что Положение 19 февраля 1861 г. было «превратно истолковано крестьянам», наделение землей было обусловлено будущей помощью крестьян в готовившемся уже восстании. Проводя реформу, польские помещики «успели ловко обмануть» и местную администрацию в лице Назимова, и петербургские власти, на самом деле ухудшив положение крестьян.²³⁴

Известно, что В.И. Назимов побудил дворянство Виленской, Ковенской и Гродненской губерний выступить с инициативой отмены крепостного права. Власти полагали, что дворяне западных губерний легче воспримут идею модернизации архаического аграрного сектора, по сравнению с дворянством внутренних губерний. Польские помещики действительно ходатайствовали о начале преобразований, но некоторые представители реформаторских кругов отнеслись к их инициативе весьма настороженно, так как подозревали, что за ней могут стоять корыстные «польские» интересы.²³⁵ Интересно, что в 1860 г. один из лидеров реформаторов Н.А. Милютин связывал инициативу дворян Северо-западного края с польскими сепаратистами.²³⁶ Если учесть, что в имперской идеологии крестьянство рассматривалось как «почвенная» опора власти, можно полагать, что и власть, и польские помещики западных губерний разыгрывали «крестьянскую» карту, в надежде привлечь крестьян на свою сторону при помощи реформы. Следует заметить, что польские дворяне выступили с инициативой еще и потому, что виленский губернатор Назимов применил административный ресурс. В Северо-западном крае намечалась инвентарная реформа, и Назимов намекнул дворянам, что если они не выступят с инициативой освобождения крестьян, то «им грозит такая реформа инвентарных правил, которая еще больше за-

²³⁴ Скрынченко Д.В. Да, действительно, «довольно лгать!» // Минское слово. 1907. 17 авг. (№ 225).

²³⁵ Западные окраины Российской империи. – С. 135.

²³⁶ Там же. – С. 137.

тронет их права и выгоды». ²³⁷ Ответом на дворянский адрес был именной рескрипт императора 20 ноября 1857 г., с которого началась подготовка к освобождению крестьян.

В борьбе с польским влиянием Д.В. Скрынченко не мог предать забвению 300-летний юбилей могущественного защитника Православия князя Константина Острожского (1527–1608), который в XVI – начале XVII вв. активно противодействовал экспансии католицизма. ²³⁸ По его инициативе в Остроге (ныне город в Ровенской области Украины) в 1580–82 гг. была напечатана Библия на церковнославянском языке, по определению историка Православия, «и тогда еще опередившая появлением своим православный Восток». ²³⁹ Для первого издания Библии князь Острожский привлек российского первопечатника И. Федорова. После Люблинской унии 1569 г. он начал борьбу с распространением католицизма, создал типографию, содействовал просвещению духовенства, устраивал в монастырях школы, покровительствовал Виленскому Св.-Духовскому братству. ²⁴⁰ Празднование 300-летия со дня смерти К.К. Острожского должно было, по мысли Д.В. Скрынченко, содействовать укреплению позиций Православия в Западном крае. Юбилей пришелся как нельзя кстати. Князь был одним из немногих православных сюзеренов, который отстаивал Православную веру в условиях усиливающегося давления католицизма и унии. Д.В. Скрынченко предложил отслужить во всех храмах Минской губернии литургии и панихиды по князю К.К. Острожскому, устроить крестные ходы, на собраниях общественности познакомить народ с жизнью князя, наконец, издать его жизнеописание. ²⁴¹

²³⁷ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. IV. М., 1911. – С. 143.

²³⁸ Острожские – княжеский род, представители которого в XIV – XVII вв. занимали высокие государственные должности в Великом княжестве Литовском и в Речи Посполитой. Константин Константинович Острожский происходил из пинских и туровских удельных князей, родился и вырос в г. Турове. – Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 5, Мн., 1982. – С. 473.

²³⁹ Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1997., Т. 1. – С. 505.

²⁴⁰ Скрынченко Д.В. 300-летний юбилей // МЭВ. 1908. № 2. Ч. неоф. – С. 34 – 41.

²⁴¹ Там же. – С. 41 Первоначально эта статья была напечатана в «Минском слове» №№ 326 и 327 за 1907 г. и в № 329 в 1908 г.

1 марта 1907 года в «Минских епархиальных ведомостях» Д.В. Скрынченко опубликовал статью, в которой обосновывал необходимость Церковно-археологического комитета и музея в Минской епархии. Изучение прошлого Северо-западного края он хотел подчинить практической цели: «на строго документальных данных археологическими памятниками *наглядно доказать*, что Минская губерния – русский край, а не польский».²⁴² Обращаясь к ревнителям народной старины, Д.В. Скрынченко писал: «Нам думается, что удовлетворение указанной *неотложной* необходимости может сделаться только одним путем – устройством Церковно-археологического музея».²⁴³ С небольшими сокращениями эта статья была опубликована в «Минском слове».²⁴⁴

В 1907 г. идея создания Церковно-археологического комитета и музея стала обретать кровь и плоть. Вот как вспоминал об этом Д.В. Скрынченко: «Изучение истории края показало мне, что многие древности расхищены и проданы за границу, или отвезены в Польшу, или находятся в руках маклаков-евреев и частных коллекционеров. Из последних особенно был известен ополяченный литовец Г. Татур,²⁴⁵ буквально обворовавший наши православные церкви. Некоторые священники, по невежеству своему, давали ему древности для определения старины, а Татур исчезал с ними; другие, алчные, продавали их ему за бесценку; так или иначе, но в его музее, когда я посетил его, оказалось много старинных икон, предметов церковного богослужения, например, тканых фелоней, золотых крестов, особенно же книг, написанных на пергаменте. Взяв «Епархиальные ведомости» в свои руки, я стал пропагандировать необходимость создания музея и решил сам же осуществить эту мысль; но когда я пришел с этой целью к епископу Михаилу, он стал отговаривать от этого, полагая, что все уже

²⁴² Скрынченко Д.В. Необходимость Церковно-археологического музея и комитета в Минской епархии // МЭВ. 1907. № 5. Ч. неоф. – С. 125.

²⁴³ Там же. – С. 126.

²⁴⁴ Скрынченко Д.В. Необходимость Церковно-археологического музея и комитета в Минской губернии // Минское слово. 1907. 11 марта. (№ 102).

²⁴⁵ Татур Генрик (1846–1907), польский археолог и музейщик, основатель первого минского частного музея.

расхищено. Тем не менее, получив от него разрешение на эту работу, я созвал людей, интересовавшихся данной областью, и прежде всего А.К. Снитко,²⁴⁶ выработал устав музея, названный церковным, чтобы более обеспечить его от случайностей и в особенности от губернаторов типа Эрдели, и музей стал существовать под председательством Снитки. Я не ошибся в своих надеждах: скоро к нам стали поступать рукописные церковные книги, причем попадались и книги XIV века...».²⁴⁷ Особую роль в создании комитета и музея сыграл Минский епископ Михаил (Темнорусов). В ноябре 1909 г. Дмитрий Васильевич писал: «Не могу не отметить также и того, что, приступая к организации Церковного историко-археологического комитета и музея, я прежде всего нашел сочувствие и поддержку у владыки. Если бы владыка не дал помещения под музей, то и все разговоры о полезности и необходимости его, вероятно, volens-nolens замерли бы...».²⁴⁸

15 апреля 1907 г. в час дня в певческом корпусе Архирейского дома состоялось собрание заинтересованных лиц с целью обсуждения того, как создать комитет и музей. Кроме М.Н. Былова, А.М. Панова и Д.В. Скрынченко в собрании приняли участие несколько священников из Минска и губернии, светские лица, среди которых были преподаватели гимназии А.П. Смородский, типограф С.А. Некрасов, управляющий минским отделением Государственного банка А.Н. Беляев, преподаватель Минской Духовной семинарии А.В. Пивоваров и другие. После недолгой дискуссии собрание избрало комиссию в составе М.Н. Былова, Д.В. Скрынченко, А.М. Панова и А.П. Смородского. Им было поручено выработать устав комитета. Проект устава был направлен Владыке Михаилу (Темнорусову) с просьбой ходатайствовать перед Св. Синодом об утверждении устава и открытии комитета. В начале сентября 1908 г. Св. Синод утвердил

²⁴⁶ Снитко Андрей Константинович (1866–1920) – археолог и краевед. Автор «Истории Слуцка» и статей по истории Западного края.

²⁴⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 18.

²⁴⁸ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1909. № 22. Ч. неоф. – С. 564.

устав и санкционировал создание в Минске Церковного историко-археологического комитета с музеем. Бумаги из Св. Синода через минскую консисторию были переданы Д.В. Скрынченко.²⁴⁹

Официальное торжественное открытие комитета последовало в 1908 г., оно было приурочено к 300-летию юбилею кн. К.К. Острожского. Церемония открытия проходила 13 февраля 1908 г. в здании Дворянского собрания. Среди приглашенных был губернатор Е.Я. Эрдели с супругой, камергер К.М. Шидловский, губернский и уездный предводители дворянства. Указ Св. Синода огласил ректор Минской Духовной семинарии протоиерей А. Юрашкевич. С речами о возникновении комитета выступил М.Н. Былов, а А.П. Смородский сделал доклад об истории Северо-западного края. Затем преподаватель семинарии А.М. Панов выступил с сообщением о деятельности кн. К.К. Острожского.

В конце вечера выступил архиерейский хор, исполнивший духовные песнопения, и в 22 часа собрание закрылось.²⁵⁰ Комитет, который возглавил М.Н. Былов, ставил как научную, так и жизненную, как говорили в те времена, задачу. Под последней понимали задачу политическую, связанную с укреплением имперского влияния в Северо-западном крае. Эта задача формулировалась следующим образом: показать местному населению, «чем было оно в лице своих предков в отдаленные времена, какие исторические и религиозные фазы переживало оно на протяжении своей многовековой истории и отсюда – чем должно оно быть в настоящее время».²⁵¹ Тогда же были выбраны пять членов Совета комитета (М.Н. Былов, А.М. Панов, Д.В. Скрынченко, А.П. Смородский и прот. А. Юрашкевич) и два кандидата (свящ. Д. Павский и А.К. Снитко). 2 марта Совет избрал

²⁴⁹ Годичный отчет Минского Церковного историко-археологического комитета // МЭВ. 1909. № 12 [прил.]. – С. 152-153.

²⁵⁰ Скрынченко Д. Открытие Минского Церковного историко-археологического комитета // Минское слово. 1908. 15 февр. (№ 365).

²⁵¹ Годичный отчет Минского Церковного историко-археологического комитета. – С.149.

председателем комитета М.Н. Былова, а товарищем – А.М. Панова. Д.В. Скрынченко стал смотрителем музея.²⁵²

Для нас особый интерес представляет речь Дмитрия Васильевича на церемонии открытия. В ней он рассказал о том, как вызревала идея создания комитета и музея, а также о предшественниках, занимавшихся собиранием в Минске первых коллекций предметов старины. Действительно, самым заметным в Минске было собрание коллекционера Г. Татура, который занимался коллекционированием с 14-летнего возраста. В 1907 г. после смерти Г. Татура Д.В. Скрынченко пытался спасти собранные ценности, душеприказчики же оценили стоимость коллекции в 200 тыс. рублей, что по тем временам составляло огромную сумму. Председатель Московского исторического музея кн. Щербатов мог предложить лишь 8 тыс. рублей.²⁵³ Пытаясь сохранить коллекцию в Минске, Д.В. Скрынченко обращался к председателю Московского археологического общества П.С. Уваровой, помощнику председателя Московского исторического музея И.Е. Забелину, собирателю старины С.И. Щукину. Эти усилия закончились ничем: собрание Г. Татура было куплено графом Е. Тышкевичем для Виленского музея искусств и наук.²⁵⁴ Конечно, Дмитрию Васильевичу было обидно, что предметы старины перешли в польские руки. Музей нужен был для восстановления исторической правды, искаженной, по его мнению, поляками.

Для нужд музея владыка Михаил (Темнорусов) выделил в Архиерейском доме по ул. Скобелевской две кельи с электрическим освещением и отоплением, а также во дворе Архиерейского дома особое помещение для заседаний комитета, который вскоре приступил к работе. Прежде всего, начали собирать библиотеку, куда поступало все, что имело отношение к истории Западного края. Кроме того, был начат (при активной поддержке владыки Михаила (Темнорусова), обязавшего

²⁵² М.Н. Былов скончался 2 января 1909 г., на его место 13 апреля был избран А.К. Снитко.

²⁵³ Речь Д.В. Скрынченко // Минская старина, вып. 1. Минск, 1909. – С. 7.

²⁵⁴ Там же; Гужаловский А.А. Музеи Белоруссии в дооктябрьский период // Музей и власть. М., 1991. Ч. 2. – С. 58; Валасевіч Г. Хавальнік музея. (Пра Д. Скрынчанку) // Голос Радзімы. 1989. 29 чэрвеня. – С. 6-7.

настоятелей передавать в музей все ценное, что могло быть найдено или хранилось в приходах Минской епархии) сбор экспонатов для музея.

Интерес к музею проявил академик А.А. Шахматов, который посетил Минск и, как писал Д.В. Скрынченко позднее, «выразил свое восхищение по поводу начатого нами».²⁵⁵ Ввиду нехватки средств комитет обратился к Академии наук с просьбой оказать материальное содействие в описании и издании памятников старины. При содействии А.А. Шахматова комитету было выделено 300 рублей.²⁵⁶ Перед Первой мировой войной экспозиция музея насчитывала 1362 экспоната: монеты, бусы, печати, гравюры, карты. Главной ценностью была библиотека, особенно ее рукописная часть. Среди книжного собрания насчитывалось 165 редких книг, в частности, «Типикон», «Апостол» (XVII в.), «Минея общая» (XVIII в.), «Синописис» (XVIII в.).²⁵⁷ В течение года после открытия в музей поступило 374 предмета, 490 рукописей, несколько сот книг.²⁵⁸ В 1909 г. вышло описание «Рукописный отдел старопечатных книг Минского Церковного историко-археологического комитета». Среди профессиональных историков описание было замечено Д.И. Довгялло,²⁵⁹ который прислал критический отзыв, содержащий признание ценности работы и замечания.²⁶⁰ Для посетителей музей был открыт с осени 1910 г., по воскресеньям после обедни. Во время Первой мировой войны музей и библиотека эвакуировались в Рязань, откуда часть экспонатов вернулась в 1921 г.²⁶¹

²⁵⁵ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 18.

²⁵⁶ Годичный отчет Минского Церковного историко-археологического комитета // МЭВ. 1909. № 12 [прил.]. – С. 155.

²⁵⁷ Шибeko З.В., Шибeko С.Ф. Минск. Страницы жизни дореволюционного города. – С. 291.

²⁵⁸ Годичный отчет Минского Церковного историко-археологического комитета // С.158, 160-161.

²⁵⁹ Довгялло Д.И. (1868-1942), окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, с 1897 г. работал сначала в Витебском, затем в Виленском архиве древних актов, с 1912 г. председатель Виленской археографической комиссии. Автор работ по истории городов Западного края.

²⁶⁰ Скрынченко Д. Критический отзыв // МЭВ. 1909. № 24. Ч. неоф. – С. 632.

²⁶¹ Шибeko З.В., Шибeko С.Ф. Минск. Страницы жизни дореволюционного города. – С. 292.

В 1909 г. под редакцией Д.В. Скрынченко вышли труды комитета – «Минская старина». С 1909 по 1913 г. было издано 4 выпуска (третий был в двух книгах). В первом он опубликовал работу «Белорусы, их разговорный и книжный язык при свете истории».²⁶² В том же году она была напечатана в «Минских епархиальных ведомостях», а затем вышла отдельным изданием. Эта работа стала своеобразным развитием лекции, которую Дмитрий Васильевич прочитал 27 февраля 1909 г. в Дворянском собрании. Конечно, эта работа с трудом может претендовать на звание научной. Это скорее научная публицистика, подчиненная сугубо политическим целям.

С целью приобретения экспонатов для музея и проведения полевых исследований Дмитрий Васильевич часто совершал поездки по Минской губернии. В июле 1909 года вместе с А.М. Пановым они привезли в музей из Минского Св.-Духова монастыря часть архива Слуцкого Св.-Троицкого монастыря.²⁶³ В августе того же года Д.В.Скрынченко привез из Николаевского собора в Бобруйске «несколько предметов недавней старины». Чуть позже он вместе с А.К. Снитко в августе 1909 г. в Андреевской церкви г. Борисова обнаружил ряд предметов, пригодных для музея, в частности, икону Божией Матери.²⁶⁴ 24-25 августа вместе с А.М. Пановым и А.К. Снитко, имея открытый лист, выданный Императорской археологической комиссией, он производил раскопки в Турове на холме Борисово-Глебской церкви в Мозырском уезде.²⁶⁵ Краткое сообщение о раскопках было помещено в «Минских епархиальных ведомостях», а более подробный отчет последовал через месяц.²⁶⁶ Вот как описывал Дмитрий Васильевич эти занятия в эмиграции: «Мы даже произвели раскопку около церкви в Турове на реке Припяти, бывшем удельном княжестве, и откопали саркофаг из красного ши-

²⁶² Скрынченко Д.В. Белорусы, их разговорный и книжный язык при свете истории. // Минская старина. Вып. 1 С. 58-79.

²⁶³ МЕВ. 1909. № 1. Ч. неоф. – С. 391.

²⁶⁴ МЕВ. 1909. № 16. Ч. неоф. – С. 390-391.

²⁶⁵ Дневник раскопки в местечке Туров Мозырского уезда Минской губернии // МЕВ. 1910, № 20. (прил.) – С. 263-266; № 21 (прил.) – С. 267-268.

²⁶⁶ См.: Епархиальная хроника // МЕВ. 1909. № 17. Ч. неоф. – С. 418.

фера с остатками костей и золотых нитей; причем черепная кость оказалась пробитой на лбу;... мы так хотели найти мощи святителя Кирилла Туровского, зарытые в землю при нашествии татар в XIII в.; легенды о мощах кружили в народе... Как освежали, какую радость приносили эти поездки!... Интересно было видеть, как окапывались насыпями и рвами и замки удельных князей – обычно в виде правильного четырехугольника. Богат стариной Слуцкий Свято-Троицкий монастырь; тут были мощи отрока Гавриила. Полагаю, что все это теперь уничтожено в России».²⁶⁷

Стремясь сохранить артефакты, Д.В. Скрынченко со страниц «Минских епархиальных ведомостей» обратился с призывом к пастырям епархии с призывом «Спасайте родную старину!». Он просил присылать с музей все, что имеет отношение к прошлому края, что может погибнуть без надлежащего хранения и ухода: «Всякая старина... особенно из уцелевших **деревянных** церковок, должна быть прислана в музей».²⁶⁸ Конечно, памятники старины имели для него не только политическое значение. Он прекрасно понимал, что забвение прошлого неизбежно разрушает культурную традицию, поэтому проблему сохранения памятников старины Д.В. Скрынченко рассматривал как предельно актуальную.

В августе следующего года Д.В. Скрынченко и А.К. Снитко совершили весьма плодотворную поездку в провинцию.²⁶⁹ Местом назначения было село Ишкольд Новогрудского уезда. Ревнителю старины привел туда слух, согласно которому церковь, стоявшая в селе, была некогда языческим капищем. На деле оказалось, что храм этот, некоторое время служивший костелом, был построен изначально как православный в первой половине XIII в.²⁷⁰ Из Новогрудка, расположенного к западу от Минска, путь исследователей лежал

²⁶⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 18-19. Подробнее см.: Шереметевский В. Гавриил, святой Заблудовско-Слуцкий // Русский биографический словарь. Т. IV. М., 1914. – С. 24-25.

²⁶⁸ Скрынченко Д. Спасайте родную старину! // МЭВ. 1909. № 19. Ч. неоф. – С. 470.

²⁶⁹ Краткий отчет о поездке см.: Епархиальная хроника // МЭВ. 1910. № 16. Ч. неоф. – С. 381.

²⁷⁰ Скрынченко Д. Поездка по губернии // Минское слово. 1910. 13 авг. (№ 1065).

в Несвиж. «Несвиж, – писал Дмитрий Васильевич, – красивый и чистый заштатный городок; почти все улицы его замощены камнем. В Несвиже один костел и одна церковь; последняя когда-то была костелом, и потому она обращена алтарем на запад; но зато и костел, несомненно, в давние времена был православной церковью и потому-то обращен алтарем, вопреки католическим традициям, на восток».²⁷¹ В Несвиже путешественники хотели осмотреть замок князей Радзивиллов, в котором, по слухам, имелся богатый архив и собрание древностей. Но в замок проникнуть не удалось: польские хозяева блюли право частной собственности и пускать посторонних, тем более русских, не разрешили. Этот факт возмутил Дмитрия Васильевича. «Удивительно, не виданное нигде дело, – восклицал он, – для науки беспристрастной, во имя польского шовинизма, остаются недоступными драгоценные сокровища старины».²⁷²

Из Несвижа путь лежал через Салтановщину, Поцейки и Копыль по направлению к Слуцку. От местных пастырей членам комитета удалось получить ряд культовых предметов старины, в основном связанных с униатством. Путешествовали в коляске, кучером был белорус, с которым Снитко разговорился на его родном языке. «Мой сосед, – писал Дмитрий Васильевич, – говорил с ямщиком на «беларуской мове», и лишь эта испорченная полонизмами мова отвлекала меня от тяжелых дум, но отвлекала не для успокоения, а для большего раздражения. Нет, не в этой исковерканной русской речи, которую называют «беларуской мовой», спасение для края, а в том тесном сближении и слиянии воедино всех русских разветвлений, которое одно только в состоянии отбросить польские наваждения и католические приманки».²⁷³

В Копыле остановились в небольшой гостинице. В этом городке путешественники обнаружили реликтовый пережиток средневековья – ремесленные цехи, копии уставов ко-

²⁷¹ Скрынченко Д.В. Поездка по губернии // Минское слово. 1910. 14 авг. (№ 1066).

²⁷² Там же.

²⁷³ Скрынченко Д.В. Поездка по губернии // Минское слово. 1910. 19 авг. (№ 1070).

торых удалось получить.²⁷⁴ На следующий день Д.В. Скрынченко и А.К. Снитко приехали в местечко Романово, где их встретил бывший ученик по Минской Духовной семинарии отец Ф. Наранович, передавший в дар музею предметы церковного обихода.²⁷⁵ Поздней ночью под дождем исследователи прибыли в Слуцк. Утром распогодилось, и Дмитрий Васильевич пришел в Воскресенскую церковь. Перед его взором открылась картина православной старины. «Какой восторг охватывает вас, когда вы видите и сознаете, что, быть может, пред этими иконами молились наши древнерусские святые, князья, создатели русской народности и культуры».²⁷⁶ Д.В. Скрынченко провел в Слуцке только один день, но успел посетить несколько храмов, Тройчанский (Троицкий) монастырь и местную типографию. «Тройчанский монастырь – какое прекрасное место: ширь, простор, тишина. Архимандрит Феодот, несмотря на свою старость, сам внимательно все показывает нам: жезл князя Юрия Юрьевича Олелько, Евангелие, писанное последним в 1585 г., ризу, шитую княгиней Софией, гробницу последней».²⁷⁷ В Слуцке коллекцию музея удалось пополнить рукописным Типиконом XVII в. и Синодиком 1684 г. Вместе со Снитко Дмитрий Васильевич осмотрел слуцкое замчище, которое представляло собой вал в виде правильного квадрата и остатки рва. Слуцк как один из городов на пути экспедиции был выбран не случайно: исторические события и древности этого города уже привлекали внимание Дмитрия Васильевича. В 1909 г. он опубликовал весьма любопытное сообщение «Неприятель в Слуцке в 1812 году».²⁷⁸ Основываясь на архивных документах из Свято-Троицкого Слуцкого монастыря, он показал, как французы, пришедшие в Россию, занимались повальным грабежом, не брезгуя при этом церковным имуществом. Последний раз Д.В. Скрынченко побывал в Свято-Троицком монасты-

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Скрынченко Д.В. Поездка по губернии // Минское слово. 1910. 27 авг. (№ 1077).

²⁷⁶ Скрынченко Д.В. Поездка по губернии // Минское слово. 1910. 2 сент. (№ 1081).

²⁷⁷ Скрынченко Д.В. Поездка по губернии // Минское слово. 1910. 10 сент. (№ 1087).

²⁷⁸ МЭВ. 1909. № 3. Ч. неоф. – С. 72-76.

ре в апреле 1914 г., когда состоялись торжества, связанные с памятью святого отрока Гавриила, почитавшегося в Северо-западном крае. Д.В. Скрынченко посетил Слуцк не только как корреспондент газеты «Киев», но прежде всего как человек, болеющий душой за укрепление позиции Православия в Белоруссии. «Наиболее яркими мгновениями праздников были, – писал он, – прибытие владыки Антония, соединение под Слуцком двух крестных ходов и всенародное величание святого отрока Гавриила во время обнесения его нетленных мощей вокруг Тройчанского монастыря».²⁷⁹

В октябре 1909 г. Русская Православная Церковь отмечала двести лет со дня кончины знаменитого поборника Православия святителя Дмитрия Ростовского. Святитель Дмитрий, «русский Златоуст», родился в Киеве в 1651 г., а в 17 лет принял монашеский постриг и в дальнейшем стал видным проповедником и богословом. Известно, что он посещал монастыри и храмы Северо-западного края, что, собственно, и подтолкнуло Д.В. Скрынченко привести его жизнь в качестве примера подвижнической деятельности на благо России: «Великоросс по рождению и языку (а по крови, может быть, и белорус, так как фамилия Туптало [фамилия отца Дм. Ростовского – В.К.] нередко встречается в древних актах нашего края) Св. Дмитрий своею деятельностью показал, что в мире существует единая и неделимая Русь и что литературным языком ее должен быть только так называемый великорусский язык, ставший общерусским».²⁸⁰

²⁷⁹ Минчанин (Скрынченко Д.В.) Итоги Слуцких торжеств // Киев, 1914. № 110. – С. 3.

²⁸⁰ Скрынченко Д.В. Двухсотлетие со дня кончины Св. Дмитрия Ростовского // МЭВ. 1909. № 19. Ч. неоф. С. 472. То же см.: Скрынченко Д. Двухсотлетие со дня кончины Св. Дмитрия Ростовского // Минское слово. 1909. 25 сент. (№ 817).

I

В России со времен Петра I симбиоз Церкви и государства делал первую заложницей монархии, хотя, конечно, определенные возможности для самостоятельного маневра у Православной Церкви оставались. Еще в конце XIX века на страницах русской прессы открылась дискуссия о необходимости церковной реформы и ее возможных пределах. Так, известный церковный публицист А. Папков сформулировал вопросы, которые были поставлены временем: «Почему ослабла и заглохла наша церковно-общественная жизнь» и «есть ли в православном обществе силы, и как их направить, для возрождения того церковно-общественного строя, без которого истинно христианская народная жизнь невозможна?»²⁸¹ Некоторые констатировали, что само «Православие перестало удовлетворять многих, потому что оно ограничилось одним обрядоверием и было простым придатком политики».²⁸² Русский религиозный мыслитель В.В. Розанов констатировал, что церковная жизнь свелась «к вопросам некоей духовной полиции, опека нравов и устранение безобразия: дальше этого не идет».²⁸³ Поэтому не случайно, что вопросы церковной реформы занимают

²⁸¹ Папков А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя // Русский вестник. 1902. № 6. – С. 638-639; См.: Орлов А. Церковь и государство. СПб., 1910; Мельников Н.К. Два мира. (К вопросу об отделении Церкви от государства). Берлин, 1907.

²⁸² Троицкий П.С. Отношение государства и Церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и общественных деятелей. М., 1909. – С. 63.

²⁸³ Розанов В.В. И не найду... // Розанов В.В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М.-СПб., 2004. – С. 197.

значительное место в публицистике Д.В. Скрынченко, изнутри знавшего жизнь Православной Церкви.

В Минске Д.В. Скрынченко активно включился в дискуссию о совершенствовании церковной жизни. В эмиграции он вспоминал: «На праздник Иоанна Богослова (26 сентября – В.К.) я читал актовую речь о задачах западно-русских семинарий в 1904 г.; я подчеркивал, какую культурную миссию несут семинарии, выпуская культурное духовенство: местное дворянство сплошь ополячилось; даже, например, Поповы стали поляками. Россия держалась тут на попе и на мужике».²⁸⁴ Речь его называлась «Общемировое призвание России и в связи с ним задачи западнорусских семинарий». Отталкиваясь от славянофильской идеи об особой духовной миссии России и цитируя Ф.М. Достоевского, он говорил, что Россия – духовная владычица мира, что вытекает из того, что главным фактором русской жизни является нравственная потребность.²⁸⁵ «Выдвигаю этот фактор русской души, – говорил он, – потому что он слишком ярко проникает в русскую жизнь, так ярко, как ни у одного народа в мире».²⁸⁶ Тяжелая, порой беспросветная жизнь людей в России, вечная неудовлетворенность жизнью, как полагал Д.В. Скрынченко, подвигает русского человека на нравственные и религиозные искания.

Обращаясь к семинаристам, он говорил, что они «должны проникнуться началами нашей православной веры, народности и государственности».²⁸⁷ Исходя из этого, он обрисовал круг ценностей будущих пастырей: «...в душе своей и в душе западнорусского народа *вы должны вырабатывать сознание необходимости объединения славянских народностей под знаменем России*, объединения не в смысле политического подчинения, например, сербов, России... а объединения духовного, такого, при котором каждая славянская ветвь жила бы сознанием своего единства

²⁸⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 12. Акт – торжественное собрание в учебных заведениях.

²⁸⁵ Скрынченко Д.В. Общемировое призвание России и в связи с ним задачи западно-русских семинарий // МЭВ. 1904. № 20. Ч. неоф. – С. 420.

²⁸⁶ Там же. – С. 421.

²⁸⁷ Там же. – С. 424.

и нераздельного родства с могучим славянским организмом – Россией».²⁸⁸ Священники, по мысли Д.В. Скрынченко, должны были не только просвещать народ, но воспитывать в нем веру и самоуважение, нести ему воспитанную Православием и вскормленную русской историей любовь. Только тогда, подчеркивал он, «Россия скажет миру *новое слово – она возвратит миру забытого им Христа*».²⁸⁹ Таким образом, миссия духовных семинарий заключалась в создании духовенства как просвещенной, высоконравственной и идейной корпорации. Именно духовенство, действующее при поддержке государства, могло стать проводником и одновременно социальной опорой возможных преобразований. Само стремление увязать жизнь духовных семинарий с широкомасштабными задачами говорит о том, что, на его взгляд, духовные учебные заведения не выполняют своего предназначения, оторвавшись от контекста текущих в обществе процессов, что ситуация в сфере духовного образования является кризисной. Позже Д.В. Скрынченко вспоминал: «Речь моя, напечатанная в «Епархиальных ведомостях» и отмеченная печатью, имела лично для меня значение: вскоре я был назначен редактором «Епархиальных ведомостей». Это дало мне возможность заняться пробуждением национального самосознания среди белорусов, местной стариной, летописями, книгами, чтобы во всеоружии бороться с ползучим полонизмом».²⁹⁰

1 сентября 1905 г. «Минские епархиальные ведомости» напечатали обращение к читателям, написанное Д.В. Скрынченко как новым редактором. Он обращался к православному духовенству как к «руководителю громадного большинства русского народа». О чем оно должно говорить обществу? Д.В. Скрынченко следующим образом обозначил самые жгучие темы времени: «Веротерпимость, народное представительство, война и мир».²⁹¹ Трехединая формула эта нуждается

²⁸⁸ Там же. – С. 424.

²⁸⁹ Там же. – С. 425.

²⁹⁰ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 12. Фактически между речью и назначением прошло около года. – В.К.

²⁹¹ Скрынченко Д.В. От редакции // МЭВ. 1905. № 17. Ч. неоф. – С. 295.

в комментарии. По указу от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» отпадение от Православия в другие вероучения не подлежало преследованию. Православие сохраняло свою позицию как доминирующая Церковь, и основным принципом его существования утверждалась веротерпимость в отношении прежде всего старообрядцев, а также представителей других конфессий.²⁹² Под веротерпимостью в то время понимали «совокупность прав, представленных *давнишним, исконным последователям одного из признанных государством вероучений*».²⁹³ Принцип веротерпимости предполагал сосуществование различных конфессий при поддержке государством Православия. Специалист по церковному вопросу И. Айвазов указывал, что принцип свободы совести и после 1905 г. оставался чужд Основным законам империи. В них по-прежнему закреплялось господствующее положение Православия при известном «ограничении прав других вероисповеданий».²⁹⁴ Д.В. Скрынченко не был сторонником свободы совести – он сохранял традиционные убеждения, согласно которым Православная Церковь – первенствующая в России.

Принцип народного представительства означал, что в выборах в Государственную думу основную роль должно сыграть приходское духовенство, гражданская роль православных пастырей заключается в том, что они должны стать духовными руководителями крестьянства.²⁹⁵ Сельскому духовенству следует «никого не страшась и свято помня заветы и задачи Родины, научить крестьян, как им действовать в Государственной думе».²⁹⁶ Он предлагал пастырям «роль честных порядочных *русских граждан*, прекрасно сознающих свое призвание и назначение своей Родины».²⁹⁷ Трудно

²⁹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV, Отделение I, СПб., 1908. – С. 257.

²⁹³ Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. Сб. статей. СПб., 1905. – С. 9.

²⁹⁴ Айвазов И. Новая вероисповедная система русского государства. М., 1908. – С. 34.

²⁹⁵ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Государственная дума и духовенство // МВВ. 1905. №18. Ч. неоф. – С. 333.

²⁹⁶ Там же. – С. 332.

²⁹⁷ Там же. – С. 333.

дать однозначный ответ, были ли готовы священнослужители к выполнению подобной политической миссии, скорее всего, нет. Большинство сельских пастырей были далеки от политики, многие рассматривали Думу как сомнительное заведение, прок от которого неочевиден, а возможные беды легко предсказуемы. Д.В. Скрынченко видел в Православной Церкви и духовенстве не столько политическую силу, сколько социальную. Он писал, что «только в ней одной находится ключ к устройению новой, лучшей, чуждой рабства, жизни».²⁹⁸ Проблема, однако, заключалась в том, что у Православной Церкви в начале XX в. не имелось четко артикулированной социальной политики, а духовенство не являлось тем социальным слоем, который был бы в первую очередь заинтересован в модернизации общества.

Что касается войны и мира, то окончание Русско-японской войны, завершившейся подписанием портсмутского мира, произвело на Д.В. Скрынченко горькое впечатление. «Трудно, тягостно переживать подобный мир, – писал он, – в прошлом одни недочеты, прорехи, поражения и злостная насмешка заграничных всеумников, а в будущем... как жить на позорище развалин, кровавых пепелищ?»²⁹⁹ Задачу духовенства в этой ситуации он видел в том, что оно должно «внушать сынам России, что настала пора кипучей работы над собой... на началах Православия, самодержавия и народности, которые образовали русское государство и сделали его могучей Россией».³⁰⁰ Поэтому духовенству следует «вырабатывать национальное самосознание бодрое, полное веры в себя».³⁰¹

Дмитрию Васильевичу представлялось, что стоит разумно приложить знаменитую формулу гр. С. Уварова к российской действительности, как появится долгожданный результат. В это время охранительный консерватизм еще не позволял ему сомневаться в действенности триады «официальной народности». В свою очередь, это было сим-

²⁹⁸ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1906. № 10. Ч. неоф. – С. 277.

²⁹⁹ Скрынченко Д.В. От редакции // МЭВ. 1905. № 17. Ч. неоф. – С. 295-296.

³⁰⁰ Там же. – С. 296.

³⁰¹ Там же.

птомом того, что государственная идеология не содержала комплекса идей и принципов, нацеленных на постоянное и продуманное реформирование общества и государства, что оборачивалась разочарованием мыслящих людей, а также стремлением найти виноватых. В Минской губернии, где наряду с русскими проживали евреи и исповедовавшие католицизм поляки, это приводило к обостренному восприятию национального вопроса, к стремлению возложить ответственность за неудачи и просчеты на представителей других этносов или неких «темных сил», под которыми часто понимали либералов и социалистов.³⁰²

Укрепление авторитета Православия и воспитание православных пастырей Д.В. Скрынченко увязывал с назревшей реформой духовных семинарий. В том, что духовное образование находится в кризисе, сомнений ни у кого, кажется, не было. Историк Русской Церкви пишет, что «недовольство положением, существовавшим в духовной школе, было всеобщим».³⁰³ Митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал, что «духовные школы к началу XX века по существу перестали быть «кузницей» священнических кадров. Для детей духовенства, которые в большинстве своем и учились в семинариях, это был лишь более дешевый способ получения образования». По его оценке из выпускников духовных семинарий в пастыри шли не более 10-15% выпускников.³⁰⁴ Поэтому, по данным С.Л. Фирсова, на одного представителя белого духовенства приходилось 820 мирян, что было явно мало.³⁰⁵ Вопрос о подготовке церковных кадров был одним из наиболее актуальных и требовал от властей серьезного внимания к системе духовного образования.

К тому же семинаристы были одним из самых радикальных элементов в среде образованной молодежи. О причинах подобных умонастроений писал в воспоминаниях митропо-

³⁰² Модели общественного переустройства России. XX век. – С. 182.

³⁰³ Смолич И.К. История Русской Церкви (1700–1917). Ч. 1., М., 1996. – С. 483.

³⁰⁴ Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. – С. 94.

³⁰⁵ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. – С. 24.

лит Евлогий (Георгиевский): «В семинариях революционно настроенная молодежь развивалась из ощущений социальной несправедливости, воспринятых в детстве. Збитость, униженное положение отцов сказывались бунтарским протестом в детях».³⁰⁶ В своем большинстве семинаристы были выходцами из среды сельского духовенства, при этом религиозное воспитание развивало в них острое чувство несправедливости. К тому же единственным путем получения образования для них было поступление в духовное училище и затем в семинарию. Поэтому часть семинаристов не имела глубокой симпатии к духовному призванию.

К началу XX в. ряд положений, регламентировавших жизнь духовной школы, устарел. Из-за стремления начальства неукоснительно соблюдать их в духовных учебных заведениях вспыхивали выступления. «Случаи бунтов, сопровождавшихся открытым неподчинением начальству, стали в духовной школе вполне обычным явлением. Иногда они сопровождались совершенно дикими для духовной среды эксцессами – битьем стекол, обструкцией преподавателей и даже стрельбой».³⁰⁷ Подобное событие произошло в Минской Духовной семинарии, состояние которой было далеко от идеала. Синодальная проверка, проводившаяся в 1905 г., вскрыла ряд серьезных недостатков. Само семинарское здание требовало ремонта и содержалось в небрежении, недостаточным было отопление семинарских помещений. 14 февраля 1905 года в семинарии вспыхнул бунт, перешедший в погром. Недовольство учеников семинарскими порядками возникло после рождественских каникул, когда для учеников был ограничен отпуск в город. Естественной реакцией молодых людей на столь непонятные ограничения стала «самоволка». Тогда ректор семинарии архимандрит Николай (Орлов) стал сам высматривать самовольно гулявших в городе учеников. Естественно, слежка взбудоражила семинаристов. Бунту способствовало еще и то, что

³⁰⁶ Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. – С. 19.

³⁰⁷ Ореханов Г., иерей. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002. – С. 6.

накануне (как это выяснилось позже) несколько раз в семинарию являлся какой-то революционер и вел беседы с учениками, а из Владимирской Семинарии пришло «воззвание», которое призывало учеников подняться на борьбу против существующего порядка. Непосредственным же поводом к бунту послужило исключение за плохое поведение одного семинариста.

14 февраля после проводов своего исключенного друга-бунтаря многие ученики были пьяны. Они стали бить стекла и громить все на своем пути. Всего в бунте участвовали около 100 человек. Вызванные городовые не могли проникнуть в здание, так как входные двери были закрыты изнутри, а на окнах, по-видимому, были решетки. Была полностью разгромлена канцелярия, разбит телефон и мебель. После этого была разгромлена квартира ректора, а в здании семинарии начался пожар. Из-за разбитого телефона пожарных вызвать не удалось, кто-то из учащихся стал звонить в семинарский колокол. Около 23.00 к семинарии прибыли епископ Михаил (Темнорусов), ректор, губернатор и полицмейстер. Общежитие было оцеплено. В итоге учеба в семинарии была прервана на три месяца, и были исключены около 100 человек. Ректор архимандрит Николай (Орлов) за свою административную «малоопытность» был переведен в Костромскую Духовную семинарию.³⁰⁸ Отголоском событий в семинарии стала манифестация учащейся молодежи 19 февраля того же года, которая имела связь «с забастовкой в здании духовной семинарии».³⁰⁹

Будучи осведомлен о причинах бунта, Д.В Скрынченко активно включился в дискуссию об обновлении семинарской жизни. Духовные учебные заведения «были так придушены, что дышать стало нечем, – писал он, – у семинаристов и академистов (студентов духовных академий – В.К.) отняли доступ

³⁰⁸ Чистяков П. Минская епархия в 1899–1917 гг. (историко-статистическое описание). Дипломная работа (рукопись). Жировичи, 2000. – С. 18-19. См. также: Шибeko З.В., Шибeko С.Ф. Минск. Страницы жизни дореволюционного города. – С. 286.

³⁰⁹ 1905 год у Беларусі. – С. 69; см. также: Документы и материалы по истории Белоруссии (1900-1917). Т. III, Минск, 1953. – С. 600.

в светские учебные заведения; для этого сократили программу общеобразовательных предметов, ввели много ненужных предметов, непригодных в жизни, преградили доступ к службе гражданской и т. п. Все подобные меры и породили страшный дух недовольства среди питомцев школы, приведший последнюю к полному распаду».³¹⁰ Церковно-бюрократическая традиция замалчивать назревшие жизненные вопросы возмущала его. «Если все так благополучно в семинариях, то почему же в них имеют место разные беспорядки, бунты, погромы, ставшие почти хроническими?» – спрашивал он.³¹¹

Попытка начать церковные реформы датируется 12 декабря 1904 г., когда император подписал указ «О предначертаниях к совершенствованию государственного порядка». В нем не было речи о церковной реформе, но современникам было ясно, что «совершенствование» «неминуемо затронет интересы первенствующей и главенствующей в империи конфессии».³¹² В марте 1905 г. увидела свет записка «О современном положении Православной Церкви», которая была составлена для председателя Совета министров С.Ю. Витте профессорами столичной духовной академии. В ней ставился вопрос о церковных преобразованиях, в числе которых упоминались созыв Поместного Собора, изменение статуса прихода, усиление самостоятельности Церкви, а также отмечался кризис духовной школы. В записке констатировалось, что «духовная школа мало занимается современными течениями общественной мысли».³¹³ Ограниченность будущих пастырей, как указывалось в записке, вызывалась искусственными запретами на ознакомление с антирелигиозной и социалистической литературой. В результате православные пастыри часто не обладали умением полемизировать. Из признания подобного положения следовал вывод: «Священнику необходимо подробное

³¹⁰ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1906. № 7. Ч. неоф. – С. 155.

³¹¹ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. К вопросу о реформе духовных семинарий // МЭВ. 1905. № 19. Ч. неоф. – С. 376.

³¹² Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 151.

³¹³ Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе. Сост. И.В. Преображенский. СПб., 1905. – С. 130.

критическое ознакомление со всеми течениями культурной мысли». ³¹⁴ Следует заметить, что авторы записки рассматривали церковную реформу как дело государственное, а не внутрицерковное, тем самым создавая почти непреодолимое препятствие на пути столь нужных преобразований. «Вопрос о духовной школе, – отмечалось в записке, – не есть вопрос отдельного ведомства, ибо всецело от его постановления зависит степень религиозного воздействия на народ». ³¹⁵ Созванное вскоре С.Ю. Витте совещание по церковным вопросам с участием епископа Сергия (Страгородского) выработало предложение о созыве Поместного Собора духовенства и мирян. В свою очередь, Синод обратился к императору с просьбой созвать Собор и избрать Патриарха. Однако под влиянием К.П. Победоносцева эти идеи до реализации не дошли. ³¹⁶ На обращении членов Синода 31 марта Николай II наложил резолюцию, согласно которой Собор будет созван «в благоприятное время». ³¹⁷

17 апреля 1905 г. вышел указ «Об усилении начал веротерпимости», поставивший православное духовенство, особенно на окраинах империи, в сложное положение. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал, что указ от 17 апреля в Северо-западном крае привел к массовому переходу в католицизм и стал для многих в Церкви неожиданностью, в том числе и для Св. Синода. ³¹⁸ Уже тем, что он появился без оповещения и предупреждения, указ вызвал критическое отношение со стороны православного духовенства, которое восприняло его как слабость и явную уступку католицизму. Так как премьером в это время был С.Ю. Витте, многие видели в нем (а вернее, в его немецкой фамилии) причину положения, в котором оказалась Церковь после выхода указа. ³¹⁹ Примерно

³¹⁴ Там же. – С. 130.

³¹⁵ Там же. – С. 131.

³¹⁶ Подробнее см.: Кузнецов Н.Д. Преобразования в Русской Церкви. М., 1906. – С. 25-37.

³¹⁷ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 167-168.

³¹⁸ Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. – С. 140-147.

³¹⁹ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Ч. 1. – С. 236.

такую же позицию занимал Д.В. Скрынченко. В его статьях можно наткнуться на недовольство как самим указом, так и деятельностью С.Ю. Витте. Указ, возможно, не был слишком удачным, но сам С.Ю. Витте в течение зимы 1904 – весны 1905 гг. продемонстрировал свою заинтересованность в реформе Церкви. В то же время указ не только облегчил старообрядцам и сектантам отправление их культа, но открыл возможность безболезненной смены вероисповедания, что было актуальным для смешанных по вероисповеданию семей в Северо-западном крае.³²⁰ Вскоре митрополит Антоний (Вадковский) подал царю записку, в которой отмечал, что введение в действие указа ставит Православную Церковь в невыгодное положение по сравнению с другими конфессиями. Православие, как писал он, по-прежнему оставалось под контролем государства, в то время как остальные конфессии получили «свободу рук». Поэтому митрополит просил царя разрешить съезд духовенства и мирян, дабы Церковь обрела некоторую автономию.

Кризисное состояние духовного образования и церковно-общественной жизни требовало безотлагательных реформ. Д.В. Скрынченко писал, что семинарии не удовлетворяют новым запросам жизни, поэтому «нужно, крайне нужно реформировать наши семинарии, и притом возможно скорее».³²¹ Опасаясь, что реформа будет проведена без оглядки на реальные потребности духовных учебных заведений, он настаивал на том, что особую роль в этом процессе должны сыграть преподаватели семинарий, как лица, знающие жизнь учебных заведений изнутри. Другим средством, призванным противостоять последствиям указа от 17 апреля, Дмитрий Васильевич рассматривал антикатолическое миссионерство. «Можно даже удивляться, – писал он, – как до сих пор не учрежден этот последний институт: те наши законодатели, которые позаботились о свободе вероисповеданий и провели в жизнь акт

³²⁰ Горизонтов Л.В. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. – С. 94.

³²¹ Скрынченко Д. По поводу текущих событий. К вопросу о реформе духовных семинарий // МЭВ. 1905. № 19. Ч. неоф. – С. 379.

17 апреля, почему-то не позаботились и не подумали, к чему приведет этот акт».³²² Чтобы предотвратить усиление католицизма, Д.В. Скрынченко предлагал развернуть хорошо налаженное миссионерское дело. По сути, он был прав, потому что после указа о веротерпимости в западных губерниях возник заметный отток из Православия. С апреля 1905 г. по 1 января 1909 г. в католицизм перешли почти 168 тыс. человек.³²³ По данным октябриста проф. К.Э. Линдемана, с 17 апреля 1905 г. по 1912 г. от Православия отложилось более 300 тыс. человек, из них в католичество перешло 232 тыс., в ислам – почти 50 тыс., в лютеранство – 14 тыс., к старообрядцам примкнуло 4200 человек.³²⁴

В декабре 1905 г. Николай II дал аудиенцию трем митрополитам – Антонию (Вадковскому), Владимиру (Богоявленскому) и Флавиану (Городецкому), как старшим членам Св. Синода, «для непосредственного преподания царственных указаний к предстоящему созванию Поместного Собора».³²⁵ 27 декабря того же года Николай II дал рескрипт на имя первенствующего члена Св. Синода митрополита Антония (Вадковского), в котором разрешил «произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви».³²⁶ Д.В. Скрынченко считал, что «рескрипт будет иметь не меньшее значение для Церкви, чем для государственной жизни Манифест 17 октября».³²⁷ Выбор царя пал на Антония не случайно. Он был известен как идеолог реформирования Церкви и возвращения к патриаршеству. Результатом рескрипта Николая II стало Предсоборное присутствие, которое заседало с марта по декабрь 1906 г. Оно разработа-

³²² Скрынченко Д.В. Необходимость особой миссии // МЕВ. 1907. № 19. Ч. неоф. – С. 371.

³²³ Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период (1700–1917). М., 2003. – С. 254.

³²⁴ Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т. 2. 1907–1915 гг. М., 2000. – С. 303.

³²⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Ч. 1. – С. 239.

³²⁶ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 216.

³²⁷ Скрынченко Д. По поводу текущих событий. Церковно-историческая эпоха // МЕВ. 1906. № 2. Ч. неоф. – С. 37.

ло рекомендации по обособлению Церкви от государства и предложило избрать Патриарха.³²⁸ Вопрос о восстановлении патриаршества активно обсуждался общественностью. Русские консервативно ориентированные публицисты, такие как Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, В.В. Розанов, рассматривали вопрос об избрании Патриарха как важнейший шаг в проведении церковной реформы.³²⁹ Предсоборное Присутствие попыталось наметить путь реформирования духовной школы. В дискуссиях пятого отдела Присутствия выкристаллизовались две позиции. Первая сводилась к тому, что духовную школу следует в принципе разделить на общеобразовательную и пастырскую. При этом вопрос о финансировании первой и ее статусе не рассматривался. Вторая позиция заключалась в том, что необходима единая десятилетняя духовная школа, в которую включалось бы два специализированных курса, по окончании которых молодые люди могли стать священниками.³³⁰

Неопределенность в проведении церковных реформ приводила к появлению как самых фантастических, так и вполне реалистических планов. Д.В. Скрынченко несколько раз выступал с анализом планов реформ духовных семинарий. В статье «Два проекта. (К вопросу о реформе духовных семинарий)» Дмитрий Васильевич подверг критике план реформы, опубликованный в «Православно-русском слове», автор которого явно хотел превратить духовные семинарии в подобие монастыря.³³¹ Вскоре он проанализировал еще один проект церковной реформы, опубликованный в «Орловских епархиальных ведомостях». Его автор предлагал соединить духовные училища и первые классы духовных семинарий, превратив их в гимназии с правами государственных гим-

³²⁸ Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., – С. 211.

³²⁹ Подробнее см.: Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006. – С. 166-170.

³³⁰ См.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 234. Подробнее о работе Предсоборного Присутствия см. – С. 216-250.

³³¹ Скрынченко Д. Два проекта. (К вопросу о реформе духовных семинарий) // МЭВ. 1905. № 20. Ч. неоф. – С. 424.

назий, а сами духовные семинарии преобразовать в церковно-богословские училища с трехлетним курсом обучения.³³² С этим проектом Дмитрий Васильевич был в принципе согласен, видимо, потому, что он напоминал план реформирования духовных учебных заведений, предложенный в конце 60-х гг. XIX в. Составной частью нововведений и реформ, которые, как предполагалось, скоро начнутся, Д.В. Скрынченко полагал возможность доступа семинаристов во все высшие учебные заведения. Это, в свою очередь, вызывало необходимость «так реформировать духовно-учебные заведения, чтобы они стали не ниже светских средних учебных заведений по программам проходимых наук».³³³

В начале 1906 г. Д.В. Скрынченко с надеждой писал: «Начинается реформа духовно-учебных заведений, дальше следует реформа приходской, епархиальной и всецерковной жизни. Скоро соберется Всероссийский Всецерковный Собор, и Россия увидит Церковь обновленною».³³⁴ Надо заметить, что некоторые планы реформирования духовных семинарий предусматривали отделение общего образования от духовно-пастырского. Это, в принципе, была здравая идея. Правда, неизбежно возникал существенный вопрос об источниках финансирования. Если будет создана общеобразовательная духовная школа, т. е. нечто вроде гимназии, то кто будет ее содержать? Если государство, то за учение придется платить, к чему духовенство со средним доходом 300-400 рублей в год явно не готово.³³⁵ «Мне думается, – писал Дмитрий Васильевич, – не нужно совершенно отделять общее образование от специально-пастырского, а только реформировать то и другое...»³³⁶ Он полагал, что до 4-го класса духовная семинария должна быть общеобразовательной школой, что давало бы ее ученикам право поступления в светские учебные заведения. Старшие классы в таком случае «будут специаль-

³³² Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. К вопросу о реформе духовных семинарий // МЕВ. 1905. № 21. Ч. неоф. – С. 452-453.

³³³ Там же. – С. 454.

³³⁴ Скрынченко Д.В. С Новым годом // МЕВ. 1906. № 1. Ч. неоф. – С. 2.

³³⁵ Скрынченко Д.В. О духовных гимназиях // МЕВ. 1906. № 4. Ч. неоф. – С. 72.

³³⁶ Там же.

но-пастырскими, с соответствующим режимом».³³⁷ Главная же цель реформы, как он понимал, заключалась в том, чтобы «выпускать образованных пастырей, стоящих по своему ответственному уровню не ниже окружающего их общества».³³⁸

В 1907 г. Дмитрий Васильевич вернулся к теме реформы духовной школы в связи с усилением «обновленческого» движения в Православии и радикализацией некоторой части священнослужителей. Причины этих опасных тенденций он усматривал в «развале нашей школы». «Горы бумаги уже исписаны об этом, но вопрос о духовной школе доселе стоит на точке замерзания», – сетовал он.³³⁹ Ситуация в духовных семинариях не менялась, что вызвало протесты семинаристов вплоть до бойкота экзаменов.³⁴⁰ «Вопрос о нашей духовной школе перешел в самый острый фазис свой», – отмечал Д.В. Скрынченко.³⁴¹ Он настаивал на том, что проблему духовного образования следует решать, и как можно быстрее. К сожалению, реальных шагов в направлении реформ сделано не было. По завершении работы Предсоборного Присутствия Николай II принял с докладом трех митрополитов, но ни слова не сказал о созыве Поместного Собора.³⁴² Тем не менее в апреле 1907 г. Император уведомил митрополита Антония (Вадковского) и обер-прокурора Синода П.П. Извольского, что закончил чтение материалов Предсоборного Присутствия. Предполагалось, что Собор будет созван осенью 1907 г., при этом инициатива созыва Собора должна была исходить от императора. Но время шло, а импульса не было. К концу 1908 г. стало ясно, что созыва Собора можно не ждать.

К 1908 г. полемика в церковной прессе о необходимости реформ постепенно угасла. Д. Поспеловский отмечает, что «реформы 1905–1906 гг., коренным образом преоб-

³³⁷ Там же. – С. 72.

³³⁸ Там же. – С. 73.

³³⁹ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Что же делать? // МЭВ. 1907. № 10. Ч. неоф. С 298.

³⁴⁰ Там же. – С. 300.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М., 1996. – С. 296.

разовавшие все мирские сферы русского быта, как будто обошли Церковь, которая по-прежнему оставалась в ведении обер-прокурора и синодальной бюрократии».³⁴³ В 1910 г. Д.В. Скрынченко на страницах «Минского слова» писал: «Мы хотели бы лишь задать один вопрос: почему Св. Синод до сих пор не приступил к реформе духовной школы, почему о болезнях последней кричит светское общество, а центральная духовная власть точно отошла в сторону? Как можно не спешить с реформой, если духовная школа отличается *нерелигиозностью*?»³⁴⁴ Д.В. Скрынченко предлагал устранить сословность семинарий, преобразовать духовную обстановку в них, заинтересовать будущих пастырей в учении и дальнейшей службе. Ведь в это время на содержание одной семинарии отпускалось около 40 тыс. рублей в год, при этом реально священниками становились лишь несколько человек с курса. В подобном случае подготовка одного пастыря обходилась недешево. Конечно, Д.В. Скрынченко задавал старый вопрос: почему Св. Синод медлит с реформами, почему не собирается Церковный Собор? «Эта синодальная медлительность, – с горечью писал он, – заставляет иначе поставить вопрос: может быть, синодальные сферы и не способны к реформам и сами нуждаются в реформировании?»³⁴⁵ Чуть раньше один из церковных публицистов спрашивал: «Какие же изменения прошли за это время и после 1905 г. в устройстве и положении Русской Православной Церкви, занимающей «господствующее» положение в России? С прискорбием мы должны ответить, что никаких».³⁴⁶

Церковная реформа, на которую надеялся Д.В. Скрынченко в начале XX века, так и не началась. Одна из причин кроется в том, что Православная Церковь не обладала традицией

³⁴³ Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – С. 212; его же. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. – С. 30.

³⁴⁴ Скрынченко Д.В. Православие и духовенство // Минское слово. 1910. 9 янв. (№ 898). – С. 1.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Троицкий П.С. Отношения государства и Церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и общественных деятелей. – С. 198.

самостоятельности. Вековая принадлежность государству гасила естественное стремление к реформе церковно-общественной жизни. Трагедия Русского Православия в это время заключалась в том, что формирующееся гражданское общество добилось от государства увеличения объема свобод, но оно совершенно проигнорировало интересы и проблемы Церкви. Как отмечает С.Л. Фирсов, «Церковь как институт духовной власти в начале нынешнего столетия переживала кризис, не имея возможности (а как показал опыт 1905-1906 гг., и *сил*) самостоятельно решить собственную судьбу, созвав Собор и демонтировав устаревшую, еще XVIII века, неканоническую синодальную систему».³⁴⁷ Образно говоря, в начале века Церковь в России оказалась между «молотом и наковальней». С одной стороны, развивалось леворадикальное движение, для которого усиление Церкви в результате реформ было невыгодным и опасным, а для либеральной интеллигенции Церковь была олицетворением реакции и мракобесия. С другой стороны, существовала достаточно ярко выраженная позиция государственной власти, не желавшей предоставлять свободу Церкви, отделять ее от государства. Если политическая элита предпочитала традиционно рассматривать Церковь как верную опору и не допускала мысли о выходе Церкви из-под своего влияния, то в кругах образованных Церковь едва ли пользовалась прочным авторитетом. Как указывает С.Л. Фирсов, суть проблемы церковной реформы в том, что «действительная свобода Церкви от государственного влияния возможна лишь в случае ее отделения от государства». Но «подобное возможно лишь при установлении свободы совести. В православной России «отделить» Церковь от государства значило бы подорвать империю изнутри, реальная же свобода Церкви была возможна только в светском государстве».³⁴⁸ Поэтому в реформе Церкви государство заинтересовано не было, власти предпочитали сохранять «симфонию», нежели сделать что-либо для решения

³⁴⁷ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – С. 15.

³⁴⁸ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 48.

проблем. Так, в речи 6 марта 1907 г. в Государственной думе П.А. Столыпин указал, что правительство рассматривает Русское государство как христианское, «в котором Православная Церковь как господствующая пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною».³⁴⁹

Д.В. Скрынченко, как человек мыслящий, понял, что проведение церковной реформы, в том числе реформы духовной школы, на которой он так настаивал, вопрос не внутрицерковный, но прежде всего политический в силу слитности Церкви и государства. Еще в 1906 г. он писал, что «ответственность за распад духовной школы и кризис Церкви несут «разные бездушные Толстые,³⁵⁰ Саблеры et tutti quanti... Они революционизировали нашу школу, они душили ее по своим барским капризам».³⁵¹ К этому можно добавить, что сама Церковь вряд ли была готова взять на себя ответственность самостоятельной жизни. Кроме того, для нее были неприемлемы те методы борьбы с властью, которые использовало светское общество, а собственных эффективных механизмов влияния на политическую элиту (то, что называется лоббизм) Церковь еще не выработала. Вероятно, прав Д. Поспеловский, отметивший, что не последнюю роль в торможении реформы сыграли не только мистические чувства императора, но и то, что он воспринимал Церковь как некий канал связи с народом. Если Дума ослабила прямую политическую власть царя, то Церковь в его понимании служила транслятором императорской харизмы. К тому же жизнь Русского Православия во многом определялась «симфонией» Церкви и государства (в петровском варианте), что предопределяло для Церкви пределы возможного реформирования. Д.В. Скрынченко в своих работах отстаивал консервативный вариант модернизации Церкви, утверждая необходимость церковного обновления в рамках открывшихся возможностей. Он понимал, что реформа необходима, как необходимо обновление жизни, но при этом всегда в контек-

³⁴⁹ Столыпин П.А. Думские речи. М., 1990. – С. 22.

³⁵⁰ Д.А. Толстой (1823–1889) в 1865–1880 гг. обер-прокурор Св. Синода.

³⁵¹ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Духовенство и народ // МЭВ. 1906. № 15. Ч. неоф. – С. 393.

сте имелся вопрос о пределах изменений, а главное – о последствиях, которые они могли принести.

Церковная реформа, обсуждавшаяся много лет, не была проведена. Излишнее вмешательство в дела Церкви и духовной школы, назойливая опека и мелочный контроль – все это было рутинной практикой отношений между государством и Церковью. Она строилась на том, что по большому счету государство Церкви не доверяло. Меж тем идея реформы была очевидной: на основе христианского демократизма, соборности Церкви освободить ее от государственной опеки и вернуться к досинодальному состоянию. Отсутствие патриаршества Д.В. Скрынченко рассматривал как «длительное несчастье», при этом он указывал, что «у нас не было отмены патриаршества церковными законами».³⁵² В пользу восстановления патриаршества Д.В. Скрынченко приводил следующее соображение. Католики, усиливая свою пропаганду среди белорусов и малороссов, прежде всего обращали внимание в своих листовках на неканоничность Русской Церкви, ее зависимость от обер-прокурора Св. Синода, на то, что Церковь возглавляет не духовный глава, а государственный чиновник. Это был сильный довод, ответить на который было затруднительно. Поэтому и в 1914 г. Д.В. Скрынченко спрашивал о восстановлении патриаршества: «Да когда же наконец? Чего же медлить? Чего бояться?».³⁵³

II

Положение католицизма в России, особенно в западных губерниях, было своеобразным, потому что он всегда рассматривался в связи с «польским вопросом». Ситуация усугублялась не только тем, что поляки, жившие в западных губерниях, исповедовали католицизм, но и тем, что сама католическая вера оставалась враждебной в глазах Православия. Приступив к редактированию «Минских епархиальных ведомостей», Д.В. Скрынченко одну из главных задач видел

³⁵² Скрынченко Д.В. Капризы истории // Киев. 1914. № 99. – С. 1.

³⁵³ Там же.

в противостоянии католицизму. Позднее он вспоминал: «В противодействие католической пропаганде, рассылавшей по Белоруссии миллионы листовок против русской культуры, я стал выпускать противоположные листки, вкладывая их в каждом номере органа. Это произвело большое впечатление: православные крестьяне получили оружие против воинствующих католиков, польская же печать как Белоруссии, так особенно Польши взяла меня в переделку: редкий день меня не ругали; мои исторические статьи о том, что местные столбы польщизны – польские помещики – некогда были русского происхождения и православными, даже борцами за православие, выдержки из их родовых грамот и завещаний XVI – XVII вв. производили большое впечатление...».³⁵⁴ Католицизм воспринимался русской политической элитой как враждебная идеология, политически к тому же подчиненная Ватикану. Основную роль в распространении католицизма в Северо-западном крае играла издавна польская шляхта, а также местная аристократия, в свое время перешедшая в католицизм.³⁵⁵ Поэтому противостояние католицизму рассматривалась властями как составная часть решения «польского вопроса».³⁵⁶ Северо-западный край испытал многовековой прессинг католицизма, в результате чего к концу XVIII в. в восточной Белоруссии из 1 млн 200 тыс. белорусов «только 300 тыс. оставались верными Православию, остальные же перешли в униатство (800 тыс.) и католичество (100 тыс.)».³⁵⁷

В 1910 г. произошло чрезвычайно важное в для укрепления позиций Православия Северо-западного края событие – перенесение мощей преподобной княгини Евфросиньи Полоцкой. Она родилась в начале XII в. в Полоцком княжестве, получила семейное имя Предислава и православное имя Евфросинья, когда приняла монашеский постриг. 45 лет она была игуменьей в Спасской обители в Полоцке, а затем со-

³⁵⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 12-13.

³⁵⁵ Кривонос Ф.П. Судьба Православия в Белоруссии // Журнал Московской патриархии. 1993. № 2. – С. 54.

³⁵⁶ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. – С. 80-81.

³⁵⁷ См. Кривонос Ф.П. Судьба Православия в Белоруссии. – С. 54.

вершила паломничество в Святую Землю ко Гробу Господню, где скончалась на 72 году жизни.³⁵⁸ В это время Святая Земля перешла в руки крестоносцев, основавших Иерусалимское королевство. Однако в 1187 г. Иерусалим был захвачен Салах-ад-Дином, и тогда иноки монастыря в честь Пресвятой Богородицы, получив от арабов разрешение покинуть город, вынесли гроб с мощами преподобной Евфросиньи и доставили его в Киев, сохранив мощи в пещере Преподобного Феодосия. Еще в 1832 г. епископ Могилевский Гавриил (Городков) высказал мысль о перенесении мощей Евфросиньи в Полоцк, чего сделано не было. На миссионерском съезде, который проходил в июле 1908 г. в Киеве под председательством архиепископа Антония (Храповицкого) и митрополита Флавиана (Городецкого), в противокатолической комиссии были сделаны доклады о перенесении мощей преподобной Евфросиньи из Киева в Полоцк.³⁵⁹ В течение зимней сессии Св. Синодом был разработан подобающий чин перенесения мощей, который был утвержден императором 29 января 1910 г.³⁶⁰ Эта мера не только повышала авторитет власти, давшей добро на перенесение мощей, но и содействовала укреплению Православия в Западном крае, что в тогдашних условиях имело политическую окраску. Как вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский), перенесение мощей преподобной Евфросиньи производилось, чтобы противопоставить ее почитание культу убитого в XVII в. католического проповедника Иосафата Кунцевича.³⁶¹ Мощи должны были следовать из Киева до Орши по Днепру с остановками в больших городах, а из Орши через Витебск на Полоцк на руках верующих.³⁶² По пути из Киева по берегам Днепра процессию из трех пароходов – «Головачев», на котором находилась гробница с мощами, «Александровск» и «Киев» – встречали толпы народа. С остановками на молебствия в Любече и Лоеве 25 апреля

³⁵⁸ Годы ее жизни 1102–1173. Подробнее см.: Преподобная Евфросинья игумения Полоцкая. Жизнь и акафист. Минск, 2000. – С. 8.

³⁵⁹ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 399.

³⁶⁰ Евфросинья Полоцкая // Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008. – С. 509.

³⁶¹ Евлогий митрополит (Георгиевский). Путь моей жизни. – С. 189-190.

³⁶² Преподобная Евфросинья игумения Полоцкая. Жизнь и акафист. – С. 40.

1910 г. процессия прибыла в Речицу – первый город Минской губернии на пути следования.

26 апреля пароходы взяли курс на север по Днепру. Св. мощи прибыли в Полоцк 20 мая 1910 г. при огромном стечении народа и в присутствии греческой королевы Ольги, великих князей Константина и Игоря Константиновича, митрополита Киевского Флавиана (Городецкого). Рака со св. мощами преподобной Евфросиньи была водружена в Спасо-Евфросиньевском монастыре.³⁶³ Торжественная речь Преосвященного Михаила (Темнорусова) была выдержана в духе необходимости укрепления Православия перед натиском инородцев. Торжества в Полоцке длились три дня. Д.В. Скрынченко оставил подробное и возвышенное описание перенесения св. мощей с парохода в Речицкий Успенский собор.³⁶⁴

Наблюдения Дмитрия Васильевича за происходящим во время торжеств симптоматичны. Первый вывод, который он сделал, – «народ наш по-прежнему религиозен; безрелигиозные и развратные движения нашей «освободительной» эпохи едва ли оставили какой-либо глубокий след в душе народной».³⁶⁵ В 1910 г. едва ли можно было сделать подобный вывод о народной душе. Степень религиозности вряд ли можно определить по факту массового скопления народа, видевшего в перенесении святых мощей как зрелище, так и ритуал. Конечно, традиционная религиозность в народе сохранялась, причем сохранялась и позже вопреки богоборческой советской власти. Однако Д.В. Скрынченко *хотел* видеть народную веру, и он ее видел, невзирая на то, что тут же сделал второй «вывод печального характера: интеллигенция наша в громадном большинстве своем почти откололась от народа; она чужда народным радостям: сильные религиозные собы-

³⁶³ Подробнее см. там же. – С. 84-98.

³⁶⁴ Скрынченко Д.В. Речицкие торжества // МЭВ. 1910. № 9. Ч. неоф. – С. 199-212. Аналогичный текст он опубликовал в «Минском слове» под тем же названием. См.: Минское слово. 1910. 28 апр. (№ 984), 29 апреля (№ 985), 30 апреля (№ 986), 1 мая (№ 987). 27 апреля была опубликована краткая телеграмма Д.В. Скрынченко о торжествах в Речице. – Минское слово. 1910. 27 апр. (№ 983).

³⁶⁵ Скрынченко Д.В. Речицкие торжества // МЭВ. 1910. № 9. Ч. неоф. – С. 199.

тия, как, например прибытие в Речицу св. мощей преподобной Евфросинии не интересуют «передовую» часть нашего общества». ³⁶⁶ Действительно, среди присутствовавших или посетивших торжества были лишь государственные чиновники и духовенство – и те и другие находились на торжествах по долгу службы. Иными словами, торжества проводило государство, использовавшее тягу народа к вере для укрепления позиция Православия и ослабления польского влияния. Не случайно в начале корреспонденции Д.В. Скрынченко сожалел, что с *полонизаторами* государство не разговаривает на языке силы как с государственными преступниками. Если бы была возможность употребить власть, то, как полагал Д.В. Скрынченко, «католичество и польщизна не имели бы здесь и слабого успеха». ³⁶⁷

Антикатолические взгляды Д.В. Скрынченко весьма своеобразно проявились в оценке связей российского государства и Ватикана. Речь идет о т. н. конкордате с Ватиканом. История его такова. В начале зимы 1845 г. император Николай I, находясь за границей, нанес визит в Ватикан. На аудиенции у папы Григория XVI он услышал сетования понтифика на «притеснения» католиков в России. Папа просил императора о расширении прав Католической Церкви в Российской империи. Для решения возникшей проблемы в ноябре 1846 г. в Рим был отправлен председатель Департамента законов Государственного совета граф Д.Н. Блудов, который 3 августа 1847 г. заключил соглашение, т. е. конкордат с Ватиканом. По соглашению кроме существовавших 6 католических епархий на территории России создавалась еще одна (Херсонская), а в Петербурге открывалась католическая духовная академия. ³⁶⁸ Усиление влияния католицизма в России было воспринято негативно иерархами Православной Церкви и рядом представителей политической элиты. В дальней-

³⁶⁶ Там же. – С. 200.

³⁶⁷ Там же. – С. 199.

³⁶⁸ См.: Федоров В.В. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – С. 207-208; подробнее см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. – С. 99-107.

шем был найден предлог для отмены соглашения – польское восстание начала 60-х гг., в котором активное участие принимало высшее польское духовенство. Поэтому указом Александра II от 22 ноября 1866 г. действие конкордата было прекращено. Примирение с Римом началось только с 1882 г., а через два года при Ватикане был аккредитован русский министр-резидент А.П. Извольский, в Петербург прибыл папский нунций. Примирение с Ватиканом заключалась в том, что 24 декабря 1882 г. русское правительство дало согласие на приезд в Россию новых епископов на пустовавшие с середины 60-х гг. пять кафедр в католических епархиях. После подавления польского восстания 1863-64 гг. мятежные епископы были сняты за сотрудничество с инсургентами и отправлены в ссылку. На вакантные места тогдашний понтифик Пий IX назначить новых епископов отказался. И лишь новый папа Лев XIII согласился прислать новых пастырей и восстановить каноническое управление епархиями. Так вот, в статье «Конкордат с Римским папой» Д.В. Скрынченко утверждал, что конкордат – соглашение, которое дает Ватикану особые права в отношении католиков России.³⁶⁹

Дмитрий Васильевич невольно возродил старый спор, в котором с начала 80-х гг. XIX в. участвовали «Московские ведомости». В защиту правительства в 1883 г. выступил не кто иной как русский философ Владимир Соловьев, который призывал видеть в отношениях с Ватиканом только католический вопрос, а никак не польский. Он считал, что «Рим и Россия должны стать в определенное отношение друг к другу независимо от всяких исторических осложнений вроде польского вопроса».³⁷⁰ По его мнению, отношения двух сил в стратегическом смысле имеют преимущество перед тактическими соображениями и проблемами вроде польской. Такой была позиция либералов, ослаблявшая позиции Православия.

Главная идея, которую утверждал Д.В. Скрынченко, была проста: русскому государству не следует поддерживать от-

³⁶⁹ Скрынченко Д.В. Конкордат с Римским папой // МЭВ. 1909. № 4. Ч. неоф. – С. 98.

³⁷⁰ Соловьев В.С. Соглашение с Римом и московские газеты // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1989. – С. 178.

ношения с Римом. Он считал, что *православной России* следует разорвать связи и убрать русское представительство при Ватикане.³⁷¹ Он исходил из того, что согласно учению Православной Церкви «римский папа есть обыкновенный епископ, имеющий лишь преимущества чести в зависимости от местопребывания его кафедры в Риме».³⁷² Кроме того, «римский папа – еретик, держащийся исповедания веры, не согласного с вселенским христианством».³⁷³ Рассматривая ситуацию отношений России и Ватикана, Дмитрий Васильевич переносил религиозные принципы на уровень дипломатии и межгосударственных отношений, утверждая, что «подобное представительство при Ватикане от Русского Государя является лишь странным пережитком; это своего рода nonsense».³⁷⁴ Дополнительным доводом в пользу разрыва отношений с Ватиканом он называл поддержку последним польского восстания 1863–1864 гг.

В соответствии с официальной православной точкой зрения католицизм рассматривался как учение не только еретическое, но и политическое. «Рим, – писал Д.В. Скрынченко, – владетель вселенной – orbis terrarum – погибая от варваров, как бы передал римскому епископу – папе – домогательства власти. А эти-то домогательства и изуродовали христианство «римско-католическое» и сделали его *политической доктриной*».³⁷⁵ Статья «Конкордат с Римским папой» кроме Минска появилась в «Московских ведомостях».³⁷⁶ Столичная газета моментально отреагировала на публикацию. В ответе анонимный автор сразу же отметил политическую направленность статьи Дмитрия Васильевича, а точнее, политическую ангажированность Православия в его понимании. «К сожалению, – отмечалось в статье, – такое отношение к вере и Православию чрезвычайно распространено в разнообразнейших

³⁷¹ Скрынченко Д.В. Конкордат с Римским папой. – С. 99-100.

³⁷² Там же. – С. 99.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Скрынченко Д.В. Христос Воскресе! // МЭВ. 1908. № 8. Ч. неоф. – С. 190.

³⁷⁶ Скрынченко Д.В. Конкордат с Римским папой // Московские ведомости. 1909. 16 февр. (1 марта). № 37. – С. 2.

проявлениях среди наших «консервативных» элементов, и оно-то именно несет вину за то, что Православие теряет силу животворящего фактора в Русском государстве».³⁷⁷ Автор ответа полагал, что должно уважать верования тех, кто исповедует католицизм, и не стараться воздвигнуть непреодолимую стену между ними и Римским первосвященником. «Московские ведомости» выступили против подчинения политики интересам Православия, разделяя интересы государства и веру. Дмитрий Васильевич, наоборот, придерживался мнения, что принципам религии, а тем более такой, как Православие, должно быть подчинено все в жизни, включая политику.

Д.В. Скрынченко не сразу узнал об ответе: «Московские ведомости» в Минске он не выписывал. Но, получив номер, сразу же решил дать ответ. Он утверждал, что противостоять следует не католической вере, а политической активности католиков, большинство из которых поляки, настроенные враждебно к русской государственности.³⁷⁸ Надеясь на незнание автором «Московских ведомостей» реалий жизни в Северо-западном крае, Дмитрий Васильевич писал: «Русские люди центра России совершенно не понимают положения вещей в нашем крае и, будучи сами крайне терпимыми и добродушными, они думают то же встретить от католиков».³⁷⁹ Наконец, Дмитрий Васильевич противопоставил католицизм Православию в нравственном смысле. Православие, по его мнению, «есть самое чистое хранилище того, что принес на землю Христос. Оно никогда не задавалось целью *властвовать* в земном, католическом смысле слова; оно всегда было небесной религией».³⁸⁰

³⁷⁷ Римский папа и Русское государство // Московские ведомости. 1909. 17 февр. (2 марта). № 38. – С. 1.

³⁷⁸ Скрынченко Д.В. Еще раз о конкордате с Римом // МЭВ. 1909. № 6. Ч. неоф. – С. 143.

³⁷⁹ Там же. – С. 144.

³⁸⁰ Скрынченко Д.В. Христос Воскресе! // МЭВ. 1908. № 8. Ч. неоф. – С. 199.

III

После образования в России политических партий часть духовенства стала втягиваться в политику. В результате в Православии возникло обновленческое движение. В феврале 1905 г. группа, состоявшая примерно из 20 священнослужителей, обратилась к петербургскому владыке Антонию (Вадковскому) с просьбой принять их для обсуждения положения, в котором пребывало Православие. Священников можно понять, ими двигало острое чувство неудовлетворенности церковной жизнью, равно как и стремление начать церковные реформы. 14 февраля разговор состоялся, после чего в марте того же года Антонию было представлено несколько записок, лейтмотивом которых был призыв к созыву Поместного Собора и восстановление канонической свободы Церкви.³⁸¹

Так было сформировано ядро группы «обновленцев», состоявшей из 32 человек. Воссоздать раннехристианский идеал церковной жизни, при котором восторжествует несколько наивно понимаемая соборность – вот приоритетная цель тогдашних «обновленцев».³⁸² Среди них были неоднократно упоминавшиеся в статьях Д.В. Скрынченко Г.С. Петров,³⁸³ К.М. Аггеев,³⁸⁴ протоиерей М.П. Чельцов,³⁸⁵ священник Ф.В. Тихвинский,³⁸⁶ А. Бриллиантов,³⁸⁷ известный своими либеральными взглядами архимандрит Михаил,³⁸⁸

³⁸¹ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 318-320.

³⁸² Там же. – С. 321.

³⁸³ Григорий Петров Спиридонович (1868–1925), священник, публицист, депутат II Государственной думы, в 1908 г. лишен сана, был близок к кадетам.

³⁸⁴ К.М. Аггеев (1868–ок. 1920) был одним из учредителей Братства церковного обновления, член Поместного Собора 1917–1918 гг., расстрелян в Крыму красными.

³⁸⁵ Протоиерей М.П. Чельцов (1870–1931) был магистром богословия, после 1917 г. советскую власть не признал, за что в 1931 г. расстрелян.

³⁸⁶ Тихвинский Федор Васильевич (1861–?), священник, депутат II Государственной думы.

³⁸⁷ Бриллиантов Александр Иванович (1867–1933/34), профессор Санкт-Петербургской Духовной академии.

³⁸⁸ Архимандрит Михаил (Семенов, 1874–1916) был одним из редакторов газеты «Век», участвовал в Религиозно-философских собраниях начала XX в.

священники К.И. Афанасьев³⁸⁹ и А.В. Поярков.³⁹⁰ Летом 1905 г. группа предоставила митрополиту Антонию вторую записку о грядущем Поместном Соборе. Согласно ей на Соборе должны быть представлены не только духовенство, но и миряне. Осенью того же года группа «32-х» назвала себя «Союзом церковного обновления». Широкой поддержкой среди населения «обновленцы» не пользовались – к концу 1905 г. в «Союзе» насчитывалось не более 60 человек, в основном из столичных клириков.³⁹¹ Основная идея «обновленцев» была проста: они требовали реформы Церкви. При этом в их программе содержался пункт, в котором Российская империя характеризовалась как явление преходящее.³⁹² Подобное могло восприниматься политической элитой и консервативной частью общества как подрыв имперских устоев. С необходимостью и даже неизбежностью реформы Церкви были согласны многие, но упразднение монархии даже во время первой русской революции рассматривалось как политическое кощунство. Поэтому, конечно, Д.В. Скрынченко относился к «обновленцам» крайне негативно.

Дмитрий Васильевич считал, что «обновленцы» расшатывают государство, ослабляют его, не говоря уже о Церкви. «В Петербурге, – писал он, – под боком, если так можно выразиться, у высшей духовной администрации священники Чельцовы, Аггеевы, Заозерские³⁹³ разрушают дело церковного строительства, щеголяя своим крайним радикализмом и желанием показать миру, как они либеральны, как они содействуют «освободительному» движению. Про о. Григория Петрова и архимандрита Михаила и говорить не хочется. Присутствуя на одном из заседаний Государственной думы,

³⁸⁹ Афанасьев Клавдий Иванович (1875–?), священник, депутат I Государственной думы, в 1907 г. был лишен сана, вошел в партию кадетов.

³⁹⁰ Поярков Алексей Владимирович (1868–?), священник, депутат I Государственной думы.

³⁹¹ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 333.

³⁹² Там же. – С. 334.

³⁹³ Заозерский Николай Андреевич (1851–1919), специалист по каноническому праву, профессор Московской Духовной академии, редактор «Богословского вестника».

я невольно обратил внимание на священника, сидящего на левой стороне, среди депутатов, бравирующих своими красными галстуками, красными приколками на пиджаках, красными карточками на креслах. «Кто это?» – спросил я. – «О. Тихвинский», – сказали мне... И хотелось от всей души крикнуть этому «отцу»: зачем вы здесь? Зачем вы оскорбляете тот крест, который вы носите на своей груди?».³⁹⁴

Некоторые из «обновленцев» выступили с инициативами, непосредственно касавшимися положения Православной Церкви. К. Афанасьев в мае 1906 г. вместе с рядом кадетов поставил подпись под запиской спикеру I Государственной думы Г.Д. Муромцеву с просьбой рассмотреть законопроект о свободе совести в России. Суть ее сводилась к тому, что пользование гражданскими и политическими правами не должно зависеть от вероисповедания.³⁹⁵ Для жившего в Северо-западном крае Д.В. Скрынченко принятие подобного закона было неприемлемо, потому что в таком случае уничтожалось бы первенство Православной Церкви. Истоки «обновленчества» Д.В. Скрынченко усматривал не только в «революционном психозе времени», но прежде всего в развале духовной школы, из которой вышли все «обновленцы». «Ясное дело, – писал он, – что подобные рассадники, где возможно проявление хулиганства и безбожия, должны быть или упразднены, или так преобразованы, чтобы они вполне удовлетворяли своему назначению».³⁹⁶

В середине марта 1907 г. Д.В. Скрынченко вступил в полемику с журналом «Церковное обновление», издававшимся «Союзом церковного обновления». В журнале появилась статья, в которой рассказывалось, что в Минске выборщики из

³⁹⁴ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Что же делать? // МЕВ. 1907. № 10. Ч. неоф. – С. 297.

³⁹⁵ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 346. К. Афанасьев был среди тех, кто в июле 1906 г. вместе с 200 депутатами распушенной Государственной думы подписал антигосударственное выборгское воззвание «Народу от народных представителей». Оно содержало призыв не платить налоги и не давать солдат в армию. За это в декабре 1907 г. мятежный священник был лишен сана.

³⁹⁶ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Что же делать? // МЕВ. 1907. № 10. Ч. неоф. – С. 300.

крестьянской курии были подвергнуты заключению в Архиерейском доме, при этом «им внушались «благонамеренные» идеи».³⁹⁷ На самом деле, как писал Д.В. Скрынченко, выборщики-крестьяне были поселены в пустом певческом корпусе Архиерейского дома, а некоторые разместились в гостиницах. Д.В. Скрынченко не отрицал, что на выборщиков в Архиерейском доме пытались влиять. Но как? «О каких «благонамеренных» идеях говорит журнал? Любовь к измученной Родине, гонимое католиками Православие, защита действительно угнетаемой русской народности – разве эти предметы стали устарелыми, предосудительными, постыдными?»³⁹⁸ «Чтобы излечиться от беспочвенности и космополитизма, – заключал письмо Дмитрий Васильевич, – мы советуем вам пожить немного на окраинах...».³⁹⁹

Укрепление позиций государства и противостояние антигосударственным идеям он считал важнейшей задачей. Не удивительно, что он резко отозвался по поводу некоторых идей Л.Н. Толстого, которого чтит как писателя и художника, но отвергал как политического и религиозного мыслителя. Гораздо ближе был ему Ф.М. Достоевский, которого он однажды назвал «лучший наш писатель».⁴⁰⁰ Для Дмитрия Васильевича Толстой был жившим в своем имении барином, который, призывая к опрощению, не отказывался при этом от собственности. В сентябре 1905 г. Дмитрий Васильевич откликнулся на статью Л.Н. Толстого «Единое на потребу». Первоначально статья была предназначена для напечатания в Англии. Летом 1905 г. Л.Н. Толстой передал ее приехавшему в Ясную Поляну В.Г. Черткову, издававшему в Англии газету «Свободное слово». В июле 1905 г. статья Л.Н. Толстого была напечатана в издании «Свободного слова». Кроме того, статью опубликовал лондонский Times, а в континентальной Европе она вышла в переводе 29 и 31 августа сразу в несколь-

³⁹⁷ Скрынченко Д.В. Открытое письмо редакции журнала «Церковное обновление» // МЭВ. 1907. № 5. Ч. неоф. – С. 146.

³⁹⁸ Там же. – С. 147.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Скрынченко Д.В. Лозунг не «раздражать инородцев» // Минское слово. 1909. 15 дек. (№ 880).

ких странах.⁴⁰¹ Текст статьи, напечатанный в петербургском «Слове», является обратным переводом на русский. Видимо, в редакции не было текста в издании В.Г. Черткова.

В статье Л.Н. Толстой отрицал порядок, когда, по его словам, правительство занимается лишь захватом собственности, владеет землей и защищает права немногих лиц, которые ею владеют, создает армию – по характеристике Л.Н. Толстого – профессиональных убийц и, наконец, издает законы, «которые оправдывали бы и освящали эти злодеяния».⁴⁰² По меткому выражению П.С. Троицкого, Л. Толстой «не признал за государством временной благой исторической силы».⁴⁰³ Для государства идеи, высказанные Л.Н. Толстым, были неприемлемы и опасны. По сути дела он проповедовал анархизм, отрицал государство, называя его тотальным злом. Кроме того, в России, где традиция частной собственности была слаба, опасным было отрицание собственности на землю. Как государственник, Д.В. Скрынченко не мог не отреагировать на слова Л.Н. Толстого. «Просто не хочется верить, – писал он, – чтобы такую возмутительную проповедь и бунт против всякого правительства мог высказать на весь мир знаменитый, даже малым детям известный писатель – граф Л.Н. Толстой».⁴⁰⁴

Неприятие Толстым собственности и государства было следствием «самодельного» христианства, к которому великий писатель постепенно перешел с конца 70-х гг. XIX в. Его новое христианство было замешано на европейском рационализме, а точнее – позитивизме. Как русский писатель, он исходил из того, что литература – «учитель жизни», а писатель – своего рода проповедник, – взгляд, весьма популярный в позапрошлом веке со времен В.Г. Белинского. По точному выражению беллетриста П.Д. Боборыкина, Толстой был не

⁴⁰¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.36, М.-Л., 1936. Примечания. – С. 652.

⁴⁰² Толстой Л.Н. Единое на потребу // Полное собрание сочинений. Т. 36, М.-Л., 1936. – С. 178.

⁴⁰³ Троицкий П.С. Отношение государства и Церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и общественных деятелей. – С. 158.

⁴⁰⁴ Скрынченко Д.В. Договорился наконец // МЭВ. 1905. № 18. Ч. неоф. – С. 370.

просто анархист, он был неохристианский анархист. Его позиция была опасна, потому что Толстой пытался подорвать Православную Церковь, обвиняя ее во всеобщей лжи. Конечно, подобные выпады государство долго терпеть не могло, пока Церковь была его частью. Объяснив читателям простые вещи, которые тем не менее Л. Толстому были непонятны, Д.В. Скрынченко писал: «Довольно, пора Вам перестать под философским соусом проявлять барское самодурство».⁴⁰⁵

Д.В. Скрынченко был достаточно полно осведомлен о «неохристианстве» великого писателя. «Толстой, – писал он, – не верит в Бога согласно христианскому учению, а понимает Его как разумное сознание всего человечества (прошедшего, настоящего и будущего) и личное существование Его отрицает».⁴⁰⁶ Создавая «новую» веру, Л. Толстой отверг божественную сущность Христа, таинства и символику и в образе Иисуса Христа видел лишь моралиста, учителя нравственности. В этом как раз следует видеть проявление позитивизма, который отрицает наличие метафизической реальности и признает лишь наличное бытие мира. «Учение Толстого, – писал Г. Флоровский, – есть, скорее, особого рода *моральный позитивизм*, отчасти напоминающий учение стоиков».⁴⁰⁷ Естественно, что отрицание метафизики христианства закономерно приводило к попытке отринуть веру и при помощи разума свести ее к плоской морали.

Активная антицерковная позиция привела к отлучению Л. Толстого от Церкви. Идея эта возникла еще в XIX в. и высказывалась многими. Известно, что митрополит Антоний (Храповицкий), будучи ректором Московской Духовной академии, в марте 1892 г. посетил Л. Толстого, после чего высказал мысль о необходимости отлучения писателя от Церкви. Когда в начале XX в. Л. Толстой заболел, члены Св. Синода были обеспокоены тем, что после возможной кончины писателя приходские

⁴⁰⁵ Там же. – С. 371.

⁴⁰⁶ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1908. № 18. Ч. неоф. – С. 557.

⁴⁰⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. – С. 404. Известный исследователь начала века охарактеризовал учение Л. Толстого как «пантеизм». – Титлинов Б. «Христианство» Л.Н. Толстого и христианство Евангелия. СПб., 1907. – С. 183.

священники по неведению могут отслужить по нему панихиду и заупокойную литургию. В специальном послании Св. Синода, которое называлось «О запрещении поминовения и панихид по Л.Н. Толстому в случае его смерти без раскаяния», говорилось, что Православная Церковь объявляет его чуждым церковного общения.⁴⁰⁸ 24 февраля 1901 г. было опубликовано знаменитое «Определение Св. Синода от 20-22 февраля о графе Льве Толстом». В документе перечислялись основные элементы учения фрондирующего графа – ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской. Далее следовала детализация и был сделан вывод, что Синод свидетельствует «об отпадении его от Церкви».⁴⁰⁹

Очень точно обозначил причину отлучения Л. Толстого священник А. Мень: «Он не только ожесточенно, оскорбительно, забыв об элементарном такте, писал о таинствах Церкви, ее учении, но утверждал, что является христианином, что только его взгляд на понимание христианства истинен».⁴¹⁰ В своей попытке создать иное христианство Л. Толстой фактически вышел за пределы Православия. Поэтому на самом деле отлучение от Церкви было всего лишь констатацией свершившегося факта. «Церковь, – писал Д.В. Скрынченко, – есть организм, а последний должен себя защищать от всего разлагающего, если не хочет умереть. Собственно, гр. Толстой сам себя отлучил от Церкви, и со стороны последней было бы нелепо и даже убийственно не замечать этого и, подобно страусу, прятать от врага лишь одну голову».⁴¹¹

Не видя различий между моралью индивидуальной и социальной, Л.Н. Толстой отрицал государственность, социальные ценности, практически всю современную цивилизацию. Естественно, для людей, болеющих за Россию и мыслящих политическим категориями, позиция социаль-

⁴⁰⁸ См. Петров Г.И. Отлучение Льва Толстого от Церкви. М., 1978. – С. 25.

⁴⁰⁹ Там же. – С. 31.

⁴¹⁰ Мень А. «Богословие» Льва Толстого и христианство // Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? Л., 1991. – С. 19.

⁴¹¹ Скрынченко Д.В. По поводу смерти Л.Н. Толстого // МЭВ. 1910. № 23. Ч. неоф. – С. 455.

ного нигилизма, помноженная на утверждение христианства без таинств, была неприемлема, равно как и мысль об утрате смысла жизни. «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» – спрашивал Л. Толстой.⁴¹² Потеря смысла жизни во многом определялась у Л. Толстого выхолощенным пониманием христианства, которое он выразил в плоской формуле: «Христос учит людей не делать глупостей».⁴¹³ Отсюда вытекала сентенция, что «бесмыслица жизни – есть единственное несомненное знание, доступное человеку».⁴¹⁴ Поэтому религиозные идеи Л.Н. Толстого Д.В. Скрынченко рассматривал как заблуждение великого писателя, возмнившего себя создателем новой религии.

IV

Интересным и сравнительно слабо изученным институтом, имеющим глубокие корни, являются православные братства – неформальные религиозные организации, дополнявшие официальные структуры Церкви. Особое значение братства имели на окраинах империи, прежде всего в Северо-западном и Юго-западном краях, где традиционно было сильно влияние католицизма и униатства, где постоянно требовалась консолидация православных сил. Православные братства возникали, как правило, при приходских храмах, по имени которых часто и назывались. Задачами братств была защита Православия, просветительская, образовательная и миссионерская деятельность.⁴¹⁵ Первые братства возникли в Западной Руси еще в XVI в. как торговые и промышленные корпорации, «медовые» союзы, ремесленные цехи, группы коллективных патронов. В условиях католической экспан-

⁴¹² Толстой Л.Н. Исповедь // Полное собрание сочинений. Т. 23. М., 1957. – С. 16-17.

⁴¹³ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Полное собрание сочинений. Т.23. – С. 423.

⁴¹⁴ Толстой Л.Н. Исповедь. – С. 16.

⁴¹⁵ См. Братства православные // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. – С. 201. Папков А.А. Церковные братства. Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 г. СПб., 1893.

сии одной из главных задач этих объединений стала защита от униатства и католицизма.⁴¹⁶

Члены братства – братчики – должны были заботиться о содержании храма и причта, ежемесячно они собирались для чтения духовной литературы и решения текущих вопросов. «Другие встречи имели место во время главных церковных праздников (Пасха, Рождество, Успение Пресвятой Богородицы и др.), по случаю которых устраивался пир в складчину – братчина».⁴¹⁷ «Задачами православных братств являлись: противодействие посягательствам на права Церкви со стороны иноверцев и раскольников, строительство и украшение православных храмов, дела благотворительности, духовное просвещение, взаимная поддержка».⁴¹⁸ Усиление католицизма и уния привели к тому, что братское движение к середине XVII в. ослабло, что сопровождалось переходом большей части православной шляхты в католицизм и униатство. К середине того же века братское движение в западнорусских землях практически распалось. Лишь начиная с 60-х гг. XIX в. начинается оживление братского движения. После подавления польского восстания государство решило поддержать общественную силу, способную противостоять польско-католическому влиянию. Наибольшее число братств – 22 – было в Минской губернии.⁴¹⁹ Многие из них занимались религиозно-просветительской деятельностью, издавали книги, брошюры, периодические издания.

В понимании Д.В. Скрынченко православные братства были организациями, напоминавшими раннехристианские общины, чья незамутненная вера была сильна и победительна. Он полагал, что жизнь братств «напоминает собою в некоторой степени жизнь христиан первых веков».⁴²⁰ О строении братской жизни Д.В. Скрынченко высказался в связи с письмом в редакцию «Минских епархиальных ведомостей»

⁴¹⁶ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – С. 337.

⁴¹⁷ Братства православные // Православная энциклопедия. Т. 6. – С. 202.

⁴¹⁸ Там же. – С. 204.

⁴¹⁹ Папков А.А. Церковные братства. – С. 11.

⁴²⁰ Скрынченко Д. Как же быть? // МЭВ. 1910. № 4. Ч. неоф. – С. 89.

священника С. Воеводского. Последний высказал сомнения в необходимости православных братств. Он полагал, что основная функция братств – попечительство. В ответе Д.В. Скрынченко обозначил разницу между церковно-приходским попечительством и братством. Если первая есть организация бюрократическая, в которой задействованы только выборные члены прихода, то в братствах «каждый живет горячим участием в жизни и деятельности прихода».⁴²¹

29–31 августа 1908 г. в Минске состоялся 1-й Братский съезд представителей всех православных братств Западной Руси. «Мы смеем думать, – писал Д.В. Скрынченко, – что это – начало огромного движения, все будущее которого впереди».⁴²² Предыстория съезда такова. В 1905 г. Д.В. Скрынченко призывал дать отпор сепаратизму, одно из проявлений которого обнаружилось на проходившем в начале сентября 1905 г. общеземском съезде в Москве.⁴²³ На этот призыв откликнулся С.А. Некрасов, владелец одной из минских типографий. Как вспоминал Дмитрий Васильевич, «Северин Антонович Некрасов был недюжинного ума человек; он умел в своих личных целях использовать развивавшееся национальное течение; человек компромиссов, он и сам заразился нашей работой (у него я печатал «Епархиальные ведомости»). Ему принадлежит идея и ее осуществление – создать народное братство для борьбы с полонизмом, по примеру братств XVII века; я ему лишь помог составить устав, исправлял его воззвания и т. п. Это братство потом разбросало свои отделения по селам, например, Ракову, Изяславлю, Еремичам и др. Оно содействовало созыву в Вильне крупного съезда западнорусских братств; от этого братства я имел, в виде признания моих заслуг, золотой знак и был избран почетным членом. Мне лично этот хитрый человек причинил много огорчений, но Господь да простит ему это за дело

⁴²¹ Там же. – С. 89.

⁴²² Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1908. № 18. Ч. неоф. – С. 559.

⁴²³ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. Политический угар // МЭВ. 1905. № 20. Ч. неоф. – С. 417.

создания Православного народного братства».⁴²⁴ В ноябре 1910 г., лежа после операции в Госпитальной хирургической клинике в Москве, Д.В. Скрынченко писал: «Горячо помогая г. Некрасову, в душе я колебался; а будет ли толк из затеваемого, тем более что общество наше привыкло спать или же привыкло как-то свысока, снисходительно относиться к «какому-то» Некрасову!».⁴²⁵

Результатом совместных усилий стал первый съезд представителей западнорусских православных братств. Формально он был созван Минским народным братством Св. Креста 29–31 августа 1908 г. Делегаты, число которых не превышало 100 человек, приняли ряд резолюций, нацеленных на усиление роли Православия в Западном крае. Д.В. Скрынченко выступал на съезде, а также был избран секретарем.⁴²⁶ Делегаты приняли 6 ходатайств перед Св. Синодом. Следует отметить, что на некоторые из них они получили в дальнейшем отклик в виде указов Св. Синода. В Петербурге понимали, что после 17 апреля и 17 октября 1905 г. положение Православия в Западном крае осложнилось. Для усиления пропаганды требовались немалые деньги, и по указу Св. Синода западным братствам выделялись субсидии. Насущным на съезде было признано издание истории (церковной и гражданской) Северо-западного края. Средства, и немалые, требовались на издание антикатолических материалов, прежде всего в виде листовок, которые раздавались в православных храмах бесплатно или вкладывались в печатные издания.⁴²⁷ «Если Св. Синод даст братствам хоть по 500 руб. каждому губернскому, то и многое можно сделать для борьбы с врагом – католичеством»,⁴²⁸ – заключил Д.В. Скрынченко. Итоги съезда он резюмировал так: «Сознана необходимость

⁴²⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 20.

⁴²⁵ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЕВ. 1909. № 21. Ч. неоф. – С. 532-533.

⁴²⁶ Епархиальная хроника // МЕВ. 1908. № 17. Ч. неоф. – С. 548-549.

⁴²⁷ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЕВ. 1909 № 21. Ч. неоф. – С. 531-532.

⁴²⁸ Там же. – С. 532.

одного объединяющего центра для всех братств епархии. Без такого центра теперь нельзя успешно бороться против католицизма». ⁴²⁹ Д.В. Скрынченко выступил с докладом «Трагедия народа», в котором он сформулировал программу борьбы против католицизма и полонизма, которые, по его мнению, гораздо страшнее революции. ⁴³⁰

2-5 августа 1909 г. в Вильне проходил второй Братский съезд – съезд представителей православных братств всего Западного края, в котором участвовало более 300 делегатов. Д.В. Скрынченко присутствовал на съезде в составе делегации от братств Минской епархии. Прибывшие на съезд делегаты разместились в здании Виленской Духовной семинарии, духовного училища и в общежитии одной из Виленских гимназий. Председателем съезда стал архиепископ Волынский Никандр (Молчанов). После многочисленных приветствий, среди которых была поздравительная телеграмма В.М. Пуришкевича, съезд начал работу по секциям. Д.В. Скрынченко был избран секретарем организационного отдела, который занимался изучением вопросов экспансии братств, их объединения и взаимодействия братств с приходскими советами. ⁴³¹ На съезде было принято решение об издании общего для всех братств журнала, при этом субсидироваться он должен был на особые деньги, выделяемые централизованно, так как сами епархии не обладали достаточными средствами для подобных изданий.

На съезде Д.В. Скрынченко предложил создать «Западнорусское противокатолическое общество» по примеру «Императорского Палестинского общества». По сути дела он предлагал не что иное, как усиление внутренней миссии, которая в России имела главным образом восточную и юго-восточную направленность. «Если почтенно и необ-

⁴²⁹ Скрынченко Д.В. 29-31 августа происходил... // МЕВ. 1908. № 18. Ч. неоф. – С. 559.

⁴³⁰ Скрынченко Д.В. Трагедия народа // МЕВ. 1908. № 19. Ч. неоф. – С. 650.

⁴³¹ Скрынченко Д.В. 2-й Братский съезд в Вильне, его значение и недостатки // МЕВ. 1909. № 16. Ч. неоф. – С. 365-368. Председателем организационного отдела был избран земский начальник Слуцкого уезда Д.А. Петров, товарищем председателя минский типограф С.А. Некрасов, а секретарем наряду с Д.В. Скрынченко известный историк Д.И. Довгялло.

ходимо нести свет Православия в Японию и Палестину, то тем более необходимо нести жертвы не только для защиты от католичества, но и для наступления на него», – заявил Дмитрий Васильевич.⁴³² Съезд, однако, не решился принять столь радикальное предложение и отложил вопрос «на последующее время». Тогда Д.В. Скрынченко предложил обратиться в Св. Синод с ходатайством об установлении однодневного сбора по всей России на дело миссии в Западном крае.⁴³³

В резолюции члены православных братств указывали, что в Государственной думе происходит «систематическое поругание Православия» и вопросы веры «решаются голосами иноверцев и даже не христиан». Так как подобное положение, по мнению братчиков, «глубоко оскорбляет религиозные чувства верующих и низводит Православие с того положения, которое исторически принадлежит ему в православном русском государстве», съезд решил ходатайствовать перед императором, чтобы изъять вероисповедные вопросы, касающиеся Православия, из ведения Государственной думы.⁴³⁴ Подводя итоги съезда, Д.В. Скрынченко с сожалением отмечал, что «Виленский съезда стоял как бы *вне всякой связи с Минским*».⁴³⁵ То есть съезд в Вильне принимал резолюции того же содержания, что и предыдущий. Это значило, что за год братчики мало продвинулись в решении ряда насущных проблем.

Наряду со съездами братств всего края проводились съезды отдельных братств. Так, в середине декабря 1909 г. в Минске прошел съезд Братства Св. Креста, основанного в 1907 г. В выступлении на съезде Д.В. Скрынченко отмечал, что слабость братства заключается в том, что как крестьяне, так и помещики проявляют слабую активность. Крестьяне по причине темноты, помещики же живут в основ-

⁴³² Там же. – С. 370.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Пр-ний. Съезд западнорусских братств в Вильне // Минское слово. 1909. 9 авг. (№ 781).

⁴³⁵ Скрынченко Д.В. 2-й Братский съезд в Вильне, его значение и недостатки // МЭВ. 1909. № 16. Ч. неоф. – С. 372.

ном в Минске или столицах и серьезной помощи развитию братств не оказывают. Поэтому, как считал Д.В. Скрынченко, чуть ли не единственной опорой братств остается духовенство. «Его мы зовем, – писал он, – нисколько не мешкая, поднять на себя нелегкое бремя быть не только пастырями душ, но и стражами национально-русской совести и самосознания».⁴³⁶

В середине декабря 1910 г. он участвовал в съезде представителей отделов Минского братства Св. Креста. Делегаты съезда представляли всего 25-30 приходов огромной епархии. В остальных приходах отделов братства просто не было. «Почему не образуются братства во всех приходах? – спрашивал Д.В. Скрынченко. – Где причина молчания многих приходов?»⁴³⁷ Одну из них он видел в пассивности пастырей, некоторые из которых даже не утруждали себя чтением «Епархиальных ведомостей». В православных братствах он видел источник нравственной атмосферы как самого прихода, так и духовенства, полагая, что развитие братств по всем приходам послужит укреплению связи духовенства и народа, усилит авторитет пастырей. Чтобы умножить влияние православных братств, он считал необходимым сконцентрировать их усилия в одном печатном органе. Так, в 1910 г. Братство Святителя Николая начало издавать журнал «Православный братчик», а Братство Св. Креста с 1907 г. выпускало «Братский листок». Д.В. Скрынченко как опытному журналисту было понятно, что оба издания в принципе ориентировались на одну и ту же аудиторию. Он предлагал объединить оба православных органа в один: «и легче было бы издавать, и солиднее бы было издание».⁴³⁸ Он полагал, что таким образом удастся избежать ненужной в данном случае конкуренции, что послужило бы братскому единению в деле отстаивания православно-русских интересов.⁴³⁹ Его пред-

⁴³⁶ Минское слово. 1909. 17 дек. (№ 882).

⁴³⁷ Скрынченко Д.В. С Новым годом! // МЭВ. 1910. № 1. Ч. неоф. – С. 1.

⁴³⁸ Там же. – С. 2.

⁴³⁹ Там же. – С. 3.

ложение было воспринято негативно редакцией «Православного братчика», на что Дмитрий Васильевич был вынужден откликнуться резкой репликой.⁴⁴⁰

В начале 1911 г. он призвал «духовенство епархии и вообще православных людей поспешить с образованием по глухим даже уголкам народных братств, возглавленных в одном центральном братстве в Минске».⁴⁴¹ В братствах, их развитии и усилении он видел «залог русского дела в Западном крае».⁴⁴² Ему представлялась вполне логичной и необходимой концентрация усилий православных братств, возможная лишь при наличии единого центра, руководящего всеми братствами губернии. На III Съезде Братства Св. Креста в феврале 1911 г. было высказано пожелание о «скорейшем слиянии всех существующих в Минской губернии братских организаций в одно Православное народное братство».⁴⁴³ Для руководства братским движением Д.В. Скрынченко призвал создать «сильный энергичный центр возможно скорее и без всяких оттяжек».⁴⁴⁴ В докладе он утверждал, что усилить антикатолические позиции в обществе можно лишь в том случае, «когда народ наш поднимется до степени полного религиозного и национального самосознания».⁴⁴⁵ Только тогда, как считал он, народ перестанет быть для поляков этнографическим материалом, полем эксперимента, на котором осуществляется проект создания польской нации. Д.В. Скрынченко принял участие в обсуждении резолюции съезда, в которой настойчиво проводилась мысль о необходимости продолжить издание «Братского листка», прекратившееся за неимением средств. Вообще недостаток средств ощущался всеми, он был одной из серьезнейших

⁴⁴⁰ Скрынченко Д.В. Редакции «Православного братчика» // МЕВ. 1910. № 4. Ч. неоф. – С. 94-97.

⁴⁴¹ Скрынченко Д.В. С Новым годом! // МЕВ. 1911. № 1. Ч. неоф. – С. 1.

⁴⁴² Там же. – С. 1.

⁴⁴³ Съезд членов народного братства // Минское слово. 1911. 13 фев. (№ 1210). – С. 3.

⁴⁴⁴ Там же. – С. 4.

⁴⁴⁵ Там же. – С. 3.

проблем, с которой сталкивались братства. На съезде с горечью констатировали, что «центральное братство не может оказать поддержки своим отделам, а что касается моральной, то таковая всегда возможна». ⁴⁴⁶

Работа Д.В. Скрынченко на поприще православных братств была по достоинству оценена. 3 января 1911 г. ему была объявлена благодарность Минского Преосвященного как почетному члену Братства Св. Животворящего Креста. Дмитрий Васильевич, говорилось в благодарности, был «в числе лиц братства с самого его основания, с честью держащих высоко Православное русское знамя, служащих во всех случаях идее братства и верящих, что только в единении с народом лежит залог успеха православно-русского дела в нашем многострадальном Западнорусском крае». ⁴⁴⁷ А 6 мая того же года он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. ⁴⁴⁸

V

Как редактор «Минских епархиальных ведомостей» Д.В. Скрынченко остро нуждался, говоря современным языком, в административном ресурсе. Наиболее серьезную поддержку в деле укрепления государственности и Православия он получил от епископа Минского и Туровского Михаила (Павла Темнорусова, 1855–1912), управлявшего Минской епархией с 1899 по 1912 г. Дмитрий Васильевич вспоминал: «Епископ Михаил (впоследствии архиепископ) отличался ласкающей русской красотой: среднего роста, с правильными чертами лица, ласковыми серыми глазами, где в уголках скрывалась великорусская хитринка, красивыми длинными волосами; в архиерейском облачении он был точно херувим; уроженец Архангельской губернии, он любил зиму, северное море и рыбу треску; у женщин он пользовался поклонением; говорю об этом потому лишь,

⁴⁴⁶ Труды III Съезда членов Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня // МЕВ. 1911. № 13-14. [прил.]. – С. 9.

⁴⁴⁷ МЕВ. 1911. № 3. Ч. офиц. вкл. между с. 32-33.

⁴⁴⁸ МЕВ. 1911. № 10. Ч. офиц. – С. 136.

что тогда кружили слухи, имевшие целью опорочить этого прекрасного человека; он не раз говаривал мне: «если хотите чего, либо добиться в Петрограде да и вообще, действуйте через женщин: и знать будете все, и успех обеспечен; у женщины своя логика, с нее взятки гладки, а из официальных ходатайств часто бывает мало толку». Человек очень неглупый, епископ Михаил был натура малодетельная. Но зато *он не мешал работать другим*, не забивал своей энергией других, что часто бывает при сильных людях; плохо бывает, когда высоко стоящий на общественной или государственной лестнице человек все хочет делать «сам»; глубокий патриот, он страдал болезнями России и особенно тем, что она часто присылала на административные места ничтожных и даже вредных людей, возвышавшихся лишь благодаря своему происхождению и «тетушкину хвостику».⁴⁴⁹

В ноябре 1909 г. в Минске праздновали 10-летие служения епископа Михаила. Именно в это время у Д.В. Скрынченко произошло обострение аппендицита. Из-за болезни он не мог присутствовать в Архиерейской церкви Минска на торжестве, где сначала «духовенство участвовало в совершении моления о здравии владыки, а затем духовенство и горожане преподнесли владыке великолепный образ Архистратига Михаила».⁴⁵⁰ Затем Владыку Михаила приветствовал председатель Минского братства Св. Креста С.А. Некрасов, после чего член того же братства генерал Н.А. Кованько преподнес Владыке почетный золотой знак братства.⁴⁵¹

Владыка Михаил был назначен на Минскую кафедру 22 сентября 1899 г.⁴⁵² Его пребывание в Минске позитивно

⁴⁴⁹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 16.

⁴⁵⁰ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1909. № 22. Ч. неоф. – С. 562.

⁴⁵¹ Там же. – С. 563.

⁴⁵² По окончании Петербургской Духовной академии в 1881 г. П. Темнорусов служил в Камышинском Духовном училище, а затем в Архангельской Духовной семинарии. В 1890 году был пострижен в монахи, в 1892 г. архимандрит Михаил был назначен на должность ректора Новгородской Духовной семинарии и одновременно стал настоятелем Новгородского Антониева монастыря. С 1897 г. он стал епископом Ковенским. Через 2 года епископ Михаил был назначен на Минскую кафедру.

сказалось на развитии духовной жизни в Минской епархии. В 1911 г. епископ Михаил был возведен в сан архиепископа, а мае того же года он заболел. В связи с тяжелым заболеванием Преосвященного Михаила и учитывая все трудности в управлении Минской епархией, указом Святейшего Синода от 23 февраля 1912 г. в Минской епархии была учреждена кафедра викарного епископа с титулом епископ Слуцкий. Викарием был назначен ректор Литовской Духовной семинарии архимандрит Иоанн (Поммер), который прибыл в Минск 15 марта 1912 г.⁴⁵³ Тем временем здоровье владыки Михаила ухудшилось. 28 мая 1912 г. он скончался и был погребен в левом приделе Архиерейской Крестовой церкви.

Дмитрий Васильевич вспоминал: «Между тем здоровье минского епископа Михаила неожиданно пошатнулось. Лечивший его доктор И.У. Зданович шепнул нам, что у епископа рак желудка. Михаил не любил лечиться, но мы настояли, чтобы он поехал к знаменитому петербургскому профессору Павлову; последний не скрывал положения больного, лечил его около месяца; болезнь быстро прогрессировала; епископ возвратился в Минск и окончательно слег; Зданович говорил мне об его изумительном терпении; иссох он совершенно, и даже в страшную летнюю духоту, среди огромной массы народа, от гроба его не шло ни малейшего запаха. Я и мои единомышленники потеряли в нем и моральную и материальную поддержку.⁴⁵⁴ Управлять Минской епархией назначен был ректор Виленской Духовной семинарии архимандрит Иоанн Поммер, латыш. Он считался главой «Союза Русского Народа», че-

⁴⁵³ Иоанн (Поммер, 1876–1934) после окончания Рижской Духовной семинарии в 1897 г. учился в Киевской Духовной академии и в 1903 г. принял постриг. Преподавал в Черниговской Духовной семинарии. В 1907 году в сане архимандрита он назначается ректором Литовской Духовной семинарии и настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря. В 1912 г. хиротонисан в епископа Слуцкого, викария Минской епархии.

⁴⁵⁴ В сообщении о местных отделах Всероссийского национального союза о Минском отделе, который возглавлял Д.В. Скрынченко, было сказано следующее: «Отдел пользуется горячим покровительством местного епископа Михаила». – Вестник Всероссийского национального союза. 1912. № 3. – С. 6.

ловек не только компромиссов, но и способный на всякие средства для своих целей; красивый, рослый, с масляными черными глазами, он представлялся недоразумением в монашеской рясе, возможным лишь на почве саблеровщины в нашей оказавшейся тогда церкви. Мне стал он противен с того момента, когда по прибытии в Минск рассказывал мне о том, как по его распоряжению «союзники» забросали тухлыми яйцами члена Государственной думы Родичева, прибывшего в Вильну читать лекцию; конечно, Родичев – один из разложителей России, член кадетской милюковской партии, но мне было странно и вызывало брезгливость, что православный архимандрит пускает в ход тухлые яйца». ⁴⁵⁵ Епископ Иоанн управлял Минской епархией до поздней осени 1912 г., пока 9 ноября на Минскую кафедру был назначен епископ Митрофан (Краснопольский). Но именно на это время падает один из наиболее драматичных периодов жизни Дмитрия Васильевича.

30 июня 1912 г. Д.В. Скрынченко по собственному прошению был уволен с поста редактора «Епархиальных ведомостей». На его место был назначен инспектор духовной семинарии А.М. Панов. Что послужило причиной столь радикального решения? В воспоминаниях Дмитрий Васильевич писал, что «епископ Иоанн взял у меня и «Епархиальные ведомости», ⁴⁵⁶ намекая т. о. на инициативу со стороны Пресвященного, который был назначен исполнять должность до назначения нового владыки. Назначение Иоанна (Поммера) Д.В. Скрынченко скорее всего связывал с тем, что оберпрокурором Св. Синода с мая 1911 г. стал В.К. Саблер, негативного отношения к которому Д.В. Скрынченко никогда не скрывал. ⁴⁵⁷ Но самое главное, видимо, заключается в том, что владыка Иоанн, как писал Дмитрий Васильевич, «быстро сошелся с губернатором Эрдели, стал осуждать деятельность архиепископа Михаила ...» ⁴⁵⁸

⁴⁵⁵ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 21.

⁴⁵⁶ Там же. – С. 22.

⁴⁵⁷ См. Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий // МЭВ. 1906. № 7. Ч. неоф. – С. 155.

⁴⁵⁸ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 21.

Кроме того, на принятие Д.В. Скрынченко решения об уходе повлияло изменение политической ситуации. После убийства в сентябре 1911 г. П.А. Столыпина председателем Совета министров стал В.Н. Коковцов, который, говоря современным языком, был, скорее, «техническим премьером». Нового председателя националистически настроенная общественность не жаловала: он был слабой политической фигурой по сравнению со своим предшественником. Сотрудник аппарата Государственной думы Я.В. Глинка вспоминал, что Коковцовым «правые недовольны, предполагая, что он не будет следовать их советам».⁴⁵⁹

Предвыборные собрания в IV Государственную думу начались в Минске с лета 1912 г., но Дмитрий Васильевич в них не участвовал. В воспоминаниях он писал: «На выборах в 4-ю Государственную думу я и мои сторонники, не желая вредить делу разделением сил и не желая попасть под провокацию губернаторского окружения, не принимали участия в выборах, как ни задирали меня латыш епископ Иоанн; на предвыборное собрание я даже не пошел, так как был предупрежден, что, по наущению епископа, полицеймейстер Д.А. Соколов готовит мне и моим друзьям какую-то ловушку».⁴⁶⁰ Правые организации выдвинули кандидатом в выборщики минского уездного предводителя дворянства С.Н. Сорнева. Кроме него кандидатом был выдвинут и Д.В. Скрынченко. 26 сентября, когда Дмитрий Васильевич был в Житомире, под председательством владыки Иоанна (Поммера) состоялось собрание членов православных братств «для обсуждения вопросов по выборам в 4-ю Государственную думу».⁴⁶¹ Епископ поздравил С.Н. Сорнева с выдвижением в выборщики и одновременно высказался о Д.В. Скрынченко, которого он охарактеризовал как «изменившего русскому делу».⁴⁶² Конечно, это была ложь.

⁴⁵⁹ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906-1917. Дневник и воспоминания. – С. 86.

⁴⁶⁰ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 24.

⁴⁶¹ МЭВ. 1912. № 19. Ч. неоф. – С. 757.

⁴⁶² Там же. – С. 757.

Покровский храм в Песковатке в 50-х годах XX века.
Фото с сайта: <http://bvf.ru/forum/showthread.php?t=473625&page=2>

Здание прогимназии в Боброве, в которой учился Д.В. Скрынченко.
Фото В. Колмакова

Здание общежития в Воронеже, где некоторое время жил
Д.В. Скрынченко во время учебы в Воронежской Духовной семинарии
Фото В. Колмакова

Вид Задонского монастыря с южной стороны.
Фото с сайта: www.Zadonsksity.ru

Вид Задонского монастыря из-за реки Дон.

Фото с сайта: <http://zadonsksity.narod.ru/staroefoto/25.htm>

Храм в честь иконы Божией Матери «Живородный источник»
в Задонском монастыре.

Фото с сайта: <http://www.papirustur.ru/>

Задонский Богородицкий монастырь.
Фото с сайта: <http://www.papirustur.ru/>

Задонск. Церковь на месте кельи святителя Тихона.
Фото с сайта: <http://www.papirustur.ru/>

Мужское духовное училище.

Воронежское Духовное училище.
Фото с сайта: www.bvf.ru

ВОРОНЕЖЪ. Митрофаньевскій Монастырь.

Воронеж. Митрофаниевский монастырь.
Фото с сайта: www.bvf.ru

Воронежская Духовная семинария.
Фото с сайта: www.bvf.ru

Воронежская Духовная семинария.
Фото с сайта: www.bvf.ru

Здание Казанской Духовной академии.
*Из фондов Государственного объединенного музея
Республики Татарстан.*

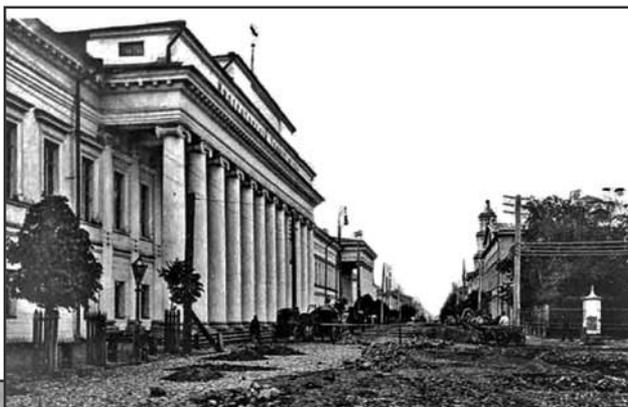
Казань. Татарская часть.

Фото с сайта: <http://rustik68.narod.ru/kazan/>

Казанский
университет.

Фото с сайта:

http://www.allkazan.ru/foto_report/old_kazan

Казанский
университет.

Фото с сайта:

<http://www.kazan-photo.ru/>

Казань. Воскресенская улица и Военная церковь.
Фото с сайта: <http://www.kazan-photo.ru/>

Казань. Ветеринарный институт.
Фото с сайта:
http://www.allkazan.ru/foto_report/old_kazan/33-staraya-kazan.html

Вид Казани.

Фото с сайта: http://www.allkazan.ru/foto_report/old_kazan

Казань. Театральная площадь.

Фото с сайта: http://www.allkazan.ru/foto_report/old_kazan/

Видь Кремля во время разлива Волги.

Панорама Казанского кремля.

Фото с сайта: <http://www.kazan-photo.ru/>

Казань, Кремль, Кафедральный собор

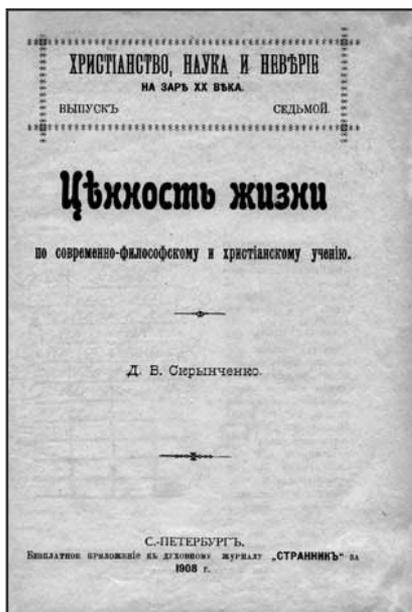
Казанский кремль. Благовещенский кафедральный собор.

Фото с сайта: <http://www.kazan-photo.ru/>

Казань. Общий вид.

Фото с сайта: http://www.allkazan.ru/foto_report/old_kazan/

Обложка последнего издания книги Д.В. Скрынченко «Ценность жизни по современно-философскому и христіанскому учению»

Первая страница книги Д.В. Скрынченко «Ценность жизни по современно-философскому и христіанскому учению»

Старая Русса. Современный вид.
Фото с сайта: <http://images.yandex.ru/>

Вид Перми в начале XX века.
Фото с сайта: <http://www.google.ru/>

Вид Перми.

Фото с сайта: <http://www.permarchive.ru/>

Пермь. Спасо-Преображенский кафедральный собор.

Фото с сайта:

http://www.gorodperm.ru/upload/pages/2216/permskij_kafedralnyj_sobor

Пермь. Монастырская улица. Кафедральный собор и консистория.
Фото с сайта: <http://www.permarchive.ru/>

Пермь. Церковь Воскресения и реальное училище.
Фото с сайта: <http://tritemy.narod.ru/foto/>

Пермская Духовная семинария.

Фото с сайта: <http://tritemy.narod.ru/foto/seminariya>

Пермь. Городской театр.

Фото с сайта: <http://www.etoretro.ru/>

Пермь. Камская пристань.
Фото с сайта: <http://tritemy.narod.ru/>

Пермь. Мужская гимназия.
Фото с сайта: <http://www.permarchive.ru/>

Минская Духовная семинария в 1904 году.
Фото с сайта: <http://images.yandex.ru/>

Бывшее здание Минской Духовной семинарии в наши дни.
Фото В. Колмакова

Архиепископ Михаил
(Темнорусов).
Фото из архива
Национального музея
истории и культуры Беларуси

Жена Д.В. Скрынченко
Александра Ивановна Скрынченко
(урожд. Доброславская).
Фото из архива В.А. Скрынченко

Д.В. Скрынченко в Минске.
Фото из архива В.А. Скрынченко

Минск. Захарьевская улица.

Фото с сайта: <http://www.radzima.org/ru/>

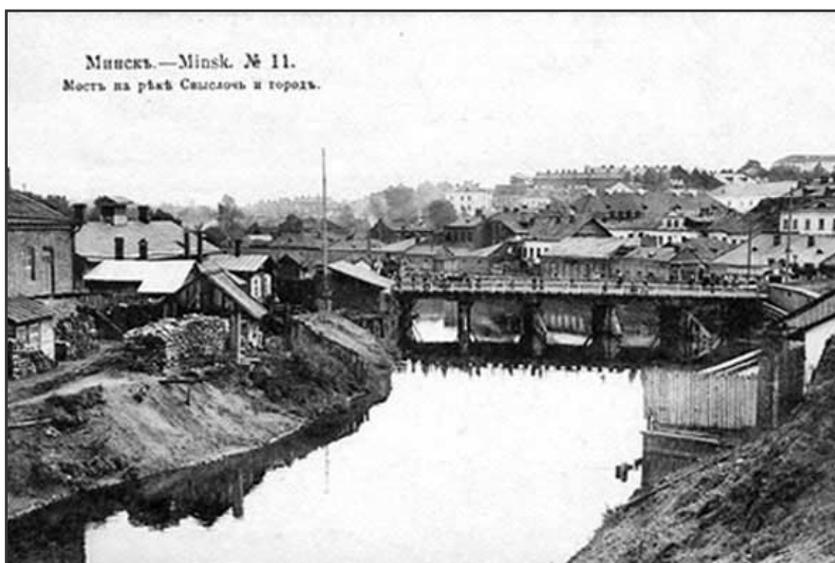

Минск. Театр.

Фото с сайта: <http://www.radzima.org/ru/>

Минск. Привокзальная площадь.
Фото с сайта: <http://all-pages.com/>

Вид Минска.
Фото с сайта: <http://www.mikolka.info/>

Здание Певческого корпуса, где проходили заседания Минского Церковного историко-археологического комитета.

Фото В. Колмакова

Здание гимназии в Житомире.

Фото с сайта: <http://www.zhitomir.de/>

Житомир.
Преображенский
кафедральный
собор.
Фото с сайта: [http://
www.zhitomir.de/](http://www.zhitomir.de/)

Житомир. Великая Бердичевская улица.
Фото с сайта: <http://www.etoretro.ru/>

Киев. Дом в Десятинном переулке.
Здесь Д.В. Скрынченко жил с июля 1913 по август 1917 года.
Фото В.Д. Скрынченко

Вид Києва. Пам'ятник святому равноапостольному князю Володимиру

Киев. Крещатик.

Фото с сайта: <http://www.etoretro.ru/>

Киев, ул. Фундуклеевская.

Фото с сайта: <http://www.etoretro.ru/>

Михайловский собор в Киеве.
Фото В.Д. Скрынченко

Киев. Памятник Богдану Хмельницкому.
Открытка из архива автора

Киев. Оперный театр.
Открытка из архива автора

Киев. Общий вид Подола.
Открытка из архива автора

Киев. Университет святого Владимира.
Открытка из архива автора

Почаевская Лавра.
Фото с сайта: <http://images.yandex.ru/>

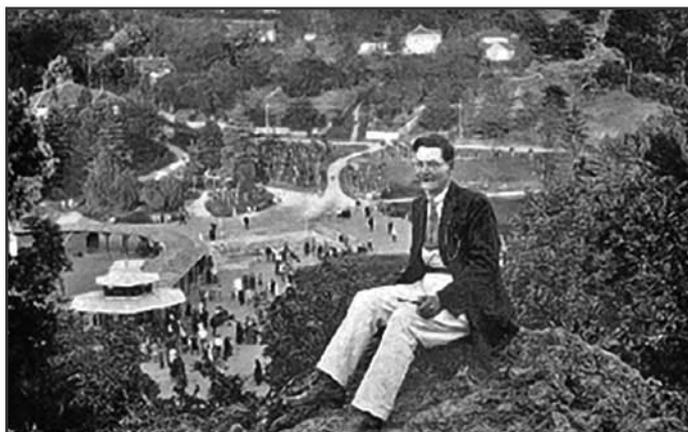
Д.В. Скрынченко в Югославии
в начале 30-х годов XX века

Митрополит Антоний
(Храповицкий). Фото из книги:
А. Арсеньев. Русская эмиграция
в Сремских Карловцах.
Сремски Карловци. 2008

Храм Святой Троицы в Белграде. Современный вид.
Фото из книги «Русские в Сербии». Белград, 2009

Д.В. Скрынченко в 1929 году

Гимназия в Нови-Саде,
где преподавал
Д.В. Скрынченко.
Фото А. Арсеньева

Русская интеллигенция в Нови-Саде: М.А. Соловьев, Д.М. Ротов, М.М. Сердюков, В.Ф. Григорьев, М.С. Чернцов. Сидят: М.С. Хитрово, А.А. Сердюкова, отец Сергей Самсониевский, Д.В. Скрынченко.
Фото 1932 года из книги «Русские в Сербии». Белград, 2009

Русская начальная школа в Нови-Саде. В центре Д.В. Скрынченко.
Фото 1934 года из книги «Русские в Сербии». Белград, 2009

Дом в Нови-Саде по ул. Сувоборска, 3,
где жил Д.В. Скрынченко после войны.
Фото А. Арсеньева

Могила Д.В. Скрынченко в Нови-Саде.
Фото А. Арсеньева

Причем епископ Иоанн применил классический прием, обвинив Д.В. Скрынченко в некоей измене, когда тот не был в состоянии ответить. Кандидатура Д.В. Скрынченко была вычеркнута из списка выборщиков. Скорее всего, новый епископ праздновал победу. Но уже в ноябре 1912 г. на Минскую кафедру был назначен новый епископ Митрофан (Краснопольский), который управлял епархией до 1916 г.⁴⁶³ Летом 1912 г. Дмитрий Васильевич Скрынченко навсегда покинул Минск.

⁴⁶³ Чистяков П. Минская епархия в 1899–1917 гг. (историко-статистическое описание). – С. 29.

ЧАСТЬ III. Юго-западный край

Орепк 8

Интерлюдия

В конце лета 1912 г. Д.В. Скрынченко с семьей переехал из Минска в столицу Волыни Житомир. В 1923 г., находясь на чужбине, он вспоминал: «Я перешел из Минска в августе 1912 года в Мариинское женское среднее учебное заведение г. Житомира. Сюда пригласил меня архиепископ Антоний Храповицкий, ныне живущий в Карловцах митрополит».¹ Кроме основной работы Д.В. Скрынченко преподавал в духовном училище, о чем сообщила «Жизнь Волыни»: «На кафедру истории и географии в Житомирское женское духовное училище указом обер-прокурора Св. Синода за № 96931 назначен преподаватель Минской Духовной семинарии Д.В. Скрынченко».²

Очутившись на Волыни, Д.В. Скрынченко оказался в гуще политической борьбы: близились выборы в IV Государственную думу. «Хотя Житомир очень хороший город, с домами-дачами, однако не он привлек меня к себе; меня интересовало тут русское национальное дело, особенно пресса; архиепископ Антоний пригласил меня принять в русской газете «Жизнь Волыни» самое близкое участие, особенно в виду выборов в 4-ю Государственную думу».³ Имея богатый журналистский опыт, Д.В. Скрынченко сразу же включился в полемику на страницах «Жизни Волыни» и быстро «врос» в местную проблематику.⁴ В преддверии выборов в начале сентября русская комиссия по

¹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 24.

² Жизнь Волыни. 1912. 29 сент. (№ 250).

³ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 24.

⁴ Издателем «Жизни Волыни» был ген.-лейтенант в отставке Алексей Красильников, председатель житомирского отдела «Союза русского народа».

выборам в Житомире обнародовала свою предвыборную программу. Ее реализация зависела от собственно православной части населения, которое в большинстве было пришлым: Житомир, в котором интенсивно развивалась промышленность, активно притягивал сельское население. В условиях, как выражался Д.В. Скрынченко, «борьбы двух культур – русской и польской», вопрос о том, на чьей же стороне будут приезжие, был далеко не праздным. Мигрантов из сельской местности поляки экономическими мерами активно склоняли к католицизму. «Когда население видит, – писал Д.В. Скрынченко, – что в городе и сторожа, и фонарщики, и конка и т. д. находятся в польских руках, что для получения места и вообще заработка нужно говорить хотя бы даже на ломаном польском языке, а иногда даже «перевернуться на католичество», то, конечно, оно не может не ополячиться».⁵

Иными словами, польский «проект» на Волыни не собирался сдаваться. Поляки, будучи представлены дворянством и католическим духовенством, имели неплохие экономические позиции, часто были в экономическом смысле активней, чем русские. Д.В. Скрынченко считал, в ходе выборов следует уменьшить политическое влияние поляков. «В строительстве русского государства, – говорилось в программе русской комиссии, – главная, *руководящая роль должна принадлежать русским*, причем как в деятельности Государственной думы и совета, так и центрального правительства и его органов, в том числе земского и *городского самоуправления*, сословных учреждений и т. п., должны иметь *преобладающее значение справедливые интересы русского населения*, в соответствии с заветами истории и принадлежащим самому населению первенствующим в империи значением».⁶ Приветствуя введение куриальной системы выборов, Д.В. Скрынченко предлагал внести изменения в закон о городском самоуправлении: законодательно закрепить преобладание русских в органах управления. Для увеличения

⁵ Скрынченко Д.В. По поводу предвыборной программы // Жизнь Волыни. 1912. 13 сент. (№ 235).

⁶ Там же.

числа русских выборщиков он рекомендовал снизить избирательный ценз и включить в число избирателей тех квартиро-рассъемщиков, которые платят за квартиру 300 рублей в год. «Мы уже не говорим, – писал он, – что этой последней мерой будет уничтожена давнишняя несправедливость в отношении этих последних».⁷

В публицистике Д.В. Скрынченко житомирского периода самым важным был, конечно, национальный вопрос. Так, в ноябре 1912 г. Д.В. Скрынченко комментировал судебный процесс, в ходе которого рассматривалось дело евреев-дантистов, которые «приобрели себе звание зубных врачей путем подложных документов».⁸ Защитниками обвиняемых выступали известные в России либеральные адвокаты – О.О. Грузенберг, А.Р. Ледницкий, Н.П. Карабчевский, П.Н. Малянтович, В.А. Маклаков, что позволило Д.В. Скрынченко сделать вывод, что «все еврейское и с еврейством так или иначе связанное взято под особое покровительство нашей мнимо либеральной, а на самом деле находящейся в еврейском плену интеллигенцией».⁹ Пресса процесс освещала весьма односторонне: многие газеты расценивали его как еще один факт угнетения евреев, которых почему зря обвиняет русское государство. Подобную позицию разделяли многие тогдашние представители либеральной интеллигенции. На процессе вскрылось, что удостоверения дантистов нужны были евреям для свободного проживания в Москве и чтобы не подвергаться призыву в армию. Д.В. Скрынченко был возмущен речью прокурора, в которой он, говоря современным языком, проявил несвойственную тогдашнему времени политкорректность, заявив, что ему нет дела, к каким вероисповеданиям принадлежат обвиняемые.¹⁰ Как националист, Д.В. Скрынченко исходил из предвзятого положения, что евреи – нация заведомо преступная и ее представители со-

⁷ Скрынченко Д.В. По поводу предвыборной программы // Жизнь Волыни. 1912. 13 сент. (№ 235).

⁸ Скрынченко Д.В. Молчат // Жизнь Волыни. 1912. 20 ноября (№ 291). – С. 1.

⁹ Там же. – С. 1.

¹⁰ Скрынченко Д.В. Реверансы. // Жизнь Волыни. 1912. 27 ноября (№ 304). – С. 1.

ставляют большинство нарушающих законы. Поэтому он рассматривал процесс как показательный. Но этого не получилось. Суд приговорил мнимых дантистов к годичному заключению, а затем по ходатайству Распутина лже-дантисты были помилованы.¹¹

Вскоре Д.В. Скрынченко затронул другой вопрос – отношение поляков и евреев. Он считал, что в польской среде возникло явно негативное отношение к евреям, что было удивительно, ибо и поляки и евреи в России находились в неравноправном положении с русскими. Для него это было странно, потому что в принципе интересы и тех и других, как он считал, совпадали.¹² Поэтому Д.В. Скрынченко с иронией писал о мнимости обид евреев на поляков: и те и другие были прогрессистами и республиканцами. Д.В. Скрынченко явно не желал вникать в положение, в котором находились евреи и поляки в России. Он полагал, что имеющийся status quo вполне достаточен, при этом не видел, что права нескольких миллионов людей явно ущемлены, а рост их национального самосознания неизбежен, что грозит будущими проблемами российскому государству. «Странно, – писал он, – да почему же это поляки и евреи на нашу простоту, ласку и доброжелательство вдруг ответили таким взрывом ненависти?»¹³ Ему представлялось, что поляки ненавидят русских «из чувства зависти небольшого самолюбивого народа к сильному великану-соседу».¹⁴ Причину ненависти евреев к России он объяснял еще проще: «Русь мало поддается их талмудической «культуре». Разве для них не досадно: так настойчиво долбят они нас своим «прогрессизмом», социал-демократизмом, кадетизмом, так хотели бы они расшатать крепкий русский организм, а он все еще не поддается, все еще остается *самодержавным*».¹⁵

Придерживаясь жесткой позиции по отношению к нерус-

¹¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе. (1795–1995). Ч. I. – С. 496.

¹² Скрынченко Д.В. Поляки и евреи // Жизнь Волыни. 1912. 24 дек. (№ 330). – С. 1.

¹³ Скрынченко Д.В. При очень тяжелых условиях // Жизнь Волыни. 1913. 3 янв. (№ 2). – С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ским подданным империи, он считал, что поляки и евреи всегда были и будут враждебны по отношению к России, поэтому их следует удержать на том месте, которое они занимают. Лекарством от растущей активности инородцев он считал «русское национальное пробуждение». В это же время внимание к еврейскому вопросу привлек на сессии Государственной думы депутат от Курляндской губернии Э.Б. Гуревич, который справедливо указал, что «пока этот (иудейский) проклятый вопрос не разрешится, пока он служит пищей революции, Россия не может идти вперед».¹⁶

По сути дела, депутат высказал совершенно разумную мысль. Ограничения, наложенные на евреев в России, в худшем случае делали их революционерами, а в лучшем толкали в ряды оппозиции. Дмитрий Васильевич воспринял слова Гуревича как попытку в очередной раз принизить значение России, приравнять евреев к русским, как самоуверенное заявление о значении евреев в России. Ему представлялось, что суть еврейского вопроса заключается «в изолированности, непроницаемости евреев для христианского общества ввиду исключительности их учения, делающей евреев какой-то замкнутой и заговорщической кастой с особой моралью, презрением к христианам, поразительным лжесвидетельством в судах, стремлением разложить армию, жить за счет других народов и т. п.».¹⁷ Чтобы добиться разрешения еврейского вопроса, Дмитрий Васильевич предлагал созвать международный конгресс, на котором, как ему виделось, «евреи всюду поставлены были бы в особую подзаконность, признанные нацией с правом лишь торговли и отнюдь не более того».¹⁸

За негативным восприятием евреев как нации стояла боль о русском народе, который в своей стране был часто лишен возможности быть активным, а возможно, не всегда этого хотел. Еврейская активность всегда бросалась в глаза на фоне пассивности многих русских, особенно крестьян.

¹⁶ Скрынченко Д.В. К речи Гуревича // Жизнь Волыни. 1913. 6 февр. (№ 34). – С. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

«Россия – мужицкое государство, – писал Дмитрий Васильевич. – Между тем деревня менее всего влияет на ход событий в государстве».¹⁹ Ему казалось, что торговля и пресса, где евреев было немало, определяют во многом характер развития государства, его политику. Подобную ситуацию он считал невыносимой. Позицию эту можно понять, памятуя при этом, что он отстаивал тенденции, которые, с одной стороны, несли в себе стремление укрепить государство, Церковь и национальное начало, а с другой, в недалеком будущем привели Россию к беде. Подчас он занимал позицию более радикальную и непримиримую по сравнению с той, что была заложена в имперскую стратегию в Западном крае. Очень точно охарактеризовал подобную позицию А.И. Солженицын. Он писал, что правые большей частью «вели себя несоразмерно истинному соотношению своих сил и слабостей, действовали напроломно и тщетно, не видели других путей «защиты самобытного русского государства», как взывать к государственным антиеврейским запретам».²⁰

В Житомире исполнилось 10 лет пребывания Дмитрия Васильевича в Западном крае. Здесь родилась его третья дочь – Нина».²¹

В начале июня 1913 г. завершился учебный год в Житомирской Мариинской гимназии и в женском духовном училище, где преподавал Д.В. Скрынченко. В училищной церкви божественную литургию отслужил архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий), после чего воспитанникам вручили документы об окончании последнего класса. Начался отпуск, и летом 1913 года, буквально за год до начала мировой войны, Д.В. Скрынченко совершил поездку за границу. Это путешествие, длившееся 36 дней, помогло осуществить «Общество распространения технических знаний», в котором имелся учебный отдел с комиссией по организации образовательных экскурсий. Этот отдел возник в 1909 г. по

¹⁹ Там же.

²⁰ Солженицын А. Двести лет вместе. (1795–1995). Ч. I. – С. 432.

²¹ Нина Скрынченко (1912–1999). К этому времени у Дмитрия Васильевича уже было две дочери – Мария (1907–1988) и Ирина (1911–1970) и сын Анатолий (1909–1991).

инициативе гр. В.Н. Бобринской. Учителя, участвовавшие в экскурсиях, освобождались от паспортных сборов и получали льготы для проезда по железным дорогам. В начале XX в. ежегодно по направлению общества в Европу выезжали более 1200 русских учителей.²² Путешествия за границу в те времена были доступны многим, как сказали бы теперь, бюджетникам, имевшим стабильный доход.

В эмиграции в конце 1923 г. Д.В. Скрынченко написал воспоминания, в которых рассказал о вояже в Европу. Они остаются единственным источником, по которому можно реконструировать впечатления русского православного путешественника с учетом, разумеется, того, что они были написаны не по горячим следам, а через 10 лет. Ретроспективно Д.В. Скрынченко так сформулировал цель поездки: «Я давно хотел побывать за границей, чтобы сравнить ее культурное состояние с русским...»²³ Наверно, поэтому он выбрал тур, который предусматривал двухнедельное пребывание в Париже, где родилась революционная мысль и откуда она растекалась по всей Европе. Он считал необходимым глубже понять французскую революцию в месте ее рождения. Ехал он не как искатель идеалов или истин – ему требовалось сравнение культур, без чего мыслящий человек не живет. Хотя у Д.В. Скрынченко по приезде в Россию было намерение систематизировать записки о Европе, но этого не сделать не удалось, и лишь через 10 с небольшим лет он дал весьма подробное описание путешествия, основных достопримечательностей, что составляло познавательную сторону впечатлений о поездке. Его воспоминания были адресованы детям в надежде, что им удастся посмотреть те места, где он побывал перед войной.

Европа в 1913 г. жила размеренно и спокойно, и многим казалось, что викторианский век не имеет конца. И хотя угроза войны существовала и противостоящие друг другу державы изредка играли мускулами, никто не верил, что война вскоре разразится и разрушит привычную жизнь во многих странах. Европа для путешественников началась с

²² Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 12. – С. 246.

²³ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 25.

Польши, которая входила в состав России: «Варшава – старый город поляков... прекрасны магазины, где, кстати сказать, неохотно отвечали на вопросы на русском языке...»²⁴ Д.В. Скрынченко почувствовал чужеродность Польши, искусственность ее пребывания в составе России: «Город имеет явно не русский характер...».²⁵ Эта апостериорная констатация фиксировала простой эмпирический факт: Польша – не Россия, это Европа. Многие русские консерваторы, сталкиваясь с более высоким, чем в России, уровнем жизни Польши, считали, что на развитие окраин государство тратит больше, чем на центральные русские губернии, того же мнения был и Дмитрий Васильевич. «Как сейчас, помню свои тогдашние мысли: как глупо, что наша власть убивает народные деньги не на центр, а на окраины России».²⁶ Несмотря на то, что среди офицеров расквартированной в Польше русской армии сложилась поговорка «Курица не птица, Польша не заграница», Привисленский край для русских был чужим. И попытка вписать православный храм в архитектурный ландшафт Саксонской площади показывала всю ее искусственность: «для меня странно было видеть тут громадный и богатый православный собор на Саксонской площади; он построен был как бы для того, чтобы «мозолить глаза» полякам, и без того ненавидящим нас и мечтающим о независимости».²⁷

Д.В. Скрынченко представлял тип просвещенного русского человека на Западе, что принципиально отличало его от героев рассказов А.Н. Лейкина, примерно в это же время ездивших в Париж. Что поразило Д.В. Скрынченко при встрече с Западом? В Германии – сила и дисциплина. «Мощь, сила, порядок, дисциплина – вот что выпирало из всех улиц и домов Берлина», – вспоминал он позднее.²⁸ Такая же несокрушимая сила исходила от памятников Вильгельму I и Бис-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. – С. 26.

²⁶ Там же. – С. 25.

²⁷ Там же. – С. 26. Речь идет об Александро-Невском соборе. Судьба этого храма трагична. Его начали строить в 1894 г., в 1912 г. он был освящен. После образования Польского государства его начали разрушать, и к 1926 г. Саксонская площадь, на которой стоял храм, опустела.

²⁸ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 26.

марку. Германия удивила непонятным для русских стилем жизни, когда оставленные вещи не воруют, а молодежь ведет себя дисциплинированно. Эти открытия говорили явно не в пользу России. Из Берлина экскурсанты ездили в Потсдам, летнюю резиденцию прусских королей. Берлин, несмотря на грозное обаяние силы, не мог сравниться с Парижем. «На всех нас, – вспоминал Д.В. Скрынченко, – Париж произвел лучшее, светлое впечатление, чем Берлин».²⁹ Из Берлина они проследовали в Кельн, где, «к сожалению, – как вспоминал Д.В. Скрынченко, – простояли два часа, и поэтому я лишь полюбовался великолепной классической немецкой готикой знаменитого кельнского собора».³⁰

В основе нарратива о путешествии русского человека на Запад лежала старая антитеза, породившая в свое время западников и славянофилов: Россия и Европа – как два мира, две культуры, имеющие единое, но по-разному понимаемое цивилизационное основание в виде христианства. В контексте знакомства с Европой лежал чрезвычайно важный для Д.В. Скрынченко вопрос: что из опыта европейской культуры пригодно России, и что следует отбросить? Центром культурной жизни Европы, в котором сходятся нервы культурной жизни, для Д.В. Скрынченко был Париж – город, «где дается тон мировой политике, город революций и Наполеона...».³¹ Стабильный интерес к Франции объяснялся не только тем, что в России ее рассматривали как геополитического союзника, – Франция была центром революций, источником атеизма и подрывающего веру картезианства, которым следовало активно противостоять. Кроме того, это был город, «где русская аристократия теряла последние зародыши русской самобытности, где порождались наши «пиковые дамы», отшлифовывались Чацкие, Бакунины, Кропоткины; революция давно сделалась идолом русской интеллигенции, и изучать ее, так сказать, в ее центре я считал необходимым».³²

²⁹ Там же. – С. 27.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

Православное сознание наделяет пространство сакральными точками, отсюда вытекает представление о его качественной неоднородности. Европа – иное по сравнению с Россией пространство. Это пространство, в отличие от сакрального пространства Святой Руси, профаническое (за исключением, пожалуй, русского храма на ул. Дарю), но культурно заполненное. Русское пространство – сакральное, но культурно незавершенное. Европейское пространство греховно, оно породило революцию, рационализм и атеизм, торговлю человеческими пороками. При этом культурная «заполненность» не компенсирует отсутствие сакральности. Так как греховное, или «плохое» пространство по отношению к Святой Руси располагалось на Западе, в русской культурной традиции путешествие на Запад уподоблялось нисхождению в греховный мир, а перемещение на Восток воспринималось как восхождение по лестнице святости. Эта парадигма чувствуется при чтении воспоминаний Д.В. Скрынченко о посещении Европы. Конечно, за давностью лет многие резкие оценки, которые могли бы быть высказаны, были сглажены, но общая оценка, несомненно, сохранилась. Поездка на Запад для Д.В. Скрынченко не была связана лишь с посещением греховного, профанического пространства. В начале XX века и даже раньше для путешественника, пребывающего в пределах консервативного дискурса, визит в Европу был путешествием за знаниями и просвещением. Поэтому отношение к Европе у Д.В. Скрынченко амбивалентно. Запад грешен, а потому несвободен, а то, что в нем есть, – свобода мнимая, в основе которой лежат преступления или, по выражению Д.В. Скрынченко, «гнусность».³³

Ключевая историческая ассоциация, сопровождавшая Д.В. Скрынченко в Париже, – Французская буржуазная революция. Драматические события 1789 г. особенно напоминали о себе в Версале, где экскурсанты провели целый день. В воспоминаниях Д.В. Скрынченко не мог не упомянуть Робеспьера. Сославшись на А.С. Пушкина, он его назвал «тигром с зелеными глазами». Такого выражения у А.С. Пушкина

³³ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 30.

нет, но поэт назвал французского революционера «сентиментальным тигром».³⁴ В целом впечатления от революционного прошлого Франции были столь сильными, что почти половину повествования о Париже занимает рассказ о событиях и людях французской революции. В Париже экскурсия предусматривала знакомство с театральным искусством, туристы посетили Комедии Франсез и Гранд Опера. Актерское искусство французов Д.В. Скрынченко не понравилось. Видимо, желая познакомить русских с «другим» Парижем, им показали Мулен Руж и Фоли Бержер. Знаменитые кабаре и варьете, известные благодаря А. де Тулуз-Лотреку и Э. Мане, Д.В. Скрынченко обозначил как «места греховного человеческого тела». Знакомство с Парижем показало, что богатство французской культуры, искусство, архитектура и живопись востребованны в России. Но французская культура имеет двойное дно, в котором скрываются человеческие пороки. Кажется, Д.В. Скрынченко сумел избежать крайностей, которые подчас испытывали русские путешественники, отправившись в Европу. Его вояж несколько не напоминал поездку западников, для которых Франция и Германия, как писал М.Е. Салтыков-Щедрин, содержали «нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание».³⁵ Не была его поездка и путешествием славянофила. Он не стремился, подобно И.С. Аксакову, как можно скорее вернуться из Европы в Россию. Но многое из славянофильского багажа в оценке Запада Д.В. Скрынченко унаследовал.

После посещения Парижа экскурсанты отправились в Руан, столицу Нормандии, где видели дом Корнеля и место, где в 1431 г. сожгли Жанну д-Арк. В Дьеппе на берегу атлантического океана Д.В. Скрынченко пришла в голову мысль посетить не столь далекую Англию. В довоенное время Европа виз не знала, поэтому, купив билет, через четыре часа он и еще пятеро экскурсантов прибыли на английский бе-

³⁴ Пушкин А.С. Александр Радищев // Полн. собр. соч. Т. V. М., 1950. – С. 377.

³⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. Т. 15. М., 1972. – С. 111.

рег. Общее впечатление от пребывания в Англии – архитектура величественна, культурное достояние богато, порядки – «глупые»: «Один день, проведенный в восьмимиллионном городе, все же дал много впечатлений, и я не пожалел, что туда поехал».³⁶ Из Нормандии экскурсия направилась в Баварию. Мюнхен показался Д.В. Скрынченко городом-музеем, в котором жизнь имеет лишь художественное измерение. Этим Бавария была обязана своим королям, последний из которых, правивший в 1913 г. Людвиг III Виттельсбах, украсил город удивительными постройками. Из Баварии экскурсанты отправилась в Австрию. Через Зальцбург, где была недолгая остановка, они прибыли в космополитичную предвоенную Вену. Она произвела точно такое же амбивалентное впечатление – музеи, замки, парки, соборы – и биржа как сгусток греховного профанического пространства. Кстати, биржу Д.В. Скрынченко посетил в Париже и в Лондоне, и не случайно. Он хотел убедиться, что это именно и есть «жерла человеческой алчности».³⁷

Д.В. Скрынченко ездил на Запад не как его враг, но и не как поклонник, а как критически мыслящий человек, полагавший, что следует быть воочию знакомым с западной художественной культурой. Путешествие на Запад укрепило взгляды Д.В. Скрынченко по национальному вопросу. Быть может, это повлияло в том смысле, что, покинув в 1919 г. Россию, он остановился в Югославии, не устремившись, подобно многим русским эмигрантам, в Германию или Францию. По возвращении в Житомир Д.В. Скрынченко узнал, что он переведен в Киев преподавателем 2-й Киевской мужской классической гимназии. Так закончился житомирский период жизни. Впереди был Киев.

³⁶ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 30.

³⁷ Там же. – С. 31.

Орєк 9

Борьба за нацию

I

Итак, в Киеве Дмитрий Васильевич стал преподавателем мужской гимназии.³⁸ Столица Юго-западного края притягивала к себе Д.В. Скрынченко не только потому, что он был малоросс. Древний город стоял на земле, осененной крестом святого Владимира, и в православном дискурсе всегда рассматривался как «Иерусалим земли русской». Не случайно в указе Императора Николая I об учреждении университета в Киеве город был назван «колыбелью веры наших предков». Исконную «русскость» Юго-западного края отмечали многие славянофилы. И.С. Аксаков в середине XIX в писал: «Здесь больше, чем где-либо, чувствуешь себя русским, слышишь связь свою с прошедшим, видишь себя членом общерусской семьи, ощущаешь свое родство со всеми разрозненными членами, например, с малороссом, белорусом и проч».³⁹ По сравнению с Минском Киев был культурным и интеллектуальным центром Юго-Западной

³⁸ В 1913 г. у Д.В. Скрынченко было четверо детей, ими занималась Александра Ивановна, которая вела домашнее хозяйство. На свое жалованье в гимназии Д.В. Скрынченко в Киеве снимал квартиру в доме № 7 по Десятинному переулку. Здесь его семья проживала с июля 1913 по август 1917 г., когда он приобрел четырехкомнатную квартиру на пятом этаже дома неподалеку от центра города по ул. Костельной. В квартире имелись кабинет, гостиная, детская, спальня. Кроме того, имелась кухня и ванная, а во дворе сарай. В покупке квартиры помогла теща Дмитрия Васильевича, которая продала небольшое имение в Ахтырке. В гимназии жалованье Дмитрия Васильевича, как имевшего высшее образование, составляло 1700 рублей в год. Кроме того, он мог получать 75 рублей в год прибавки, если вел дополнительные уроки, и 600 рублей, если был классным наставником.

³⁹ И.С. Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. С предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М., 2004. – С. 242.

России, в городе имелся Университет им. святого Владимира и Киевская Духовная академия.

По сравнению с Минском Киев отличался изумительной красотой и был воспет русскими поэтами и писателями – А.С. Хомяковым, К. Рылевым, Ф. Тютчевым. О Киеве писали Н. Лесков и А. Куприн. Вместе с тем, несмотря на то, что Киев был матерью городов русских и главным культурным центром юго-запада России (если не считать Одессы), в начале XX в. он оставался провинциальным русским губернским городом.⁴⁰ Как и Минск, Киев был полиэтническим городом, но в отличие от Минска или Житомира он по праву считался одним из центров национальной русской мысли. Как писал А.И. Солженицын, «именно в Киеве в те годы разгорался свет русского национального сознания».⁴¹ Киев соперничал с Петербургом и Москвой за право считаться подлинным центром русского национализма, поэтому в Киеве Дмитрий Васильевич оказался в адекватной культурной и политической среде. И, конечно, киевские националисты нуждались в таком остром пере, каким обладал Дмитрий Васильевич. Пребывание в Минске сделало из Д.В. Скрынченко высококлассного журналиста, которого теперь наверняка взяли бы в «президентский пул». Он обладал блестящей способностью вести острую газетную полемику, слог его был ярким, а риторика отличалась страстностью и глубокой убежденностью в правоте своего дела. Как и в Минске, основные проблемы публицистики Д.В. Скрынченко определялись политической ситуацией в Юго-западном крае. Этническая ситуация на Украине напоминала белорусскую тем, что русские и сами украинцы (по терминологии того времени – малороссы) во многих городах не составляли большинства населения – им

⁴⁰ Провинциальность Киева отмечал, в частности, В.В. Розанов в статье «Киев и киевляне» // Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М. – СПб., 2005. – С. 230. Историческую «вторичность» Киева подчеркивал М.О. Меньшиков, писавший, что «Киев как столица не выполнил государственного своего долга. Он должен был сделаться организующим центром нации и не сделался им» // Меньшиков М.О. Русское пробуждение. М., 2007. – С. 265.

⁴¹ Солженицын А.И. Красное колесо. Узел I. Август четырнадцатого. Т. 2. М., 1993. – С. 242.

были евреи и поляки.⁴² Русские были в основном представлены присылаемыми чиновниками, духовенством, офицерами и интеллигенцией. Ситуация осложнялась тем, что в Юго-западном крае (куда входили Подольская, Волынская и Киевская губернии) до 1911 г. не существовало земств, и как следствие не было земских школ, что делало начальное образование на русском языке для большинства малороссов недоступным и препятствовало их аккультурации. Кроме того, существовал значительный разрыв между уровнем образования городского населения, говорившего на русском, и сельского, общавшегося на малороссийском. Среди малороссов было крайне мало собственно национальной интеллигенции. Поэтому малороссы (как и белорусы) воспринимались не как самостоятельные этнические сообщества, а лишь как составная часть русской нации.

В Киеве Д.В. Скрынченко примкнул к клубу националистов, группировавшихся вокруг умеренно-консервативной газеты «Киевлянин». Влияние «Киевлянина» было весьма заметным в русских консервативных кругах. Известный политик и журналист Василий Витальевич Шульгин вспоминал: «В годы глухие она была почтенная профессорская газета, не делавшая шума. В годы бурные она возвышала голос до такой степени, что он покрывал рев бури».⁴³ По словам М.О. Меншикова, «Киевлянин» был, может быть, лучшей из провинциальных газет – того старого, благородного типа, который, увы, вырождается в печати».⁴⁴ Многолетний издатель и редактор «Киевлянина», член Государственного совета Дмитрий Иванович Пихно⁴⁵ сумел создать в «Киевлянине» редкую для того времени уникальную корпоративную атмосферу. Текучести кадров почти не было, наборщики работали по 20-30 лет и,

⁴² Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX в. // *Ab Imperio*. 2000. № 1. – С. 92.

⁴³ Шульгин В.В. 1917-1919 // *Лица. Биографический альманах*. М.-СПб, 1994. – С. 146.

⁴⁴ Меншиков М.О. Падающие звезды // Меншиков М.О. *Национальная империя*. – С. 445.

⁴⁵ Пихно Дмитрий Иванович (1853–1913), профессор Киевского университета, член Государственного совета, редактор-издатель «Киевлянина».

как вспоминал В.В. Шульгин, каждый год отдыхали в имени главного редактора.⁴⁶ Киевский клуб русских националистов, в который вошел Д.В. Скрынченко, возглавлял профессор Киевского университета Петр Яковлевич Армашевский. В составе клуба начитывалось более 700 человек, из них не менее 40% были этническими малороссами,⁴⁷ которые по современной терминологии должны бы были именоваться украинцами. К ним относился и Дмитрий Васильевич Скрынченко. Основателем Киевского клуба националистов был журналист Александр Иванович Савенко, который склонялся к радикальному национализму.⁴⁸

Д.В. Скрынченко оказался в Киеве в разгар идейной борьбы, связанной с делом Бейлиса. «Я приехал в Киев, – вспоминал он, – в июле 1913 года, а в октябре началось слушанием в суде знаменитое дело Бейлиса об убийстве мальчика, ученика духовного училища в Киеве Андрюши Ющинского. Перед процессом В.В. Шульгин, редактор «Киевлянина», разразился 27 сентября резкой статьей против министра юстиции Щегловитова о якобы искусственной инсценировке всего дела. Эта статья в правой газете, накануне процесса, поразила и возмутила всех русских, кроме свихнувшихся интеллигентов... Статья г. Шульгина имела большие последствия для жизни не только Киева, Малороссии, но и всей страны».⁴⁹

27 сентября, в день, когда началась заключительная часть процесса, В.В. Шульгин напечатал в «Киевлянине» передовую в защиту М. Бейлиса, в которой утверждал, что обвинение Бейлиса не выдерживает критики.⁵⁰ Номер, однако, до читателей не дошел, так как был конфискован полицией. На

⁴⁶ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. – С. 342.

⁴⁷ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.) М., 2003. – С. 97.

⁴⁸ О деятельности клуба в 1909-1911 гг. см. Омелянчук И.В. Украинский и польский вопросы в контексте этнополитической составляющей идеологии консервативно-монархических партий России начала XX в. // Славяноведение. 2006. № 5. – С. 18-20.

⁴⁹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 32.

⁵⁰ Подробнее см.: Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1934. – С. 39. Как и В.В. Шульгин, Д.И. Пихно вплоть до своей кончины не поддерживал версию «ритуального убийства» А. Ющинского. – Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006. – С. 215.

Шульгина, идеи которого в государственных кругах оценили как навет, обрушился шквал обвинений, так как власти предпочитали рассматривать дело как ритуальное убийство, нагнетая антиеврейскую кампанию. Несмотря на то, что Д.В. Скрынченко симпатизировал В.В. Шульгину, позицию его он не поддержал. Консервативная и националистическая печать выступила на стороне обвинения в деле Бейлиса, стремясь использовать процесс для обвинения всех евреев в «ритуальном убийстве».⁵¹ По мере того, как процесс продвигался и обвинение мало-помалу обнаружило свою несостоятельность, вопрос о вине самого Бейлиса отошел на задний план. По мнению М.Н. Лукьянова, «гораздо большее значение имело судебное признание факта ритуального убийства, что давало основание говорить о коллективной вине евреев».⁵²

Как известно, несмотря на все попытки обвинения представить М. Бейлиса виновным в ритуальном убийстве А. Ющинского, суд присяжных 28 октября 1913 г. оправдал обвиняемого, что продемонстрировало надуманность процесса и его политический характер. Невзирая на проигрыш дела, М.О. Меншиков все же считал дело Бейлиса полезным, потому что оно еще раз привлекло внимание к еврейскому вопросу и заставило открыть глаза «на национальную опасность, в которой очутилась Россия внутри самой себя».⁵³ Именно в евреях он был склонен видеть причину глубокого раздора общества, разврата, отчаяния, озлобления и ненависти и полагал, что русское общество сможет устроить «тот или иной «исход» евреев».⁵⁴ Таким образом, итогом процесса было оправдание М. Бейлиса и огульные обвинения всех евреев, якобы виновных в убийстве А. Ющинского.

Позиция правых националистов в процессе М. Бейлиса, которую активно разделял Д.В. Скрынченко, не может не вы-

⁵¹ См.: Сикорский И.А. Экспертиза по делу об убийстве Андрюши Ющинского // Русская расовая теория до 1917 года. М., 2002. – С. 335.

⁵² Лукьянов М.Н. Российские консерваторы и реформы. 1907–1914. Дисс. ... докт. ист. наук. Пермь, 2004. – С. 162.

⁵³ Меншиков М.О. Что им позволяет совесть // Меншиков М.О. Национальная империя. – С. 481.

⁵⁴ Там же. С. 482-483.

зывать вопросов. Опора на фальсифицированные свидетельства вольно или невольно подставляла государство под удар критики, тем более что к киевскому процессу было привлечено внимание не только в России, но и за границей. В отличие от Шульгина националисты фактически призывали власти вершить беззаконие во имя высших интересов. Другая сторона процесса заключалась в том, что он превратился в политический и имел последствия, вредные для государства. А.И. Солженицын справедливо спрашивал: «Да как можно было, в XX веке, не имея фактически обоснованного обвинения, вздуть такой процесс в угрозу целому народу?». ⁵⁵ Отдадим должное В.В. Шульгину – он был одним из немногих среди правых, кто понимал потенциальную опасность эскалации антиеврейской кампании для государства.

В связи с несогласием с позицией В.В. Шульгина в деле Бейлиса из Киевского клуба националистов выделилась группа правых под руководством профессора П.Я. Армашевского. Разногласия с редактором «Киевлянина» заключались как в оценке дела Бейлиса, так и в понимании роли национализма во внутренней политике. Эти противоречия оказались столь глубоки, что в столицу, как писал М.О. Меньшиков, отправилась группа киевских националистов «с просьбой дать совет – как образовать в Киеве национально-русскую газету ввиду явной измены русскому делу «Киевлянина». К сожалению, мало зная Киев и его местные условия, я не мог дать киевлянам ценных советов, но вполне согласился с ними, что оставлять столицу русского Юга, древний оплот нашей национальности и Православия, без русской газеты невозможно». ⁵⁶ Позднее Д.В. Скрынченко вспоминал: «Раздражение национальных кругов юга России против Шульгина было так велико, что из Киевского [отдела Всероссийского] национального союза, где руководили Шульгин и Савенко, выделился особый союз, более правого уклона, во главе с профессором геологии киевского университета

⁵⁵ Солженицын А.И. Двести лет вместе. (1795–1995). Ч. 1. – С. 446.

⁵⁶ Меньшиков М.О. Гонение на Крест // Меньшиков М.О. Национальная империя. – С. 484.

Петром Яковлевичем Армашевским; даже гибкий Савенко ушел от Шульгина и из газеты, хотя, впрочем, ненадолго. Я, не живя перед тем в Киеве, сравнительно мало знал его внутреннюю жизнь и попал в Киев к самому началу разложения в среде правых и националистических кругов. Я примкнул к группе проф. Армашевского не сразу, чтобы не двоить силы на радость наглой инородчины, но когда ничто не помогло, и пропасть все углублялась, я отошел от «Киевлянина».⁵⁷ О новой газете, выразившей взгляды киевских националистов, вспоминал А.В. Стороженко. «Основанная на скудные средства, бедная сотрудническими силами, начавшая свое существование в неблагоприятную пору – накануне мировой войны и наступления агонии русской государственности, газета не успела (да и не могла успеть) завоевать себе широкий круг подписчиков и от острого безденежья постоянно качалась между жизнью и смертью».⁵⁸ Несмотря на трудности, «Киев» занял свою «нишу» среди прессы Юго-западного края. К сожалению, правых изданий умеренного толка, которые могли бы привлечь патриотически настроенных людей, было крайне мало. Например, в 1909 г. в «Перечень газет, обслуживающих национально-русские интересы», попало 9 петербургских, 5 московских и от 31 до 36 провинциальных изданий, а в 1914 г. таковых насчитывалось всего 26-27 газет и 12 журналов.⁵⁹ И это на всю Россию! Неудивительно, что национальные идеи пользовались слабой поддержкой в обществе.

Определяя направленность издания, в передовой статье первого номера П. Я. Армашевский и П.Н. Ардашев⁶⁰ писали что «национально-русской газеты с устойчивым национальным направлением в Киеве не существует. Газета

⁵⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 32.

⁵⁸ Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. М., 1998. – С. 216.

⁵⁹ Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. – С. 159.

⁶⁰ Ардашев Павел Николаевич (1865–1922), историк, профессор Киевского университета, член Совета Киевского клуба националистов.

«Киев» имеет своей задачей заполнить этот пробел. Она является выразительницей чаяний и идеалов в общественной и государственной жизни коренного русского населения... Мы будем отстаивать необходимость народного представительства, считая его могучим рычагом усовершенствования государственного строительства, но полагаем, что Государственная дума только тогда станет на настоящую дорогу, когда в ней образуется сплоченное национально-русское большинство и когда она делается, согласно слову Государя, русской по духу. Мы назвали нашу газету «Киев». Пусть же это дорогое для русского сердца имя будет нашим знаменем и нашим лозунгом».⁶¹ Образование «Киева» и раскол в среде киевских националистов произошли не только в связи с делом Бейлиса. Эти события были проявлением более глубоких расхождений между крайне правыми (в рамках ВНС) и умеренными националистами. Первые тяготели к позиции П.Н. Балашова, а вторые, в число которых входили В.В. Шульгин и А.И. Савенко, выступали за союз с октябристами и поддерживали главу правительства В.Н. Коковцова.⁶² Невзирая на расхождения с В.В. Шульгиным, Д.В. Скрынченко некоторое время сотрудничал в «Киевлянине».⁶³ Позднее он писал, что «Киевлянин» для Малороссии был то же или даже больше, чем «Новое Время» для России», а свое участие в нем называл «светлым моментом моей жизни».⁶⁴

В Киеве Д.В. Скрынченко откликнулся на вторую го-

⁶¹ Передовая // Киев. 1914. №1. – С. 1.

⁶² Омельянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи. (1901–1914). Киев, 2006. – С. 119.

⁶³ Отношение к В.В. Шульгину у Д.В. Скрынченко было противоречивым. Он его сохранил и в эмиграции, хотя, кажется, в Королевстве СХС их связи стали более теплыми, чем в России. «Василий Витальевич – очень талантливый публицист, с вычеканенным русским прекрасным словом, и притом даровитый, оригинальный оратор; его речь проста, тонко обделана, язвительна, не бьет на эффекты, без фиоритур, и тем сильнее, конечно, действует. К сожалению, он неврастеник и потому делал неправые, иногда роковые ошибки. Таковыми были его статьи по процессу Бейлиса, создание им вместе с А.И. Савенко, его сотрудником по газете и Государственной думе, «прогрессивного блока», поездка с А.И. Гучковым в Псков для воздействия [на] застрявшего там в поезде Императора Николая II к отречению от престола». – Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 32.

⁶⁴ Там же. – С. 39.

довщину со дня убийства П.А. Столыпина, память которого в правоконсервативных кругах всегда чтили. В 1913 г. в Киеве на площади возле Городской думы торжественно открыли памятник убитому премьеру работы испанского скульптора Э. Хименеса. П.А. Столыпин был изображен говорящим с думской кафедры, а на постаменте были высечены его слова: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна великая Россия». В ходе церемонии, в которой принимали участие председатель Государственной думы М.В. Родзянко и председатель Совета министров В.Н. Кокцов, были возложены венки от императора, Государственной думы и Совета министров.⁶⁵

В статье, посвященной памяти П.А. Столыпина, Д.В. Скрынченко писал, что покойный премьер-министр призывал общество «к национальному пробуждению не только как государственный деятель, но и как патриот, изболевшийся душою за униженную и раненую страну».⁶⁶ Столыпин был для него не только образцом выдающегося политика, обладавшего гражданскими добродетелями, который сумел найти синтез политики и гражданственности. Секрет обаяния власти, которую олицетворял П.А. Столыпин, заключался, по его мнению, в том, что он «нашел язык, которым представитель правительства сделался понятным и даже дорогим народу...».⁶⁷ В этом пассаже содержался старый упрек, который русские консерваторы не раз обращали к правящей элите: власть должна быть понятной народу. В России веками существовал способ взаимодействия власти и общества, который сводился к тому, что инициатива, направленная даже на небольшое изменение порядка вещей, могла найти выход либо в низких поклонах власти, либо в бунте – бессмысленном и беспощадном. Одним из показателей того, что власти не стреми-

⁶⁵ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. – С. 26.

⁶⁶ Скрынченко Д.В. Секрет обаяния власти. (Памяти П.А. Столыпина) // Киевлянин. 1913. № 244. – С. 3.

⁶⁷ Там же.

лись объяснить обществу свои действия, было отсутствие официального печатного органа, разъяснявшего политику понятным народу языком.

Другой стороной ситуации было отсутствие политического языка в России. Политический язык есть явление, которое формируется на протяжении десятилетий, если не столетий. Ведь совсем не случайно, что отец А.И. Герцена, богатый русский барин И.А. Яковлев предпочитал читать политические новости «во французском тексте, находя русский неясным». И хотя русские публицисты, в число которых входил Д.В. Скрынченко, работали над созданием политического языка, в начале XX в. его в России все еще не было. Власти предрешающие не научились объяснять обществу, чего же они хотят и что делают, и лишь П.А. Столыпин был здесь одиноким исключением.⁶⁸ По мнению Д.В. Скрынченко, величие П.А. Столыпина заключалось в том, что он почувствовал необходимость утверждения национального начала, которого достоин великий народ. Очень точно о П.А. Столыпине написал В.В. Розанов: «Он понял, что космополитизм наш и родил революцию, и, чтобы вырвать из-под ног ее почву, надо призвать к возрождению русское народное чувство, говоря обобщенно – русский национализм».⁶⁹

Д.В. Скрынченко придерживался позиции православного национализма. Представители последнего апеллировали к Православию, считая понятие «православный» более важным, чем понятие «русский».⁷⁰ Этот национализм выдвигал свой стандарт «русскости», которая определялась исключительно Православием. Такое понимание национализма мы найдем во многих работах Д.В. Скрынченко, хотя это не ис-

⁶⁸ О языке русской прессы В.В. Розанов писал, что, «читая русскую политическую печать, можно подумать, что эта печать выросла в Чухломе, ибо имеет совершенно чухломской тон, и никак нельзя подумать, что ее публицисты в общем вовсе не так даже глупы, как стараются притворяться печатно». – Розанов В.В. Наши грустящие публицисты // Розанов В.В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М.-СПб., 2004. – С. 202.

⁶⁹ Розанов В.В. К кончине премьер-министра // Розанов В.В. Террор против русско-го национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.-СПб., 2005. – С. 224.

⁷⁰ Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. – С. 13.

ключает наличия иных нот в его понимании национализма. Скажем, для него принцип крови и почвы означал многое; даже к выкрестам он относился с недоверием, подозревая их в возможной измене. Его позиция была близка взглядам известного идеолога национализма П.И. Ковалевского, который рассматривал Православие и самодержавие как основания русского национализма, так как они «вытекают из национальных свойств и исторических судеб русской нации».⁷¹ Если в Минске Д.В. Скрынченко был сторонником позиции «Россия для русских», то в Киеве он перешел к формуле «русские – народ-хозяин в России», исходя из неподобающего, как он считал, положения русских в империи. В то же время, принцип единства империи для него был выше принципа «Россия для русских».⁷² Его позиция по национальному вопросу выражалась следующим образом: «Проповедуя о необходимости национального возрождения русского народа, мы отнюдь и никогда не имели в виду этой проповедью кого-либо оскорблять, покушаться на чье-либо достоинство, понижывать кого-либо чувством ненависти; наша цель, поймите же это, господа, сделать русскую нацию здоровой, сильной не только своей численностью, но и своей культурной ценностью; мы больны слабоволием, национальным безразличием, необъятным космополитизмом, очевидно, навеянным в нашу душу безграничными широтами нашей страны».⁷³

Если принцип «Россия для русских» предполагал исчезновение национальных черт других народов, то принцип единства империи (русские – народ-хозяин в России) предполагал создание ситуации, когда русские правят, но не господствуют.⁷⁴ Это означало, что в условиях количественного

⁷¹ Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. Национально-исторический очерк. СПб., 1912. – С. 101.

⁷² По справедливому замечанию М.Н. Лукьянова, «подавляющее большинство консерваторов понимало Российскую империю как империю Русскую». – Лукьянов М.Н. Российские консерваторы и реформы. 1907–1914. Дисс. ... докт. ист. наук. Пермь, 2004. – С. 212.

⁷³ Скрынченко Д. Пять минут... // Киев. 1914. № 195. – С. 2.

⁷⁴ Подробнее см.: Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. – С. 267.

преобладания государствообразующей нации другие народы империи получают блага в виде безопасности, культурного и экономического процветания и т. п. Считалось, что подобное положение является органическим и устраняет стремление к самоопределению и автономизации. Однако на рубеже XIX – XX вв. происходил подъем национальных движений, что, в свою очередь, инспирировало развитие русского национализма. Уже в начале XX в. стало очевидно, что национальные движения, забурлившие на окраинах России, несли потенциальную опасность существованию империи, поэтому людьми прозорливыми они воспринимались с тревогой. Не случайно В.В. Розанов назвал окраинный вопрос «одним из самых темных и неясных».⁷⁵

Д.В. Скрынченко переехал в Киев, когда в Юго-западном крае шел активный процесс формирования украинского национального мифа.⁷⁶ Его генезис связан с тем, что на территории Российской империи, а именно в Малороссии, возникло и развивалось сепаратистское движение, опиравшееся на украинскую национальную идею.⁷⁷ В 40-х гг. XIX в. возникло понятие «украинофильство», которое использовалось для обозначения этнографических тенденций в общественной мысли, связанных с пробуждением интереса к языку, истории и культуре малороссов.⁷⁸ Украинofilы считали, что понятие «Украина» есть топоним, обозначающий окраинные земли Московского государства, и далее утверждения этнографической самобытности малороссов не шли. Подобные процессы пробуждения региональных движений происходили во многих

⁷⁵ Розанов В.В. Национальное назначение. // Розанов В.В. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. М. – СПб., 2003. – С. 319.

⁷⁶ Национальный (этноформирующий) миф имеет, наверно, каждый народ. У евреев это исход, у американцев – покорение дикого Запада, у русских – теория «Москва – третий Рим».

⁷⁷ Термины «Украина», «украинец», «украинский» в XIX – начале XX в. имели не этнический, а политический характер, поэтому применительно ко времени до 1917 г. являются весьма условными.

⁷⁸ Как вспоминал один из основателей украинофильства, Н.И. Костомаров, оно «явилось стремлением некоторых малороссов писать на своем родном языке и вместе с тем изучать богатую сокровищницу народной поэзии». – Костомаров Н.И. Украинофильство // Костомаров Н.И. Русские инородцы. М., 1996. – С. 542.

странах, но в России ситуация, возникшая на малороссийском культурном пространстве, отличалась тем, что украинофильство развивалось на фоне «острого русско-польского политического, культурного, а позднее экономического соперничества за влияние на пространство пограничья, которое поляки именовали кресами Речи Посполитой, а русские – Юго-западным краем Российской империи».⁷⁹ После Люблинской (1569 г.) унии, объединившей Польшу и Литву, и Брестской (1596 г.) унии, подчинившей православные приходы Западной Руси католическому Риму, польские власти поставили задачу включить новых русских подданных в свое культурное поле. Отсюда вытекало стремление ополячить и окатоличить население территории, которая в польском политическом дискурсе получила название Украина. Первым влияние Польши испытало дворянство, значительная часть которого достаточно быстро превратилась в поляков-католиков.

Поляки рассматривали русский Юго-западный край как временно утраченные территории, где следовало не прекращать антигосударственной, т.е. антирусской деятельности. Усматривая в пробуждении украинофильства польское влияние, один из видных специалистов по истории Южной Руси А.В. Стороженко писал, что «украинский народ, а затем и политический о нем вопрос сочинили польские ученые и писатели вслед за разделами Польши в 1772, 1793 и 1795 годах и за связанным с ним исчезновением Польши с карты тогдашней Европы».⁸⁰ Известно, что в 1861 г. польский революционер и теоретик партизанского движения Л. Мерославский обозначил ареал подрывной деятельности – к востоку от Днепра.⁸¹ Поэтому за активностью украинствующих небезосновательно видели «польскую интригу», за которой просматривалась недружественная по отношению к России политика Англии и Франции.⁸² Реакция властей на подобную

⁷⁹ Миллер А.И. Украинофильство // Славяноведение. 1998. № 5. – С. 29.

⁸⁰ Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение. – С. 138.

⁸¹ Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). М., 1909. – С. 132.

⁸² Назаревский В.В. Царствование императора Александра II (1855–1881). М., 1910. – С. 82-83.

активность была легко предсказуемой и чаще всего выражалась в усилении репрессий. Польские восстания и «польскую интригу» активно поддерживало русское либеральное дворянство и интеллигенция. Традицию эту заложил не кто иной, как А.И. Герцен. Рассуждая о свободе Польши, он отверг право России на Западный край. Более того, он полагал, что «Украину в таком случае следует признать свободной независимой страной».⁸³

После включения значительной части польских земель в состав Российской империи потерявшие государство поляки стремились утвердить в сознании западно-русского населения идею, что оно никогда не было русским. Для обоснования этой идеи они привлекли «на помощь один очень старый географический термин, общий как польскому, так и русскому языку. Термин этот – «украина» (с маленькой буквы в начале)».⁸⁴ Слово «украина» первоначально обозначало пограничные, окраинные земли, и в ином значении (то есть в качестве этнонима) в русском языке не употреблялось. Классическим примером в этом смысле является начало повести И.С. Тургенева «Бригадир»: «Читатель, знакомы ли тебе небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять – тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская украйна?».⁸⁵ Известный специалист по украинскому вопросу И.В. Михутина пишет, что название «Украина» появилось «для географического обозначения восточнославянской окраины Речи Посполитой в ее южной части».⁸⁶ Территории, которые поляки упорно называли Украиной, с точки зрения русских, имели первоначальное название Малороссия. Кстати сказать, ничего обидного оно в себе не содержит, скорее наоборот. Известно, что еще древние греки ввели в обычай именовать «малой» страной метрополию,

⁸³ Герцен А.И. Россия и Польша // Герцен А.И. Собрание соч. в девяти тт. Т. 7. М., 1958. – С. 194.

⁸⁴ Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение. – С. 140.

⁸⁵ Украйна – иная форма слова «окраина». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987. – С. 156-157. Забавно, что в советских изданиях «Бригадира» украйна везде дана с заглавной буквы, что не может не вызывать недоуменных вопросов у читателя.

⁸⁶ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.). – С. 7.

то есть ту страну, что является прародиной, а «великой», или «большой» – земли, которые были колонизированы.⁸⁷ А.В. Стороженко полагал, что термины Великая и Малая Русь были введены в обиход византийцами после разгрома Руси татарами в XIII в.⁸⁸ Поэтому у южнорусских территорий в пределах Польши появилось два имени: Малая Русь – для русских и Украина (как приграничные земли) для поляков. Со времен Петра I понятие Малороссия стало официальным названием Левобережья, а Правобережье в дальнейшем стало именоваться Юго-западный край. Невзирая на то, что земли по правому берегу Днепра с конца XVIII в. находились в составе Российской империи, они продолжали испытывать польское культурное влияние, так как единственным образованным слоем на этой территории было польское дворянство, представленное землевладельцами. Польские помещики Юго-западного края, если и не плели прямой интриги против имперских властей, всегда использовали любую возможность, для того чтобы вбросить в сознание малороссов идею этнической и политической инаковости. Несмотря на многочисленные усилия властей, поляки интегрировались в империю слабо, сохраняли католицизм и вдохновлялись польской государственной идеей. Влияние поляков в экономической и культурной сферах лишь отчасти уравновешивалось государственной машиной в виде Православия и системы образования. И.В. Михутина отмечает, что только «присоединение к России приостановило процесс ополячивания культуры левобережья, католического и униатского давления в духовной сфере».⁸⁹ После поражения двух восстаний в XIX в. польская политическая элита осознала, что юг России для Польши потерян, поэтому, как отмечал Н.И. Ульянов, она стремилась сделать все, чтобы он пропал и для России. В практическом плане это означало, что среди лю-

⁸⁷ Подробнее см. Смолин М. Украинский туман должен рассеяться, русское солнце взойдет // Украинский сепаратизм в России. – С. 7.

⁸⁸ Стороженко А.В. Малая Русь или Украина? // Украинский сепаратизм в России. – С. 281-282.

⁸⁹ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.). – С. 11.

дей, проживавших в Малороссии и идентифицирующих себя на основе Православия как русские, следовало исподволь утвердить идею национальной обособленности, нерусскости местного населения.⁹⁰ Иными словами, те этнографические особенности, которыми обладали малороссы, следовало бы искусственно утрировать, и сделать это было легче при помощи религии, языка и истории.

В 30-х гг. XIX в. русский историк Н.Г. Устрялов сформулировал идею большой, или триединой русской нации, состоящей из великороссов, малороссов и белорусов. Та же схема применялась для понимания русского языка, состоящего из трех наречий. В русском образованном обществе первой половины XIX в. Малороссия рассматривалась как интегральная часть России, имеющая при этом свои этнографические особенности. Мелодичные песни и забавный малороссийский фольклор воспринимались культурным Петербургом и Москвой как черты, отличающие южнорусский люд от населения северных губерний. Само собой разумелось, что литературным языком на юге России, как и на севере, считался русский. В статье «Русские народные сказки» великий русский критик В.Г. Белинский утверждал, что «литературным языком малороссиян должен быть язык их образованного общества – язык русский».⁹¹ А в одной из рецензий он писал, что «малороссийский язык действительно существовал во времена самобытности Малороссии и существует теперь – в памятниках народной поэзии тех славных времен».⁹² Аналогичной позиции придерживалось большинство образованных малороссов. Поэтому рост этнического малороссийского сознания проявлялся лишь на этнокультурном уровне

⁹⁰ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. – С. 7. Так возникла «теория» графа Т. Чацкого, который в 1822 г. утверждал, что свое название украинцы ведут от древнего славянского племени «укров». – Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. – С. 232.

⁹¹ Белинский В.Г. Русский народные сказки, статья III // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т.V. М., 1954. – С. 330.

⁹² Белинский В.Г. Бернард Мопрат, или перевоспитанный дикарь, сочинение Жорж Занда (Г-жи Дюдеван) // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. V. – С. 176-177.

в виде интереса к фольклору, художественным традициям и местному наречию. Власти относились к этому феномену вполне толерантно, полагая, что интересы государства в данном случае не затрагиваются.

В 40-х гг. XIX в. в украинофильстве появились политические мотивы, и в Малороссии возникли политические кружки, что было встречено государством негативно: кружки создавались под явным польским влиянием.⁹³ В 1846 г. возникло подобие тайной организации – Кирилло-Мефодиевское общество. Среди его активных участников можно обнаружить молодых украинофилов В.Б. Антоновича, Н.И. Костомарова, П.А. Кулиша и Т.Г. Шевченко. Программа общества была обширной, и среди прочего она предусматривала освобождение «украинского» народа из-под русской власти и создание национальной республики в составе славянской федерации. Кроме того, в программных документах общества содержалась идеализация прошлого Малороссии как земли вольной, а переход под власть Москвы рассматривался как начало неволи.⁹⁴ Общество было быстро раскрыто, наказания для его неудачливых членов были определены нестрогие. Все отделались ссылками в другие города империи, лишь Т. Шевченко был отдан в солдаты в Оренбургскую губернию из-за стихов антирусского содержания. Именно он сформулировал поэтически оформленную идею «возрождения Украины». Разгромленное общество положило начало т. н. украинству, которое ориентировалось уже на достижение единственной цели: отделить малороссов от России не только в культурном, но и в политическом смысле, сделать из них украинцев.⁹⁵ Никто из лидеров украинства в дальнейшем от этой цели никогда не отказывался. Возникновение украинства не означало, что украинофильство исчезло. Оно продолжало существовать,

⁹³ Подробнее см.: Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.). – С. 14.

⁹⁴ Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959. – С. 81–82.

⁹⁵ Даже советские исследователи были вынуждены отметить в идеологии общества наличие украинского национализма, возникшего под польским влиянием. – Там же. – С. 82, 92.

рекрутируя наиболее радикальных членов в ряды украинского движения. Таким образом, украинство всегда было ни чем иным, как сецессионизмом – идеологией этнически мотивированного сепаратизма.⁹⁶

Так как для всякого зарождающегося национального движения одним из центральных вопросов является вопрос о национальном языке, то украинское движение настаивало на определении русского языка как «чужого», а украинскому (по-тогдашнему – малороссийский говор или наречие) стремилось придать статус «универсального медиума «возрождающейся нации».⁹⁷ Для этого поляки активно использовали латиницу, которая в первой половине XIX в. была «преимущественной формой передачи украинской речи на Правобережной Украине...»⁹⁸ Применение латиницы было способом включения малороссийских земель в польское культурное пространство.

С целью усиления сепаратизма с конца 50-х гг. XIX в. поляки пытались распространять в Юго-западном крае книги на местном языке, напечатанные латиницей. Чтобы ослабить польское культурное влияние, в 1859 г. власти запретили латиницу в отношении малороссийского и белорусского языков, а также воспретили издания на малороссийском языке, что было реакцией на решение австрийских властей в 1858 г. перевести русинов Галиции с кириллицы на латиницу.⁹⁹ В то же время в 50-х – 60-х гг. XIX в. свободно издавались учебники-буквари украинского языка. Как отмечает А.И. Миллер, в середине XIX в. власти еще не выработали четкой позиции в вопросе о языке преподавания и «не проявлялось особой чувствительности к проблемам идентичности».¹⁰⁰ Русским

⁹⁶ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. – С. 17.

⁹⁷ Миллер А. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1. – С. 85-86.

⁹⁸ Миллер А.И., Остапчук О.А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5. – С. 27.

⁹⁹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. – С. 86-87.

¹⁰⁰ Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. – С. 67.

литературным языком пользовалась образованная часть общества, а в народе говорили на простонародном малороссийском. С малороссами русских сближало единое Православие, и в этом смысле существовала единая религиозная идентичность. «Малороссийское наречие» воспринималось властями и обществом как вариант русского, испорченного польским влиянием. Переломным моментом в отношении к украинскому языку стало польское восстание 1863-64 гг., в ходе которого последовал знаменитый циркуляр П.А. Валуева от 18 июля 1863 г., приостановивший публикацию на малороссийском языке книг для народа – духовных сочинений, учебников и популярной литературы. Разрешалось печатать лишь книги, «которые принадлежат к области изящной литературы».¹⁰¹

В России стремление малороссов называться украинцами и иметь культуру на своем языке рассматривалось как отрицание имперской идеи, как покушение на единство России. Еще со времен М.Н. Каткова было принято рассматривать украинофильство как часть «польской интриги», как явление, инспирированное поляками. Наиболее активно борьба двух проектов протекала в сфере исторического сознания, потому что главной задачей украинского сепаратизма было конструирование «своей истории». Гетманство и Запорожская Сечь считались прообразами национальной государственности, что создавало фундамент для политического сепаратизма и притязаний на отделение. А. Каппелер справедливо отмечает, что воспевание героического прошлого казачества послужило основой для нового мифа, к которому прибавился миф в виде судьбы самого Т. Шевченко.¹⁰² К этому стоит добавить, что складывание «украинского» мифа протекало с использованием архетипа т. н. богоборческого мифа, где героем выступает романтизированное казачество, а врагом – Россия.

Второе дыхание украинство получило в 60-х–70-х гг.

¹⁰¹ Там же. – С. 241.

¹⁰² Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. – С. 414.

XIX в. в виде идей М.П. Драгоманова, который под влиянием марксизма начал проповедовать социализм. В «Опыте украинской политико-социальной программы» он утверждал, что малороссийское население «представляет собой все признаки особой национальности».¹⁰³ Поэтому украинская нация должна вернуться «в семью культурных европейских народов, в которую она входила до конца XVII в., пока... раздел Украины не подорвал ее силы, пока деспотическое Российское государство не провело труднопроходимой границы между огромным числом украинцев и Западной Европой и пока всеиссушающая государственная централизация не парализовала развитие украинских культурных центров».¹⁰⁴ М.П. Драгоманов склонялся к умеренной точке зрения, полагая, что создание украинского государства не отвечает интересам украинского народа, хотя Украина – часть Европы, а не России.¹⁰⁵ Вскользь замечу, что сторонница радикального украинофильства родная племянница М.П. Драгоманова Л. Украинка писала своему дяде 17 марта 1891 г.: «Вот, пришлось к слову, потому скажу Вам, что мы отбросили название «украинофилы», а зовемся просто «украинцы», потому что такие мы есть, безо всякого «фильства»».¹⁰⁶

Реакция со стороны властей на усиление украинства последовала в 1876 г., когда, будучи в Эмсе, Александр II подписал указ о запрете издания книг на малорусском языке. «Закон 1876 г., – писал А.В. Стороженко, – принес огромный вред русской власти, ибо вызвал раздражение в малорусских кружках, не зараженных социализмом, но желавших развивать областную культуру на местном наречии».¹⁰⁷ Запрещение «малорусского патриотизма» в Юго-западном крае привело к

¹⁰³ Драгоманов М.П. Вольный союз. Опыт украинской политико-социальной программы // Драгоманов М.П. Сб. политических сочинений. Т. 1. Париж, 1906. – С. 298.

¹⁰⁴ Там же. – С. 300.

¹⁰⁵ Там же. – С. 301, 306. С именем М.П. Драгоманова была связана последняя попытка внедрения латиницы в южнорусский говор. – См. Миллер А.И., Остапчук О.А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5. – С. 39.

¹⁰⁶ <http://www.l-ukrainka.name/uk/Corresp/1891/18910317.html>

¹⁰⁷ Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. – С. 164.

перемещению его адептов в австрийскую Галицию, где в начале 90-х гг. возникает новый центр украинского движения, но теперь уже с политическими требованиями. Австрийские власти разрешили открыть в Галиции несколько украинских гимназий и кафедру истории Южной Руси во Львовском университете. Кафедру эту получил молодой историк Михаил Грушевский по рекомендации своего учителя В.Б. Антоновича, который в это время был профессором в Киевском университете. В 1894 г. М.С. Грушевский был утвержден профессором Львовского университета. «Заслуга» М.С. Грушевского заключается в том, что он завершил усилия Костомарова и Антоновича по созданию концептуальной схемы украинской истории и создал т. н. «украинскую историческую школу». Согласно концепции М.С. Грушевского племена южной группы восточных славян были украинцами и обитали в среднем и нижнем течении Днепра, Западного Буга и Днестра.¹⁰⁸ Выделение самостоятельного украинского народа он относил к IV в.¹⁰⁹ Существовавшая до начала монголо-татарского ига «Киевская держава» была создана «украино-русской» (україно-руської) народностью, а Владимиро-Московская – другой, великорусской. Затем в XIV-XVI вв. земли «Киевской державы» были составной и чрезвычайно самобытной частью Польско-Литовского государства, причем М.С. Грушевский утверждал, что с присоединением Киева к Литве его политическое значение поднялось.¹¹⁰ В XVII-XVIII вв. эти земли были покорены Россией и стали официально называться Малороссией. Украинцы как этнос возникли во времена Киевской Руси, затем они были подвергнуты русификации (начиная с XVII в.) и, утратив независимость, почти что потеряли свою самобытность. В связи с присоединением к России Левобережья произошло постепенное обрусение местного населения. В XVIII в. этот процесс захватил и правобережную Украину.¹¹¹

¹⁰⁸ Грушевский М.С. История украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг. 1916. Т. 2. – С. 49.

¹⁰⁹ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1990. – С. 16.

¹¹⁰ Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. – С. 512.

¹¹¹ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. – С. 303.

Лишь с середины XIX в. начинается возрождение украинского народа, выражающееся в постепенном культурном а затем и политическом размежевании с Россией. Культурный подъем украинской жизни он связывал с переходом части земель, населенных малороссами, под власть Австрии.¹¹² Отголоски этой схемы можно встретить и в современной российской историографии. Так, авторы вышедшего недавно труда «Украинцы» утверждают, что формирование украинского этноса началось в XII–XIII вв. и завершилось к XV в., а украинский язык возник в XIII в.¹¹³ Заметим в скобках, что историческая схема М.С. Грушевского не выдерживает серьезной критики. Она антиисторична. Многочисленные исследования говорят о том, что в XIII–XIV вв. на всех частях восточнославянской этнической территории местное население называло себя русским, а слова «украинец» просто не знало.¹¹⁴

М.С. Грушевский рассматривал этногенез украинцев как predetermined процесс, считая людей, населявших в XIV–XV вв. и ранее территорию нынешней Украины, украинцами,¹¹⁵ которые уже в это время играли роль «первенствующего в Восточной Европе элемента».¹¹⁶ Главной задачей украинства М.С. Грушевский считал национальное возрождение, очищение от московского засилья и создание самостоятельного государства. Эти идеи легли в основу идеологии, которую в начале XX в. русские националисты едко называли мазепинством.¹¹⁷ Таким образом, была сформули-

¹¹² Грушевский М.С. История украинского народа. – С. 313-315.

¹¹³ Украинцы. М., 2000. – С. 18.

¹¹⁴ Флоря Б. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. – С. 12.

¹¹⁵ Грушевский М.С. Иллюстрированная история России. М., 2001. – С. 166-167.

¹¹⁶ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. – С. 14.

¹¹⁷ В «Записке об украинском движении», подготовленной Департаментом полиции в начале мировой войны, отмечалось, что «мазепинство» как сепаратизм включает в себя «оттенки особо изменнической политической деятельности». – «Записка об украинском движении в 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии» // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. – С. 106. В недрах Киевского клуба националистов в противовес мазепинцам возникло название «богдановцы» в память о Б. Хмельницком, при котором Малороссия вошла в состав России. – Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.). – С. 137.

рована парадигма особенного украинского развития, суть которой сводилась к следующему. 1. Украинцы – особый этнос, тяготеющий по своей культуре к Европе, а не России. 2. Пребывание в составе России – зло, с которым надо бороться, из чего вытекает основная цель – создание собственного государства. В концепции М.С. Грушевского проявился характерный для польского менталитета мятежный романтизм – судьба украинцев предстает трагичной – они попали «меж двух огней – ополячением и обрусением».¹¹⁸ Возрождение украинской нации М.С. Грушевский видел на путях федерализации России, что, с точки зрения консервативного дискурса, было абсолютно неприемлемо, так как выделение отдельных территорий на этнической основе было первым шагом к исчезновению России как империи.

Особенную активность М.С. Грушевский и его сторонники развили в языковой среде, делая акцент на превращении украинского языка во второй государственный в Малороссии.¹¹⁹ В стремлении создать культурный барьер между Россией и Юго-западным краем М.С. Грушевский решил «обогатить» народный язык малороссов многочисленными заимствованиями из польского и немецкого языков. По свидетельству Н.С. Щеголева, «львовские новаторы приналегали на червонорусское наречие, а для выражения сложных и отвлеченных понятий черпали полной рукой из польского и (изредка) немецкого языков».¹²⁰ Искусственное развитие языка

¹¹⁸ Грушевский М.С. Иллюстрированная история России. – С. 485.

¹¹⁹ Следует отметить, что процесс создания литературного украинского языка не был завершен в XIX в. Только на рубеже XIX и XX вв. украинофильство смогло стандартизировать язык и создать его словарь. Усилиями известных филологов, придерживавшихся либеральных взглядов, А. Шахматова, Ф. Корша и И. Бодуэна де Куртене в 1904 г. Отделение русского языка и литературы Императорской Академии наук перевесом в 1 голос приняло официальное заключение, что украинский язык является самостоятельным языком, а не наречием русского. В то же время филолог академик А. Шахматов полагал, что между малороссийским и украинским языком имеются существенные различия, причем малороссийский язык – более широкое понятие по сравнению с украинским. По сути дела это была более гибкая позиция, которой придерживались воинствующие украинофилы. «Под украинским языком, – писал А. Шахматов, – разумеется преимущественно современный литературный язык украинцев, в основании его лежит господствующее на Украине наречие». – Шахматов А. Краткий очерк малорусского (украинского) языка // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2 – С. 664.

¹²⁰ Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепар-

– процесс возможный, но малорезультативный, так как язык практически не поддается воздействию волевых решений. И в Малороссии, невзирая на стремление М.С. Грушевского основать народный язык заимствованными из других языков терминами, он имел ограниченное культурное влияние. Эта «реформа» сопровождалась изменением в графике, чтобы «новый» язык меньше походил на литературный русский. По меткому выражению А.В. Стороженко, «новый» язык был подобен славянскому эсперанто: «в создании этого языка играли главную роль отнюдь не образовательные или культурные цели, но исключительно политические».¹²¹

В принципе программа М.С. Грушевского была вполне логична и последовательна. Любую нацию скрепляет, делает единой определенный ряд объективных факторов, среди которых язык, обеспечивающий высокий уровень социальной коммуникации. Кстати, в отношении т. н. украинского языка русские националисты занимали умеренную позицию. Даже самые крайние из них не предлагали запретить украинский язык, потому что считали его «убогим крестьянским говором, существующим лишь до тех пор, пока крестьянство находится во власти тьмы».¹²² Русские националисты считали, что украинский язык должен быть ограничен в преподавании из-за его низкого социального статуса и ему следует оставить лишь сферу внутрисемейного общения.¹²³ В русской классической филологии считалось, что украинский, белорусский и великорусский языки есть наречия единого русского языка.¹²⁴

Стремление М.С. Грушевского и его сотрудников «досто-

ратизма. Киев, 1912. – С. 99–100. (Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. М., 2004. – С. 93.)

¹²¹ Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. С. 178.

¹²² С.М. Чаговец и мазепинцы // Киев, 1914. № 12. – С. 2. При этом русские националисты признавали существование малороссов как особого этноса, но не допускали мысли, что он может определиться политически.

¹²³ Подробнее см.: Вульпиус Р. Украинский язык и школьное обучение в поздней имперской период // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С.324.

¹²⁴ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887. – С. 34.

ить» украинский язык до литературного уровня воспринималось как проявление сепаратизма. Русские националистические круги в меру сил стремились противостоять попыткам новообразованной украинской элиты в создании симулякров с целью манипуляции сознанием не имевшей идентичности части общества. Таким образом, работая над созданием языка и формируя «абстрактную» часть тезауруса, М.С. Грушевский и новая элита, выступавшая под лозунгами украинства, стремились сформировать новое состояние малороссийского этноса. Это означало его неизбежное переподчинение новой элите, говорившей на одном с этносом языке. Естественно, эти усилия не могли не встретить сопротивления со стороны русского правительства и националистов, которые и малороссов, и белорусов считали русскими.

Конечно, украинский язык (или, как его именовали, малороссийское наречие) использовался для создания литературных произведений, однако не следует упускать из вида, что, по мнению А.И. Миллера, как литературный язык он не закончил свое формирование даже к середине XX в.¹²⁵

Д.В. Скрынченко понимал, что вместе с украинским языком придет украинская гимназия и университет. Для него вопрос об открытии гимназий с преподаванием на украинском языке был вопросом *«национальной и государственной важности»*¹²⁶ в том смысле, что решение его в положительном плане открывало прямой путь украинскому сепаратизму. «Если, стало быть, можно исторически доказать, что Украина – особая страна, в которой живет особая этнографическая народность – украинцы, то само собой напрашивается вопрос, на каком же основании этой народности не давать особой украинской школы, суда и т. п.»¹²⁷ Если в консервативном дискурсе введение украинского языка рассматривалась как угроза целостности империи, то в либеральных кругах полагали, что требования украинизации школы, введения украинского языка в государственных учреждениях и устранение

¹²⁵ Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – С. 71.

¹²⁶ Скрынченко Д.В. «Украинцы». Киев, 1916. – С. 3.

¹²⁷ Там же. – С. 4.

ограничений для украинской печати были умеренными и возможными, так как они не могли привести к федерализму. Оценивая ретроспективно обе позиции, следует признать, что они не были удовлетворительными в тогдашних условиях, так как не содержали стратегии решения проблемы.

Представители украинства исходили из того, что государство на протяжении веков подвергало население Малороссии насильственной русификации. Вопрос этот на самом деле сложнее, чем представляли его деятели украинского движения. Под русификацией часто понимают насильственное внедрение русского языка и русской культуры, однако вряд ли можно говорить о русификации применительно к южным и западным окраинам империи. Если бы Россия начала XX в. была классическим колониальным государством, угнетавшим покоренные народы, подвергавшим их дискриминации, то разговор о русификации был бы оправдан. Скорее, следует говорить об аккультурации, которая не ведет к потере национальной идентичности в отличие от ассимиляции. Имперские власти не возражали против культивирования фольклорных и языковых особенностей, свойственных малороссам при сохранении ими общерусской идентичности. Власти поддерживали малоросийство, которое не отрицало идею большой русской нации. Малороссы могли быть «русифицированы» только в одном смысле – в смысле освобождения их от влияния поляков и евреев. Поэтому политика имперского государства и Православной Церкви была, естественно, нацелена на усиление русских элементов в Юго-западном крае. Бывший высокопоставленный чиновник, долгое время работавший под руководство П.А. Столыпина, С.Е. Крыжановский, в эмиграции писал, что «приходилось стремиться к очищению русской национальной почвы от налета польской цивилизации, нанесенного в течение долголетнего политического господствования...».¹²⁸ Так как политическая лояльность имела для государства первостепенное значение, то в «пирамиде лояльности» малороссы в

¹²⁸ Крыжановский С.Е. Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. – С. 122.

конце XIX и особенно в начале XX в. занимали одну из нижних ступеней. Вызвано это было тем, что, как народ «молодой», малороссы воспринимались государством в контексте с влиявшим на него польским дворянством. «Как правило, – пишет А. Каппелер, – опасными нелояльными *мазепинцами* украинцы становились в связи с польским национальным движением или с австрийской внешней политикой». ¹²⁹ Властями русскими украинство воспринималось как течение беспочвенное, искусственное, изменническое, и в силу этого крайне опасное, потому что оно было нацелено на разрушение единства русской нации и государства, на то, чтобы «отобрать» тем самым часть национальной территории вместе с Киевом – «матерью городов русских». ¹³⁰

До 1905 г. украинское движение русским обществом все-речь не воспринималось. Однако постепенно, как писал Д.В. Скрынченко, «возникли специальные украинские клубы, театры, появились вожаки Михайлы Грушевские, беспрепятственно читавшие лекции». ¹³¹ Все это говорило о том, что, увлекшись излишними запретами при отсутствии гибкости, правительство упустило момент, когда оно могло бы без серьезных потерь абсорбировать движение украинофилов и не дать ему перейти в стадию украинства, что было связано с выдвиганием политических требований. В 1913 г. под эгидой украинских культурно-просветительских организаций выходило 22 печатных органа во главе с Киевской «Радой», из них 18 издавались на украинском, а 4 на русском и украинском одновременно. ¹³² Кроме того, борьба с украинским движением осложнялась тем, что материальная и идеологическая база находилась за границей – в Галиции. ¹³³

¹²⁹ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской Империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. – С. 134.

¹³⁰ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – С. 39.

¹³¹ Скрынченко Д. Необходимость собирания Руси // Киев. 1914. № 3. – С. 2.

¹³² Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.). – С. 100.

¹³³ Развитие украинства не обязательно должно было привести к возникновению украинской нации и далее государства. Процесс возникновения нации не является предопределенным. Поэтому трудно согласиться с мнением И.В. Омелянчука, согласно которому возникновение национального самосознания «если не у украин-

II

Этническое развитие любого народа предполагает изменения, которые находят свое выражение в процессе консолидации, в осознании своих национальных интересов и возникновении национальной идентичности. Населявшие Юго-западный край малороссы этнически мало чем отличались от великороссов, но серьезные различия коренились в социальном бытии. У малороссов почти не было своей государственности, отсутствовал литературный язык и политическая элита. В рамках предложенной чешским исследователем М. Хрохом конструктивистской методологии великороссов (как и поляков) можно отнести к «старым» народам, а малороссов – к «молодым». Такие народы иногда называют крестьянскими. Такими были белорусы, такими были и малороссы.

Конструктивистская схема возникновения национальных движений, если исходить из методологии М. Хроха, выглядит следующим образом. Первая фаза – пробуждение. На этом этапе у небольшой группы национальной интеллигенции возникает интерес к истории, языку и фольклору своего народа. Это значит, что отдельные люди в пределах недоминантной этнической общности (как правило, люди образованные) активно обсуждают свою этническую принадлежность и пытаются убедить соотечественников «в важности сознательной принадлежности к нации».¹³⁴ Они создают (т. е. придумывают) национальный миф, в котором настоящее состояние некритически проецируется в прошлое. К этой фазе можно отнести деятельность Кирилло-Мефодиевского общества, украинофилов 50-х – 60-х гг. и их после-

ского народа, то хотя бы у украинской интеллигенции» обязательно должно было вызвать «требования политического самоопределения нации». Процесс развития самосознания малороссов предстает у него как predetermined. – Омелянчук И.В. Украинский и польский вопросы в контексте этнополитической составляющей идеологии консервативно-монархических партий России начала XX в. // Славяноведение. 2006. №5. – С. 17, 23.

¹³⁴ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства нации в Европе // Нации и национализм. М., 2002. – С. 124.

дователей. Вторая фаза – агитация. Она выражается в том, что происходит постепенное распространение национальной идеи, которое осуществляется через прессу, литературу, систему просвещения. При этом некоторая часть общества, особенно интеллигенция, воспринимает национальный миф в качестве непреложной ценности, что усиливает его распространение. Национальная идея вбирается этническим самосознанием в результате воздействия на массы культурной и (если она есть) политической элиты. Этот процесс начинается «наверху» и заканчивается «внизу». В эту фазу вписывается украинство и деятельность М.С. Грушевского вплоть до распада империи и всего украинского движения, которое росло при активной поддержке со стороны Австро-Венгрии, Германии и поляков. В этой фазе утвердилась украинская национальная идея, подкрепленная научнообразными исследованиями М.С. Грушевского и его школы. В эту фазу украинское движение, как считает А. Каппелер, вступило в 90-х гг. XIX в.¹³⁵

Третья фаза начинается тогда, когда национальная идея становится действенной основой массовых движений, когда народ, охваченный национальной идеей, сначала мобилизуется на борьбу за автономию, а затем за независимость.¹³⁶ Иными словами, сначала в умах представителей элиты возникает образ «идеального Отечества», который подкрепляется историческими параллелями и утверждением особого языка. Лишь спустя длительное время этот образ трансформируется в национальную идентичность (или порождает ее) среди некоторой части общества, и лишь после этого национальная идентичность получает политическое выражение. Процесс развития малороссийского этноса не был предопределенным – украинская идентичность, которая присутствует сегодня на части Украины, могла бы не возникнуть, сложились исторические обстоятельства иначе. А.И. Миллер метко за-

¹³⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. – С. 166.

¹³⁶ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства нации в Европе. – С. 125.

метил, что если бы рядом с Россией находилась не Польша, а, скажем, Италия, т. е. неславянское государство, никакой украинской нации, скорее всего, не возникло.¹³⁷ Русским властям вкупе с националистами не удалось добиться того, что французы сумели сделать в Провансе и Лангедоке, где было пресечено формирование локальной нации. Но все же украинство не смогло реализоваться полностью, поэтому современная Украина не имеет единой украинской идентичности, что делает существование украинского государства в перспективе весьма проблематичным. В то же время, как отмечает А.И. Миллер, «еще до 1917 г. становится ясным, что предотвратить возникновение малороссийской версии идентичности, украинской, то есть отрицающей общерусскую, не удастся».¹³⁸

Длительное время (вплоть до 1917 г.) украинство было интеллигентским течением, распространенным в либеральных кругах, которые по традиции были настроены оппозиционно, в то время как в крестьянстве о нем ничего не слышали.¹³⁹ Д.В. Скрынченко писал, что «народ не разделяет «украинских бредней», остается глух к призывам отбросить русскую идентичность и в то же время «растет другая рать, которая злобно, с бешенством рвет цепи, соединяющие эти ветви, эти побеги единого русского дерева».¹⁴⁰ Известный русский филолог А.С. Будилович отмечал, что «центробежные стремления если и проявляются иной раз у южноруссов, то обыкновенно не в среде народных масс, а в верхах населения...»¹⁴¹ На это же указывал академик А.И. Соболевский, писавший, что «крестьянство никакого украинофильства не признает: оно считает себя за один русский народ с великорусами и стоит за полное государственное единение России».¹⁴²

¹³⁷ Миллер А.И. Национализм и империя. М., 2005. – С. 30.

¹³⁸ Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – С. 236.

¹³⁹ Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907. – С. 16.

¹⁴⁰ Скрынченко Д. Культивирование злобы (I) // Киев, 1914, №180. – С. 2.

¹⁴¹ Будилович А.С. О единстве русского народа // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. – С. 31.

¹⁴² Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое // «Украинская» болезнь русской нации. – С. 45.

В начале XX в. в Юго-западном крае сформировался слой образованных людей, осознававших иную, по сравнению с русской, национальную идентичность. Они боролись за повсеместное введение украинского языка, все время переводя вопрос о языке в политическую плоскость. Были ли эти люди искренни? Несомненно. Но при этом их сепаратизм совпадал с интересами соседей Империи – прежде всего, Австро-Венгрии и Германии, не говоря уже об этнических поляках, издавна считавших земли Малороссии своими. Ключевым моментом в идеологии украинства было понятие «Украина», которое сторонники украинского движения употребляли как топоним, а противники – как этноним. С имперской точки зрения, украинское движение присвоило название «украинцы» малороссам неправомерно. Само название «украинцы» – искусственное, и в его использовании могут быть заинтересованы только те, кто стремится разрушить принцип «Россия единая и неделимая». Так, известный русский мыслитель Н.О. Лосский в эмиграции писал: «Для многих русских Малороссия – самая поэтическая и привлекательная часть России... Немалое значение имеет и то, что здесь положено было начало русскому государству. Поэтому встреча с украинскими сепаратистами, ненавидящими Россию, изумляет русского человека и глубоко ранит сердце его... Сама замена многозначительного имени «Малороссия» именем «Украина» (то есть окраина) производит впечатление утраты какой-то великой ценности: слово «Малороссия» означает первоначально «основная Россия» в отличие от приросших к ней впоследствии провинций, составляющих большую Россию».¹⁴³

Крайним и потому наиболее опасным проявлением украинства стала оформившаяся к 1913 г. идея политического сепаратизма, которую развивал идеолог украинства Дмитрий Донцов.¹⁴⁴ Именно он в речи на II Всеукраинском

¹⁴³ Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб., 1994. – С. 16-17.

¹⁴⁴ Донцов Дмитрий Иванович (1883–1973), идеолог украинского сепаратизма. С 1908 г. в эмиграции. С 1914 г. возглавил «Союз освобождения Украины», руководил в 1914–1916 гг. украинским бюро прессы в Берлине, печатался в *Ukrainische Rundschau*. С 1921 г. жил во Львове, с 1939 г. в Румынии, с 1947 г. в Канаде.

съезде студентов во Львове в 1913 г. призвал осуществлять военную подготовку молодежи в Галиции, вести антирусскую агитацию и бороться с москвофильством.¹⁴⁵ Для этого в августе 1914 г. эмигранты из России создали Союз освобождения Украины (СОУ) во главе с Д.И. Донцовым. По его мысли, независимая от России Украина должна играть роль санитарного кордона, защищая Европу от варварства «панмосковизма».¹⁴⁶ Лидеры СОУ, который субсидировался правительством Австрии, контактировали с австрийцами и немцами, обещали им партизанскую войну в тылу русской армии, однако потерпели поражение – их никто не поддержал.¹⁴⁷ В 1915 г. австрийцам стало ясно, что попытки создать пятую колонну в Юго-западном крае провалились, и контакты с СОУ были сокращены.

Полемика с представителями украинства составляет основное содержание публицистики Д.В. Скрынченко в Киеве. Политизированное украинство настаивало на отсутствии внутреннего единства восточных славян. По мнению представителей украинства, малороссы есть не что иное, как украинцы, которые являются особой нацией и имеют глубокую историю. Украинский фольклор богаче русского, к тому же украинцы обладают якобы высшей по сравнению с русскими степенью физической организации и культурности. Из признания былого величия и инаковости украинцев вытекал тезис, что украинцы страдают под гнетом русских.¹⁴⁸ В отличие от сепаратистов, Д.В. Скрынченко полагал, что различия между тремя русскими народностями имеются, но они порождены «краевыми условиями», и различия эти, в конечном счете, должны сойти на нет. Поэтому обратную тенденцию, ведущую к усилению различий, он считал реакционной, иронично говоря, что «появились новые дреговичи, древляне, северяне, которые по примеру отдаленного прошлого трудят-

¹⁴⁵ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – С. 110.

¹⁴⁶ Идея, чрезвычайно близкая бывшему президенту В.А. Ющенко.

¹⁴⁷ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – С. 172-179.

¹⁴⁸ Скрынченко Д. Культивирование злобы (I) // Киев. 1914. № 180. – С. 2.

ся над тем, чтобы вызвать братоубийственную войну».¹⁴⁹ Эту тенденцию подпитывала, по его мнению, еврейская пресса, которая стремилась «повалить ненавистное самодержавное государство», и Австро-Венгрия, наследник которой Франц-Фердинанд хочет «сделаться киевским курфюрстом».¹⁵⁰ Здесь же Д.В. Скрынченко отмечал губительное для государства влияние левой и либеральной прессы, которая поддерживала украинский сепаратизм, видя в нем лишь «этнографическую дымку».¹⁵¹ «Настало время, – заключал он, – когда нельзя уже отмахиваться от «украинского» вопроса и считать «украинство» «невинным» безобидным движением».¹⁵² Сходные идеи высказывал известный публицист М.О. Меньшиков: «Осуждайте сколько угодно мазепинство, но оно факт, притом необыкновенно быстро растущий и принимающий грозные формы».¹⁵³ И если некоторые либералы по инерции продолжали отождествлять мазепинство и украинофильство, принимая последнее за этнографический романтизм, то националисты были настроены по отношению к нему весьма решительно. Тот же М.О. Меньшиков писал: «Мазепинское движение в России следует объявить государственно преступным и подавлять его всемерно».¹⁵⁴

Тезис сторонников украинства, который привел Д.В. Скрынченко, заключался в необходимости не только культурного, но и политического обособления от России.¹⁵⁵ «Таким образом, – резюмировал он, – замыслы «украинцев» идут весьма далеко, направлены они к раздроблению России и отличаются заведомо изменническим, предательским характером в духе Мазепы».¹⁵⁶ Политическую позицию выходившего в

¹⁴⁹ Скрынченко Д. «Безобидная этнографическая дымка» // Киевлянин. 1913. № 221. – С. 2.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Скрынченко Д. Культивирование злобы (II) // Киев. 1914. № 182. – С. 2.

¹⁵³ Меньшиков М.О. Письма к ближним // Нация и империя в русской мысли начал XX века. – С. 77.

¹⁵⁴ Там же. – С. 80.

¹⁵⁵ Скрынченко Д. Культивирование злобы (II) // Киев. 1914. № 182. – С. 1.

¹⁵⁶ Там же. – С. 2.

Москве журнала «Украинская жизнь»¹⁵⁷ Д.В. Скрынченко охарактеризовал как сепаратизм, на который должна последовать реакция властей, тем более что в нем сотрудничают лица, стоящие на государственной службе, которые просто обязаны разделять государственные убеждения. Д.В. Скрынченко назвал ряд профессоров (Ф.К. Волков, Ф.Е. Корш, А.Е. Крымский, И.В. Лучицкий, М.П. Чубинский, академик А.А. Шахматов¹⁵⁸), которые сотрудничали в органах украинского движения. Их позиция определялась негативизмом некоторой части интеллигенции, которая защиту национальных интересов и государства рассматривала как заведомое «черносотенство». «Кадетствующее чиновничество, – писал А.И. Солженицын, – получает содержание от правительства и одновременно проявляет свою к нему *оппозицию*: состоит на государственной службе, а тайно агитирует или участвует в революционных группах – иногда по сочувствию к ним, иногда от боязни мести».¹⁵⁹ Таких деятелей Д.В. Скрынченко называл Валленродами, которые питаются из Австрии, «не стесняясь при этом пользоваться и государственным содержанием, и льготными поездками в Петербург для демонстрирования своих противогосударственных стремлений».¹⁶⁰

Для усиления идеи сепаратизма идеологами украинского движения активно использовалось имя Т.Г. Шевченко.

¹⁵⁷ «Украинская жизнь» – ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал, выходил в Москве в 1912–1917 гг.

¹⁵⁸ Чубинский Михаил Павлович (1871–1943), профессор, криминалист; Волков (Вовк) Федор Кондратьевич (1847–1918), антрополог, археолог, этнограф, украинофил, долгое время жил в эмиграции, после 1905 г. работал в Санкт-Петербурге; Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), русский филолог, профессор классической филологии Московского и Новороссийского университетов; Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), историк-востоковед, писал стихи и прозу на украинском языке; Лучицкий Иван Васильевич (1845–1918), историк, профессор Киевского, затем Петербургского университета, депутат III Государственной думы, член ЦК партии конституционных демократов; Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), русский ученый, лингвист, филолог-текстолог.

¹⁵⁹ Солженицын А.И. Красное колесо. Узел I. Август четырнадцатого. Т. 2. М., 1993. – С. 178.

¹⁶⁰ Скрынченко Д.В. Необходимость собирания Руси // Киев. 1914. № 3. – С. 2. Конрад Валленрод – герой одноименной исторической повести в стихах А. Мицкевича. В переносном смысле Валленрод – политик, наносящий своими действиями непоправимый урон своему государству.

По замечанию Н.И. Ульянова, причина популярности крестьянского поэта среди украинствующих заключалась в том, что «он первый воскресил казачью ненависть к Москве и первый воспел казачьи времена как национальные»,¹⁶¹ т. е. начал активно использовать историческое прошлое для обоснования претензий на отъединение. Шевченко был объявлен украинствующими «организатором украинской нации».¹⁶² Еще в 1911 г., когда исполнилось 50 лет со дня смерти крестьянского поэта, украинское движение предприняло шаги, чтобы отметить эту дату, однако натолкнулось на сопротивление властей и русских националистических организаций. Киевский клуб националистов «отметил» дату кончины Т. Шевченко собранием, на котором с докладом «Певец самостоятельной Украины» выступил А.И. Савенко. Он указал, что с общерусской точки зрения серьезно относиться к его памяти нельзя, и призвал не участвовать в возможных торжествах.¹⁶³ 1912 г. в кругах украинствующих был создан комитет по сооружению памятника Т.Г. Шевченко. Редакция московского журнала «Украинская жизнь» из номера в номер печатала объявление: «Жертвуйте на памятник Шевченку в Киеве». Особенно остро дискуссия о памятнике разгорелась в 1914 г. в связи со столетием со дня рождения поэта.

В 1914 г. по инициативе Киевской городской думы началась подготовка к столетнему юбилею Т.Г. Шевченко. Отцы города предлагали поставить поэту памятник и провести чествование. В ответ Киевский клуб националистов на общем собрании 11 января принял резолюцию, в которой в принципе признал законным желание сторонников поэта воздать ему должное. Но далее в резолюции отмечалось, что в Шевченко мазепинцы видят не только поэта, но прежде всего политика, врага единой и неделимой России. Они призвали «протестовать против попыток придать торжеству политический антирусский

¹⁶¹ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. – С. 169.

¹⁶² Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. – С. 321. (Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. – С. 250).

¹⁶³ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.). С 137.

характер».¹⁶⁴ Д.В. Скрынченко писал, что нельзя ставить «памятник человеку, который был таким ярким противником русской государственности».¹⁶⁵ Он признавал литературную значимость некоторых стихов поэта и называл их «восхитительными», но в то же время считал, что многие его стихи являются антигосударственными. В виде примера он привел два стиха Т. Шевченко – «Царь» и поэму «Сон», в которых антирусские и антигосударственные мотивы были выражены вполне откровенно. В связи с тем, что комитет по установке памятника все же получил в 1914 г. разрешение на его установку, Д.В. Скрынченко выступил с рядом статей, проливавших свет на жизнь и взгляды поэта. Ссылаясь на вышедшую в 1909 г. книгу Д.И. Эварницкого «Материалы до биографии Шевченко», Д.В. Скрынченко рассказал о той роли, которую играл Пантелеймон Кулиш в жизни поэта.¹⁶⁶ Он не только беллетризовал биографию Шевченко, но и переделал ряд его произведений, таких как «Наймичка» и «Гайдуки».¹⁶⁷ Статья носила резко разоблачительный характер и акцентировала внимание на малограмотности Шевченко и в целом «вторичности» его поэзии. Киевские власти запретили официальное чествование крестьянского поэта, усилив тем самым к себе негативное отношение украинского движения. Министерство внутренних дел посоветовало губернаторам на местах избегать официального характера торжества. Кроме того, националисты буквально засыпали столицу протестными письмами и телеграммами, призывая власти запретить празднование юбилея.¹⁶⁸ Несмотря на наличие комитета, до 1917 г. шансов поставить

¹⁶⁴ Там же. – С. 138.

¹⁶⁵ Скрынченко Д.В. Допустимо ли? // Киев. 1914. № 6. – С. 3.

¹⁶⁶ По мнению С.Н. Щеголева, П. Кулиш вставил в сочинения Т. Шевченко «чуть ли ни целые страницы тенденциозной отсебятины». – Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. – С. 43. (Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. – С. 54.).

¹⁶⁷ Скрынченко Д.В. Кто выдумал Шевченко? // Киев. 1914. № 31. – С. 2.

¹⁶⁸ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века.). – С. 139.

в Киеве памятник Шевченко, конечно, не было. Он был установлен только в 1939 г.

В 1916 г. Д.В. Скрынченко рассмотрел семантику понятия «Украина» в серии статей «Украинские подлоги», которые были напечатаны в газете «Киев», а затем вышли отдельным изданием.¹⁶⁹ Его работа была ответом на статью члена Одесского окружного суда С. Шелухина «Украинцы, русские, малороссы» в журнале «Украинская жизнь».¹⁷⁰ Отметив, что «в нынешнюю войну украинцы сражаются за достоинство и целостность России», и согласившись с тем, что «Украина» – это уродливый польский термин», С. Шелухин в то же время настаивал, что Украина – название столь же древнее, как и Русь. Он мотивировал это тем, что «украинцы – исконно русское племя», но «оно имеет свое собственное народное имя».¹⁷¹ Он настаивал на том, что слово Украина – древнее, так как оно употребляется в Ипатьевской летописи. – С. Шелухин не разделял позицию радикального украинства, настаивая на том, что рост украинского национального самосознания не является угрозой для России, т. к. оно противостоит полякам.¹⁷² Оппонент Д.В. Скрынченко полагал, что украинское начало является более русским, чем польским, и тот, кто «действительно дорожит общерусским, должен дорожить и украинским, заботиться об его развитии и процветании, а не об истреблении и уничтожении».¹⁷³

¹⁶⁹ Скрынченко Д.В. Украинские подлоги // Киев. 1916, № №1010, 1012, 1015, 1016, 1017.

¹⁷⁰ Шелухин Сергей (1864–1938) – украинский юрист, общественный деятель, поэт и журналист. Член Центральной рады. В 1919 г. член украинской делегации на мирных переговорах в Париже, с 1922 г. проф. Украинского университета в Праге. Сторонник умеренного украинства В.В. Зеньковский охарактеризовал его как «невообразимого дилетанта, размашистого политика, ужасно храброго в своих претензиях». – Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995. – С. 57.

¹⁷¹ Шелухин С. Украинцы, русские, малороссы. Открытое письмо г. Шульгину и его единомышленникам. // Украинская жизнь. 1916. № 7-8. – С. 60, 62, 67.

¹⁷² Шелухин С. Украинцы, русские, малороссы // Украинская жизнь. 1916. № 7-8. – С. 68, 74.

¹⁷³ Там же. – С. 70.

Ход мыслей С. Шелухина заставил Д.В. Скрынченко подробно рассмотреть употребление слова «Украина» в древнерусских летописях. Он показал, что это слово употреблялось с XII в. «для обозначения области, находящейся у края, на пограничьи Киевского государства».¹⁷⁴ В Ипатьевской летописи, по мнению Д.В. Скрынченко, слово «украина» является исключительно нарицательным именем. Топоним «Украина» употреблялся только в этом смысле и не включал в себя этнических признаков.¹⁷⁵ Слово «украина» «принадлежит всему русскому народу, а не специально той ветви последнего, которая известна под именем малороссов», – писал Д.В. Скрынченко.¹⁷⁶ Далее он привел ссылки на польские источники XVI в., в которых слово «украина» зафиксировано в значении пограничье, окраина. Так как южная Русь на протяжении длительного времени была включена в состав Польши и представлялась для поляков пограничной областью, то за этой территорией в русском языке закрепился термин «Украина» (окраина). По его мнению, причина подобной ситуации заключается в польском политическом влиянии.¹⁷⁷ Как отмечают исследователи, «уже с XV–XVI вв. в книгах канцелярии великих князей литовских пограничные со степью околицы называются украинами, а местные жители – украинниками или людьми украинными».¹⁷⁸

Говоря о Малой и Великой Руси, Д.В. Скрынченко утверждал, что в понятии Малая Русь заключен этнографический признак, более ранний, чем понятие «Украина», закрепленное поляками. «Название *Малая Русь*, – писал он, – означает племенное свойство народа и связывает последний с его предками, название же «Украина» отрывает народ от его духовной истории, от предков...»¹⁷⁹ Одним из первых стал

¹⁷⁴ Скрынченко Д.В. «Украинцы». – С. 9.

¹⁷⁵ Там же. – С. 12.

¹⁷⁶ Там же. – С. 17.

¹⁷⁷ Там же. – С. 21.

¹⁷⁸ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. – С. 11.

¹⁷⁹ Скрынченко Д.В. «Украинцы». – С. 40; современные авторы пишут: «Еще один неологизм из греческого, Малая Россия, появился на свет в XIV в. и сначала упо-

употреблять слово «Украина» как этноним, т.е. как «понятие собственное» польский писатель и путешественник Я. Потоцкий (1761–1815).¹⁸⁰ Подобное словоупотребление создало основу для того чтобы сделать вывод, что Юго-западный край заселяют не русские, но особая нация – украинцы.

Стремление украинцев к национальной идентичности и независимости рассматривалось как стремление, инспирированное поляками. Поэтому, как считал Д.В. Скрынченко, «украинство», во всяком случае, является... *регрессивным движением*».¹⁸¹ Польское влияние, которому поддалось дворянство Юго-западного края, «вовсе не создало особой этнографической народности; народ продолжал, при всех чуждых ему наслоениях в языке, оставаться русским, и *русское самосознание* никогда не прекращалось в его душе».¹⁸²

треблялся для обозначения польской части Киевской митрополии, а после 1648 г. – для обозначения территории казацкой Гетманщины». – Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. – С. 10.

¹⁸⁰ Скрынченко Д.В. «Украинцы». – С. 31.

¹⁸¹ Там же. – С. 36.

¹⁸² Там же. – С. 33.

Орек 10

Вторая Отечественная

I

Войну, разразившуюся в августе 1914 г., ждали, но никто не мог себе представить, что она начнется так внезапно и продлится столь долго. В предвоенное время ощущение грядущей катастрофы было достаточно широко распространено в русском обществе. Смутные предчувствия катастрофического развития посещали в то время многих, а 1914 год был годом ожидания бедствий. Многие современники предвоенной России отмечали, что общество охвачено чувством нравственной опустошенности, разочарования и безнадежности. В одной из статей Д.В. Скрынченко писал, что «общим голосом даже лояльных людей является признание, что в стране накапливается опасное недовольство, что правительство все больше теряет те элементы, которые в смутную годину двинулись на передовые посты бороться с чужеродными элементами, что родину ждут новые тяжкие испытания...».¹⁸³ Если задать вопрос, нужна ли была война России как государству, то ответ может быть только отрицательным. Наиболее прозорливые политики очень боялись вовлечения России в войну. Так, например, один из основателей партии октябристов Д.Н. Шипов в марте 1914 г. писал в частном письме, что «возможная в настоящее время война при условиях нашей внутренней государственной жизни особенно страшна и опасна».¹⁸⁴

С началом лета 1914 г. значительное место в публицистике Д.В. Скрынченко заняла антинемецкая риторика. В

¹⁸³ Скрынченко Д.В. В светлый день // Киев. 1914. № 89. – С. 2.

¹⁸⁴ Политические партии и общество в России. 1914-1917 гг. Сб. статей и документов. М., 2000. – С. 186.

ее основе лежали антигерманские настроения, которые подпитывались стремлением дать ответ на вызов пангерманизма. Негативное отношение к немцам, в том числе и российским, издавна существовавшее в консервативной традиции, соседствовало с видением Германии как основного, естественного союзника России в Европе. В консервативном дискурсе считалось, что Германии, как и России, присущ имперский принцип, а Франция и Англия рассматривались как торгашеские государства, проникнутые культом наживы. С началом войны позитивные оценки Германии, конечно, канули в прошлое. Немцы, по мнению Д.В. Скрынченко, инспирируя войну, представляли в незавидной роли сверхчеловеков, которых в истории известно немало. Антинемецкая риторика лета и осени 1914 г. непременно включала в себя осуждение немецкой «пещерной морали» (как имманентного свойства немцев) и бесчеловечного отношения немцев к мирным жителям во время военных действий.¹⁸⁵ Эту парадигму Д.В. Скрынченко использовал в статье «Вот так культура!..», где он писал об издевательствах немцев над русскими, оказавшимися в Германии в начале войны. «Газеты полны ужасов тех зверств, которые учиняются немцами над русскими, бельгийцами и др. Если нельзя было без негодования читать о немецких издевательствах над тысячами русских, наполнивших немецкие курорты и наполнявших тем самым немецкие карманы, то что же сказать о тех ужасах, которым подвергается население занятых немцами российских областей?»¹⁸⁶ Действительно, для многих русских туристов и деловых людей пребывание в Германии в августе 1914 г. превратилось в трагедию. По подсчетам современного исследователя, в начале войны «только в Берлине скопилось до 50 тыс. русских путешественников, торопившихся вернуться на родину. Все они подвергались диким издевательствам со стороны немецких властей».¹⁸⁷

¹⁸⁵ Скрынченко Д. Вот так культура!.. // Киев. 1914. № 202. – С. 2.

¹⁸⁶ Там же. – С. 2.

¹⁸⁷ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.-СПб., 1999. – С. 310.

Война обострила стародавние русские вопросы, и среди них один, обсуждавшийся чуть ли не со времен Петра I: отношение России к Западу и отношение Запада к России. Этот вопрос всегда лежал в основе спора западников и славянофилов. Поэтому военное противостояние с просвещенной частью Европы неизбежно приводило националистов к необходимости еще более критически смотреть на Запад. «Наша мнимо прогрессивная печать, – писал Д.В. Скрынченко, – вот уже несколько лет... продолжает держать русское общество на коленях перед всякой иностранщиной».¹⁸⁸ Он считал, что лакейство духа, которое исповедует часть образованного общества, недопустимо, ибо унижает русскую культуру. Война, в которую Россия вступила в союзе с одной частью Европы против другой, заставила еще раз определить отношение к Европе и к немцам. И не только к тем, кто воевал с Россией на фронте, сколько к тем «русским» немцам, что издавна жили в России.

Д.В. Скрынченко в то же время считал, что Россия со времен Петра I «сделалась какой-то колонией для немцев». Сходные мысли в начале века высказывали многие русские публицисты. Летом 1908 г. В.В. Розанов писал: «Взглянув только на Петербург и Москву, т. е. все-таки на царственные места русской силы и русского духа, замечаешь меланхолически, что почти во всех областях жизни лучшие места заняты немцами».¹⁸⁹ Опасность, которую несли немцы, заключалась в том, что они, по мнению русских консерваторов, осуществляли внутреннюю колонизацию России. Их колония находилась не на окраине, а в столице и несла в себе немецкую «пещерную нравственность и невероятное хамство».¹⁹⁰ Антигерманский настрой Д.В. Скрынченко как человека национальных взглядов в данном контексте вполне понятен. Его негативное отношение к немцам имело глубокие онтологические основания. Немцы для националистов олицетворяли

¹⁸⁸ Скрынченко Д.В. «Лояльные» немцы // Киев. 1914. № 217. – С. 1.

¹⁸⁹ Розанов В.В. Сила национальности // Розанов В.В. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. М. – СПб., 2003. – С. 323.

¹⁹⁰ Скрынченко Д. О немцах в России (I) // Киев. 1914. № 233. – С. 1.

Запад, которому подражали и на который ориентировались высшие классы, поэтому националисты относились к немцам негативно, поддерживая традиционное неприятие немецкого начала, как противоречащего исходным культурным ценностям России. Вину за начало войны он возлагал не столько на кайзера, сколько на всех немцев, апеллируя, таким образом, к идее общенациональной вины.

Немцев, живущих в России, он делил на четыре группы: петербургские немцы, прибалтийские, немцы-помещики Юго-западного края и немецкие колонисты. Какая группа несет в себе наибольшую опасность для России? Он считал, что колонисты, которые так и не интегрировались в имперский организм, сохранив немецкую идентичность и верность кайзеру. Некоторые из них, как ему казалось, особенно в Западном крае, снабжали немецкую армию разведывательными данными. Немцев-помещиков Д.В. Скрынченко также рассматривал как пятую колонну «для немецкого натиска на восток».¹⁹¹ Их имения, как ему представлялось, являются базой для продвижения немецких войск. Что касается прибалтийских немцев, то они установили административное и религиозное господство над местным населением. Но фактически их господство простиралось до столицы, причем прибалтийские немцы, все время поставлявшие в Петербург своих выдвиненцев, опираясь на них, боролись с Православием и служили, говоря современным языком, германскими «агентами влияния». Поэтому, с точки зрения Д.В. Скрынченко, прибалтийские и петербургские немцы тождественны.¹⁹² Развивая идеи Ю.Ф. Самарина, в резкой статье «Осторожно на поворотах, господа немцы!» он писал о тех привилегиях, что сохранялись за немцами России вплоть до начала XX в. Указав на имманентную космополитичность проживавших в России немцев, он объяснил, почему их так много в партии октябристов. По его сведениям, на съезде октябристов в 1909 г. присутствовали более 60 немцев, а «русские люди, примыкавшие к этой партии, чувство-

¹⁹¹ Скрынченко Д.В. О немцах в России (II) // Киев. 1914. № 235. – С. 1.

¹⁹² Скрынченко Д.В. О немцах в России (III) // Киев. 1914. № 237. – С. 1.

вали себя довольно сконфуженно, колеблясь определить, куда же они приехали – на съезд русской партии или же немецкого ферейна».¹⁹³ В другой статье он утверждал, что октябристы находились «на полном иждивении немцев», и привел список более 70 немецких фамилий тех, кто участвовал в III съезде октябристов.¹⁹⁴ Добавлю, что Дмитрий Васильевич описывал собственные впечатления: 4-8 октября 1909 г. он участвовал в III Съезде октябристов, проходившем в Москве в здании Политехнического общества на Мясницкой. Съезд он покинул, разочаровавшись в национальной политике партии «Союз 17 октября».

К 1914 г. в России проживали более 2 млн немцев (из них в Юго-западном крае около 600 тыс.¹⁹⁵), большинство из которых были колонистами-земледельцами, они вели высокоэффективное хозяйство и сохраняли лояльность по отношению к Российскому государству. Жившие в России немцы были надежным консервативным слоем, который на самом деле был одной из опор монархии.¹⁹⁶ Вместе с тем в мыслящей и образованной части общества издавна существовали антинемецкие настроения, и эти настроения проникли в изящную словесность. Исследователи отмечают, что за исключением двух образов – Карла Ивановича в «Детстве» Л.Н. Толстого и Лемпа в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева – остальные образы немцев, созданные русской литературой, являются негативными.¹⁹⁷ Русские не терпели возведенного в абсолют немецкого филистерства, педантизма, самоуверенности и, конечно, презрения к «менее культурным» русским. В то же время в жизни практической немцы высоко ценились как мастера своего дела. Война, как считал Д.В. Скрынченко, пробудила национальное достоинство русских: «Мы уже

¹⁹³ Скрынченко Д.В. Осторожно на поворотах, господа немцы! (I) // Киев, 1914. № 183. – С. 2.

¹⁹⁴ Скрынченко Д.В. Кто германофильствует // Киев. 1915. № 708. – С. 2.

¹⁹⁵ Федюшин О.С. Украинская революция. 1917–1918. М., 2007. – С. 19.

¹⁹⁶ «Кому бы немцы ни служили, – писал М.О. Меньшиков, – они служат честно, и это почти без исключений». – Меньшиков М.О. Почти иностранное ведомство // Меньшиков М.О. Русское пробуждение. М., 2007. – С. 29.

¹⁹⁷ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. – С. 141.

не будем униженно кланяться пред немцем», – писал он.¹⁹⁸ Ему казалось, что мягкость и добродушие русского народа привели к опасному уровню влияния немцев на жизнь в России, и лишь война открыла глаза на эту опасность. В конце октября 1914 г. Д.В. Скрынченко обратил внимание на вызывающее, как он считал, поведение прибалтийских немцев. Дмитрий Васильевич специально отмечал, что «нарушителями и преступниками против русской государственности являются не частные только обыватели, но и лица, состоящие на государственной службе, лица *немецкого происхождения...*».¹⁹⁹ О необходимости поиска путей решения немецкого вопроса осенью 1914 г. писали многие. Д.В. Скрынченко пропагандировал популярную идею – ликвидировать немецкое землевладение в России и предлагал начать с Прибалтики. Ссылаясь на опыт времен Ивана III и Ивана IV, Дмитрий Васильевич предлагал выселить немцев из Прибалтики, которая, как он считал, «является авангардом неметчины». Он саркастически предлагал «господам баронам занять места, например, в Пензенской или приволжских губерниях, а их места предоставить русскому населению, а также латышско-эстонскому».²⁰⁰

Антинемецкие настроения подстегивались войной, и в обществе возникла и стала распространяться идея о борьбе с немецким засильем. Эта идея имела определенные основания, начиная с национальной принадлежности императрицы и кончая значительной долей немцев среди высших офицеров армии.²⁰¹ 2 февраля 1915 г. Совет министров инициировал три закона, которые касались землевладельцев и землепользователей, имевших подданство стран – противников России. Это были т. н. «ликвидационные законы». Подданные Центральных держав и Турции лишались земельной собственности и

¹⁹⁸ Скрынченко Д.В. О немцах в России // Киев. 1914. № 233. – С. 1.

¹⁹⁹ Скрынченко Д.В. Прибалтийская неметчина // Киев. 1914. № 287. – С. 1.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ На апрель 1914 г. среди полутора тысяч русских генералов «немцев» было 20%, немецкие корни имели 15% высших чинов в армии, они занимали до 1/3 командных должностей в гвардии. – Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. – С. 333.

права землепользования в 150-верстной полосе вдоль границы (линии фронта), кроме того, во избежание содействия возможному десанту те же меры были предприняты по отношению к иностранным подданным в пределах морского побережья Черного, Азовского и Балтийского морей. Недвижимое имущество в этих зонах надлежало продать с публичных торгов, на что отводилось от 10 до 16 месяцев.²⁰² Под действие этого закона попало более миллиона российских немцев, что достаточно быстро привело к ухудшению экономической ситуации в ряде губерний: там резко сократились посевные площади.²⁰³ Меры правительства можно понять: они имели своей целью успокоить антинемецкие настроения в обществе и были «ответом» на поражения русских армий, когда они были вынуждены отойти на восток, оставив немцам Польшу и часть Белоруссии. Достигнутый правительством результат был невелик. Выступившие против этих мер тогдашние либералы – кадеты справедливо говорили, что антинемецкие меры принимаются под влиянием эмоций. Те же чувства боли и унижения, а также снизившийся уровень жизни вызвали в Москве в мае 1915 г. немецкие погромы, в ходе которых было разгромлено (впустую!) 759 торговых заведений и квартир, 3 немца были убиты и 40 ранены.²⁰⁴

Подозревая немцев в шпионаже, власти начали депортировать их из районов боевых действий. У государства имелся свой довод: в Германии с января 1914 г. действовал закон о двойном гражданстве, по которому проживавшие вне Германии немцы могли получить немецкое гражданство. Конечно, русские власти потакали антинемецким настроениям – достаточно вспомнить разгром немецкого посольства в столице 5 августа 1914 г., который происходил при полном невмешательстве полиции. Первые депортации немцев начались в сентябре 1914 г. из Привисленского края (так называлась этническая Польша в пределах Российской империи), а с но-

²⁰² История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. – С. 36–39.

²⁰³ Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев в России. М., 2005. – С. 226.

²⁰⁴ Там же. – С. 225.

ября коснулись Лифляндии, Курляндии и Риги. Дело, как это бывает в России, дошло до крайностей. В 1915 г. в Киевском военном округе в немецких колониях начали брать заложников в пропорции 1:1000.²⁰⁵ Это был небывалый случай, когда государство брало в заложники собственных граждан. В декабре 1915 г. был издан новый закон, по которому всем немцам и австрийцам, жившим в приграничной (прифронтовой) полосе, предлагалось избавиться от недвижимости и уехать. Ликвидации подлежали те имения, владельцы которых приняли русское гражданство после 1880 г.²⁰⁶ А в июне 1916 г. было принято «Положение об Особом комитете по борьбе с немецким засильем». Комитет, как говорилось в Положении, был учрежден для «освобождения страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни Государства Российского».²⁰⁷

Осуществление антинемецких законов вызвало не только экономические трудности. Иногда губернаторы и военные власти затруднялись определить, к кому следует применять новые правила. «Кого считать немцами? Преданных Российской империи, уже не в первом поколении живущих здесь, но сохраняющих неправославное вероисповедание? Немцев, принявших Православие, но сохраняющих свой язык, иногда отсылающих своих сыновей учиться в Германию?»²⁰⁸ Антигерманские настроения поддерживались возникшим с началом войны «Обществом 1914 г.» Его члены считали, что «народ русский стихийно отрицательно относился к немцу и немецкому, как к чему-то извечно враждебному всему русскому».²⁰⁹

Русская власть приняла ряд запретительных мер, в частности, государство начало закрывать немецкие общественные

²⁰⁵ Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494-1941). – С. 389.

²⁰⁶ Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. – С. 229.

²⁰⁷ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. – С. 46.

²⁰⁸ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). – С. 181.

²⁰⁹ Богдановский А. Что такое борьба с немецким засильем (цели и задачи «Общества 1914 г.»). Пг., 1917. – С. 3.

организации, правда, было это сделано не сразу и не везде. Негативное отношение к немцам подпитывалось рассказами об ужасах немецкого плена и поведением немцев на захваченных территориях, где они не только творили насилие, но и оскверняли православные храмы.²¹⁰ В 1916 г. «ликвидационные законы» были расширены, теперь они охватывали новые категории российских немцев, в том числе и тех, которые относились к добровольцам или служили офицерами в русской армии. Кроме того, было запрещено преподавание на немецком языке во всех учебных заведениях Империи, кроме Закона Божьего для этнических немцев.²¹¹

В начале войны в правой прессе немцы заменили евреев как объект критики, представ в образе «чужих», активно действующих против Империи. Д.В. Скрынченко стремился утвердить негативное мнение о немцах, призывая скорее расстаться с ложным представлением о них как о культурной нации. Жестокость немецких солдат и офицеров, с которой довелось столкнуться на войне, коренится, как считал Д.В. Скрынченко, в самих немцах и не определяется военным противостоянием. Немцы обладают имманентными свойствами, которые прямо противоположны таким качествам русской души, как храбрость, беззаветность, сердечность, добродушие.²¹² Развивая антинемецкую тему, Д.В. Скрынченко делал вывод, что «немцам уже не господствовать над нами, пришел конец их «дрангу на восток», а главное – начинается несомненное очищение наше от немецкого душехватства».²¹³ Учитывая характер войны, можно понять пафос антинемецкой риторики, и все же в отношении к немцам России Д.В. Скрынченко занял незаслуженно жесткую позицию.

²¹⁰ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). – С. 184-186.

²¹¹ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). – С. 47.

²¹² Скрынченко Д.В. В тревожные дни // Киев. 1914. № 268. – С. 1.

²¹³ Скрынченко Д.В. Разгадка // Киев. 1914. № 232. – С. 1.

II

Как идеологи русского национализма, так и его исследователи почти единодушно признают, что польское влияние всегда представляло фактор, который осложнял, если не препятствовал процессу аккультурации малороссов. После подавления второго польского восстания правительство прибегло к частичной конфискации земель у мятежных польских помещиков, которые проживали в Юго-западном крае. На Правобережье шесть тысяч больших польских имений занимали большую площадь, чем надельные трех миллионов крестьян. Число же русских помещиков не превышало там 1 тыс. семей.²¹⁴ После восстания 1863–64 гг. русские власти запретили полякам приобретать земли в западных русских губерниях, одновременно был введен десятипроцентный налог на прибыль, с тем, чтобы принудить польских землевладельцев продать свои имения русским. Невзирая на политически непопулярные и экономически необоснованные меры, позиции поляков в экономике Юго-западного края, особенно в аграрном секторе, оставались очень прочными. Не случайно киевская сельскохозяйственная выставка летом 1913 г. напомнила Д.В. Скрынченко Польшу. Побывав в Киеве, он писал, что «польских павильонов действительно много, речь польская слышна всюду».²¹⁵ То же самое отмечал в «Новом времени» М.О. Меньшиков, писавший, что «открывшаяся недавно всероссийская выставка в Киеве производит впечатление чисто польской выставки».²¹⁶

Не менее важным фактором оставалось польское культурно-политическое влияние в Малороссии, истоки которого уходят в XIV век. Многовековое пребывание под властью польского государства не могло не сказаться на развитии

²¹⁴ Бовуа Д. «Борьба за землю на правобережной Украине с 1863 по 1914 год»: новая книга об украинско-польско-русских отношениях // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. – С. 173.

²¹⁵ Скрынченко Д.В. С Всероссийской киевской выставки // Жизнь Волини. 1913. 2 июня (№137). – С. 3.

²¹⁶ Меньшиков М.О. Письма к ближним // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – С. 77.

Юго-западного края. Культурную ситуацию в Малороссии представители украинства характеризовали следующим образом: «Вплоть до 1830-х гг. светское воспитание и образование было почти исключительно в руках поляков, с особенной энергией занимавшихся здесь организацией учебно-воспитательного процесса в национальном польском духе и достигших, действительно, таких успехов, какими не могли похвалиться во времена Речи Посполитой».²¹⁷ Занимая одно из последних мест в имперской иерархии благонадежности, поляки компенсировали свое положение презрительным отношением к непольскому окружению. Многие современники отмечали, что высокомерно-снисходительное отношение к малороссам и великороссам – одна из характерных черт тогдашнего польского менталитета. Лояльность поляков, как и евреев, империи оценивалась властями со знаком минус, и за украинской активностью всегда видели происки поляков, а перед войной – Австро-Венгрии и Германии. Поэтому поляки на протяжении всего XIX и начала XX вв. в общественном мнении коннотировались с мятежом и отступничеством. Кроме того, они подчас рассматривались в качестве проводников идейного зла, которое шло с Запада.²¹⁸

Беспокойство правых по поводу Польши достаточно ясно обозначил М.О. Меньшиков, который в 1913 г. писал: «С Польшей что-нибудь надо делать». И далее: «Польский вопрос необходимо обдумать и решить, иначе он даст несколько независимых от нас решений, одно хуже другого».²¹⁹ В отличие от умеренных консерваторов Д.В. Скрынченко рассматривал возможное изменение русской политики в отношении Польши как проявление слабости, на которую поляки, скорее всего, ответят новым заговором. Эту парадигму мятежности польских подданных Т.Ю. Павельева формулирует следующим образом: «Генетическая память о национально-освободительных восстаниях 1830–1831 и

²¹⁷ Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг. 1916. Т. 1. – С. 317.

²¹⁸ Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999. – С. 162.

²¹⁹ Меньшиков М.О. Письма к ближним // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – С. 77.

1863–1864 гг. была настолько сильна во властных структурах, что любое «ослабление» полякам становилось в этих условиях невозможным». ²²⁰ Д.В. Скрынченко приводил примеры русской политики в Польше, когда реформы воспринимались как ослабление, после чего следовало восстание. Обвиняя В.Н. Коковцова в том, что он голосовал в Государственном совете за введение польского языка в городских самоуправлениях Привисленского края, Д.В. Скрынченко писал, что в Польше есть признаки, «по которым было бы по меньшей мере странно ожидать от поляков доказательств лояльности». ²²¹ Ведь в австрийской Польше, как он указывал, «на случай войны с Россией сформированы летучие отряды для партизанских набегов на русские войска». ²²²

Эта информация соответствовала действительности. Еще в 1910 г. во Львове вполне легально был создан «Союз польских стрелков», потенциально нацеленный против русских. ²²³ Это означало, что австрийцы пытаются разыграть «польскую карту», чтобы в военное время ослабить русские тылы, населенные этническими поляками. Бескомпромиссность позиции Д.В. Скрынченко в польском вопросе определялась тем, что на польских территориях, входивших в состав Австро-Венгрии, были созданы польские легионы, а 6 августа 1914 г. польские стрелки выступили на стороне Тройственного союза и перешли русскую границу. ²²⁴ К 1914 г. отряды, которые возглавлял Ю. Пилсудский, насчитывали около 6500 человек. ²²⁵ Польские легионеры, которые

²²⁰ Павельева Т.Ю. Польская фракция в Государственной думе России 1906–1914 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. – С. 119.

²²¹ Донской Д. (Скрынченко Д.В.) Неужели ничему не научились? // Киев. 1914, № 52. – С. 2.

²²² Там же. – С. 2.

²²³ Наленч Т. и Д. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990. – С. 59. По данным Г. Матвеева, с 1911 г. военная организация «Польская армия» приступила к созданию польских стрелковых дружин, прежде всего во Львове. В 1912 г. в них состояло около 600 человек. – Матвеев Г. Пилсудский. М., 2008. – С. 142.

²²⁴ Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. – С. 61-62. В Польской социалистической партии Ю. Пилсудский возглавлял Боевую организацию, занимавшуюся экспроприацией денег и ценностей, а также террором против русских чиновников. С 1908 г. он перенес свою активность в австрийскую Галицию. – Матвеев Г. Пилсудский. – С. 128-131.

²²⁵ Парасаданова В.С. Юзеф Пилсудский // Вопросы истории. 1996. № 1. – С. 59.

ми он командовал, состояли из трех бригад, и с осени 1915 г. они противостояли русским войскам на Волыни.²²⁶ В русской прессе писали, что число поляков, воевавших с русскими, доходит до миллиона. На самом деле польские легионы, воевавшие с русскими, насчитывали около 30 тыс. человек.²²⁷

С началом войны польский вопрос обострился, так как поляки, подобно евреям, оказались народом, разделенным между воюющими государствами. С целью успокоения живших в России поляков 1 августа 1914 г. было опубликовано «Воззвание» Великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии и полякам. В нем была определено зафиксирована возможность возрождения Польши, «свободной в своей вере, языке и самоуправлении».²²⁸ «Какое польское сердце, – писал Д.В. Скрынченко, – не дрогнет, прочитав эти слова, скоро имеющие быть запечатленными русской кровью».²²⁹ В «Воззвании» прямо говорилось о том, что вскоре «сотрутся границы, растерзавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя». Воззвание Великого князя вселило в поляков надежду на государственное возрождение. В то же время некоторые поляки высказывали опасения, что воззвание – лишь уловка, так как подписано оно Великим князем, а не Императором. Однако цель воззвания была достигнута: население Польши «сохраняло лояльность по отношению к России вплоть до оккупации немцами Варшавы в 1915 г.».²³⁰

Вместе с отступающей русской армией в 1915 г. в Россию хлынул поток польских беженцев, не желавших оставаться в

Судя по всему, Ю. Пилсудский был завербован австрийской разведкой. Известно, что в 1906 г. он встретился с представителями австрийских военных. Австрийцы обещали поддержать антирусское движение в Галиции, а взамен предлагали поставлять разведывательную информацию. – Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. – С. 46.

²²⁶ Тымовский М., Каневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. – С. 386, 388.

²²⁷ Парасаданова В.С. Юзеф Пилсудский. – С. 62.

²²⁸ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004. С. 24.

²²⁹ Скрынченко Д. Обращение к «душе» польской // Киев. 1914. №207. – С. 2.

²³⁰ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи... С.34. Ее же. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. – С. 132-136.

занятой немцами Польше и Белоруссии. К этому времени некоторые русские консерваторы вспомнили известную идею В.О. Ключевского, который считал ошибкой разделы Польши и полагал, что Польшу следовало бы «ввести» в свои этнографические границы и сохранить ее государственность, предусмотрев невозможность ее претензий на Западный край. Д.В. Скрынченко занял примерно такую же позицию в польском вопросе: «Мы желаем если не всяческих, то, во всяком случае, больших свобод этнографической Польше», – писал он.²³¹ Но при этом все ограничения относительно поляков в западных губерниях должны остаться без изменений, считал он. Дать некоторые свободы Польше – возможно, но никак нельзя уравнивать поляков Западного края с его коренным населением. Эти мысли он повторял неоднократно и в связи с тем, что в 1915 году русские армии откатились с территории Польши, и в связи с тем, что внимание к польскому вопросу привлекли польские депутаты Думы. Они предложили отменить законы, ограничивающие права поляков в империи. 2 сентября 1915 г. ими был внесено законодательное предложение, целью которого было улучшение прав польского населения 9 западных губерний, на что правительство в лице министра юстиции А.А. Хвостова дало отрицательный отзыв. Поляки считали, что Россия в войне потерпит поражение и неизбежно пойдет на соглашение с Германией и Австрией за счет Польши. Все это еще сильнее делало их непримиримыми и вызывало ответную реакцию со стороны русских националистов. Степень недоверия друг к другу русских и польских политических элит во время войны выросла. Посол Франции в России М. Палеолог занес в дневник точную характеристику польской политической элиты: «Не доверяя России, они считают себя ничем не обязанными по отношению к ней...»²³²

Д.В. Скрынченко писал, что поляки всегда «выступали только врагами России, ни одного светлого момента не дает

²³¹ Скрынченко Д.В. Национализм поляков. // Киев. 1915. № 683.С.2.

²³² Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С.560.

нам история русско-польских отношений».²³³ Он исходил из посылки, что наличие польского вопроса «составляет позор русской истории». Вопрос этот, как полагал Д.В. Скрынченко, искусственно поддерживался «прогрессивной» интеллигенцией, которая позволяла полякам «расправляться с темным народом, потому что не обладала элементарным государственным инстинктом».²³⁴ Понятно, что Д.В. Скрынченко был против снятия ограничений с поляков в западно-русских землях. Он считал, что в силу ненадежности они представляют прямую угрозу для России, и призывал подумать об очищении русских государственных учреждений от поляков.²³⁵

Вплоть до 1916 г. позиция русской правящей элиты в польском вопросе заключалась в том, чтобы отложить решение его до конца войны, но в 1916 г. война эту позицию изменила. Одним из инициаторов стал министр иностранных дел С.Д. Сазонов, который вслед за В.О. Ключевским считал, что для России Польша – «чужой государственный организм», а само присоединение ее он считал ошибкой.²³⁶ Ведомство С.Д. Сазонова пришло к выводу, что этнической Польше следует предоставить самоуправление при сохранении основных прав имперских властей в управлении краем.²³⁷ Учитывая ситуацию на фронтах, летом 1916 г. – С. Д. Сазонов подготовил записку, в которой предложил дать Польше автономию. Проект соответствующего закона поручили разработать специалисту по международному праву кадету барону Ю.Э. Нольде, а затем передали бумаги С.Е. Крыжановскому для согласования с имперскими законами.²³⁸ Импульс дать Польше автономию или хотя бы объявить об этом (поскольку Польша была оккупирована немцами) исходил не столько от самого Д.С. Сазо-

²³³ Скрынченко Д.В. По стопам Болгарии // Киев. 1916. № 990. – С. 1.

²³⁴ Там же. – С. 2.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. – С. 369. Столетие между Венским конгрессом и Первой мировой войной для России и Польши он назвал «тревожным», полным «непрерывающихся между нею и поляками недоразумений». – Там же. – С. 272.

²³⁷ Там же. – С. 373.

²³⁸ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – С. 69; Палелог М. Дневник посла. – С. 543–544.

нова, сколько от французской правительственной делегации во главе с министром юстиции Р. Вивиани, который прибыл в Петроград в мае 1916 г.²³⁹ В результате проект будущего «конституционного устройства Польши» был представлен императору в Могилеве 29 июня 1916 г. Но 7 июля Д.С. Сазонов был отправлен в отставку, и Совет министров после обсуждения проекта манифеста пришел к выводу о его несвоевременности.²⁴⁰ Таким образом, историческая инициатива в возможном разрешении польского вопроса Россией была упущена: осенью 1916 г. Германия провозгласила образование Польского государства, а Австро-Венгрия дала автономию Галиции. Скорее всего, причина неуступчивости русских властей крылась в том, что стремление изменить порядки в пределах польских этнических земель неизбежно привело к противоречию: принцип автономии нарушал принцип неделимости империи.

Русские националисты, объединенные в Киевском клубе националистов, летом 1916 г. сформулировали свое видение возможного решения польского вопроса, которое должно было наступить по окончании войны. Свет на их позиции проливают материалы, которые Д.В. Скрынченко послал одному из видных представителей русских правых академику А.И. Соболевскому.²⁴¹

*«Ваше Превосходительство,
Глубокоуважаемый Алексей Иванович!*

Редакция «Киева» передала мне Вашу открытку, в которой Вы просите прислать Вам постановление киевской монархической организации по польскому вопросу. Так как мне сейчас трудно найти экземпляр просимого, то посылаю свой, а себе при случае, конечно, достану. Постановление является результатом моего доклада; все тезисы доклада приняты цели-

²³⁹ Уткин А.Н. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000. – С. 230; его же. Первая мировая война. М., 2001. – С. 270.

²⁴⁰ Бахтурина А.Ю. Краины Российской империи... С. 69.

²⁴¹ Соболевский Алексей Иванович (1857–1929), филолог, академик (с 1900 г.), тайный советник, член Государственного совета, проф. Киевского и Петербургского университетов, руководитель Славянского общества, член Главного совета Союза русского народа.

ком; доклад сделан по просьбе председателя Киевского отдела Союза Р[усского] Нар[ода] проф. М. Алабовского.

С совершенным почтением и полной преданностью к Вам,
Д. Скрынченко.

1916 4 авг. Киев, Костельная, 6, кв. 37».²⁴²

Исходная позиция киевских националистов опиралась на идею, согласно которой предполагаемое объявление автономии Польши преждевременно, так как «последние два года войны не дали сколько-нибудь существенных данных, свидетельствующих о коренной перемене в отношении к России поляков».²⁴³ Так как победа в войне связывалась с включением в состав России Галиции, Буковины и Угорской Руси, то для интеграции этих территорий в имперский организм властям надлежит прежде всего «очистить эти края от преобладающего в смысле влияния и значения польского элемента и сделать их действительно русскими».²⁴⁴ Меры в отношении остающихся в западных губерниях поляков предлагались жесткие, если не сказать жестокие, но стоит задать вопрос: были ли они реализуемы, если предположить, что Россия выиграла бы войну? Учитывая последующий опыт XX в., можно полагать, что меры были реализуемы. Но они привели бы к массовому изгнанию сотен тысяч людей и подняли бы еще выше градус ненависти поляков к русским. Поэтому государство они устроить никак не могли.

Импульсы постоянного сопротивления русским исходили от польской шляхты, обладавшей набором уникальных по-своему ценностей. Русскому национализму противостояла идеология, лежавшая в основании польского этнообразующего мифа. Она складывалась начиная с XVI в., когда была принята Радомская Конституция с печально извест-

²⁴² Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ), ф. 449, оп. 1, ед. хр. 341, л. 2. Следует заметить, что интерес к записке правых киевских организаций проявили поляки. Известно, что ее разыскивал депутат Государственной думы поляк И.С. Гарусевич. – Скрынченко Д.В. Довольно «благочестивых разговоров» // Киев. 1916. № 996. – С. 1.

²⁴³ РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 341, л. 3.

²⁴⁴ Там же. Л. 3.

ным принципом *liberum veto* и шляхетскими вольностями. Как отмечает исследователь, для идеологии польской шляхты всегда был характерен мессианиззм в виде защиты веры и Отечества.²⁴⁵ Одна из идей, которая была широко распространена в Польше и которую поляки стремились внедрить в сознание публики, сводилась к тому, что русские ничего не дали западным территориям, присоединенным к империи. В противовес этой позиции Д.В. Скрынченко считал, что Россия «закладывала тут здоровые зерна того, что зовется русской культурой».²⁴⁶ Это высказывание, скорее, относится к западным губерниям России, но вряд ли оно применимо по отношению собственно к Польше. Политика русского государства за пределами этнической Польши, а именно в северо-западных и юго-западных русских губерниях, сдерживала польское влияние. Именно поэтому Д.В. Скрынченко считал невозможным дать полякам равноправие на окраинах Империи: «Это значит отказаться от своих вековых исторических задач и еще хуже того – это значит помогать полякам устремлять свои взоры в сторону востока...»²⁴⁷

Д.В. Скрынченко утверждал, что никакой речи о равноправии или о расширении польских прав быть не может. Он считал, что в силу ненадежности они представляют прямую угрозу для России, и призывал подумать об очищении русских государственных учреждений от поляков.²⁴⁸ При этом он писал, что поляки всегда «выступали только врагами России, ни одного светлого момента не дает нам история русско-польских отношений».²⁴⁹ Стремление устранить существующие ограничения для поляков в западно-русских губерниях он считал «данью тому историческому сентиментализму, который причинил России и русскому народу так много вреда».²⁵⁰ Вопрос этот, как полагал Д.В. Скрынченко, искусственно под-

²⁴⁵ Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. – С. 59.

²⁴⁶ Скрынченко Д.В. Западная Русь и русская культура // Киев. 1916. № 845. – С. 1.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Скрынченко Д.В. По стопам Болгарии // Киев. 1916. № 990. – С. 2.

²⁴⁹ Там же. – С. 1.

²⁵⁰ РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 341, л. 3.

держивался «прогрессивной» интеллигенцией, которая позволяла полякам «расправляться с темным народом, потому что не обладала элементарным государственным инстинктом».²⁵¹ В одной из публикаций он писал, что ограничения в Северо-западном и Юго-западном краях, введенные после последнего польского восстания, должны быть постоянными, так они сохраняют за Белоруссией и Малороссией русский характер.²⁵² В тезисах он выдвинул обнародованное им еще в Минске предложение, согласно которому вся администрация – «от губернатора до урядника» – должна состоять из русских. Здесь же он повторил важную, с его точки зрения, мысль о русской школе как единственной для всего населения с обязательным преподаванием на русском языке. Кроме того, русский язык должен стать обязательным в костеле. Это предложение было частью общегосударственной политики, которая была направлена на резкое ограничение употребления польского языка. Польский язык рассматривался властями как основа и проявление культурного сепаратизма, от которого, как считали власти, один шаг до сепаратизма политического.²⁵³ Наконец, предводителей дворянства (этот институт оставался неизменным!) он предлагал не избирать, а назначать только из русских.

Основным вопросом, лежавшим в основании польской проблемы, был вопрос о земле. В принятых тезисах указывалось, что «земли ни в каком случае не могут переходить в руки лиц нерусского происхождения, причем существенным и единственным признаком, определяющим русскую национальность, должно считать лишь принадлежность того или иного лица к православной вере».²⁵⁴ Для решения вопроса киевские националисты предлагали создать государственный фонд для скупки польских имений. Последняя идея была предложена Д.В. Скрынченко, который полагал, что «необходимо создать государственный фонд для скупки

²⁵¹ Скрынченко Д.В. По стопам Болгарии // Киев. 1916. № 990. – С. 2.

²⁵² Скрынченко Д.В. «Весьма скромный законопроект» // Киев. 1916. № 806. – С. 2.

²⁵³ Rodkiewicz W. Russian National Policy in the Western Provinces of Empire (1863-1905). P.42, 127.

²⁵⁴ РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 341, л. 3.

польско-панских экономий в Белоруссии и Малороссии и тем разрушить эти цитадели полонизма».²⁵⁵

Наконец, в тезисах Д.В. Скрынченко предлагал сохранить преобладание русских над поляками в земствах и городских самоуправлениях. Кроме того, в тезисах содержалось предложение резко уменьшить число служащих-поляков на русских железных дорогах, так как если все же польское государство возникнет, «оно будет иметь прекрасный кадр лучших агентов для себя на наших же железных дорогах».²⁵⁶

Обсуждая судьбу западных губерний, Д.В. Скрынченко задавал естественный вопрос: «Что же будет с Белоруссией, Волынью и Литвой?»²⁵⁷ Поляки, как считал он, молчаливо подразумевают, что Россия вернет Польше земли в соответствии с границами 1772 г. Ведь поляки, активно требовавшие свобод, «нигде не говорили и не желают заявлять, что они отказываются от Белоруссии, Литвы и правобережной Малороссии...».²⁵⁸ Вопрос этот был не случайным, потому что 23 октября в Австро-Венгрии и Германии был провозглашен акт двух императоров о создании Королевства Польского, правда, без определенных границ. В ответ в декабре 1916 г. предпоследний председатель Совета министров А.Ф. Трепов объявил о провозглашении свободной Польши в унии с Россией.²⁵⁹ Сравнивая скорость принятия решений немецкого и русского правительств, можно сделать вывод, что немцы действовали быстрее, стремясь перетянуть поляков на свою сторону. Заняв «русскую» Польшу, они разрешили использовать польский язык в административной

²⁵⁵ Скрынченко Д.В. Гг. Туру и Честмиру // Киев. 1916. № 762. – С.2.

²⁵⁶ РГАЛИ, ф. 449, оп. 1. ед. хр. 341, л. 3. Наличие большого числа поляков среди железнодорожных служащих объясняется тем, что в Юго-западном крае обреталось немало бедных польских шляхтичей, которые имели право учиться и, таким образом, составляли техническую интеллигенцию. Все вместе они, как сообщает Д. Бовуа, составляли весомую группу около шестидесяти тысяч человек. – Бовуа Д. Борьба за землю на Правобережной Украине с 1863 по 1914 год: новая книга об украинско-польско-русских отношениях // Россия – Украина: история взаимоотношений. – С. 174.

²⁵⁷ Скрынченко Д.В. К польскому вопросу // Киев. 1916. № 965. – С. 1.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Тымовский М., Каневич Я., Хольцер Е. История Польши. – С. 390.

переписке и сразу же открыли в Варшаве университет и политехнический институт.²⁶⁰

Чтобы закрепить территорию западных губерний за Россией, или, как тогда выражались, располячить их, Д.В. Скрынченко предлагал открыть в Малороссии и Белоруссии православные духовные академии, общеобразовательную часть в которых следует приравнять к университетам.²⁶¹ Опыт открытия университетов (например, в Вильне) дал негативный результат – «университет стал цитаделью польского политиканства», которое дало толчок восстаниям.²⁶² Другое дело духовная академия. «Однородный православный состав слушателей, – писал Д.В. Скрынченко, – будет служить гарантией того, что академии, во всяком случае, не сделаются очагами полонизма, а постоянное пребывание молодых коренных русских в местах, где творится безудержный натиск на Русь польской культуры, будет гарантией того, что эта наша молодежь самой жизнью будет *воспитываться на основах национализма*, оваянного лучами Православия».²⁶³ Рассматривая этнополитическую ситуацию в рамках соперничества польского и русского национальных проектов, Д.В. Скрынченко справедливо писал, что с ослаблением или даже уходом Православия из западных губерний исчезнет и русскость, присущая малороссам и белорусам. «Помните, – заключал он, – что в тот момент, как уйдет из Белоруссии и Волыни Православная Церковь, отомрут от русского народа и те его ветви, которые хотя и значительно покрыты польским лаком, все же являются и сознают себя русскими».²⁶⁴ Поэтому, как он считал, «приспело время вырвать у поляков здесь то, что присвоено ими захватным порядком: приспело время определенно и без лож-

²⁶⁰ Там же. – С. 388.

²⁶¹ Скрынченко Д.В. Какие высшие учебные заведения нужны России? // Киев. 1916. № 963. – С. 2.

²⁶² Скрынченко Д.В. Какие учебные заведения нужны России? // Киев. 1916. № 962. – С. 1.

²⁶³ Там же. – С. 2.

²⁶⁴ Там же.

ной кофузливости заявить, что здесь была, должна быть и будет Русь».²⁶⁵

Отношение к полякам как к «неблагодарным» со стороны русских националистов дополнялось идеей польской интриги против России, которую поляки проводили то открыто, то латентно, но никогда от тайных действий не отказывались.²⁶⁶ Хорошо известно, что польское политическое влияние, особенно в столице, было всегда значительным. Националисты сознательно его преувеличивали, «прогрессисты» стремились преуменьшить. Поэтому любое действие властей всегда оценивалось с двух крайних позиций. В качестве примера успешной польской интриги Д.В. Скрынченко привел перемещение минского епископа Митрофана (Краснопольского) в Астрахань. Православные епископы, писал он, стали такими же чиновниками, которых можно легко перевести из одной епархии в другую, хотя исполнение обязанностей епископа требует долговременного пребывания в епархии. А перемещение епископа из Западного края, да к тому же пробывшего в Минске всего 4 года, Д.В. Скрынченко расценивал не просто как бюрократическую глупость, но видел в этом польскую интригу. Он полагал, что «поляки добиваются не только автономии этнографической Польши, но и господственного положения в Белоруссии и правобережной Малороссии».²⁶⁷ А для этого они способствовали перемещению активного епископа из Западного края куда подальше. Д.В. Скрынченко справедливо считал, что от такого рода перемещений не выигрывает ни паства, ни сами епископы, а лишь поляки, укрепляющие свое влияние на бывших своих землях.

Быть может, современного читателя, осваивающего принцип мультикультурализма, удивит та настойчивость, с которой русские националисты все время говорили о польской угрозе. Эти разговоры имели под собой определенные осно-

²⁶⁵ Ук. соч. № 963. – С. 2.

²⁶⁶ Подробнее см.: Липатов А.В. Россия и Польша: «домашний спор славян» или противостояние менталитетов? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. – С. 19.

²⁶⁷ Скрынченко Д.В. По поводу епископских перемещений // Киев. 1916. № 919. – С. 2.

вания, хотя в рядах русской бюрократии исправно и преданно несли службу тысячи поляков. На самом деле опасность, исходившая от поляков, была несоизмерима с теми вызовами, с которыми империя столкнулась к концу 1916 г. И здесь уместно задать вопрос. Насколько адекватно понимали политическую ситуацию в 1916 г. киевские, а в их лице русские националисты? Разве они не видели, не чувствовали глубинных тенденций, которые выявились перед грозным 1917 г.? Ответ на этот вопрос очевиден. С точки зрения интересов нации, русские националисты оценивали ситуацию вполне адекватно. Они видели и чувствовали грозные симптомы несчастий, от которых отмахивалась (за редким исключением вроде П.Н. Дурново) вестернизированная элита. Трагедия их заключалась в том, что, будучи националистами, не могли выйти за пределы националистического дискурса, что автоматически противопоставляло их принципу империи и даже ставило в один ряд с революционерами.

Как известно, польский вопрос нашел свое решение в конце Первой мировой войны, когда возникло независимое польское государство. Но традиционную неприязнь к Польше Д.В. Скрынченко сохранил надолго. Будучи в эмиграции в июле 1920 г. в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев и узнав о разгроме польских войск красными, он записал в дневник: «В Новом Саду прочитал, что поляки разбиты большевиками. Хотя и тяжело, что это устраняет мне возможность видеть семью, но я рад, что зазнавшаяся шляхетская Польша разбита».²⁶⁸

Последняя статья Д.В. Скрынченко вышла в газете «Киев» 31 декабря 1916 г. Этот номер стал для издания финальным – многие русские газеты и журналы в 1917 г. прекратили существование – экономическая ситуация была такова, что денег на издание просто не было. Главная идея его статьи заключалась в том, что борьба «украинцев» с русскими приводит лишь к ослаблению и тех и других, при этом «торжествует «третий радующийся», *tertius gaudens*, каковым у нас

²⁶⁸ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 44.

является поляк».²⁶⁹ Он в который раз подчеркнул зависимость украинского движения от тех же немцев, которые используют стремление к «самостийности» в своих интересах. «Да, гг. российские «украинцы», – писал он, – неумные и непрактичные вы люди; австрийские главари ваши куплены австро-германскими деньгами, а вы, если и не куплены, то являетесь слепыми рабами тех, которые, во всяком случае, знают, что делают».²⁷⁰ Прекращение «Киева» означало не только потерю заработка (что в условиях инфляции было всегда нелишним), но потерю трибуны и публики, которая сложилась у газеты. Уже в 1915 г. у редакции возникли серьезные экономические проблемы. В мае 1915 г. исполняющий обязанности редактора Павел Николаевич Ардашев, известный киевский националист, писал Д.В. Скрынченко, что правление газеты столкнулось с лавиной «неоплаченных счетов, причем частью таких, что невыплата по ним, и притом немедленная, угрожает остановкой всего дела».²⁷¹ Острый хозяйственный кризис, как назвал его редактор, привел к прекращению выплат гонораров сотрудникам (сам Ардашев в марте – апреле жалованья не получал), был введен мораторий на перевод сотрудников на месячное жалование при оплате одной строки от 3 до 5 копеек. «Я позволю себе надеяться, – писал П.Н. Ардашев, – что Вы, как один из немногих постоянных сотрудников «Киева» и один из «созидателей» газеты, следовательно, лицо не только материально, но и идейно связанное с газетой, не прекратите своего сотрудничества в газете и тем дадите возможность пережить ей трудное время в надежде на лучшие времена».²⁷² В другом письме П.Н. Ардашев сообщал, что гонорарный фонд не будет превышать 24-30 руб. за номер.²⁷³ Это означало, что тираж газеты составляет менее 1 тыс. экземпляров, что для качественной газеты было мало.

²⁶⁹ Скрынченко Д.В. Поумнеют ли? // Киев. 1916. № 1066. – С. 2.

²⁷⁰ Там же. – С. 2.

²⁷¹ П.Н. Ардашев – Д.В. Скрынченко 4 мая 1915 г. // Институт рукописей при Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 1. № 9646.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же.

В 1916 г. жизнь многих людей просто ухудшилась. Вот что вспоминал о жизни в Киеве в это время Н. Полетика: «В Киев я вернулся в сентябре 1916 года. Этот старый, красивый и чистый город нельзя было узнать: засоренные мусором улицы, переполненные вагоны трамваев (число «больных» вагонов все время росло, и чинить их становилось все труднее и труднее), тусклое освещение улиц, особенно на окраинах, очереди у лавок и булочных и дороговизна».²⁷⁴ Прекращение «Киева» стало тяжелым предзнаменованием. 1916 год был последним перед страшной чередой лет, прервавших естественное развитие России. Мы не знаем, думал ли об этом Дмитрий Васильевич в октябре 1916 г., когда Киев посетил император Николай II вместе с цесаревичем Алексеем. Итоги года были малоутешительны. Невзирая на успехи русского оружия, война затягивалась, и конца ей не было видно. Моральный климат в обществе изменился в худшую сторону, обещая беды в недалеком будущем. Украинское движение не ослабло, его так и не удалось подавить.

III

В начале XX в. идея национальной русской школы стала актуальной не только в связи с активным проникновением в русскую педагогику национальных идей. Она стала востребованной потому, что среди культурной элиты заметно распространились антигосударственные и космополитические идеи, не говоря уже об атеизме, который стал модой для просвещенной части общества. Либерально-демократическое крыло русских педагогов и учителей было настроено резко критически по отношению к самодержавию и Православию и не считало необходимым заниматься национальным воспитанием. Подобные настроения заставляли задуматься о положении и перспективах русской школы.

Приверженцы национальной школы считали, что школа не воспитывает в должной мере национальные начала в молодежи. От национальной школы, как полагали они, зависит

²⁷⁴ Полетика Н. Воспоминания // <http://poletika-nikolaj.librarius.ru/booki/wospomi/1.html>

будущее нации, ее способность существовать и развиваться. Поэтому они считали необходимым обратить особое внимание на школу, которая должна закладывать основы национального самосознания. Так, В.В. Розанов писал: «Мы учимся патриотизму – на образцах французской «чести», семейной домовитости – на исторических рассказах о швейцарцах и средневековых германцах».²⁷⁵ Положительное значение зарубежной педагогики признавалось, но для воспитания национальных начал считалось недостаточным. Не случайно выдающийся русский педагог П.Ф. Каптерев указывал: «Таким образом, от иностранцев мы узнали только половину дела: как нужно воспитывать человека; но как нужно воспитывать гражданина – этого от иностранцев мы не узнали и узнать не могли».²⁷⁶

Впервые тема национального воспитания прозвучала в трудах великого русского педагога К.Д. Ушинского, который стал основателем национального направления в русской педагогической мысли. В самом национальном направлении выделяются три течения: государственное, народно-религиозное и гражданское.²⁷⁷ Идеи государственников базировались на традиционном наборе ценностей, очерченном поздними славянофилами. Представители государственного течения настаивали на принципе преобладания русского национального начала в процессе воспитания и образования, что было основано на утверждении доминирования русских над всеми другими народами империи. Эту идею активно отстаивал профессор Варшавского университета, один из идеологов русского национализма П.И. Ковалевский. «Создательница русского государства, – писал он, – русская нация, а потому эта нация по всем божеским и человеческим правам должна быть господствующей нацией, держащей в государстве власть, управление и преобладание, или державной нацией».²⁷⁸

²⁷⁵ Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. – С. 237.

²⁷⁶ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 2000. – С. 437.

²⁷⁷ Подробнее см.: Беленчук Л.Н. Концепции национального воспитания на рубеже XIX - XX вв. // Педагогика. 1999. № 5. – С. 89; Каптерев П.Ф. Ук. соч. – С. 423.

²⁷⁸ Ковалевский П.И. Русский национализм и русское воспитание в России. М., 2006. – С. 95.

Представитель народно-религиозного течения давний корреспондент К.П. Победоносцева С.А. Рачинский полагал, что решающую роль в национальном воспитании в России следует отвести Православию. Поэтому сам С.А. Рачинский сделал немало для развития церковно-приходских школ в русской глубинке. Он считал, что только Православная Церковь может быть источником воспитания высокой нравственности, которая созвучна русской душе. Сходную позицию занимал выдающийся русский педагог П.Ф. Каптерев, утверждавший, что народность (понимаемая как совокупность национальных ценностей) и религия есть две основы образования.²⁷⁹

Если либеральная общественность ориентировалась в воспитании на т. н. «общечеловеческие ценности», то консервативная – на национальные. Включение их в жизнь школы могло бы ослабить космополитизм, который П.Ф. Каптерев рассматривал как «самый крупный и существенный недостаток нашего обычного образования и воспитания».²⁸⁰ Другой известный педагог А.А. Мусин-Пушкин самый существенный изъян русской школы также видел в космополитизме. «Наше русское юношество, – писал он, – не воспитывается в русских национальных идеалах, в духе веры, преданности Престолу и Отечеству, в уважении к родной истории, родной старине, в любви к историческому прошлому, выстраданному родным народом и составляющему поэтому его драгоценную культурную собственность; отсюда естественное и неизбежное последствие – образование целых поколений, совершенно не проникнутых родными национальными идеалами».²⁸¹

Обращение Д.В. Скрынченко к проблеме национальной школы было вызвано ростом украинского сепаратизма, с которым он столкнулся в Киеве. Активизация украинства (как называли украинский сепаратизм) проявилась в требовании открыть украинские гимназии и школы. Начало украинской

²⁷⁹ Каптерев П.Ф. Ук. соч. – С. 423.

²⁸⁰ Там же. – С. 441.

²⁸¹ Мусин-Пушкин А.А. О космополитизме нашей школы // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. М., 1990. – С. 476.

школе положил Борис Гринченко,²⁸² который, будучи сельским учителем, начал обучать детей украинскому языку в усадьбе Х.Д. Алчевской.²⁸³ Сепаратизм, возникший в Малороссии в начале XX в., делал упор на преподавании украинского языка, об опасности чего говорили многие. Видный русский филолог А.С. Будилович писал, что «пошатнулось понятие и о единстве русской национальной школы; возникли проекты раздвоения ее на национальные школы великорусскую, украинскую, а для некоторых еще и белорусскую».²⁸⁴

Как преподаватель духовной и светской школы Д.В. Скрынченко отстаивал усиление национальных начал в образовании. В 1906 г. он писал: «Русскому народу как воздух нужна национальная школа в лучшем, благородном смысле этого слова. Только такая школа в состоянии создать новую молодую Россию, крепкую, сплоченную, всеми уважаемую, могучую».²⁸⁵ Национальное воспитание, опирающееся на национальную идею и национальную школу в рамках консервативного дискурса, рассматривались как органическое, целостное, гармоническое начало. А космополитизм, наоборот, оценивался как начало механическое, что подчеркивало его примитивность и ограниченность.²⁸⁶

Проблемное состояние школы, на взгляд Д.В. Скрынченко, определялось отсутствием «общей идеи, проникающей всю школьную жизнь».²⁸⁷ Преподавание на украинском языке вызвало понятное беспокойство у властей и консервативно настроенной общественности. Стремление дать

²⁸² Гринченко Борис Дмитриевич (1863–1910), писатель, педагог, критик, языковед, общественный деятель, сторонник украинофильства. Автор первого «Словаря украинского языка». Активно боролся за право преподавания украинского языка в школе.

²⁸³ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. – С. 265–266. Алчевская Христина Даниловна (1841–1920), педагог, сочувствовала украинофильству. Создала в Харькове воскресную школу, Общество грамотности, первую общественную библиотеку. На территории своей усадьбы в Харькове установила памятник Т. Шевченко.

²⁸⁴ Будилович А.С. О единстве русского народа // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 22.

²⁸⁵ Скрынченко Д.В. По поводу текущих событий. О национализме // Минские епархиальные ведомости. 1906. № 8. Ч. неоф. – С. 197.

²⁸⁶ Розанов В.В. Космополитизм и национализм // Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. – С. 255.

²⁸⁷ Скрынченко Д.В. Национальная русская школа. Киев. 1914. – С. 6.

отпор самостийной педагогике и утвердить национальные начала, на которые должна опираться школа, подтолкнуло Д.В. Скрынченко к написанию работы «О национальной русской школе». Она была напечатана в виде серии статей в газете «Киев», и в том же году вышла отдельным изданием. Главная идея его работы заключалась в том, что школа в России как социальный институт нуждается в модернизации в национальном направлении.

По мнению Д.В. Скрынченко, национальным основам жизни в России всегда противостоял космополитизм. В этом «виновата» и отмеченная Ф.М. Достоевским общечеловечность русского национального характера, которая в России постепенно превратилась в склонность к космополитизму. Поэтому свойственная русским универсальная способность понимать чужую культуру проявилась в виде утраты национальной самобытности. Национальное начало первым утратило дворянство. Это выражалось в том, что его представители стремились стать чиновниками. «Получив образование, – писал Д.В. Скрынченко, – дворянин спешит пристроиться к чиновническому местечку».²⁸⁸ Сходную мысль высказывал известный русский педагог В.Я. Стоюнин. Причину ущербности нравственного воспитания в России он видел в пронизывающей все общество «морали чиновничества», когда целью становится не стремление к нравственным ценностям, а карьера чиновника.²⁸⁹ Д.В. Скрынченко затронул актуальную для России проблему. Слабость гражданского общества и гипертрофированная роль государства приводили к тому, что дворяне всеми правдами и неправдами стремились занять место в государственных структурах, обеспечивавших сносное существование. Все это, как он полагал, ослабляло духовный потенциал нации и усиливало влияние нерусских элементов в сфере свободных профессий.

Постановка подобной задачи приводила его к выводу, что школа должна вплотную «заняться национальным воспита-

²⁸⁸ Там же. – С.22.

²⁸⁹ Беленчук Л.Н. Ук. соч. – С. 92.

нием нашей молодежи». ²⁹⁰ При этом он призывал к позитивному национализму, который стремился к развитию русских начал, а не подавлению иных. «Воспитывать русского, – писал он, – быть русским, понимать свои обязанности как хозяина страны, прививать ему такое сознание хозяина страны, вытекающее из заветов наших предков-созидателей государства – все это вовсе не значит оскорблять нерусский элемент». ²⁹¹ Национализм, как полагал Д.В. Скрынченко, предполагает ответственность не только за судьбу русских, но и за судьбу тех народов, «которые вошли под государственную кровлю России». Решающей мерой в укреплении русских начал в школе Д.В. Скрынченко считал национальное воспитание, вобрав которое, школа должна стать «национальной, т. е. имеющей своей целью прививать юношам русское национальное сознание». ²⁹² Основная идея, которой следует подчинить образование, – идея служения родной стране и родному народу. ²⁹³ Поэтому важнейшей задачей государства он считал введение обязательного начального образования, которое уже существовало в начале XX в. в ряде европейских стран. Не смотря на то, что у государства постоянно не хватало денег и ощущался недостаток учителей, решать эту задачу было крайне необходимо, потому что грамотность народа, как выражался Д.В. Скрынченко, «есть его национальный капитал». Кроме того, обязательное начальное образование могло стать мощным препятствием на пути возникновения сепаратистских движений. А.И. Миллер резонно заметил, что, если бы государство ввело обязательное начальное обучение на русском, «украинство» как политическое течение просто не возникло, и в крае победил бы русский национальный проект. ²⁹⁴ Пойди события по этому пути, украинское движение постепенно сошло бы на нет.

²⁹⁰ Там же. – С. 26.

²⁹¹ Там же. – С. 33.

²⁹² Там же. – С. 33.

²⁹³ Там же. – С. 37.

²⁹⁴ Миллер А.И. Национализм и империя. – С. 34.

В августе 1915 г. группа в составе депутата Государственной думы от Киева С.А. Иванова,²⁹⁵ писательницы и педагога С.Ф. Русовой,²⁹⁶ журналиста Ф.П. Матушевского²⁹⁷ в связи с надвигавшейся школьной реформой вручили министру просвещения П.Н. Игнатьеву записку о необходимости реформы школы в Малороссии, предложив фактически ввести украинскую школу.²⁹⁸ В противовес обособлению малороссийских учителей, Д.В. Скрынченко призывал к «культурному собранию» России, говоря современным языком, к созданию единого культурного пространства. Акцент на проблеме национальной школы был далеко не случайным. Он был обусловлен стремлением создать в Малороссии национальную идентичность, противопоставить украинскому сепаратизму русское самосознание, которое можно утвердить при помощи распространения грамотности. Однако это стремление сразу же вызвало «презрительное и враждебное отношение к себе, и слово русификация стало почти бранным».²⁹⁹

В воспитании национального самосознания Д.В. Скрынченко особую роль отводил школьным экскурсиям. Они практиковались как важная воспитательная мера, однако не были обязательными. Лишь в октябре 1915 г. обязательность проведения экскурсий была закреплена соответствующим циркуляром Министерством народного просвещения.³⁰⁰ Летом 1914 г. Д.В. Скрынченко вместе с учениками нескольких киевских гимназий посетил знаменитые Казацкие могилы и Почаевскую Лавру. Это было его второе посещение Лавры. В 1913 г. он уже был в этом старом монастыре, чья история

²⁹⁵ Иванов Сергей Алексеевич, кадет, депутат IV Государственной думы от Киевской губернии.

²⁹⁶ Русова София Федоровна (1856–1940), педагог, основоположница украинского женского движения. Участница Киевской Громады, с 1909 г. работала на Высших женских курсах в Киеве и Фребелевском институте. В 1917 г. член Центральной рады. Активно участвовала в украинизации школы в Юго-западном крае. С 1922 г. в эмиграции.

²⁹⁷ Матушевский Ф.П., журналист, в 90-х гг. XIX в. член Киевской Громады.

²⁹⁸ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – С. 210.

²⁹⁹ Скрынченко Д.В. Необходимость собрания Руси // Киев. 1914. № 3. – С. 3.

³⁰⁰ Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX веков. Воронеж, 2004. – С. 217.

была отражением длительной борьбы Православия и католицизма. По преданию монастырь был основан монахами еще до монголо-татарского нашествия. В 1720 г. он был обращен в униатский, а когда в 1831 г. монахи оказали помощь польским инсургентам, по решению Императора Николая I монастырь передали Православной Церкви. Что касается Казацких могил, то они хранили память о казаках, сложивших головы в борьбе с польским государством. Вот как вспоминал об этих днях Дмитрий Васильевич: «Я посетил Казацкие могилы, воздвигнутые неутомимым деятелем архимандритом Почаевской Лавры Виталием Максименко,³⁰¹ могилы эти воздвигнуты на костях казаков, павших под Берестечком в 1651 г. Был и в Почаевской Лавре, высящейся в изумительно красивой местности, в 7 верстах от австрийской границы; в Лавре находится знаменитая чудотворная икона Божией Матери... и мощи св. Иова Почаевского».³⁰²

Из Киева экскурсанты сначала ехали на поезде, а затем на лошадях добрались до Казацких могил. Место это знаменито тем, что в июне 1651 г. здесь произошло сражение между польскими войсками и казаками, которых возглавлял Б. Хмельницкий. Долгое время окрестности пребывали в запустении, и лишь усилиями старого знакомца Дмитрия Васильевича по Казанской Духовной академии архимандрита Виталия (Максименко) место было обустроено, появились церковь и памятник, гостиница – словом, все, что называется современным словом инфраструктура. 6 июня, когда гимназисты прибыли к Казацким могилам, там проходили поминки по погибшим от рук поляков казакам. Туда же пришли два крестных хода. Всего же на поминовение собралось около 30 тыс. человек.³⁰³ После литургии и панихиды был устроен обед с обязательными тостами за Императора и царскую семью. Казацкие моги-

³⁰¹ Виталий (Максименко Василий Иванович, 1873–1960), в дальнейшем архиепископ Восточно-Американский и Джерсийский (1950–60). Архимандрит Почаевской Лавры.

³⁰² Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 25. Главная святыня, которую упоминает Дмитрий Васильевич, – икона Пресвятой Богородицы.

³⁰³ Скрынченко Д.В. Экскурсия на Казацкие могилы и в Почаев. (I) // Киев. 1914, № 151. – С. 5.

лы, как считал Д.В. Скрынченко, памятник особый, не случайный, он был поставлен на месте сражения поляков с казаками, когда татары, выступившие сначала союзниками русских, изменили, что решило исход битвы в пользу Польши. Сражение под Берестечком показало малороссийскому казачеству, что без помощи Москвы противостоять Польше оно не может. Поэтому, как писал Д.В. Скрынченко, «битва под Берестечком дала нам Переяславскую раду».³⁰⁴

От Казацких могил экскурсанты направились в Почаевскую Лавру. «Почаевский монастырь, – писал Д.В. Скрынченко, – производит неотразимое впечатление: великая Почаевская гора, царящий над всем монастырь, неопишуемая панорама, открывающаяся с колокольни монастыря... вы не можете оторваться от восхитительной картины, равной которой, пожалуй, и не найти».³⁰⁵ Вместе с учениками Дмитрий Васильевич молился Иову Почаевскому и прикладывался к святыне, хранившейся в монастыре – Почаевской иконе Божьей Матери. В монастыре, с радостью отмечал он, всюду видны следы деятельности архимандрита Виталия. Такого рода поездки по стране, считал Д.В. Скрынченко, нужны, чтобы воспитать чувство причастности к Отечеству, протянуть нить связи из прошлого в настоящее.

С осени 1913 г. Д.В. Скрынченко служил во II Киевской классической гимназии, где преподавал историю. В воспоминаниях он писал: «Теперь скажу о педагогической службе в Киеве, во второй классической гимназии. Директором был Иван Яковлевич Самойлович, из бывших семинаристов, окончил Московский университет, большой формалист и крайний правый по своим убеждениям; человек, в общем очень почтенный, он не понимал духа времени, не считался с ним и был крайне обескуражен, когда и в обществе и в прессе заговорили о реформах гимназий и в частности о выборных директорах, а так как и я стал и был сторонником

³⁰⁴ Скрынченко Д.В. Экскурсия на Казацкие могилы и в Почаев. (II) // Киев. 1914. № 153. – С. 5.

³⁰⁵ Скрынченко Д.В. Экскурсия на Казацкие могилы и в Почаев. (III) // Киев. 1914. № 157. – С. 5.

реформ, то он зачислил и меня в либералы (как мало тогда нужно было, для того чтобы набросить кличку «либерала»...), о чем поспешил предупредить и Попечителя Деревницкого.³⁰⁶ и целый учебный округ».³⁰⁷ Перемены, происходившие в российском обществе, не обошли стороной киевские гимназии. Так, в 1914 г. в гимназии был образован родительский комитет. Первоначально Д.В. Скрынченко опасался, что он будет представлять контрольный орган над гимназией, да еще состоящий из либеральной интеллигенции. Но комитет сыграл иную роль. Он отвечал за бытовые проблемы гимназистов, особенно обострившиеся во время частой смены власти в Киеве после февраля 1917 года. Самое главное, что родительский комитет стремился сохранить русскую школу, преподавание в которой велось бы на русском языке.

Особенно значимый импульс национальное воспитание получило с началом Первой мировой войны. При Киевском учебном округе был создан специальный «Комитет о раненых», который занимался инвалидами.³⁰⁸ После выздоровления их обучали различным ремеслам, а детям призванных на фронт оказывалась помощь.³⁰⁹ Деятельность комитета, в котором работал Д.В. Скрынченко, выражалась в организации лазаретов при гимназиях, проведении лекций и вечеров в пользу раненых и увечных воинов. На пожертвования учителей и гимназистов Киевский учебный округ организовал военно-санитарный поезд. Первые месяцы Великой войны были связаны с большими потерями в русской армии, что создало непосильную нагрузку для армейской медицинской службы. Поэтому организация госпиталей и распределение в войсках предметов личного обихода взяли на себя общественные ор-

³⁰⁶ Деревницкий Алексей Николаевич (1859-?), действительный статский советник, доктор греческой словесности. С 1885 г. служил по ведомству Министерства народного просвещения. Профессор Новороссийского и Харьковского университета. С 1905 г. попечитель Казанского, а затем Киевского учебного округа.

³⁰⁷ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 34.

³⁰⁸ Мирской Д. (Скрынченко Д). В «Комитете о раненых» Киевского учебного округа // Киев, 1915. № 418. – С. 5.

³⁰⁹ Мирской Д. (Скрынченко Д). В «Комитете о раненых» // Киев. 1915. № 520. – С. 3.

ганизации, такие как земства, а также учебные округа. Д.В. Скрынченко вспоминал: «До прихода большевиков я успел написать на своей пишущей машинке большую книгу, где говорил о пожертвованиях учеников на войну, об учениках-добровольцах на войне, случаях героизма, образовании при гимназиях лазаретов, лекциях и вечерах в пользу раненых, о самом комитете Киевского учебного округа, о устройстве им большого и прекрасного лазарета в д. № 53 на Фундуклеевской ул., устройстве им и содержании целого санитарного поезда имени В.К. Николая Николаевича, устройстве противогазовой мастерской и т. п.». ³¹⁰

Стараниями комитета был создан патронат для инвалидов и приют сиротам, чьи отцы погибли на войне. Сначала «Комитет о раненых» создал свой патронат, но в январе 1915 г. возникла идея объединить все общества, оказывающие помощь раненым и увечным. ³¹¹ Вскоре была создана мастерская по производству «газовых респираторов», так как немцы применили отравляющие вещества, в связи с чем возникла потребность начать срочно производство противогазов. ³¹² «В этом комитете, – вспоминал Д.В. Скрынченко, – работали все директора и начальницы средних учебных заведений Киева, с которыми я имел возможность ближе тогда ознакомиться, и могу отметить, что всюду тогда царил высокий патриотический подъем: война была популярна, противник – немцы – был серьезен, и не будь военное ведомство так преступно не подготовлено, война окончилась бы великим народным торжеством и славой России. Но вышло иное...». ³¹³

В 1916 г. с целью передачи пасхальных подарков, по предложению «Комитета о раненых» Киевского учебного округа, Д.В. Скрынченко совершил поездку на фронт. Пасха в 1916 г. приходилась на 10 апреля. Вечером 9 апреля небольшая делегация прибыла в одну из воинских частей. После пасхаль-

³¹⁰ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 36-37.

³¹¹ Скрынченко Д.В. Патронат для увечных воинов // Киев. 1915. № 525. – С. 3-4.

³¹² Скрынченко Д.В. В «Комитете о раненых» при учебном округе // Киев. 1915. № 545. – С. 3.

³¹³ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 37.

ного богослужения солдаты получили подарки из тыла.³¹⁴ О поездке он вспоминал в эмиграции: «...один раз я ездил с народным учителем В.В. Базилевичем на фронт под г. Черновцы и раздавал там подарки солдатам; поездка оставила во мне неизгладимое впечатление».³¹⁵ О том же он вспоминал в апреле 1933 г.: «Помню, в 1916 году наша Пасха тоже совпадала с католической. Я ездил тогда на фронт близ Черновиц. Фронт молчал, по молчаливому соглашению противников – русских и австрийцев. Лишь австрийские аэропланы высоко веяли над нами. Для нас, приехавших от Киевского учебного округа с Василием Васильевичем Базилевичем, учителем начальных учебных классов, солдат построили в каре, и мы раздавали им подарки. Помню, слезы душили меня»...³¹⁶ Впечатление Д.В. Скрынченко от поездки на фронт было положительным: «Настроение в армии прекрасное; все дышит уверенностью в том, что упорный враг скоро будет раздавлен...».³¹⁷ В корреспонденциях с фронта главная мысль была простой: мы должны победить, иначе жить не стоит.³¹⁸

«После Деревницкого, – вспоминал Д.В. Скрынченко, – попечителем округа был назначен проф. И.А. Базанов,³¹⁹ очень добродушный человек, ныне профессорствующий в Софии в Болгарии; он назначил меня председателем педагогического совета женской гимназии г-жи Трифоновой в Киеве (Большая Подвальная, д. 14)».³²⁰ Назначение говорило о том, что Д.В. Скрынченко обладал высоким гражданским и педагогическим автори-

³¹⁴ Скрынченко Д.В. На фронте в пасхальные дни. I // Киев. 1916. 19 апр. (№ 824). – С. 2; Киев. 1916. 21 апр. (№ 826). – С. 2; 1916. 22 апр. (№ 827). – С. 3.

³¹⁵ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 37.

³¹⁶ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 325.

³¹⁷ Скрынченко Д.В. На фронте в пасхальные дни. II // Киев. 1916. № 826. – С. 2.

³¹⁸ Скрынченко Д.В. На фронте в пасхальные дни. III // Киев. 1916. № 827. – С. 3.

³¹⁹ Базанов Иван Александрович (1867–1943), выпускник юридического факультета Московского университета. С 1902 г. декан юридического факультета Томского университета, с 1909 г. ректор того же университета. С 1913 г. штатный ординарный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства. С 1914 г. попечитель Казанского, а в 1915–1917 гг. – Киевского учебного округа. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, был профессором Софийского университета.

³²⁰ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 37.

тетом. Работая и в частной, и в государственной гимназии, он имел возможность сравнивать их, причем сравнение было явно не в пользу частной. По мнению Д.В. Скрынченко, в зависящих от щедрости родителей частных гимназиях «или понижается уровень общего образования, или они делаются слишком «передовыми», где ловко концентрируется противогосударственный дух».³²¹

Февральская революция многое изменила в русской системе образования, а главное, она отменила национальное воспитание в учебных заведениях. Временное правительство сразу же начало проводить реформы, которые ранее казались немыслимыми. Было разрешено убрать из учебных программ Закон Божий, в педагогических советах допускалось участие учеников.³²² Усилились родительские комитеты, без участия которых администрация гимназий и школ не могла в одиночку управлять учебным процессом. В августе 1917 г. в Москве состоялся 1-й Всероссийский съезд родительских организаций, в целом выработавший консервативную позицию, что было неудивительно. Ведь благодаря непродуманным изменениям произошло по существу разрушение образовательной системы.³²³ Естественно, что нараставший хаос и беспорядки толкали здравомыслящих людей вправо.

Родительские комитеты при Временном правительстве получили право участвовать в выборах директоров гимназий, благодаря чему Д.В. Скрынченко едва не занял директорскую должность. Он вспоминал, что «любопытно здесь на этих выборах то, что и ученики и родители выбирали меня – *правого националиста*, сторонника твердого курса в школе. Так, под влиянием революции, правело русское общество и ученическая среда».³²⁴ Причина такого выбора заключалась в том, что «никакой украинской школы ни общество, ни ученики не хотели; они не желали «украинизации» школы... и поддерживали

³²¹ Там же. – С. 37.

³²² Филоненко Т.В. Ук. соч. – С. 291-292.

³²³ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003. – С. 18.

³²⁴ Там же. – С. 36.

именно того, кто вел борьбу с украинством».³²⁵ Как известно, в период гетманата с весны 1918 г. началась украинизация школы, хотя в самом Киеве в силу преобладания русскоязычного населения этот процесс происходил крайне медленно. Когда в Киеве еще по требованию Центральной рады было объявлено об открытии гимназии на украинском языке, то из всего населения города учиться в ней пожелало не более сотни человек.

В эмиграции Д.В. Скрынченко вспоминал: «Особенно тяжело отозвалась на школе украинская эпоха, когда стали угрожать самому преподаванию на русском языке, когда в среду детей внесли рознь и когда появился детский шпионаж друг за другом; Р.К. (родительский комитет – В.К.) умел сглаживать острые углы и всеми силами стремился сберечь именно русскую школу; а как самоотверженно он отстаивал преподавание в гимназии Закона Божия, гимназическую церковь, на что так нагло наускакивали большевики; последние ввели в педагогические советы представителей учеников в размере одной трети педагогов и одного служителя; помню, как стеснительно чувствовали себя дети, голосуя при перевыборе директора, инспектора и всего педагогического совета; ученики единодушно голосовали с своими учителями, кроме одного случая: когда стали выбирать инспектора Аристова, ученики попросили удалиться для совещания и затем все голосовали против Аристова; хороший в жизни, Аристов не умел поставить себя в отношении учеников и часто бывал злым и даже жестоким, как мне говорили, и в результате они единогласно положили ему черные шары».³²⁶ Если в центральной России в декабре 1917 г. были упразднены созданные во времена Александра I учебные округа и распущены выпускные классы гимназий, то Киева эти новые веяния не коснулись. И при гетмане Скоропадском, и при Директории система образования работала по инерции на той самой основе, что была заложена в предшествующие десятилетия.

Пришедшие к власти после октябрьского переворота большевики были настроены на уничтожение старой школы и

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же. – С. 36.

имели далеко идущие планы реформ в сфере образования. Состоявшийся в марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) принял резолюцию, согласно которой школа должна превратиться «в орудие коммунистического перерождения общества». ³²⁷ Поэтому они начали с уничтожения православной веры и церкви. «При большевиках, – вспоминал Д.В. Скрынченко, – вместе с членами родительского комитета я старался спасти от закрытия гимназическую церковь; мы ее отделили от гимназии и как бы сделали из нее самостоятельный приход, но после он все-таки был закрыт». ³²⁸ Гимназии и школы при большевиках некоторое время продолжали работать, сохраняясь в практически неизменном виде, но жизнь в них перестала быть нормальной. 24 апреля 1919 г. был принят декрет СНК УССР о переходе всех частных и высших учебных заведений на государственное обеспечение. 2 июля Совнарком УССР утвердил положение «О единой трудовой школе». Вводилась единая среднеобразовательная школа, состоящая из двух ступеней. Первая ступень охватывала 1–5-е классы, вторая – 6–9-е. Все учебные заведения Киева были переданы в ведение народного комиссариата просвещения Украины. Была изменена система руководства учебными заведениями: упразднились должности директора, инспекторов, классных дам и т. п. Руководил школой педсовет, в который наряду с преподавателями входили представители учащихся старших классов. ³²⁹

Новые власти потакали «угнетенным» малороссам, поэтому с марта 1919 г. Наркомпрос Украины в качестве обязательного предмета ввел историю и географию Украины и украинский язык. ³³⁰ Новая школа, которую хотели создать большевики, не могла принять таких людей, как Дмитрий Васильевич Скрынченко. По сути дела, он столкнулся с запретом на профессию, что подтолкнуло его к эмиграции. С весны 1919 г. Д.В. Скрынченко уже не переступал порога гимназии: в советской школе ему делать было нечего.

³²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. – С. 83.

³²⁸ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 36.

³²⁹ История Киева. Киев, 1985. Т. 3, кн. I. – С. 118-119.

³³⁰ Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. – С. 56.

Орепк 11

Время потрясений

I

1917 год начался в феврале. События, которые развернулись в Петрограде, в провинции, в том числе в Киеве, были восприняты так же, как и во многих провинциальных городах империи, то есть никак. Неясно было, что произошло, и неясно было, чем кончится. Февральскую революцию никто не ждал. «Революция, – пишет Г.М. Катков, – оказалась неожиданностью еще и потому, что нигде в огромной Империи, помимо столиц, не было крупных беспорядков».³³¹ Однако по мере того как ход событий становился все более определенным, когда император отрекся, и гигантская страна начала сползать к хаосу, в консервативных слоях усилилось резко отрицательное отношение к событиям, названным современниками Февральской революцией. Д.В. Скрынченко рассматривал февральские события как катастрофу. О подобном настроении в восприятии крушения монархии вспоминал известный русский философ Н.О. Лосский. По его признанию, «Февральская революция 1917 г. вызвала во мне чувство ужаса».³³² Россия утратила старую малоэффективную государственную систему, на смену которой пришла еще менее эффективная власть безответственных людей, первым из которых следует назвать А.Ф. Керенского.

Смута 1917 года была порождена не только, как принято выражаться, социальными противоречиями. Во многом она была попыткой перегруппировки национальных отношений, попыткой политической институционализации воз-

³³¹ Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. – С. 19.

³³² Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – С. 220.

никших к 1917 г. на территории Российской империи новых национальных идентичностей. Временное правительство, сформированное в основном из представителей оппозиционной прозападно ориентированной элиты, реальной программы действий для решения национального вопроса не имело, но отлагало его решение до созыва Учредительного собрания. Слабость центральной власти приводила к тому, что национальные движения на окраинах империи становились все более радикальными. Левые и либералы, чей взгляд постепенно стали признавать эталонным, всю вину за сложившуюся ситуацию возлагали на монархию и правые партии. Поэтому положение правых в обществе стало особенно сложным. А.И. Солженицын характеризует его следующим образом: «Исповедовать правый образ жизни стало не только уже не популярно, но даже небезопасно. Безнадежно были удручаемы все, кто верил в русское самодержавие и пытался его поддерживать. На правых беспрепятственно сыпались любые клеветы. Правых били, не давая стать, и опять били. Правая вера была в обществе поругана, осмеяна, вышучена, замарана, и самим правым все очевиднее становилось, что колесо повернулось уже непоправимо. Стояли правые у могилы того, во что веровали».³³³

Для Д.В. Скрынченко единственно возможной формой правления в России была монархия. И не только потому, что в России она имела тысячелетнюю историю, а потому, что она была фундаментальным основанием жизни и предполагала личную ответственность монарха перед Богом и верность народа монарху. Д.В. Скрынченко не отвергал принцип парламентаризма: существование Государственной думы принималось большинством консерваторов и националистов. Отречение императора, которое грянуло как гром среди ясного неба, означало разрушение метафизики государства, исчезновение его мистического начала как единственно способного организовать социальную жизнь. Как отмечает исследователь, отречение имело двойкие последствия: оно

³³³ Солженицын А.И. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Т. 6. Узел III. Март семнадцатого. М., 1994. – С. 449.

отсрочило гражданскую войну, но одновременно «выбило почву из-под ног всех военных и гражданских властей, т. е. всех тех, кто в других условиях как раз мог организовать сопротивление поднимающемуся валу революции».³³⁴ В результате после образования Временного правительства, которое к тому же не было легитимным, страна начала медленно и верно погружаться в пучину хаоса, хотя значительная часть общества пребывала в иллюзиях относительно будущего.

После телеграммы А.А. Бубликова, посланной по линиям железнодорожной связи с известием о событиях в столице, три дня никаких известий из столицы в Киев не поступало, поэтому город питался исключительно слухами. Лишь после разрешения главкома Юго-Западного фронта А.А. Брусилова газеты напечатали первые вести о событиях в Петрограде. Наверно, поэтому в Киеве февральские дни переживались гораздо спокойней, чем в Петрограде или Москве. Одним из признаков минимальной стабильности было сохранение на вокзале железнодорожной полиции, которая в это время уже исчезла в обеих столицах. Но, как и в столицах, в Киеве были упразднены губернское жандармское и охранное управления. Вскоре после отречения императора в Киеве была массово обезоружена и разогнана полиция, которая исчезла с улиц, где сразу же начали править бал хулиганствующие и преступные элементы.³³⁵ Весь Бибиковский бульвар, на котором располагались 1-я и 2-я киевские гимназии, был увешан красными флагами, по улицам начались шествия молодежи, возбужденной вестями из столицы. Трагедия этих дней, что было очевидно для Дмитрия Васильевича, заключалась в том, что Россией начала управлять толпа, чернь, неспособная к созиданию. Начал рассыпаться привычный мир, а новый проявлял себя грабежами, хамством, охлократией и неопределенностью будущего.

3 марта в Киеве возник Совет рабочих депутатов, а на следующий день была создана Центральная рада, председателем которой стал М.С. Грушевский. Центральная рада, пре-

³³⁴ Катков Г.М. Февральская революция. – С. 340.

³³⁵ Харитонов В.Л. Лютнева революція 1917 року на Україні. Харків, 1966. – С. 103.

тендовавшая на то, чтобы представлять народные массы, на самом деле никем не была избрана и по сути дела являлась органом нелегитимным, самозванным. Многими Рада воспринималась как некое национально-культурное общество, не претендующее на власть. Однако 4 марта Рада разослала телеграмму политического содержания по всем городам Украины: «Высылайте депутацию к правительству с изложением неотложных требований украинского народа: украинская школа, гимназия, университет, украинский язык в правительственных учреждениях, возвращение сосланных галичан».³³⁶ Кроме Рады в Киеве большое влияние имела армия, вернее, масса солдат из тыловых и фронтовых частей. Пользуясь ситуацией, 6 марта большевики избрали свой киевский временный комитет РСДРП, в котором было немало евреев.³³⁷ Левые радикалы активизировались и выступали как противники хотя бы минимальной стабилизации.³³⁸

19 марта в Киеве состоялась украинская политическая демонстрация, в которой участвовали около 100 тыс. человек, из них почти 30 тыс. солдат. Резолюция содержала требование Учредительного собрания, которое должно было утвердить автономию Украины.³³⁹ Свои впечатления о Киеве весны 1917 г. оставила императрица Мария Федоровна, жившая в Киеве с начала 1915 г. Она писала, что в Киеве прошел праздник свободы с красными флагами и пением «Марсельезы». «И, хотя полиции не было, – писала она, – был относительный порядок. Совсем не было пьяных».³⁴⁰

Одним из характерных знаков нового порядка стал снос памятника П.А. Столыпину. В дни революции шею статуи обернули красным галстуком, что должно было выражать символическую казнь русского политика, а демонтаж памят-

³³⁶ Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). Т. 1. Январь – апрель. М. – Пг., 1923. – С. 65-66.

³³⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти на Украине. Часть первая. Киев, 1977. – С. 25.

³³⁸ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. – С. 245.

³³⁹ Авдеев Н. Ук. соч. – С. 107.

³⁴⁰ Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны // Новая и новейшая история. 1996. № 6. – С. 74.

ника был завершён 18 марта.³⁴¹ Другим признаком новой власти стало преследование офицеров. Их унижали, публично срывая погоны, конфискуя огнестрельное и холодное оружие. Это была т. н. «погонная революция» – борьба нижних чинов против офицеров.³⁴² Страну внезапно охватило эгалитаристское движение. По Киеву один за другим прокатывались манифестации, проходили митинги.

До нас не дошли сведения, как и чем жил в февральские дни Дмитрий Васильевич. Но можно полагать, что для него большая политика завершилась, потому что правые были сметены февральским смерчем и больше не считались политической силой, и таковой не являлись. Возникший политический вакуум стал быстро заполняться украинским движением. 5–7 апреля проходил Всеукраинский национальный конгресс, в котором приняли участие около 1500 человек. На нем состоялись выборы членов Центральной рады, председателем которой был избран М.С. Грушевский. Решение конгресса сводилось к требованию национально-территориальной автономии Украины в пределах федерации.³⁴³ 8 апреля на съезде после торжественного внесения знамени с изображением Т. Шевченко постановили снести памятник Николаю I перед зданием университета и поставить памятник Шевченко. В.В. Розанов в неопубликованной статье «Великороссия и Украина на киевских съездах 25 марта – 8 апреля» писал, что «великороссы не могут не быть не только встревожены, но и испуганы сепаратизмами, поднимающимися со всех сторон, тем, что Отечество расплзается по всем швам, Россия разрывается как будто на клочки; тем, что было результатом долгого исторического труда собирания Руси в единое целое, – как ни бывало».³⁴⁴

³⁴¹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. – С. 135; Гирс А.Ф. Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего киевского губернатора // Памяти П.А. Столыпина. М., 2003. – С. 291-292.

³⁴² Колоницкий Б.И. Ук. соч. – С. 249.

³⁴³ Верстюк В. Центральная рада и Временное правительство (к истории украинско-российских отношений в 1917 году) // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. – С. 213.

³⁴⁴ Розанов В.В. Великороссия и Украина на киевских съездах 25 марта – 8 апреля //

Левая часть общественности, будучи подготовлена многолетней агитацией, воспринимала распадение государства на «ура». Консервативная часть образованного общества оказалась деморализованной, разрозненной и была вынуждена «встраиваться» в новые порядки. Что касается низов, то они всегда стремились к воле, которую понимали как освобождение от любых обязанностей и законов, социальных обязательств и нравственных норм. В апреле Киев на несколько дней остался без электричества, потому что власти упустили время, чтобы противостоять половодью. В результате внезапного подъема воды сорвалось много барж, некоторые из которых столкнулись со стоявшим на приколе пассажирским пароходом. Вода подтопила электростанцию, в результате остановились генераторы, в домах и на улицах исчез свет. Не вышли газеты, и город сразу же наполнился слухами. Властям пришлось прибегнуть к частичной реквизиции свечей и керосина, чтобы выдавать его нуждающимся, в первую очередь органам управления и больницам. Город быстро терял традиционный нарядный вид и чистоту, новая милиция не могла справиться с хаосом, из тюрем под лозунгами свободы были выпущены не только политические заключенные, но и уголовники (всего освобождено было около 3 тыс. человек), участились кражи и грабежи, вечерами стало опасно выходить на улицы.

Хаос усиливался тем, что в Киеве образовалось несколько властей и город стремительно терял управляемость. На руководство претендовали Комитет общественных организаций, который сформировал свой Исполнительный комитет, заседавший в Мариинском дворце. Кроме него имелись Совет рабочих депутатов, во главе с большевиком Ю. Пятаковым, Комитет военных депутатов и командование Юго-Западным военным округом, в подчинении которого пока еще были войска. Сюда надо добавить Центральную раду, а также Киевскую городскую думу.

30 апреля в Киеве проходила монархическая демонстрация под лозунгом «Да здравствует конституционная монар-

хия!»». В ней участвовали юнкера, школа прапорщиков, гимназисты.³⁴⁵ Неизвестно, участвовал ли Д.В. Скрынченко в демонстрации, может быть, он, радуясь в душе, наблюдал ее, стоя на тротуаре. Этого мы не знаем. Но наверняка радовался и сочувствовал. 1 мая произошло два события, которые Д.В. Скрынченко наверняка воспринял как знаковые. Архиепископ Антоний был смещен Временным правительством с поста архиепископа Харьковского и Ахтырского, так как он выражал публичное несогласие с новой властью и к февральским событиям относился крайне негативно. В тот же день была установлена норма продажи хлеба. Детям полагалось $\frac{3}{4}$ фунта, взрослым – 1 фунт.³⁴⁶

Воспользовавшись ослаблением центральной власти, Центральная Рада решила действовать. 10 июня был принят I Универсал, в котором содержались требования к Временному правительству предоставить Украине национально-территориальную автономию. Он был торжественно оглашен на Софийской площади. 15 июня было создано правительство – Генеральный секретариат, председателем которого стал В.К. Винниченко, а секретарем военных дел – С. Петлюра. Несмотря на развитие украинского движения, прорусские настроения, особенно в городах, сохранились, о чем свидетельствуют итоги выборов в Киеве. 23 июня 1917 г. проходили выборы в Городскую думу, куда предстояло избрать 150 гласных. Выборы проходили по новым правилам, дотоле в России не известным: всеобщее, прямое, равное и тайное голосование. Группа Шульгина (правые) получила 25 тыс. (14,08%) голосов от общего числа и провела 18 гласных. Социалисты получили 37% (44 гласных), украинские социалисты – 20% (24 гласных).³⁴⁷ По сути дела украинское движение имело в Киеве слабую опору, о чем говорят данные сентябрьской переписи, которую проводила киевская городская управа. По полученным данным, 50,26%

³⁴⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т.1. 27 февраля – 6 мая 1917 года. М., 1957. – С. 628.

³⁴⁶ Там же. – С. 646.

³⁴⁷ Шульгин В.В. 1917–1919 // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.-СПб., 1994. – С. 197. Прим. 40.

населения были русскими, 12,21% составляли украинцы, мало-россами назвали себя 4,47% населения. В качестве родного и разговорного языка русский назвали 62,9%, украинский – 9,23%.³⁴⁸ Всего в это время в Киеве проживало около 500 тыс. человек, из них примерно 70-80 тыс. солдат и офицеров.³⁴⁹

Бездействие Временного правительства приводило к ухудшению ситуации в стране и распадению власти. 18 июня в Киеве прошли забастовки прачек, колбасников, типографий, шляпников и шляпниц, забастовали книготорговцы.³⁵⁰ Инфляция вызвала к жизни новые деньги, которые получили название «думских»: на новых кредитных билетах достоинством 10000 рублей был изображен Таврический дворец.³⁵¹ 29 июня в Киев прибыли А.Ф. Керенский, И.Г. Церетели и М.И. Терещенко для переговоров с Радой. В результате было решено, что Рада становится законодательным органом автономной провинции и ее Генеральный секретариат обретает функции краевого исполнительного органа. При этом не-украинцам Рада выделила 30% мест.³⁵² 3 июля последовал II Универсал, отложивший автономию до созыва Учредительного собрания, а Генеральный секретариат провозглашался высшим органом исполнительной власти на Украине. В.В. Шульгин вспоминал, что в июле в Киеве прошли демонстрации киевской молодежи – учащихся гимназий, которых в городе было около 20. Демонстрация, как писал В.В. Шульгин, «вышла внушительной».³⁵³ 12 августа состоялась забастовка, в которой приняли участие около 22 тыс. человек. К тому же по городу прокатывались одна за другой однодневные забастовки.³⁵⁴

³⁴⁸ Там же. – С. 298. Прим. 46.

³⁴⁹ История Киева. Т. 3, кн. I. Киев, 1985. – С. 7.

³⁵⁰ Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 г. – февраль 1918 г.). Сб. документов и материалов. Киев, 1957. – С. 131-134; 153; 171-173; 253.

³⁵¹ Малышев А.И., Таранков В.И., Смирный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. – С. 78-79, 81-82.

³⁵² Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний // Архив русской революции. Т. 5-6. М., 1991. – С. 182.

³⁵³ Шульгин В.В. 1917-1919. – С. 144.

³⁵⁴ Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 г. – февраль 1918 г.). Сб. документов и материалов. – С. 261.

26 октября в Киеве большевики начали распространять листовку, в которой говорилось о победе вооруженного восстания в Петрограде.³⁵⁵ В тот же день пробольшевицки настроенные солдаты захватили артиллерийский склад в Печерском районе и начали вывозить оттуда оружие. Тогда к складу были стянуты войска Центральной рады, в результате чего вывоз оружия прекратился. В тот же день киевская городская дума осудила действия большевиков в Петрограде.³⁵⁶ Тем не менее большевики, чей ВРК располагался в Мариинском дворце, начали лихорадочную подготовку к восстанию, тогда же во дворец завезли оружие.³⁵⁷ Понимая, что левые радикалы могут начать мятеж, штаб Киевского военного округа с помощью отрядов офицеров, которые сохранили верность присяге, юнкеров и казаков окружили Мариинский дворец, и к ночи большевики были арестованы, а найденное оружие конфисковано.³⁵⁸ 29 октября оставшиеся на свободе большевики все же подняли восстание, однако город спасли юнкера из Николаевского и Константиновского училищ, и к ночи восстание было подавлено. Тем не менее 30 октября бои возобновились, и перевес склонился на сторону инсургентов. В городе начались забастовки, причем трудно было понять, бастовали против боев вообще и за спокойствие или в поддержку большевиков. 31 октября весь Печерск перешел под контроль восставших. Надежных армейских частей у властей почти не было, верными оставались юнкера, но их было мало. Вечером того же дня штаб КВО капитулировал, что говорило о степени разложения армии: часть войск заявила о своем нейтралитете.³⁵⁹ Воспользовавшись начавшейся борьбой, войска Рады захватили почту и телеграф. 1 ноября она объявила себя верховной властью в Юго-западном крае. Таким образом, Рада пришла к власти классическим путем, когда две враждующие силы ослабили друг друга. Несмотря

³⁵⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти на Украине. Часть вторая. Киев, 1982. – С. 23.

³⁵⁶ Там же. – С. 25.

³⁵⁷ Там же. – С. 49-50.

³⁵⁸ Там же. – С. 51.

³⁵⁹ Там же. – С. 79.

на то, что к власти пришли украинские националисты, большевики чувствовали в Киеве себя весьма вольготно.

3 ноября последовал III Универсал, по которому было объявлено о создании Украинской народной республики (УНР), сохранявшей федеративную связь с Россией. Согласно III Универсалу упразднилось право частной собственности на землю, которая передавалась пахарям без выкупа. «Это был, как вспоминал А.В. Стороженко, сигнал к общему развалу и разгрому цветущего сельского хозяйства в девяти самых плодородных губерниях России и повальному грабежу».³⁶⁰

Борьба за власть не могла не сказаться на жизни обывателей. В ноябре в Киеве в результате всеобщего хаоса уменьшилась выпечка хлеба, появились очереди, в которых стояли по 6-8 часов.³⁶¹ На киевском вокзале наблюдались бесчинства солдат-отпускников или просто дезертиров.³⁶² Общее положение в Юго-западном крае можно определить однозначно: анархия. Тем не менее 26-28 ноября в Киевском избирательном округе проходили выборы в Учредительное собрание. 77% голосов получили украинские социалисты, 6% – еврейский национальный блок, 4% – большевики, 3,3% – внепартийный «Блок русских избирателей» (группа Шульгина). Набрал мало голосов, блок не смог провести в Учредительное собрание своего депутата. При этом в самом Киеве блок набрал 20,5% голосов.³⁶³ Этот блок, как позднее вспоминал В.В. Шульгин, возник на основе «Клуба русских националистов».³⁶⁴ Скорее всего, Дмитрий Васильевич голосовал именно за этот блок.

Формирование однопартийной украинской власти в Киеве моментально инициировало раскол обширного Юго-западного края. В декабре большевики, не имея возможности начать восстание в Киеве, перенесли съезд советов Украины

³⁶⁰ Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение. – С. 192-193.

³⁶¹ Победа великой Октябрьской социалистической революции и установление советской власти на Украине. Октябрь–декабрь 1917. Т. 2. Киев, 1957. – С. 108.

³⁶² Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сб. док-тов и материалов в трех томах. Т. 1. Февраль–октябрь 1917. Киев, 1957. – С. 488.

³⁶³ Шульгин В.В. 1917-1919. – С. 297-298. Прим. 45.

³⁶⁴ Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...» СПб., 1992. – С. 74.

в Харькове, где 11-12 декабря была провозглашена советская власть и было избрано правительство востока Украины – Народный секретариат.³⁶⁵ Таким образом, был намечен исторический раскол Юго-Западной России. Раскол, который с каждым десятилетием становился все глубже и глубже. В самом Киеве жить стало трудно: в конце года цены в городе выросли по сравнению с осенью на хлеб – на 61%, на мясо – на 41%, на сахар – на 246%, на коровье масло на 120%.³⁶⁶ К Рождеству Центральная Рада дала возможность населению приобрести по 6 фунтов сахара и крепкое спиртное. Правда, купить эти дефицитные продукты можно было только на новые украинские деньги, выпущенные Радой.³⁶⁷ Это были странные деньги с надписями на украинском, польском и идиш. В городе участились грабежи, которые часто совершались даже днем.

11 января 1918 г. Центральная рада приняла IV Универсал, объявивший Украину независимой от России. К этому времени «единая и неделимая» некогда империя, простиравшаяся от Вислы до Камчатки, прекратила свое существование. В.В. Розанов, который был очевидцем коллапса страны, писал: «И вот вся Русь повалилась и развалилась, как глина в мокрую погоду». И далее: «Она начала просто распадаться, деформироваться, переходить в состояние первобытности и дикости».³⁶⁸

16 января в Киеве началось новое восстание большевиков, однако мятеж левых радикалов был подавлен Центральной радой в течение шестидневных боев. К вечеру 19 января в город вступили войска Рады под командованием С. Петлюры. Как свидетельствует очевидец, в город вошел С. Петлюра «с тощими рядами украинских войск».³⁶⁹ 21 января город со-

³⁶⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти на Украине. Часть вторая. – С. 441, 449.

³⁶⁶ История Киева. Т. 3, кн. I. Киев, 1985. – С. 41.

³⁶⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сб. документов и материалов в трех томах. Т. 3. Декабрь 1917 – апрель 1918. Киев, 1957. – С. 123.

³⁶⁸ Розанов В.В. С печальным праздником // Розанов В.В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. – С. 527.

³⁶⁹ Могиланский Н.М. Трагедия Украины // Архив русской революции. Т. 11-12. М., 1991. – С. 76.

трясала орудийная стрельба – сопротивляясь, красные применили артиллерию, захваченную на железнодорожных путях. Однако силы Рады были значительны, и ей удалось подавить восстание. «Арсенал» был взят, и большевистский ВРК решил прекратить восстание. На Бибикивском бульваре расстреливали взятых в плен повстанцев. Но 23–24 января в Киев вошли красные под командованием Ю. Коцюбинского, наступавшие из Восточной Украины. Большевики обстреливали город интенсивно, выпуская несколько тысяч снарядов в день.³⁷⁰ После боев, которые длились в городе 4 дня, С. Петлюра и Центральная рада отступили на Волынь. 25 января красные сумели захватить большую часть города, а на следующий день он полностью перешел в их руки. В результате в Киев пришла советская власть.

Сразу же было принято решение о закрытии «Киевлянина» и реквизиции типографии Кульженко, в которой он печатался.³⁷¹ Комиссаром города был назначен Г. Чудновский, комиссаром финансов – И. Крейсберг, комиссаром прессы – Д. Рахштейн, комиссаром при армии – Шапиро.³⁷² Е. Бош стала секретарем по внутренним делам, по судебным – В. Люксембург, комиссаром по делам освещения, трамвая и телефона был М. Шпигель, секретарем Киевского большевицкого правительства значился И. Каплан.³⁷³ Можно представить, как должны были реагировать на подобное «возвышение» никому не известных евреев те, кто обладал влиянием и значением при старой власти. И все же, по свидетельству В.В. Зеньковского, первый приход большевиков был встречен радостно русским населением Киева, которому «было уже невтерпеж от разгулявшегося украинства».³⁷⁴

³⁷⁰ Там же. – С. 76.

³⁷¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти на Украине. Часть вторая. – С. 822.

³⁷² Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995). Ч. 2. М., 2001. – С. 141.

³⁷³ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сб. док-тов и материалов в трех томах. Т. 3. Декабрь 1917 – апрель 1918. – С. 549.

³⁷⁴ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. – С. 43.

В дни боев в городе было парализовано снабжение и торговля. «Население страдало и от недостатка пищи, которую приходилось добывать с опасностью для жизни, и от недостатка воды и света».³⁷⁵ Захват Киева большевиками вызвал хаос и открытое насилие на улицах города. Дело доходило до того, что в конце января красные издали грозный приказ о наказании расстрелом за грабежи, обыски и аресты, которые проводили отряды никому не подчинявшейся красной гвардии или выдававшие себя за таковых. Всего во время январских событий в Киеве было разгромлено 900 квартир.³⁷⁶ В конце января – начале февраля на Киевском железнодорожном узле движение транспорта прекратилось.³⁷⁷ В конце января большевиками были упразднены все судебные органы, сохранявшиеся до того времени в городе. В окружной суд, судебную палату и военно-окружной суд поступило распоряжение Народного секретарства по судебному делу, согласно которому вместо упраздняемых судебных органов создавались революционные трибуналы.³⁷⁸

Следует заметить, что террор в Киеве большевики производили весьма незначительными силами. Их было от 4 до 8 тыс. человек, по-разному вооруженных, но чрезвычайно активных и идеологически единых. Однако при новой власти в городе начались повальные грабежи, хаос усилился, резко возросли цены. По воспоминаниям Н. Полетики, «в эти три недели советской власти крестьяне прекратили подвоз продуктов в Киев, и цены на них повысились. По ночам было неспокойно. Шайки грабителей грабили на улицах прохожих и нападали на дома и квартиры. Обыватели формировали отряды самообороны. Оружие доставали в

³⁷⁵ Могиланский Н.М. Трагедия Украины. – С. 76.

³⁷⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сб. док-тов и материалов в трех томах. Т. 3. Декабрь 1917 – апрель 1918. – С. 220, 343.

³⁷⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. 11 января – 5 марта 1918 г. М., 1986. – С. 346.

³⁷⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сб. док-тов и материалов в трех томах. Т. 3. Декабрь 1917 – апрель 1918. – С. 311-312.

разгромленных складах на Печерске. У отдельных домов с грабителями происходили настоящие бои. Впервые в подъездах домов и во дворах организовали ночные дежурства жителей. Дежурные должны были стрелять по грабителям (тогда еще не трудно было купить оружие у солдат) и вызывать помощь. В одну из последних ночей перед уходом войск Муравьева из Киева было зарегистрировано 176 нападений на квартиры киевлян».³⁷⁹

Через несколько дней в Киев переехало советское украинское правительство, а в середине февраля новая власть начала обмен денег Рады на новые советские деньги. Большевики во время трехнедельного пребывания в Киеве активно расстреливали офицеров – по некоторым данным, они расстреляли около 1 тыс. человек.³⁸⁰ После прихода большевиков «началась в самом прямом смысле этого слова отвратительная бойня, избиение вне всякого разбора, суда или следствия оставшегося в городе русского офицерства, не пожелавшего участвовать в борьбе против большевиков на стороне украинцев».³⁸¹ 27 января Центральная рада в Житомире заключила мир с Германией и Австро-Венгрией, и именно полная самостоятельность, т. е. независимость от России, провозглашенная новыми украинскими властями, подтолкнула центральные державы к оккупации Украины.

Так как в 1918 г. в Советской России произошла смена Юлианского календаря на Григорианский, то после 31 января 1918 г. сразу наступило 14 февраля.

После подписания мира с Радой 18 февраля немцы начали постепенно занимать территорию Юго-западного края. Фактически подписав мир с центральными державами, Рада по сути дела отдала немцам и австрийцам земли Малороссии. 22 февраля большевики объявили Киев на осадном положении. Был введен комендантский час, выход на улицу за-

³⁷⁹ Полетика Н. Воспоминания // <http://poletika-nikolaj.librarus.ru/booki/wospomi/1.html>

³⁸⁰ Росс К. Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. – С. 375.

³⁸¹ Могиланский Н.М. Трагедия Украины. – С. 77.

претили с 10 вечера до 5 утра, при этом все ворота и подъезды следовало тщательно запирать.³⁸² Однако эти меры не спасли, и под напором немцев большевики были вынуждены эвакуировать город. Ко времени вступления немцев в Киев в городе царил хаос. Украина как единое государственное образование не существовала, возникло подобие феодальной раздробленности, причиной которой была все та же самостийность. «Вся страна, – свидетельствовал немецкий очевидец, – разделена на целый ряд отдельных областей, ограничивающихся пределами уезда, города, а иногда даже отдельными селами и деревнями».³⁸³ В феврале в Киеве ситуация была близкой к голоду, не работал железнодорожный транспорт, свирепствовала инфляция, которая сходу обесценивала имевшиеся деньги.³⁸⁴

28 апреля Центральная рада была разогнана немцами, ее сменил гетман П.П. Скоропадский. Весьма красочно описал сцену разгона Рады М. Алданов. «В зале заседаний вдруг оборвался голос оратора. Шаги остановились. Донесся подавленный гул, затем снова такой же возглас: «Руки вверх!». Потом настала полная тишина.

– По приказу германского командования... Рада объявляется распущенной, – по-русски с сильным акцентом сказал офицер. При открытых дверях в приемной было слышно каждое слово. – Приказываю всем немедленно разойтись.³⁸⁵

Это, конечно, художественное описание события, которое современники восприняли как вполне естественное: украинская Рада не была уважаемой властью, несмотря на все потуги украинского движения. Живший в эмиграции Л. Андреев сделал в мае 1918 г. характерную запись в дневнике: «Ничтожны, гнусны и безбожно малоумны украинцы, их «Рада», кажется, уже упраздненная, впрочем, немцами за ненужностью».³⁸⁶

³⁸² Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. Киев, 1967. – С. 4.

³⁸³ Росс К. Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года. – С. 369.

³⁸⁴ Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 г. – февраль 1918 г.). Сб. документов и материалов. – С. 585-586.

³⁸⁵ Алданов М. Ключ. Бегство. М., 1998. – С. 461-462.

³⁸⁶ Андреев Л. С.О.С. Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью

Интересно, что установление власти гетмана не вызвало никакого сопротивления, равно как и энтузиазма.³⁸⁷ Гетман опубликовал воззвание, в котором восстанавливались права частной собственности «как основа культуры и цивилизации».³⁸⁸ Но с как раз с цивилизационными началами было сложно: в Киеве был отключен телефон. Стало трудно узнать новости. К. Паустовский вспоминал: «Жизнь в Киеве в то время напоминала пир во время чумы. Открылось множество кофеен и ресторанов, где сладостей и еды хватало не больше чем на тридцать посетителей. Но внешне все производило впечатление потрепанного богатства. Население города почти удвоилось за счет москвичей и петроградцев».³⁸⁹ О том же вспоминал В. Шкловский: «Киев был полон людей. Буржуазия и интеллигенция России зимовали в нем».³⁹⁰

В материальном плане жизнь в Киеве все еще разительнее отличалась от того, что творилось в России. М. Алданов, который жил в Киеве летом 1918 года, в романе «Бегство» писал об изобилии в Киеве, о белом хлебе и пирожках, которые в остальной России были уже забыты. Из воспоминаний А.С. Бубнова, одного из руководителей большевиков на Киевщине: «В самом Киеве – наряженная толпа на Крещатике, рестораны, сады забыты, мелькают генеральские мундиры и безусые лица юнкеров».³⁹¹ Летний Киев 1918 г. при всей экзотичности новоиспеченной державы напоминал, по меткому замечанию В.В. Шульгина, немецкий Кобленц, где в конце XVIII в. собралась французская эмиграция и просто люди, бежавшие от ужасов революции.³⁹² Режим Скоропадского, опиравшийся на немцев, с началом революции в Германии потерял почву под ногами. 11 ноября немецкими и австрийскими солдатами были созданы Советы солдатских

(1919). Воспоминания современников (1918–1919). М. – СПб., 1994. – С. 81.

³⁸⁷ Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний. – С. 230.

³⁸⁸ Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. – С. 132.

³⁸⁹ Паустовский К. Повесть о жизни. Т. 1. М., 1966. – С. 757.

³⁹⁰ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. – С. 166.

³⁹¹ В защиту революции. Воспоминания участников борьбы за власть Советов и начало социалистического строительства в Киеве и на Киевщине. Киев, 1997. – С.128.

³⁹² Шульгин В.В. 1917–1919. – С. 317.

депутатов, что означало начало разложения оккупационной армии.³⁹³ А 13 ноября состоялось заседание Большого солдатского совета немецких войск, где приняли решение не вмешиваться во внутренние дела украинского населения. 14 декабря П.П. Скоропадский бежал из Киева, к власти вернулись радикальные украинские круги, и в Киеве была провозглашена Директория во главе с В.К. Винниченко, а С. Петлюра стал главным атаманом республиканских войск. В тот же день на волне антигерманского движения войска С. Петлюры вступили в Киев. Д.В. Скрынченко и его семья пережили страшные дни, когда в Киеве шли бои между войсками Директории и гетмана.

Пришедшая к власти Директория реанимировала старое название – Украинская народная республика. В Киеве распорядился полковник Евгений Коновалец, бывший австрийский офицер и галичанин. По его приказу в течение трех дней все вывески над магазинами на русском было приказано заменить украинскими, на чем маляры заработали большие деньги.³⁹⁴ Внешне режим Директории всерьез воспринимать было невозможно. По воспоминаниям Н. Полетики, «Директория приложила все усилия, чтобы загримировать Киев под старосветскую Украину, под какой-то увеличенный Миргород или Кобеляки. Старинная этнография Украины была воскрешена в полном блеске. Но от всего этого несло за версту самым настоящим провинциализмом. Опереточные гайдамаки в синих жупанах (поддевах) бродили по Крещатику со стремянками, снимали с магазинов и зданий русские вывески и вешали украинские или закрашивали русские названия».³⁹⁵

Директория сразу же ввела в городе осадное положение, митинги и собрания запрещались. Петлюра оставался у власти в Киеве примерно шесть недель, которые отличались, по воспоминаниям очевидцев, проявлениями украинского на-

³⁹³ Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. – С. 411.

³⁹⁴ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. – С. 182.

³⁹⁵ Полетика Н. Воспоминания // <http://poletika-nikolaj.librarus.ru/booki/wospomi/1.html>

ционализма, еврейскими погромами и русофобией. Свидетели событий отмечают особенно, что время Директории в Киеве было временем налетов, грабежей, вымогательств.³⁹⁶ Вот что вспоминал через пять лет В. Шкловский: «Хуже всех были украинцы: они расстреливали вообще большевиков как русских и русских как большевиков».³⁹⁷ «Петлюра, вспоминал К. Паустовский, привез с собой так называемый галицийский язык – довольно тяжеловесный и полный заимствований из других языков».³⁹⁸ Не случайно М.А. Булгаков писал: «Самый ужасный год в России был 1918-й. Хуже его был только 1919-й».

В начале февраля 1919 г. власть в Киеве снова переменялась: в город внезапно вошли красные.³⁹⁹ 2 февраля С. Петлюра бежал. Д.В. Скрынченко чудом удалось избежать ареста красными, потому что с приходом большевиков в Киев опять начались массовые аресты и расстрелы. «По счету Красного Креста, – вспоминал В.В. Шульгин, – расстреляно было несколько тысяч человек».⁴⁰⁰ Одним из первых приказов красных был приказ о выселении «буржуев» из квартир и вселении туда бедноты. Кроме того, большевики ввели комендантский час. Для наведения революционного порядка в Киев прибыл известный своей жестокостью и бескомпромиссностью чекист Я. Петерс.⁴⁰¹ 2 апреля председателем украинской ЧК назначен М. Лацис, а 15 апреля был создан Верховный ревтрибунал при ЦИК Украины.

С 22 марта началось повальное переименование большевиками киевских улиц, многим из которых давались имена большевистских деятелей, происходивших из евреев. В.Г. Короленко, проживавший в это время в Полтаве, сделал в своем дневнике следующую запись: «Среди большевиков – много евреев и евреек. И черта их – крайняя бестактность и

³⁹⁶ Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний. – С. 234.

³⁹⁷ Шкловский В. Ук. соч. – С. 168.

³⁹⁸ Паустовский К. Повесть о жизни. Т. 1. – С. 784.

³⁹⁹ История Киева. Т. 3, кн. I. – С. 73.

⁴⁰⁰ Шульгин В.В. 1917–1919. – С. 195.

⁴⁰¹ См.: Л-ой Л. Очерки жизни в Киеве в 1919–20 гг. // Архив русской революции. Т. 3-4. М., 1991. – С. 212, 216.

самоуверенность, которые кидаются в глаза и раздражают. Наглости много и у не-евреев, но она особенно кидается в глаза в этом национальном облике». ⁴⁰² А.И. Солженицын подытожил этот процесс следующим образом: «А для множества русских людей, от простолюдина хоть и до генерала, ошеломительное впечатление произвела – ото всех ораторов и правителей митингов и собраний – внезапная, бившая в глаза смена обличья тех лиц, кто начальствует или управляет». ⁴⁰³ В середине мая В.Г. Короленко в Полтаве записал: «Коммуния» встречает всюду ненависть. Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты». ⁴⁰⁴ Заметим, что строки эти написаны одним из виднейших гуманистов дореволюционной России, человеком, который освещал процесс Бейлиса с демократических позиций и всегда относился к евреям с глубоким сочувствием.

В мае в Киев прибыл один из вождей революции Л. Троцкий. 20 мая на митинге он произнес речь, в которой были слова, открывавшие террору «зеленую улицу»: «насилие рабочих есть священное насилие». Об этих страшных днях Д.В. Скрынченко вспоминал в эмиграции: «Русскую литературу и язык преподавали Иван Кириллович Воронцов и Савва Филиппович Шевченко; первый – добрый человек, слабовольный, бесхарактерный; у него я скрывался и не раз переночевывал при большевиках; один раз, когда я пришел к нему для переночевки, он был на заседании домового комитета и возвратился взволнованным: оказывается, большевики издали приказ убивать и хозяев, у которых скрываются «контрреволюционеры»; мне было жаль его, перепуганного еще и тем, что в эту ночь большевики устроили «облаву» в доме напротив, но уйти от него и успокоить я не мог, так как было время после 7 час. вечера, после которого часа воспрещалось ходить по улицам; я забыл

⁴⁰² Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. М., 1990. – С. 97.

⁴⁰³ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 2. – С. 61.

⁴⁰⁴ Негретов П.И. Ук. соч. – С. 97.

о собственном тяжелом положении и внутренне молился Богу, чтобы Воронцов не пострадал из-за меня... Странное, подлое время... неужели оно еще продолжается там?». ⁴⁰⁵ Н. Полетика, живший в это время в Киеве, вспоминал: «В мае 1919 года, когда атаман Григорьев и его взбунтовавшиеся войска (они составляли часть Красной армии) стали угрожать Киеву, произошла очередная вспышка «классового террора». Власти по найденному у кого-то списку членов Клуба националистов арестовали несколько десятков человек. Их обвинили в организации заговора для свержения советской власти. В числе арестованных были русские купцы, домовладельцы, профессора, в том числе зав. кафедрой истории славян Киевского университета профессор Т.С. Флоринский. Всех их расстреляли». ⁴⁰⁶

Летом 1919 г. в Киеве действовало семь чрезвычайных комиссий. Первыми их жертвами стали 68 киевлян, значившиеся в обнаруженном красными списках «Киевского клуба националистов». ⁴⁰⁷ В.В. Шульгин в эмиграции писал, что когда в Киев пришли большевики, они обнаружили список членов «Клуба» за 1911 год и тех, кого сумели найти в городе, уничтожили. Д.В. Скрынченко не попал в расстрельные списки потому, что приехал в Киев в 1913 г., это его и спасло. Расстрелы коснулись не только интеллигенции, в число уничтоженных новой властью входили люди, которые были высокопоставленными чиновниками, ничего общего не имевшими с бывшими силовыми ведомствами. ⁴⁰⁸ Всего в Киеве летом 1919 г. большевиками были расстреляны почти 3000 человек, а по сведениям комиссии Рерберга – 4800. Общее же число погибших в Киеве при большевиках составляет не менее 12 тыс. человек. ⁴⁰⁹

⁴⁰⁵ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 35.

⁴⁰⁶ Полетика Н. Воспоминания // <http://poletika-nikolaj.librarus.ru/booki/wospomi/1.html>

⁴⁰⁷ Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний. – С. 251.

⁴⁰⁸ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Л., 1992. – С. 255.

⁴⁰⁹ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. – С. 47-48.

19 июля губком обороны красных разрешил «арестовывать всех, выступающих против советской власти, брать заложников из числа богатых и в случае контрреволюционных выступлений расстреливать их».⁴¹⁰ Именно летом 1919 г. обнажилась антинациональная сущность революции – так, в Киеве большевики собирались превратить Владимирский собор в дешевую столовую.⁴¹¹ Д.В. Скрынченко вспоминал: «...из евреев ко мне приходил Казаков, ставший затем большевиком и убитый в рядах большевических войск где-то под Белой Церковью, еврей Антокольский, обвиненный при гетмане в том, что будто бы служил в чрезвычайке, и даже сидевший в тюрьме; он, несомненно, был близок к чрезвычайке, и один раз, рано утром, когда я, после ночного плутания в лесу Голосеевской пустыни, возвращался в свою квартиру, он, встретивши меня, советовал скрыться из Киева; он шел именно из чрезвычайки... Но куда было бежать, да еще без денег и от неимущей семьи? И я стал менять ночевки – то в Пуще-Водице, то на даче прот. Н. Рыбчинского, то в имении Михайловского монастыря и т. д.; в последнем монахи встретили меня крайне недружелюбно, тем более что вблизи проходил «фронт» большевиков с украинцами; я все-таки переночевал тут в сеннике. Господи, что пережилось и передумалось тогда!...».⁴¹²

К концу лета к Киеву подошли белые. А.В. Стороженко вспоминал, что «17 августа ст. ст. 1919 г. начался необычными впечатлениями. С утра слышался с запада гул отдаленной канонады. Отовсюду поползли вести, будто большевики собираются уходить, будто Раковскому отвезли из кладовой конторы Государственного банка в дом Могилевцева на Левашевской улице, где он жил, «торбу» с награбленными им бриллиантами, и не то он улетел на аэроплане, не то отплыл на пароходе, будто в шестнадцати киевских «чрезвычайках» в течение ночи расстреливали запас заключенных, чтобы

⁴¹⁰ Там же. – С. 108.

⁴¹¹ Красный террор в годы Гражданской войны. – С. 271.

⁴¹² Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 35.

не дать им уйти на свободу». ⁴¹³ В день ухода из Киева большевики расстреляли в Лукьяновской тюрьме 1500 человек. 30 августа красные ушли из Киева. ⁴¹⁴

31 августа в Киев почти одновременно вошли войска А.И. Деникина и С. Петлюры, но украинские части были быстро вытеснены белыми и ретировались. После прихода в Киев белых казалось, что наконец-то восстановится порядок. В город вернулись ставшие уже привычными «керенки». Но власть белых оказалось неустойчивой и недолгой. Почти сразу же начались проявления антисемитизма. Это было своеобразной реакцией на то, какую роль играли евреи в революции. Очевидец этих событий писал: «Но все, без исключения, отождествляют евреев с большевиками, и все, без исключения, требуют для них наказания». ⁴¹⁵ Не секрет, что евреи играли заметную (но далеко не определяющую) роль в русской революции. Их динамичность и недовольство ограничениями при царском режиме неизбежно приводила их в стан большевиков. Очень точно и образно эту ситуацию обрисовал А.И. Солженицын: «Но, когда переворот уже свершился, активное молодое секуляризованное еврейство легко и быстро совершило перепрыг с коня на коня – и с меньшей уверенностью погнало теперь в большевицкой скачке». ⁴¹⁶ Когда Добровольческая армия вошла в Киев, возобновивший выход «Киевлянин» опубликовал списки расстрелянных – это были почти сплошь славянские имена. При этом было известно, что 75% членов киевской ЧК были евреями. ⁴¹⁷

Внезапно 1 октября красные захватили центральные районы Киева. Это была интернациональная бригада, состоявшая из венгров и китайцев. Белые откатились в пригороды и на окраины. Население города охватила паника. В.В. Шульгин вспоминал, как на Покров начался исход, из города ушли более 60 тыс. русских, при этом было хорошо за-

⁴¹³ Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение. – С. 224.

⁴¹⁴ История Киева. Т. 3, кн. I. – С. 94.

⁴¹⁵ Л-ой Л. Очерки жизни в Киеве в 1919 – 20 гг. – С. 217.

⁴¹⁶ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995). Ч. 2. – С. 100.

⁴¹⁷ Там же. – С. 134.

метно, что евреев среди уходивших не было, хотя в Киеве к этому времени их было больше 100 тыс. и они составлял 21% населения.⁴¹⁸ Бывший редактор «Киевлянина» с горечью писал: «Евреи не захотели разделить нашу судьбу. И этим провели между собой и нами новую и, может быть, самую глубокую борозду».⁴¹⁹ 4 октября после продолжительного боя белые под командованием генерала А.М. Драгомирова снова вошли в город, который снова погрузился в хаос.⁴²⁰ 19 октября И. Эренбург свидетельствовал: «С Аскольдовой могилы, взглянув вниз, я увидел бесконечные толпы людей, идущих все туда же, на восток».⁴²¹ 22 ноября Д.В. Скрынченко навсегда покинул Киев, а 16 декабря его оставила армия Деникина.⁴²²

II

Крушение империи означало, что большая политика, в которой участвовал Д.В. Скрынченко, исчезла. Весной 1917 г. украинский сепаратизм вышел из полуполюгального состояния и открыто о себе заявил. Церковный сепаратизм был порождением политического сепаратизма, и возник он не в церковной среде, а в среде интеллигентов, из которых состояло украинское движение.⁴²³ В то же время часть духовенства, особенно в семинариях Киевской и Полтавской губерний, оказалась восприимчивой к социализму, замешанному на идеях украинского сепаратизма. Из синтеза того и другого, как отмечает А.В. Стороженко, «сформировалась украинская партия среди южнорусского духовенства, и с началом революции 1917 г. всплыла на поверхность взбаламученной русской жизни».⁴²⁴ Лозунги церковной автономии и автоке-

⁴¹⁸ Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. – С. 124; подробнее см.: Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995). Ч. 2. – С. 135-136.

⁴¹⁹ Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. – С. 124.

⁴²⁰ Шульгин В.В. 1917–1919. – С. 327 (прим.).

⁴²¹ Эренбург И. На тонущем корабле. Статьи и фельетоны 1917–1919 гг. СПб., 2000. – С. 146.

⁴²² История Киева. Т. 3, кн. I. – С. 97.

⁴²³ Фотиев К., прот. Попытки церковной украинской автокефалии в XX в. // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX ст. М., 1997. – С. 19.

⁴²⁴ Царинный А. (Стороженко А.В.) Украинское движение. – С. 202.

фалии Православной Церкви на Украине впервые прозвучали на епархиальных съездах духовенства и мирян Киевской и Полтавской губерний весной-летом 1917 г. Вскоре после образования Временного правительства в Киеве прошло городское пастырское собрание, заявившее о своей поддержке Центральной рады, куда был делегирован один из самых активных сторонников отделения Украинской Церкви протоиерей Н. Шараевский.⁴²⁵ На проходившем 12–18 апреля епархиальном Киевском съезде протоиерей В. Липковский заявил о необходимости отделения Украинской Церкви вслед за получением Украиной автономии. Выступления эти погоды в Юго-западном крае не сделали: в церковной среде влияние автокефалистов было минимальным, консервативно-русские силы поддерживались большей частью духовенства и мирян Малороссии.

«Украинское церковное возрождение» началось с образования инициативной группы, в которую входили упомянутые выше священники. Одновременно возникло 3 или 4 украинских прихода в районе Киева. Воспользовавшись ситуацией, весной 1917 г. автокефалисты образовали Комитет по созыву Всеукраинского Православного Церковного Собора, в ноябре того же года он был преобразован во Всеукраинскую Православную Церковную Раду (ВЦПР), которая ставила своей целью созвать особый Всеукраинский Собор и создать Автокефальную Украинскую Церковь.⁴²⁶ Принятый 3 ноября 1917 г. III Универсал Центральной рады (по которому было объявлено о создании Украинской народной республики) и активизация украинского движения, как писал Д.В. Скрынченко, «положительно вскружили головы и цер-

⁴²⁵ Нестор Шараевский сначала примыкал к русским националистам, а в 1917 году переквалифицировался в украинские националисты. В 1921 году при советской власти он стал одним из первых «самосвятских» архиереев. Свое название эта церковная группировка получила потому, что первую архиерейскую хиротонию совершали не архиереи, как это положено по канонам, а группа священников и мирян, возложившая руки на голову ставленника. В «Воспоминаниях» Д.В. Скрынченко писал, что «протоиерей Нестор Шараевский, алкоголик, потерявший золотой наперсный крест, будучи пьяным; он также заделался в украинцы и поставлен был при живой жене в епископы».

– Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 33.

⁴²⁶ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – С. 46.

ковных украинских шовинистов: они самочинно решили созвать Украинский Церковный Собор» и признали, чтобы на собор «избираемы были только украинцы *по происхождению и убеждениям*». ⁴²⁷

По воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), в ВЦПР входило примерно 50 человек. ⁴²⁸ Рада провозгласила себя временным органом по управлению Православной Церковью на Украине. ⁴²⁹ На волне протестов она назначила своих представителей во все консистории епархий Юго-западного края. Активность небольшой группы автокефалистов не могла не вызвать противодействия со стороны мирян и духовенства, не допускавших даже в мыслях раскола Русской Православной Церкви. Поэтому в противовес Церковной Раде 24 ноября 1917 г. состоялось собрание Союза приходских советов Киева, председателем которого стал известный историк А.В. Стороженко, а товарищем председателя – Д.В. Скрынченко. Собрание постановило: всеми силами протестовать против неканонической попытки создать Автокефальную Украинскую Церковь, что может привести ее сначала к унии, а потом и к полному подчинению Риму.

13 декабря состоялось общее собрание Союза приходских советов Киева, на котором Д.В. Скрынченко выступил с докладом об автокефалии Украинской Церкви. Резолюция, которую он предложил собранию, расценивала отделение Украинской Церкви от Русской как акт, разрушающий церковную жизнь и ведущий к ее упадку. ⁴³⁰ Дабы нейтрализовать влияние и активность ВЦПР, Союз приходских советов 13 декабря постановил «созвать областной Украинский Собор, но не на основаниях Церковной Рады, а на одинаковых

⁴²⁷ Скрынченко Д.В. Всеукраинский Церковный Собор (Записки участника) // Малая Русь (Киев). 1918. Вып. 3. – С. 29-30; его же. Всеукраинский Церковный Собор // Киевский епархиальный вестник. 1918. № 4.

⁴²⁸ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – С. 292.

⁴²⁹ Всеукраинская Православная Церковная Рада // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. – С. 694; Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. – С. 40.

⁴³⁰ З.Д. (Скрынченко Д.В.) Общее собрание союза приходских советов // Киевлянин. 1917. № 272. – С. 3.

основаниях со Всероссийским Собором».⁴³¹ Представители Союза приходских советов обратились к Патриарху Тихону с призывом запретить проведение Всеукраинского Собора и лишить сана священников-автокефалистов, которые были членами ВЦПР. В то же время под влиянием политических перемен ряд епархиальных и благочинных съездов духовенства Юго-западного края высказался за проведение особого Всеукраинского Церковного Собора с целью обсуждения насущных проблем церковной жизни. Киевский митрополит Владимир (Богоявленский) отнесся к идее созыва съезда отрицательно, справедливо полагая, что он может быть использован как платформа для достижения автокефалии. Запрет на проведение съезда был подтвержден и обер-прокурором Синода А.В. Карташовым.⁴³²

После захвата большевиками власти в Петрограде сепаратистское движение в Юго-западном крае резко активизировалось. Оно получило поддержку на III Всеукраинском военном съезде, который 9 ноября 1917 г. принял резолюцию о независимой и Автокефальной Украинской Церкви с богослужением на украинском языке.⁴³³ Вдохновленная поддержкой военных, ВЦПР решила созвать Собор 28 декабря 1917 г. В ответ делегаты от Малороссии на Всероссийском Поместном Соборе решили перехватить инициативу и провести в Киеве Всеукраинский Собор под председательством митрополита Владимира (Богоявленского), дабы подтвердить единство Русской Церкви. В Соборе разрешили принять участие тем членам Всеукраинской Православной Церковной Рады, которые будут избраны законным путем. Для подготовки Собора была создана Предсоборная Рада (Предсоборное собрание), председателем которой стал епископ Екатеринославский Агапит (Вишнев-

⁴³¹ Скрынченко Д.В. Всеукраинский Церковный Собор (Записки участника) // Малая Русь (Киев). 1918. Вып. 3. – С. 30.

⁴³² Всеукраинский Православный Церковный Собор // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. – С. 696.

⁴³³ Подробнее см.: Петрушко В.И. Всеукраинский Православный Церковный Собор 1918 года: возникновение идеи и подготовка к проведению // XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. Т. 1. М., 2005. – С. 281.

ский), а заместителем его – представитель ВЦПР священник-сепаратист А. Марычев.

Всего в совещании приняли участие 25 человек – церковные, политические и общественные деятели Киева, а также прибывший со Всероссийского Поместного Собора митрополит Платон (Рождественский).⁴³⁴ Д.В. Скрынченко оставил описание происходившего: «19 декабря в покоях епископа Никодима состоялось общее собрание этих союзов⁴³⁵ под председательством митрополита Владимира и в присутствии митрополита Платона, на котором с горячей речью выступил и пишущий эти строки, требуя созыва Собора на правильных началах...».⁴³⁶ Представитель Патриарха митрополит Платон, испытав беспрецедентное давление со стороны членов Церковной Рады, в конце концов уступил ее требованиям созвать Собор 28 декабря, хотя Союз приходских советов требовал перенести открытие на февраль 1918 г. Определенную опасность представляло и то, что ВЦПР планировала целиком войти в состав Собора, не будучи уравновешена сторонниками единой Православной Церкви. Правда, предполагалось, что ВЦПР после начала Собора должна самораспуститься.⁴³⁷

После окончания 1-й сессии Собора Д.В. Скрынченко опубликовал записки, в которых дал хроникально-аналитическое изложение хода Собора, опиравшееся на его публикации в текущей печати.⁴³⁸ Оно по сей день остается одним из надежных источников по истории Православия на Украине, так как протоколы первых 9 пленарных заседаний и комиссий Собора не сохранились, скорее всего, они погибли при взятии Ки-

⁴³⁴ Он возглавлял делегацию Всероссийского Церковного Собора, в которую входили проф. – С. Котляревский, философ Е. Трубецкой и малороссийские делегаты священник И. Ботвиновский и К. Мирович. – Петрушко В.И. Ук. соч. – С. 283.

⁴³⁵ Т. е. Союза пастырей и Союза приходских советов г. Киева.

⁴³⁶ Скрынченко Д.В. Всеукраинский Церковный Собор (Записки участника). – С. 33.

⁴³⁷ Чернышов В. Автокефалистское движение в Украине и возникновение украинского самосвящества // http://ukrstor.cjm/ukrstor/cernysov_avtokefalia.htm

⁴³⁸ См., например: Всероссийский съезд духовенства и мирян // Киевлянин. 1917. № 150. – С. 1-2; Церковная жизнь // Киевлянин. 1917. № 160. – С. 2; В религиозно-философском обществе // Киевлянин. 1917. № 210. – С. 2; Всеукраинский Церковный Собор. Киевлянин // 1917. № 210. – С. 2; Что делается в киевских церковных сферах // Киевлянин. 1917. № 272. – С. 3.

ева большевиками в январе 1918 г. Ему мы обязаны тем, что многие детали этой драматической истории, начатой украинствующими священниками, дошли до нас. О своей жизни в этот период Д.В. Скрынченко вспоминал: «Служба в гимназии, необходимость приготовления к урокам, посещение учреждений и лиц в информационных целях, печатание статей на машинке, посещение редакций, посещение всевозможных собраний, работа на Украинском Соборе (надо было идти в Печерскую Лавру на заседания) – все это меня нервировало и бесконечно утомляло; теперь я удивляюсь, как мог я выносить такую жизнь; только молодость да жажда служить Родине, при сознании, какой штурм идет незримо для многих на Россию, давали мне силы выносить такую каторжную работу».⁴³⁹

Несмотря на то, что день открытия Собора близился, объявлений о его открытии не появлялось. Неопределенность срока созыва Собора проявилась в том, что в «Киевлянине» 22 декабря была напечатана заметка, в которой протоиерей В. Липковский утверждал, что Собор откроется 28 декабря.⁴⁴⁰ Это было ложное сообщение, исходившее от ВЦПР, хотя оно содержало ссылку на одобрение срока созыва Собора митрополитами Владимиром и Платоном. 29 декабря на первой полосе «Киевлянина» появилась статья Д.В. Скрынченко, в которой он рассказал о членах самозванной Церковной Рады, которые объявили себя членами консистории и даже начали от имени консистории рассылать бумаги о созыве Собора, хотя, как писал Д.В. Скрынченко, «Св. Синод не утверждал в таком звании этих лиц».⁴⁴¹ Здесь же он поведал об угрозах митрополиту Владимиру со стороны ВЦПР, члены которой то предлагали ему стать украинским Патриархом, то настойчиво предлагали ему уехать из Киева.⁴⁴²

Об отсутствии объективной информации о созыве Собора говорит тот факт, что 30 декабря к Д.В. Скрынченко с утра

⁴³⁹ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 34.

⁴⁴⁰ Созыв Всеукраинского Церковного Собора // Киевлянин. 1917. № 281. – С. 2.

⁴⁴¹ Залужный Д. (Скрынченко Д.В.). К Украинскому Церковному Собору // Киевлянин. 1917. № 277. – С. 1.

⁴⁴² Там же.

зашел харьковский протоиерей И. Захаржевский. Он был прислан митрополитом Антонием (Храповицким) «*узнать что-нибудь о Соборе, будет ли он и когда именно откроется*» (курсив Д.В. Скрынченко – В.К.).⁴⁴³ 1 января в 19 часов открылось Предсоборное совещание, на котором члены Церковной Рады настаивали на немедленном открытии Собора, а возражавшие им митрополит Платон и Д.В. Скрынченко утверждали, что Собор открывать не следует, так как нет кворума, к тому же в некоторых епархиях выборов не проводили.

На следующий день ситуация повторилась: Д.В. Скрынченко выступал и убеждал присутствующих, что Собор открывать нельзя.⁴⁴⁴ В Предсоборном совещании члены Церковной Рады напористо вели агрессивную пропаганду. Возражая им, Д.В. Скрынченко приводил, прежде всего, нравственные доводы, которые, как ему казалось, в православной аудитории должны быть непременно услышаны. Он призывал к терпимости, к тому, чтобы не допускать «выражения, которые непозволительны для великого собрания, а тем более для церковного, дело Христово, дело церковное должно делаться в атмосфере не вражды взаимной, а доброжелательства».⁴⁴⁵ По мнению Д.В. Скрынченко, члены ВЦПР шантажировали Предсоборное собрание и обманули его, когда инициировали проведение молебна на Соборной площади перед войсками. Они заявили, что «на молебен придут войска и представители общественных кругов, а между тем никого на площади, кроме группы депутатов, не было, и старый митрополит вместе с епископатом вышли на площадь и служили молебен при большом холоде. Многие стали говорить, что это моление имело особую, скрытую подкладку».⁴⁴⁶

Члены Церковной Рады задолго до начала Собора начали кампанию по дискредитации Союза приходских советов Киева, на что его руководство вынуждено было ответить. В письме в редакцию «Киевлянина» А.В. Стороженко и

⁴⁴³ Скрынченко Д.В. Всеукраинский Церковный Собор (Записки участника). – С. 35.

⁴⁴⁴ Скрынченко Д. В Предсоборном собрании // Киевлянин. 1918. № 3 (4 янв.) С.1.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же.

Д.В. Скрынченко писали, что «Союз приходских советов киевских объединяет... тысячи православного населения; это нам известно не только по тем многочисленным собраниям, которые проходят под знаменем союза, но и тем, напр., многочисленным письменным протестам, которые поступают в союз от приходских собраний церквей г. Киева, с огромным количеством подписей прихожан разных общественных положений по поводу слухов о возможности провозглашения на Украинском Соборе автокефалии Украинской Церкви».⁴⁴⁷ Авторы письма еще раз подчеркнули, что ВЦПР не является правомочным органом по созыву Собора, лишь епископат может ставить и решать такого рода задачи.

4 января на заседании Предсоборного собрания митрополит Владимир (Богоявленский) объявил, что Собор откроется 7 января. Следом был утвержден церемониал Собора.⁴⁴⁸ Конечно, особое место в дискуссиях Предсоборного собрания занимал вопрос об украинизации богослужения. Этот вопрос обсуждался вечером 4 января. Д.В. Скрынченко полагал, что «не только богослужение нельзя переводить на украинский язык, но даже не следует вводить в [церковно]славянский язык украинской фонетики».⁴⁴⁹ При этом вопрос об изменении богослужебного языка, как он считал, обсуждать вообще не следует. «Но, господа, – говорил он, политика – одно, а жизнь Церкви – другое, церковнославянский язык – это наша тысячелетняя драгоценность; язык этот сделался для народа священным; так смотрели на него и наши предки».⁴⁵⁰

Собор открылся 7 января 1918 г. торжественной литургией в Софийском соборе, а заседания его проходили в помещении религиозно-просветительного общества и продолжались до 26 января. Во вступительной речи митрополит Владимир (Богоявленский), обращаясь к Собору, просил не допустить раскола единой Православной

⁴⁴⁷ Письмо в редакцию // Киевлянин. 1918. № 3 (4 янв.) – С. 2.

⁴⁴⁸ Скрынченко Д. В предсоборном собрании // Киевлянин. 1918. № 4 (5 янв.) – С. 1.

⁴⁴⁹ Там же. – С. 2.

⁴⁵⁰ Там же.

Церкви и предотвратить ее возможное разделение.⁴⁵¹ Выборы председателя Собора заключали в себе интригу: на рейтинговом, как сказали бы теперь, голосовании большинство голосов получил митрополит Антоний (Храповицкий), поэтому перед окончательными выборами «радисты», как стали называть членов Украинской Церковной Рады, усиленно агитировали за vikария Подольской епархии епископа Пимена (Пегова). Его выдвинули в противовес митрополиту Антонию, потому что чуть раньше Собор провел церковный суд над сочувствовавшим сепаратистам архиепископом Алексием (Дороднициним), которого извергли из сана. На постановлении Собора по этому вопросу случайно не оказалось подписи Подольского vikария, что было истолковано автокефалистами как знак поддержки им сепаратистов. Члены Церковной Рады стремились использовать протестные настроения среди делегатов Собора и предлагали как можно быстрее решить вопрос об автокефалии. Эту цель преследовала речь на Соборе представителя Центральной рады А.М. Карпинского, который призвал «дать Украинской Церкви автокефалию».⁴⁵² Тем не менее при формировании важнейшей комиссии, которая должна была разработать «Положение» о высшем церковном управлении на Украине, ее председателем было избран митрополит Антоний (Храповицкий), страстный противник автокефалии.

Невзирая на бурную агитацию украинствующих, Собор отклонил предложение принять решение об автокефалии Украинской Церкви и идею раскола Русской Церкви не поддержал. Митрополит Евлогий оставил воспоминания об атмосфере, царившей в зале заседаний Собора: «Впечатления удручающие... Стриженные, бритые украинские военные священники, в шинелях, с винтовками... Злые лица...».⁴⁵³ И дальше: «Крики «Долой Москву!», «Освободимся от московского гнета!...» имели большой успех. Заседания проходили

⁴⁵¹ Скрынченко Д.В. Всеукраинский Церковный Собор (Записки участника). – С. 38.

⁴⁵² Там же. – С. 41.

⁴⁵³ Евлогий. Митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. – С. 284.

в горячих митинговых речах».⁴⁵⁴ Несколько иное впечатление вынес с Собора склонный к компромиссам с украинским течением митрополит Платон: «Общий облик Собора симпатичный: много добродушия, малороссийского юмора, умения петь: «Ще не вмерла Украина»... «Заповіт».⁴⁵⁵

Хотя в президиуме Собора преобладали сторонники ВЦПР, значительное число участников Собора не разделяло стремления к отделению. В итоге сторонники независимости Украинской Церкви на Соборе оказались в меньшинстве и не смогли провести свои решения. Первая сессия для сторонников автокефалии закончилась провалом. По мнению Д.В. Скрынченко, самым важным был вопрос о правомочности Собора. Он полагал, что при отсутствии кворума и при наличии самозванных депутатов Собор «не был в это время действительным выразителем церковного самосознания и настроения южнорусских или так называемых украинских епархий».⁴⁵⁶ Скорее всего, эту мысль следует понимать в том смысле, что стремление к автокефалии отражало на деле взгляды ничтожной части духовенства и мирян, а на Соборе компенсировалось шумовыми эффектами и разнузданной агитацией. Как вспоминал митрополит Евлогий, Собор – это «не церковное собрание, а сплошной митинг с выступлением агитаторов».⁴⁵⁷ На Соборе в конечном счете возобладал здравый смысл. Большинство участников не хотели усиливать смуту, разъедающую государство и общество.

19 января, несмотря на возражения сепаратистов, Собор было решено распустить до мая 1918 г., с тем, чтобы обсудить на епархиальных съездах вопрос об украинизации и автокефалии Церкви.⁴⁵⁸ Кроме того, 22 января 1918 г. власть снова переменилась: пришедшие в Киев больше-

⁴⁵⁴ Там же. – С. 285.

⁴⁵⁵ Отчет митрополита Платона (Рождественского) о созыве Всеукраинского Церковного Собора. Публ. А. Кравецкого // Отечественные записки. 2007. № 1. – С. 266. «Заповіт» – стихотворение Т. Шевченко «Завещание».

⁴⁵⁶ Скрынченко Д.В. Всеукраинский Церковный Собор (Записки участника). – С. 46.

⁴⁵⁷ Евлогий. Митрополит. Ук. соч. – С. 284.

⁴⁵⁸ Всеукраинский Православный Церковный Собор // Православная энциклопедия. Т.IX. – С. 699.

вики угрожали заседаниям Собора. Именно в эти дни был убит Киевский и Галицкий митрополит Владимир (Богоявленский), проживавший в Киево-Печерской Лавре. Скорее всего, причиной его насильственной смерти был конфликт с автокефалистами, которые претендовали на высшую церковную власть на Украине. Митрополит Владимир отказался признать новые церковные органы в лице ВЦПР. 25 января он был убит. За день до этого в монастырь вошла вооруженная банда, которая и совершила страшное преступление. Утверждают, что монахи-украинофилы в события так и не вмешались.⁴⁵⁹

Приход к власти гетмана П. Скоропадского принципиально политику украинского государства по отношению к Православию не изменил. Разве что было создано специальное министерство исповеданий во главе с «умеренным украинцем» В.В. Зеньковским. Последний придерживался идеи автономии Украинской Церкви в составе РПЦ. В то же время, считая политику гетмана по отношению к РПЦ слабой, сторонники автокефалии создали несколько комитетов, в частности, «Комитет возрождения Украинской Православной церкви» во главе с П. Мазюкевичем. В ответ 29 мая общее собрание Союза приходских советов Киева, Союза пастырей и членов Киевского епархиального собора обсудило деятельность наиболее активных и одиозных членов Церковной Рады и просило правящего епископа (т.е. митрополита Антония) провести расследование и «поступить с ними на основании церковных канонов».⁴⁶⁰ В тексте, подписанном А.В. Стороженко и Д.В. Скрынченко, были названы неканоничными ряд действий членов ВЦПР: это самовольное присвоение церковной власти в ноябре 1917 г., игнорирование канонической власти в церкви, распоряжение о незаконном поминании самой Церковной Рады, а не Патриарха, самовольная рассылка приглашений

⁴⁵⁹ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. – С. 56.

⁴⁶⁰ Ульяновский В. Церква в Українській державі 1917–1920 рр. (доба Гетьманату Павла Скоропадського). Київ, 1997. – С. 117.

на Собор, увольнение старых членов консистории и т. д.⁴⁶¹ Перед епархиальным собором 9 мая 1918 г. вновь прошло собрание Союза пастырей и Союза приходских советов Киева с участием епископов. Перед собранием выступил профессор-протоиерей Ф. Титов с докладом «Как происходили выборы кандидатов на кафедру Киевского митрополита в XV–XVII вв.», а Д.В. Скрынченко познакомил собравшихся с анализом церковной жизни в Киеве.⁴⁶²

18 мая 1918 г. открылся Киевский епархиальный Собор, на котором намеревались избрать нового Киевского митрополита, так как после смерти митрополита Владимира епископская кафедра не могла оставаться незанятой более трех месяцев. Выступивший на Соборе министр исповеданий В.В. Зеньковский настаивал на том, что епархиальный Собор не может избирать первоиерарха всей Малороссии, поэтому выборы митрополита следует перенести на Всеукраинский Собор. Церковная власть рассматривала выборы митрополита как выборы епархиальные, а украинские власти полагали, что его может избрать только Всеукраинский Собор. Кроме того, власти надеялись, что на Всеукраинском Соборе митрополит Антоний, известный как противник украинизации Церкви, может не пройти. После выступления министра начался обмен мнениями. Одни делегаты, в частности, Д.В. Скрынченко, выступали за немедленное избрание митрополита. Другие утверждали, что митрополита может избрать лишь Всеукраинский Собор. Голосование принесло победу сторонникам немедленных выборов.⁴⁶³ На Соборе Д.В. Скрынченко состоял членом наблюдательной и счетной комиссий,⁴⁶⁴ а также участвовал в редактировании журнала заседаний.⁴⁶⁵

Собор не прислушался к голосу В.В. Зеньковского и 19 мая избрал Антония (Храповицкого) митрополитом Киевским и Галицким, он получил 164 голоса из 184. Кроме того, на Соборе обсуждался вопрос о статусе Православной Церкви

⁴⁶¹ Там же. – С. 117–118.

⁴⁶² Там же. – С. 232.

⁴⁶³ Там же. – С. 234–235.

⁴⁶⁴ Прибавление к Киевскому епархиальному вестнику. 1918. № 8. – С. 29.

⁴⁶⁵ Там же. № 13. – С. 52.

в Малороссии. Собор отклонил автокефалию и признал желательность автономии, но при этом отверг украинизацию богослужения. На Соборе Д.В. Скрынченко из кандидатов был избран членом Киевского епархиального совета.⁴⁶⁶ Еще до начала Собора 16 июня к епископскому Собранию обратились члены Союза пастырей, Союза приходских советов и членов Всеукраинского Церковного Собора. Они требовали наказать членов ВЦПР, на которых, как считали многие, лежит вина за преследование покойного митрополита Владимира. Кроме того, они требовали, учитывая опыт 1-й сессии, не открывать Собора без надлежащего кворума и «проверки депутатских мандатов».⁴⁶⁷ Это обращение было рассмотрено на Совете епископов, а 17 июня его утвердил митрополит Антоний. В 20-х числах июня документ передали в Министерство исповеданий. Последнее отнеслось резко отрицательно к идее наказания украинствующих священников, тем более что двое из них работали в Министерстве.

20 июня 1918 г. открылась 2-я сессия Всеукраинского Церковного Собора, на котором Д.В. Скрынченко по поручению Собора выполнял функции пресс-секретаря. Собор признал действительным избрание митрополитом Киевским и Галицким Антония. И здесь, как и на епархиальном съезде, вопрос о статусе Церкви на Украине был центральным. Большинство Собора склонялось к тому, чтобы утвердить такое административное устройство Церкви на Украине, когда она является часть РПЦ. Вопрос о языке богослужения был поднят о. В. Липковским, но большинством голосов Собор определил, что языком Церкви является церковнославянский.⁴⁶⁸ Сторонники единства РПЦ, и среди них Д.В. Скрынченко, отрицали украинизацию в первую очередь потому, что видели в ней прямой путь к униатам, о чем ясно и откровенно было сказано в «Окружном послании» митрополита Антония в ноябре 1918 г. Довод этот представляется вполне основательным. Ведь если в целом за украинским движением всегда

⁴⁶⁶ Киевский епархиальный вестник. 1918. № 23. – С. 91.

⁴⁶⁷ Ульяновский В. Церква в Українській державі 1917–1920 рр. – С. 118.

⁴⁶⁸ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. – С. 267.

можно было найти польское влияние (интригу), почему же в украинизации богослужения, которая понималась как часть церковного раскола, не следовало видеть стремление уйти к униатам, т. е. перейти под католическое влияние?

Позиция Д.В. Скрынченко на Соборе выражалась в неприязни «украинизации» богослужения, он выступил против идеи автокефалии Украинской Православной Церкви, а также настаивал на уменьшении опеки государства над церковью.⁴⁶⁹ Выступивший после профессоров Киевской Духовной академии Ф. Титова и М. Гроссу Д.В. Скрынченко охарактеризовал язык, который предлагали для богослужения на Украине, как волапук, «созданный поляками, латинистами и «предателями-униатами» в Галиции». Он говорил, что «не следует менять бессмертное творение Кирилла и Мефодия на произведение добродия Грушевского».⁴⁷⁰ В итоге Собор принял адекватное ситуации решение: «Признать один только церковнославянский язык священным, богослужебным языком, перевод богослужебных книг на украинский язык считать недопустимым явлением»...⁴⁷¹

Споры об автокефалии в конце концов привели к необходимости рассмотреть вопрос о законности присутствия «автокефалистов» на Соборе. На 7-м заседании 5 июля архиепископ Вениамин (Федченков), перечислив отрицательные стороны деятельности ВЦПР, предложил сократить число членной Церковной Рады с 50 до 3. Так как Рада образовалась произвольно и вошла целиком в состав Собора, то предложение это было вполне законным. Выступление Вениамина поддержал выступивший вслед за ним Д.В. Скрынченко. Он призывал членов Церковной Рады покинуть Собор, «дабы в будущем не могли повториться подобные действия..., чтобы совесть православных была успокоена».⁴⁷² Голосование показало, что большинство Собора высказалось за удаление членов ВЦПР.⁴⁷³ Рада и поддержавший ее министр исповеда-

⁴⁶⁹ Ульяновский В. Церква в Українській державі 1917-1920 рр. – С. 242, 261.

⁴⁷⁰ Там же. – С. 242.

⁴⁷¹ Там же. – С. 243.

⁴⁷² Там же. – С. 278.

⁴⁷³ За ВЦПР сохранили 3 мандата.

ний В.В. Зеньковский, естественно, отклонили решение Собора. Тогда изгнанная с ВЦ Собора Церковная Рада решила создать свою Церковь, автокефальную. В дальнейшем это было сделано, и в епископы незаконно был рукоположен Василий Липковский. Эту группу прозвали «самосвяты».⁴⁷⁴

Автокефалии требовал глава украинской делегации на переговорах о мире с центральными державами С. Шелухин. Без автокефалии, как он считал, невозможно обратиться с претензиями относительно утраченного или перемещенного в ходе войны в Германию и Австро-Венгрию церковного имущества. При обсуждении письма С. Шелухина большинство Собора осудило позицию украинского дипломата. Д.В. Скрынченко в выступлении отметил, что вопрос об автокефалии, которую требовал С. Шелухин, отношения к делу не имеет.⁴⁷⁵

Кроме того, Д.В. Скрынченко высказался еще по одному вопросу: в киевской прессе (за исключением «Киевлянина») началась буквальная травля митрополита Антония, которая явно была инспирирована правительством. Он указал, что некоторые члены Церковной Рады участвуют в этой кампании, и прежде всего П. Мазюкевич. «Это, – говорил Д.В. Скрынченко, – вещь неслыханная – нигде так не выражаются ни о раввине, ни о ксендзе, ни тем более о бискупе, как говорят о нашем Архипастыре, которого знает вся Европа».⁴⁷⁶ Дмитрий Скрынченко сыграл в этой ситуации одну из ведущих ролей. 8 июля Собор утвердил Положение об автономии Церкви на Украине. Кроме того, Собор признал богослужебным языком Православной Церкви на Украине церковнославянский, лишь по желанию прихожан украинский мог использоваться для проповеди. Самое главное заключалось в том, что на Соборе удалось отстоять каноническое единство Русской Православной Церкви.

3-я сессия Всеукраинского Церковного Собора открылась 28 октября. Дмитрию Васильевичу Собор поручил следить за

⁴⁷⁴ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – С. 309.

⁴⁷⁵ Ульяновский В. Церква в Українській державі 1917-1920 рр. – С. 264.

⁴⁷⁶ Там же.

прессой и давать опровержения в случае неточной информации о заседаниях Собора и его решениях.⁴⁷⁷ Теперь в собрании преобладали сторонники сил, ориентировавшихся на единство Русского Православия, поэтому сессия прошла под знаком давления на Собор правительства гетмана. Новый министр исповеданий А. Лотоцкий 14 ноября выступил с речью, в которой потребовал автокефалии Украинской Церкви. Правительство грозило прекращением финансирования и роспуском Собора, если он не примет решения об автокефалии. Однако смена правительства гетмана привела к тому, что новый состав кабинета занял более умеренную позицию, и вопрос об автокефалии отпал. При голосовании за автокефалию было подано всего лишь 3 голоса. Во время 3-й сессии Собора исподволь тлевший конфликт между главой Православия на Украине митрополитом Антонием и министерством вероисповеданий обострился. Министерство утвердило новый устав Киевской Духовной академии, фактически изъяв ее из ведения митрополита. В обсуждении письма Антония правительству гетмана, в котором митрополит писал о вреде, наносимом министерством Церкви, принял активное участие Д.В. Скрынченко. В выступлении он назвал министерство «сатрапской властью» и укорял его за то, что оно саботирует работу нового секретаря консистории.⁴⁷⁸ На этой же сессии 35 членов Собора во главе с Д.В. Скрынченко заявили письменный протест по поводу нового закона о церковно-приходских школах.⁴⁷⁹ В этом вопросе позиции министерства исповеданий и Собора были противоположными. Собор выступал за сохранение старой системы церковного образования, министерство, вдохновленное идеей украинизации, исходило из того, что церковные школы должны подчиняться не архиерею, а государству. К тому же реформа предполагала сокращение штатов церковно-приходских школ. Конечно, в основании реформы лежала плохо скрытая идея – вывести церковное образова-

⁴⁷⁷ Там же. – С. 299.

⁴⁷⁸ Там же. – С. 304.

⁴⁷⁹ Там же. – С. 311.

ние из-под русского влияния: «Правительство, – вспоминал В.В. Зеньковский, – давая деньги на содержание школы, вправе интересоваться строем этой школы»...⁴⁸⁰ Правда, эта полемика уже не могла оказать влияния на церковно-приходские школы Украины: политические перемены вскоре отменили и реформу, и министерство, и сами духовные школы. Да и Собор был вынужден прекратить свою работу 16 декабря в связи со вступлением в Киев войск Директории.

Уже на следующий день после занятия города войсками Директории был арестован архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский), а еще через день – митрополит Антоний (Храповицкий). В эту волну арестов попал Д.В. Скрынченко. В 20-х числах декабря 1918 г. он был арестован петлюровцами и брошен в Киеве в Лукьяновскую тюрьму, откуда ему удалось выйти в январе 1919 г. В Рождество, как вспоминал в эмиграции Дмитрий Васильевич, в заключении его навестила жена вместе с детьми.⁴⁸¹ Арест Д.В. Скрынченко был неудивителен: министром юстиции в правительстве Директории стал С. Шелухин, давний идейный оппонент Д.В. Скрынченко. Видимо, не имея теоретических доводов, С. Шелухин прибег к доводу практическому: отправил своего оппонента за решетку. Главная роль в репрессиях принадлежала известному киевскому авантюристу, инженеру М. Ковенко. По мнению А.В. Стороженко, именно он отдал приказ арестовать и посадить в Лукьяновскую тюрьму многих деятелей «гетманшафта» и представителей киевской русской интеллигенции. «Они были освобождены тюремной властью только накануне вступления в Киев большевиков 24 января ст. ст. 1919 года, когда бежавшей Директории давно уже след простыл».⁴⁸² 1 января 1919 г. Директория объявила Украинскую Церковь автокефальной. Новая украинская власть считала, что вместе с самостоятельной украинской державой должна существовать и Украинская Автокефальная Церковь.

⁴⁸⁰ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. – С. 117; Ульяновский В. Ук. соч. – С. 170.

⁴⁸¹ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 16.

⁴⁸² Царинный А. (Стороженко А.В.) Украинское движение. – С. 207.

Смута, посеянная раскольниками, вскоре дала о себе знать. После взятия Киева большевики ввели в действие декрет СНК об отделении Церкви от государства, по которому церковь лишалась имущества, а общины верующих должны были пройти процесс регистрации. В результате церковная жизнь атомизировалась: «были отдельные приходы, формально независимые и ничем друг с другом не связанные».⁴⁸³ Воспользовавшись ситуацией, несколько священников (В. Липковский, П. Тарнавский, Н. Шараевский) обратились в Киевский горсовет с просьбой представить им для совершения службы на украинском языке Михайловский собор, и 9 мая Церковь была им передана. После богослужения группа сторонников В. Липковского получила от советской власти храм во имя святителя Андрея, а затем началась борьба за Софийский собор – самый древний храм Православия в России. Советская власть, стремившаяся расколоть и ослабить Церковь, 28 июля 1919 г. передала Софийский собор украинскому приходу.⁴⁸⁴

Решение об автокефалии не было принято ни на одной сессии Всеукраинского Церковного Собора, а в конце 3-й сессии в ноябре 1918 г. была принята декларация о сохранении канонического единства с Патриаршей Церковью. В своем отчете об участии в Соборе митрополит Платон прозорливо писал: «Вопрос об автокефалии на этот раз не прошел. Но в случае если Украина получит самостоятельность, станет самостийной, несомненно, поднимется вопрос об автокефалии Украинской Церкви. В народе стремление к автокефалии не имеет почвы, но руководители политических партий будут всеусерднейше его поддерживать»⁴⁸⁵. События последних лет на Украине убедительно показали пророческий характер этих слов.

⁴⁸³ Фотиев К., прот. Попытки церковной украинской автокефалии в XX в. – С. 29.

⁴⁸⁴ Всеукраинская Православная Церковная Рада // Православная энциклопедия. Т. IX. – С. 695.

⁴⁸⁵ Отчет митрополита Платона (Рождественского) о созыве Всеукраинского Церковного Собора. – С. 267.

ЧАСТЬ IV. Балканы

Орек 12

Эмиграция

I

19 августа 1931 г. Дмитрий Васильевич Скрынченко сделал следующую запись в своем дневнике: «Все постепенно стирается из памяти, а между тем переживаемая эпоха чрезвычайно интересна, и чрез некоторое время разные мелочи жизни, наблюдения, впечатления и т. п. будут очень важны для истории. Писать дневник особенно следовало бы нам, эмигрантам, у которых, в силу пережитых страданий, особенно обострено чутье. Из коротких заметок, листков, разбросанных по разным тетрадочкам, я хотел бы составить нечто последовательное. Но удастся ли мне это сделать, не знаю...».¹ К счастью, ему это удалось. Многие годы Дмитрий Васильевич вел дневник, который представляет собой уникальное произведение эпохи. Это бесценное свидетельство жизни за границей русского беженца, человека образованного, преданного России, искренне страдающего за судьбу Отчизны и своей семьи. Благодаря сохранившимся страницам дневника мы можем судить о жизни русского эмигранта в Королевстве сербов, хорватов и словенцев на протяжении двух с лишним десятилетий. Дневник – это погружение в повседневность, за которой, если всмотреться, можно увидеть тектонические сдвиги истории. Он ценен тем, что в нем, как, наверно, во всяком дневнике, можно найти ответ на вопрос: как жил русский человек в эмиграции, о чем думал, на что надеялся.

Покидая Киев, Д.В. Скрынченко, как и многие беженцы, не представлял, да и не мог представить, что ждет его впереди. Все, уехавшие из Киева, надеялись вскоре вернуться,

¹ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 1.

полагая, что разлука будет недолгой. Но оказалось, что они уехали навсегда. Путь беженцев лежал на юг. Полуголодные, в холоде, они лишь на 19-й день прибыли на берег Черного моря. Благодаря помощи сестры В.В. Шульгина Л.В. Могилевской, которая дала Д.В. Скрынченко 5000 рублей «керенками», он смог купить место на пароходе, отходившем в Болгарию. Корабль взял курс на Варну, где на спасительный берег высаживались тысячи беженцев из России. Сделав краткую остановку в Софии, Д.В. Скрынченко 12 февраля 1920 г. прибыл в столицу Королевства сербов, хорватов и словенцев Белград, а затем уехал в Сремские Карловцы, небольшой город неподалеку от столицы Воеводины Нови-Сада.

Балканское государство, куда приехал Д.В. Скрынченко, было образовано 1 декабря 1918 года. Отношение Королевства сербов, хорватов и словенцев к Советской России было подчеркнуто враждебным. Правящие круги опасались экспорта революции из коммунистической России, поэтому королевское правительство воздерживалось от любых контактов с СССР. Именно по этой причине в Югославии нашли приют множество эмигрантов из России. Югославянское Королевство действовало вполне сознательно, разрешая русским беженцам осесть на Балканах. Еще в 1920 г. Югославское правительство откликнулось на обращение генерала Врангеля с просьбой о приеме русских беженцев, заручившись при этом согласием Франции оказывать им материальную помощь. Деньги на нужды беженцев французское правительство выделяло до 1925 г. включительно.² «Этот шаг Белграда был во многом вызван прагматичными интересами: нищая, разоренная войной Сербия, в которой человек с высшим образованием был редкостью, получила в свое распоряжение ценнейшие научные кадры Российской империи».³ В балканском королевстве в начале 20-х гг. нашли приют более 35 тыс. выходцев из России, которые образовали почти 300 ко-

² Алексеева Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. 1920–1941 годы // Отечественная история. 2000. № 1. – С. 33.

³ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000. – С. 172.

лоний.⁴ Балканское Королевство предоставляло русским беженцам права автономии и самоуправления, что было важнейшим фактором поддержания русской этнокультурной общности. На практике, как указывает В.Д. Козлитин, «основное содержание работы правлений колоний состояло в получении из Белграда и выдачи ее членам отпускаемых денежных ежемесячных ссуд».⁵

Балканы, куда устремились русские беженцы, были сельским миром, в котором более 80% населения проживали в деревнях и около половины были неграмотны.⁶ Этот фактор осложнял процесс адаптации русских, так как среди них процент образованных людей был несравненно выше. В июне 1920 г. была создана Державная комиссия по приему и размещению русских беженцев. Для эмигрантов это была самая высшая и влиятельная инстанция в межвоенный период.⁷ По данным Державной комиссии по делам русских беженцев, всего число русских эмигрантов в 1923 г. составило 45 тыс. человек, из них с высшим и средним образованием было около 75%.⁸ Среди гражданских беженцев (их было около 47% от общего числа эмигрантов) 65% составляли люди интеллектуального труда.⁹

⁴ Косик В.И., Тесемников В.А. Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика, 1994. № 5. – С. 84. По мнению В.Д. Козлитина, в 1921–23 гг. в Королевстве СХС проживали от 40 до 70 тыс. русских беженцев. – Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. – С. 14; Алексеева Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Отечественные архивы. 1995. № 6. – С. 20. По оценке М. Раева, в Королевстве СХС в 1922 г. проживали 33500 русских – Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. – С. 39. По сведениям М. Йовановича – Королевство СХС приняло более 40 тыс. русских беженцев. – Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С 34; по другим сведениям, в стране осели около 44 тыс. бывших русских подданных. – Русские в Сербии. Белград, 2009. – С. 48.

⁵ Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. – С. 7.

⁶ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. – С. 142–143.

⁷ С 1920 по 1927 гг. во главе ее стоял Л. Йованович, председатель Народной скупщины, а в 1927–1940 гг. – президент Сербской академии наук А. Велич.

⁸ Сибиновић М. Руска емиграција у српској култури XX века – значај, оквири и перспективе проучавања // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т.1. – С. 5–6.

⁹ Глигоријевић Б. Руска православна црква између два рата // Руска емиграција у српској култури XX века. – С. 53.

Самой сложной проблемой для невольных изгнанников была проблема, связанная с обретением новой социальной идентичности и проживанием в иной национальной и культурной среде. Основой возникновения идентичности была работа, но она доставалась далеко не всем. Перед прибывавшими в Сербию русскими беженцами, естественно, вставал вопрос, на что жить. У большинства средств к существованию не было, даже если что-то и оставалось, то в России, куда путь был заказан. Еще летом 1919 г. югославское правительство ввиду усилившегося наплыва беженцев предоставило прибывавшим из России право льготного размена бывших русских денег на местную валюту. За 1000 «думских»¹⁰ рублей давали 800 динар, хотя рыночная цена их не превышала 110-115 динар.¹¹ Весной 1920 г. льготный обменный курс изменился: 1 тыс. рублей меняли на 600 динар, а с 1 июля помощь была ограничена 400 динарами одиноким беженцам в виде ссуды или субсидии.¹² Но с апреля 1921 г. началось сокращение ссуд на 10-25%, а затем еще больше.¹³ Вот характерная запись в дневнике Д.В. Скрынченко 10 марта 1920 г.: «После утомительной процедуры удалось разменять 1000 рублей думских за 600 дин».¹⁴

С 19 февраля 1920 г. Д.В. Скрынченко по рекомендации епископа Тимишварского Георгия (Летича) проживал в монастыре «Великая Ремета», где усиленно изучал сербский язык. Этот монастырь был одним из 14, расположенных на склонах Фрушкой горы. «Два склона спускаются в долину, покрытые лесами, виноградниками, фруктовыми садами. Эта местность зовется «Сербским Афоном».¹⁵ Многие из этих монастырей гостеприимно распахнули свои двери перед русскими беженцами. «У них, – вспоминал митрополит Евлогий,

¹⁰ Денежные знаки Российской империи, выпускавшиеся с апреля 1917 без царского герба.

¹¹ Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923). – С.7.

¹² Там же. – С. 9.

¹³ Там же. – С. 14.

¹⁴ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 13.

¹⁵ Евлогий. Митрополит. Путь моей жизни. – С. 336.

– находили приют и архиереи, и генералы, и профессора».¹⁶ Как отмечает А.Б. Арсеньев, многие фрушкогорские монастыри пребывали к этому времени в весьма запущенном состоянии, свидетельства чего, кстати, разбросаны по страницам дневника Д.В. Скрынченко.¹⁷

1 марта 1920 г. Д.В. Скрынченко побывал на приеме у начальника Новосадского отдела министерства просвещения, где ему предложили место преподавателя русского языка в женской гимназии Нового Сада, а также дали двухмесячный отпуск для изучения сербского языка.¹⁸ Это было хорошее начало, если учесть, что тысячи вынужденных эмигрантов искали хоть какую-нибудь работу. Нам, имеющим дом и семью, трудно представить себе чувства, охватывающие человека на чужбине, лишенного крова, привычного и устоявшегося круга общения, семейного тепла, да к тому же погруженного в непривычную языковую и культурную среду. Потеря социальной идентичности, на которую накладывалась нужда и отсутствие контактов с Родиной, пагубно действовали на многих эмигрантов. Постоянное ноющее чувство тоски, с которым не было сил бороться – вот доминантное чувство, поглощавшее беженцев. «Милая Родина, как хотел бы тебе отдать свои последние силы, как тяжело, мучительно есть кусок хлеба на чужбине, даже у своих братьев-славян», – записал в дневнике Д.В. Скрынченко.¹⁹

Осев в каком-нибудь месте, русские беженцы стремились по мере возможности воспроизвести структуры русской жизни. «Даже попав в чужое окружение, – отмечает М. Раев, – они хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России».²⁰ Очень точно охарактеризовал комплекс переживаний беженцев М. Йованович: «Русский человек в изгнании разрывался между необходимостью

¹⁶ Там же. – С. 336.

¹⁷ Арсеньев А. Русска интелгенција у Војводини // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. – С. 75.

¹⁸ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 11.

¹⁹ Там же. – С. 65.

²⁰ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – С. 14–15.

обеспечения хлебом насущным, мыслью о скорейшем возврате на Родину и осознанием того, что его жизни вне Родины, в эмиграции, должен прийти конец».²¹ Воспроизводя привычные структуры повседневности, беженцы воссоздавали психологическую атмосферу прошлой жизни со всеми присущими ей сторонами. К сожалению, склоки и раздоры составляли горестную сторону жизни русских эмигрантов. Покинув Родину, русские сохраняли нетерпимость, убежденность, что истина одна и она уже постигнута. Крайний догматизм наслаивался на политические утопии, которыми долго жила первая эмиграция. Очень точно охарактеризовал духовную ситуацию в эмигрантской среде Н.А. Бердяев: «Свобода мысли в эмигрантской среде признавалась не более, чем в большевистской России. На меня мучительно действовала злобность настроений эмиграции. Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чем-либо, кроме большевиков, в этой склонности повсюду видеть агентов большевизма».²²

Русская колония в Новом Саде была одной из наиболее многочисленных в Королевстве СХС и насчитывала около 2 тыс. человек.²³ Всего в Бачке, Банате, Баранье и Среме (территория Воеводины), по оценке А.Б. Арсеньева, поселилось примерно 7-8 тыс. русских беженцев.²⁴ «Уют опрятного и многонационального придунайского города, близость столицы (75 км), соседство со Сремскими Карловцами, где обосновались Синод Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) и штаб Главнокомандующего русской армией ген.-лейтенанта П.Н. Врангеля, – способствовали тому, что Нови-Сад оказался удобным для временного проживания на чужбине. Русские «переименовали» его на свой манер в *Новый Сад*».²⁵

²¹ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. – С. 385.

²² Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской биографии. М., 1991. – С. 222.

²³ Русские в Сербии. Белград, 2009. – С. 171.

²⁴ Арсеньев А. Руска интелегенција у Војводини // Руска емиграција у српској култури XX века. Т.1. – С. 72.

²⁵ Арсеньев А. У излучини Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саде. М., 1999. – С. 16.

Кроме изучения языка жизнь Д.В. Скрынченко в монастыре была наполнена думами о семье и бесчисленными слухами о ситуации в России. 16 апреля 1920 г. он записал следующее: «Среди русских самые разнообразные слухи: Киев будто бы в руках Петлюры, Махно взял Полтаву, Москву крестьяне, Антанта признала Украину и т. п.; все это жадно ловится... Бедные скитальцы...».²⁶ Очень убедительно описал подобную ситуацию А.Н. Толстой, одно время бывший эмигрантом. «Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы. Мы питались дикими слухами и фантастическими надеждами. Каждый день мы определяли новый срок, когда большевики должны пасть, – были несомненные признаки их конца».²⁷ Русские беженцы не хотели верить в то, что большевики захватили власть надолго. За невероятными слухами ясно просматривается вопрос, который для Д.В. Скрынченко был главным: как живет семья, оставшейся в Киеве? После занятия Киева красными жена Дмитрия Васильевича Александра Ивановна осталась с 4 детьми и матерью. Чтобы выжить, продавали на толкучке все, что было ценного, но и этих денег в условиях инфляции не хватало. Как жена бежавшего от советской власти, Александра Ивановна находилась под подозрением и вскоре была арестована. Ее обвиняли в том, что она воспитывает детей в антибольшевистском духе. Тем не менее в условиях коммунистического режима она сохранила веру, потому что только она могла дать надежду находившимся в отчаянии людям.

Находясь за границей, Д.В. Скрынченко не мог жить, применяя выражение В.В. Розанова, «около церковных стен», поэтому он активно участвовал в жизни Русской Православной Церкви за рубежом. С 8 по 20 ноября (21 ноября – 2 декабря) 1921 г. в Сремских Карловцах в здании гимназии работал Русский Всеаграничный Церковный Собор в составе 109

²⁶ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 24.

²⁷ Толстой А.Н. Открытое письмо Н.В. Чайковскому // Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1949. – С. 11-12.

делегатов.²⁸ Одним из них был Д.В. Скрынченко. В списке членов Собора он обозначен в качестве секретаря Русского Всеаграничного Церковного Собрания.²⁹ В Протоколе № 2 от 10 (23) ноября, когда проходили выборы Президиума, читаем, что Д.В. Скрынченко получил 52 голоса и был избран секретарем Собора.³⁰

С Карловацкого Собора начался новый процесс в жизни Русского Православия. На Соборе митрополит Антоний (Храповицкий) настоял на включении в текст заключительного документа – тезиса о восстановлении в России династии Романовых.³¹ Его позиция привела к тому, что внутри церковной эмиграции началось заметное размежевание. Митрополит Евлогий предлагал занять более взвешенную позицию, заключающуюся в том, что «Романовых должен призвать народ и не наше дело предупреждать его волю».³² Однако в Послании Русского Всеаграничного Церковного Собора «Чадом Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» Собор призвал вернуть «на всероссийский престол Помазанника, законного Православного Царя Дома Романовых».³³ За это Послание выказалось, как вспоминал митрополит Евлогий, 2/3 Собора. В его воспоминаниях можно найти список участников, не подписавших «Послание». Фамилии Д.В. Скрынченко в этом списке нет. Концептуаль-

²⁸ Арсеньев А. «Русские люди... всколыхнули наше местечко» // Родина. 2003. № 10. – С. 102; Арсеньев А. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. 2-е изд., исп. и доп. Сремски Карловци. 2008. – С. 49-52.

²⁹ Деяния Русского Всеаграничного Церковного Собора, состоявшегося 8 – 20 ноября (21 ноября – 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве с., х. и с. Сремские Карловцы, 1922. – С. 14, 30, 36. Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI, N.Y., 1960. – С. 11.

³⁰ Деяния Русского Всеаграничного Церковного Собора, состоявшегося 8 – 20 ноября (21 ноября – 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве с., х. и с. – С. 30.

³¹ Политическая история русской эмиграции. 1920-1940. Документы и материалы. М., 1999. – С. 657.

³² Косик В.И. Русская Церковь в Югославии. М., 2000. – С. 32; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии // Славяноведение, 1996. № 6. – С. 67; Троицкий С.В. История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. – С. 18-68.

³³ Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI, N.Y., 1960. – С. 29-30.

но позиция Собора была подкреплена статьей митрополита Антония, напечатанной в «Деяниях Собора» в качестве приложения. Понимая политику как «все соприкасающееся народной жизни, начиная с правового положения Церкви в государстве, церковная власть и церковные Соборы должны участвовать в политической жизни и с этих сторон предъявлять ей определенные требования»,³⁴ митрополит Антоний выработал теоретическое обоснование решения Собора в поддержку монархии, в которой многие беженцы, и не только они, видели гарантию стабильного Российского государства и церкви. Практическая сторона дела заключалась в том, что Собор предложил отречься от «завоеваний» Февральской революции «через признание преступным низвержения царствующей династии».³⁵

Этим документам и по сей день трудно дать однозначную оценку, но зададим вопрос: под каким знаменем можно было собрать, как того хотели участники Собора, русских эмигрантов, разбросанных по многим странам? Можно, конечно, утверждать, что стремление восстановить монархию говорит о неадекватном восприятии ситуации в России, но ведь участников Собора питала искренняя любовь к Родине и вера в ее скорейшее возрождение.³⁶ К тому же монархической идеи, как считает М. Йованович, придерживались 80-90% политически активных эмигрантов.³⁷ О монархической направленности Собора говорит факт обструкции, которую делегаты устроили бывшему спикеру Государственной думы М.В. Родзянко, изгнав его из собрания как якобы «главного виновника революции».³⁸ По воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), на Соборе правые оказали серьезное давле-

³⁴ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы. – С. 660.

³⁵ Там же. – С. 661.

³⁶ Среди участников Собора насчитывалось около 30 монархистов, вернувшихся из Бад-Рейхенгалле (Германия), где проходил Высший Монархический Совет. – Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – С. 121.

³⁷ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. – С. 49.

³⁸ Евлогий. Митрополит. Путь моей жизни. – С. 363.

ние на присутствующих.³⁹ Все это означало, что «в 1921 г. на Соборе в Карловцах политические эмоции одержали верх над церковным сознанием».⁴⁰ Ситуация, сложившаяся на Соборе, была отражением разногласий среди русских беженцев, которые мучительно искали ответ на вопрос о будущем политическом строе в России и спорили о причинах крушения Империи.

Решения Карловацкого Собора не были признаны Патриархом Тихоном (Белавиным), что достаточно быстро привело к расколу в Русской Православной Церкви. В ответе на Послание Собора Патриарх признал его решения политизированными и не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви. В августе 1922 г. Патриарх прислал в Карловцы указ, осуждающий занятия политикой заграничной частью Русской Православной Церкви. Он отстранил митрополита Антония и передал в управление митрополиту Евлогию все приходы РПЦ за границей. После получения из Москвы указа Патриарха Тихона от 5 мая 1922 г. Высшее церковное управление за границей было закрыто.⁴¹

Митрополит Антоний решению Патриарха подчинился, но вскоре в Сремских Карловцах был создан Архиерейский Синод РПЦЗ. Русские беженцы в Королевстве СХС поняли решение Патриарха Тихона как принятое под давлением большевиков. Большинство епископов, оказавшихся за пределами Родины, поддержали митрополита Антония, который к этому времени изменил свою позицию и отказался подчиняться Московскому Патриарху. Таким образом, за границей возникло два центра Православия, один из которых – Синод во главе с митрополитом Антонием в Сремских Карловцах, а другой – во главе с архиепископом (с 1922 г. митрополитом) Евлогием.⁴² Главной причиной разногласий между митрополитами Антонием и Евлогием были политические расхожде-

³⁹ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – С. 338-339.

⁴⁰ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – С. 133.

⁴¹ Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI, С. 44.

⁴² Троицкий С.В. О неправде Карловацкого раскола. Paris, 1960. – С. 86-87.

ния. Антоний стоял на позиции монархизма, что подтверждало его специальное послание к русской эмиграции 1929 г. В нем митрополит убеждал русских беженцев признать царем Кирилла Владимировича, чьи права на престол, равно как и репутация, были весьма спорными.⁴³ В свою очередь митрополит Евлогий был носителем комплекса более либеральных взглядов и не настаивал на монархическом принципе. Кроме того, истоки конфликта, по мнению югославского исследователя, лежали в канонической сфере: карловацкая группа епископов исповедовала ортодоксальные взгляды, в то время как парижская группа иерархов во главе с Евлогием тяготела к умеренной модернизации Православной Церкви.⁴⁴ «Митрополит Антоний, – записал в дневнике Д.В. Скрынченко, – настроен твердо в отношении отколовшегося митрополита Евлогия. По словам Антония, Евлогий попал в руки масонов и левого священника о. С. Булгакова, бывшего профессора политической экономии в Московском университете».⁴⁵ В 1926 г. митрополит Евлогий прибыл на заседание Архиерейского Синода в Сремские Карловцы. В повестке дня значился «пересмотр взаимоотношений Синода и западноевропейских епархий». Вопрос намеревались обсудить одним из первых, но на следующий день он был перенесен в конец повестки дня. Тогда возмущенный Евлогий покинул Синод. В письме Синоду он писал, что не признает «Карловацкого учреждения, упраздненного Патриархом Тихоном, законной канонической властью над собою».⁴⁶ Он утверждал, что власть Синода имеет только моральный, но не канонический характер. С точки зрения Евлогия, Карловацкий Собор незаконно присвоил высшую власть в Церкви. В ответ в январе 1927 г. Собор епископов в Карловцах запре-

⁴³ Сергеев С.М. Митрополит Антоний (Храповицкий) // Великие духовные пастыри России. М., 1999. – С. 468. Романов Кирилл Владимирович (1876–1938), в 1924 г. провозгласил себя «Главой Императорского Дома Романовых», передав в 1938 г. этот титул своему сыну Владимиру Кирилловичу (1917–1992).

⁴⁴ Глигоријевић Б. Руска православна црква између два рата // Руска емиграција у српској култури XX века. – С. 58.

⁴⁵ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 150.

⁴⁶ Евлогий. Митрополит. Путь моей жизни. – С. 375.

тил Евлогия в священнослужении и прервал с ним молитвенное общение. Это был полный разрыв. Но Евлогий получил поддержку от Вселенского Патриарха Василия III, который в ответ на обращение к нему Евлогия заявил, что «вынесенные против Вас запрещения со стороны так называемого Архиерейского Синода за границей – являются деяниями канонически незаконными и никакой посему церковной силы не имеющими».⁴⁷ Ситуация в Православии стала еще более тревожной, когда в 1927 г. митрополит Сергей выпустил «Декларацию» о лояльности церкви по отношению к советской власти. Она была, конечно, отвергнута Архиерейским Собором в Карловцах. Сербский митрополит Варнава,⁴⁸ бывший воспитанник Санкт-Петербургской Духовной академии, выступил с инициативой примирения двух течений в Русском зарубежном Православии, однако успеха не имел. Каждая из сторон считала себя правой. «Если из Москвы шли упреки и критика в нарушении церковных канонов со стороны так называемых карловчан, то в Белграде говорили о несвободе, порабощении Церкви в России».⁴⁹ Многие страницы дневника Д.В. Скрынченко посвящены конфликту между «Белградской» и «Парижской» Православными Церквями. Раскол в Русской Церкви носил политический характер, что отмечали многие, в том числе и бывшие русские дипломаты в изгнании. Так, В.А. Маклаков писал Е.В. Саблину в сентябре 1938 г., что «разошлись наши Церкви специально на политическом вопросе... это разделение поддерживается той же самой политикой...».⁵⁰ Таким образом, зарубежное русское Православие оказалось расколотым и ослабленным, что не могло не сказаться на его влиянии и авторитете.

К митрополиту Антонию у Д.В. Скрынченко было амбивалентное отношение. Он любил его как Духовного Влады-

⁴⁷ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы. – С. 681.

⁴⁸ Варнава (Петр Росич, 1880–1937), с 1930 по 1937 г. Патриарх Сербской Православной Церкви.

⁴⁹ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии. – С. 39.

⁵⁰ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов в двух книгах. Кн. вторая: 1938–1940. М., 1998. – С. 113.

ку, но не принимал политической ориентации. 20 сентября 1927 г. под псевдонимом Д. Залужный он опубликовал в выходившем в Белграде «Новом времени» статью «Митрополит Антоний».⁵¹ В ней Д.В. Скрынченко сделал акцент на постоянном стремлении митрополита Антония восстановить Патриаршество, т. е. вернуться к «утерянной каноничности нашей Церкви», а также отметил страстную веру, всегда переполнявшую великого иерарха⁵². Вспоминая о хиротонии митрополита Антония во епископа, Д.В. Скрынченко писал: «Кто присутствовал на этом торжественном чине, тот не может забыть особенно одного момента: чтения Антонием «Верую»; это было чтение энтузиаста, фанатика; так читают те, которые или сами себя сжигают на костре, или их ведут на муки».⁵³ Митрополит Антоний, по словам Д.В. Скрынченко, отозвался о статье следующим образом: «Вы правду написали, и мне редко приходилось читать более верные строки».⁵⁴

Когда 20 сентября 1932 г. исполнилось 36 лет епископского служения митрополита Антония, Д.В. Скрынченко посетил его в Сремских Карловцах и от Новосадского прихода вручил подарок – кожаный бювар. На обеде, который устроил в честь митрополита Антония Сербский Патриарх Варнава, Д.В. Скрынченко «выразил Патриарху и Сербскому епископату благодарность за то внимание, которое оказано ими митрополиту Антонию, видя в этом внимание к прошлой России и русскому народу».⁵⁵

Не имея возможности вернуться на Родину, Д.В. Скрынченко пытался получить разрешение на въезд в Югославию своей семье, но советские власти разрешения на выезд не дали: «Получил ужасное письмо из Киева: семье не позволено выехать из России. Господи, сжался над нами...»⁵⁶ Д.В. Скрынченко все время пытался помочь семье, неоднократно посылал в СССР переводы. Иногда они доходили, иногда его

⁵¹ Издание «Нового времени» было возобновлено в 1921 г. М.А. Сувориным.

⁵² Залужный Д. Митрополит Антоний // Новое время (Белград). 1927, 20 сентября. – С. 2.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 186.

⁵⁵ Там же. – С. 308.

⁵⁶ Там же. – С. 116.

обманывали соотечественники, присваивая с таким трудом отложенные суммы. Страницы его дневника больно читать, понимая, что Д.В. Скрынченко как человек, имевший в России высокий социальный статус (он был надворным советником) и содержавший семью из 5 человек, очутился за границей и оказался бессилем что-либо изменить в жизни своих родных, помочь им материально и морально. К середине 30-х гг. переписка с женой и детьми прекратилась: в Советском Союзе начался Большой террор, когда не только переписываться с родственниками за границей было смертельно опасно.

В эмиграции начала 20-х гг. активно обсуждался вопрос о характере и направлении развития советской власти. Тактический разворот большевиков в сторону НЭПа привел к появлению сменовеховства, началом которого считается выход в Праге в июле 1921 г. знаменитого издания «Смена вех». Идеологом нового движения был известный историк Николай Васильевич Устрялов.⁵⁷ Сменовеховство внесло новый аспект в понимание русской революции. Если правая часть эмиграции считала ее антинациональной, то сменовеховство настаивало на том, что революция вполне национальна, а большевизм эволюционирует и является новой формой существования русского государства. Идея внутреннего перерождения советской власти была заманчивой. В нее верили, не понимая, что НЭП был временным маневром кремлевской верхушки. В советской власти некоторых эмигрантов привлекала сила, стремление восстановить имперское могущество, порядок, совершить всеобщее обновление.⁵⁸ Дмитрий Васильевич не мог не знать о новой идеологии, которая достаточно широко распространилась в эмигрантских кругах. Свою позицию он высказал в статье «Эволюция большевизма», в которой признался: «Оторванный от Отечества, Родины, семьи, я сам начал изредка верить, что большевизм действительно эволюционирует...».⁵⁹ В отличие от сменове-

⁵⁷ См.: Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М. 2003.

⁵⁸ Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 – начало 30-х годов.). М., 1997. – С. 69.

⁵⁹ Рус. Еволюција большевизма // Застава (Нови Сад), 1922, бр. 257 (11 нов.). – С. 1.

ховцев он считал, что «меняются методы действий, и в них часто видят эволюцию, а между тем цель всегда остается постоянной». Он с горечью писал, что европейцы безучастно наблюдают за гибелью России. «И нет новой Бичер-Стоу, которая заставила бы затрепетать уснувшую европейскую совесть и освободить новых рабов – белых». В конце статьи он обратился к сербам: «А вы, братья славяне! Слышите ли вы муки вашего русского брата или тоже так думаете, что русский большевизм эволюционирует?».⁶⁰

В дальнейшем Д.В. Скрынченко обрисовал возможную модель буржуазного развития России, которая могла бы предотвратить события 1917 года. По его мнению, «монархический строй, но бессловный, со справедливым решением земельного вопроса и с хорошей школой... мог бы предотвратить смуту».⁶¹ В 30-х гг. взгляды Д.В. Скрынченко на русскую историю испытали влияние идей Ивана Лукьяновича Солоневича.⁶² В эмигрантских кругах на смену теории «официальной народности» пришла теория «народной монархии». В ней возрождалась архетипическая идея, согласно которой царь рассматривался как покровитель народа, защитник слабых и нуждающихся, утверждался принцип единения царя с народом без представительных учреждений и бюрократии. Эти идеи были сформулированы И.Л. Солоневичем, который утверждал, что монархия должна быть не сословной, а общенародной. Он считал, что дворянство «немыслимо не только в качестве носителя власти, но и в качестве ее соучастника».⁶³ Солоневич прекрасно понимал всю архаичность сословного строя в XX в. и в России видел «гниение дворянского правящего слоя, который и довел Россию до революции». При этом он исходил из традиционного для консервативного дискурса

⁶⁰ Там же. – С. 2.

⁶¹ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 229.

⁶² Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953), русский мыслитель, публицист и политический деятель. Разработал учение о народной монархии, изложенное в книге «Народная монархия».

⁶³ Солоневич И.Л. Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Политическая история русской эмиграции 1920–1940. Документы и материалы. – С. 402–403.

принципа единства национализма и Православия, которое является основой монархической власти. Именно национализм как интегрирующий принцип должен стремиться к ликвидации сословий и каст. Вместо деления на социальные группы он предлагал принцип государственной службы, нечто вроде корпоративного государства с подчинением частных интересов общенациональным.⁶⁴ Путь к бессословной монархии должен начинаться с диктатуры бонапартистского типа с последующим восстановлением монархии. Дмитрий Васильевич был знаком с идеями Солоневича и писал, что он «во всех нас поднял веру в возрождение России и скорое свержение большевизма».⁶⁵

К середине 30-х гг. в результате мучительных размышлений сформировался взгляд Д.В. Скрынченко на возможное будущее России: «По-моему, если русский народ хочет иметь такое государство, которое он имел, то должен сделать следующее: отказаться от республиканской формы правления с ее жалким «демократизмом», отказаться от монархии с ее безразличным отношением к главенствующему, т. е. русскому народу, на долгое время, приблизительно лет на 100, должен установить у себя беспощадную диктатуру не партии, не личности, а русского народа: все в государстве должно быть лишь в руках русских, все чиновники, особенно на высших постах, должны быть лишь русские, инородцы могут приниматься лишь на маленькие, и то незначительные должности, вроде здешних контрактualных чиновников, каковыми являемся в большинстве мы, русские, язык государственный и литературный может и должен быть только русский и, конечно, прежде всего русская школа. Никакой другой школы быть не должно».⁶⁶

Большую часть времени Д.В. Скрынченко отнимала работа в гимназии. В июне 1932 г. женскую гимназию, в которой он работал, слили с мужской. Это грозило увольнением в первую очередь для русских, работавших в системе просве-

⁶⁴ Там же. – С. 397.

⁶⁵ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 379.

⁶⁶ Там же. – С. 371.

щения. «Что будет с нами и в частности со мной, один Бог знает», – записал Д.В. Скрынченко в дневнике. В этой гимназии он работал до лета 1936 г., а затем был переведен в мужскую, где ему было легче: не было того климата злобы и доносов, который отравлял ему жизнь в женской гимназии. В основном он преподавал латинский язык и историю, а иногда при необходимости географию и математику. Положение его нельзя назвать устойчивым: каждый год как «контрактному профессору» предлагалось продлить контракт, к тому же подобное положение означало более низкое по сравнению с сербами жалованье. А меж тем это был уже его 15-й год работы в сербской гимназии. В 1936 г. положение контрактных преподавателей ухудшилось. Прошел слух, что работающих по контракту с апреля 1937 г. будут увольнять или переведут на поурочную (почасовую) оплату, что в любом случае означало бы понижение жизненного уровня.⁶⁷ Это возможное ухудшение не ускользнуло от внимания бывшего русского посланника В.Н. Штрандтмана.⁶⁸ В письме принцу-регенту Павлу 1 сентября 1936 г. он писал, что «министерство внутренних дел, за весьма редкими исключениями, отказывается принимать эмигрантов в югославское подданство, что лишает их права искать себе заработок даже на иностранных предприятиях...»⁶⁹

В его эмигрантском дневнике можно найти парадоксальный момент: по работе и вне ее он все время общался с сербами, свободно говорил по-сербски, но в то же время он позиционировал себя глубоко изолированным от сербского общества. Скорее всего, это стремление сохранить национальную идентичность и не интегрироваться в иную культуру опиралось на глубокую веру в возвращение на Родину,

⁶⁷ Там же. – С. 383.

⁶⁸ Штрандтман Василий Николаевич (1877–1963), бывший 1-й секретарь русской миссии в Белграде, посланник правительства Колчака в Королевстве СХС, в 20-х – 30-х гг. занимался вопросами помощи российским беженцам, был начальником управления по делам российских эмигрантов, до 1934 г. был уполномоченным Российского общества Красного Креста в Югославии.

⁶⁹ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов в двух книгах. Кн. вторая: 1938–1940. – С. 410.

которая скинет власть большевиков. Несмотря на неприязнь отдельных сербов, Д.В. Скрынченко пользовался уважением в учительской среде. На банкете в марте 1927 г., когда гимназия провожала директора М. Балубджича, переведенного в другую гимназию, последний сказал следующее: «Господа, в нашей среде есть один человек, который обладает любящим сердцем к детям, хороший семьянин и нежный отец; он большой патриот, любит труд и любит нашу школу; это Д.В. Скрынченко; семь лет он работает здесь, и я себе не представляю новосадской женской гимназии без Дмитрия Васильевича и Дмитрия Васильевича без нашей гимназии, я знаю, как его любят дети, и радуюсь, что наша школа имеет такого идеалиста-педагога».⁷⁰

В середине 20-х гг. стало ясно, что вернуться в Россию невозможно, режим большевиков укрепился, и надежд на его крушение нет. Проницательный и умный митрополит Антоний резюмировал ситуацию следующим образом: «Нам надо готовиться к долгому сидению здесь».⁷¹ Эмиграция, которую многие беженцы сначала рассматривали как временное состояние, превратилась в постоянное. Поэтому перед мыслящей частью эмигрантов волей-неволей возник вопрос, чему же должна посвятить себя столь значительная масса людей. Ответ на этот вопрос дал великий русский писатель И.А. Бунин, который говорил, что «миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только не за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия».⁷² И.А. Бунин сумел объяснить причины ухода нескольких миллионов людей из России, потому что советская пропаганда и европейские коммунисты изображали русских беженцев как злобных капиталистов и помещиков, которых не успела добить Красная армия.

⁷⁰ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 187.

⁷¹ Там же. – С. 127.

⁷² Бунин И.А. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. – С. 147.

Бунин говорил от лица эмиграции: «Мы, так или иначе, не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бессмысленной гибелью, ушли на чужбину».⁷³ В речи, которая стала широко известна среди русских беженцев, И.А. Бунин призвал хранить веру в Бога и Россию, которая, как он верил, сумеет отряхнуть себя от ярма большевизма. Его речь вселила веру во многих русских, волею судеб оказавшихся за пределами Отчизны. Эмигрантская жизнь была связана с горьким осознанием того, что вернуться к «отеческим гробам» не удастся, почему следует сохранить для потомков ту Россию, которую беженцы унесли в своем сердце.

Стремление исполнить миссию русской эмиграции закономерно привело Д.В. Скрынченко к сближению с теми людьми, кто стремился сохранить русскую культуру за рубежом. В 1924 г. русские беженцы создали в Любляне Русскую Матицу – общество, нацеленное на сохранение русской культуры. Оно было создано по образцу сходных обществ – Матиц – возникших во многих славянских странах.⁷⁴ В Любляне Русскую Матицу возглавлял профессор Александр Дмитриевич Билимович, а с 1931 г. – профессор Евгений Васильевич Спекторский.⁷⁵ Новосадское отделение Русской Матицы возникло не на пустом месте. Еще в ноябре 1922 г. при активном участии Александры Анатольевны Розеншильд фон Паулин был основан Русский национальный кружок, который в 1925 г. был переименован в Новосадское отделение Русской Матицы. Когда Д.В. Скрынченко был в Любляне, профессор А.Д. Билимович просил его открыть отделение Матицы в Новом Саду. «Но я, –

⁷³ Там же. – С. 148.

⁷⁴ Матица Сербская была основана в 1826 г. группой сербских торговцев во главе с литератором и юристом Й. Хаджичем для материальной поддержки журнала «Летопис», который издавался в Нови-Саде с 1824 г. В основе семантики названия лежал образ пчелиного улья (по-сербски одно из значений слова «матица» – пчелиная матка) как символ национального очага. – См.: Мильников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII-XIX вв. СПб., 1997. – С. 104.

⁷⁵ Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 108.

писал Д.В. Скрынченко, – пережив много в России вследствие общественной деятельности, решительно отказался от этого и посоветовал А. Д-чу обратиться непосредственно к г-же Розеншильд, а по возвращении в Новый Сад советовал последней открыть отделение Матицы; она послушалась, тем более что ее кружок начал замирать».⁷⁶ Александра Розеншильд фон Паулин была прекрасной преподавательницей (она учила французскому и русскому), сотрудничала в литературных и педагогических журналах, писала стихи, многие из которых были опубликованы. Ее перу принадлежат драмы-мистерии, статьи о русской литературе, философии, эстетике.⁷⁷ Д.В. Скрынченко характеризовал ее как «энергичную, но крайне самолюбивую барышню», у которой, видимо, не хватало опыта и настойчивости в повседневной общественной работе. Она собиралась передать Матицу вместе с ее имуществом кружку любителей изящных искусств, но общее собрание решило сохранить Русскую Матицу и избрать нового председателя. В результате 13 ноября 1927 г. Д.В. Скрынченко стал председателем Русской Матицы.

Русская Матица работала в Новом Саду до апреля 1941 года. К концу 1928 г. Новосадское отделение Матицы насчитывало 185 членов, в 1933 г. – 275, а в 1941 – 152.⁷⁸ В 1933 г. в библиотеке Русской Матицы имелось 3500 книг.⁷⁹ Деятельность в Русской Матице давала возможность Д.В. Скрынченко уйти от горьких мыслей о семье и Родине. В его дневнике можно найти пронзительную запись: «Общественная работа дала новую струю моей психологии, отвлекла меня от личных, углубленных страданий, и я с энергией, всегда присущей мне, отдался ей... В отношении лично меня теперь злоба как-то стихла: созданное мною крупное культурное дело у всех на виду, и почти все утихомирились... Злобствуют открыто лишь так называемые «кирилловцы» за непризнание

⁷⁶ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 149.

⁷⁷ Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 115-123.

⁷⁸ Там же. – С. 106.

⁷⁹ Скрынченко Д.В. Ук. соч. – С. 324.

Матицей и мною великого князя Кирилла Владимировича императором, за то, что в библиотеке Матицы среди императоров не висит портрет «императора Кирилла». Но Бог с ними: вести борьбу с ними я не собираюсь».⁸⁰

Д.В. Скрынченко ставил своей целью объединить все русские организации в Новом Саду, но задача оказалась невыполнимой: «Хотел было объединить все русские организации здесь, но это оказалось непосильной задачей: склонность к ссорам и разделению среди русских оказалась сильнее, чем я предполагал».⁸¹ Стремление к обособлению, склоки и вражда, обострившиеся статусом беженцев, подрывали силы эмиграции, ослабляли веру в будущее. «Дальше от них, дальше, – писал Д.В. Скрынченко, – зарыться в книги, в работу для нации, ее культуры, русской человечности, дальше от кирилловцев, от программочек...»⁸²

Д.В. Скрынченко испытал то амбивалентное отношение к эмиграции, о котором так проникновенно написал живший в изгнании А.И. Куприн: «Но все нехорошее, что о ней можно сказать, совершенно поглощается тем, что она есть прямое следствие большевистского режима. По смыслу своего бытия, она представляет отрицание самого отрицательного, самого безмерно-злого явления в мировой истории – воинствующего русского коммунизма – и таким образом в глазах моих рисуется не отрицательным, а положительным явлением».⁸³ Образ Родины, которую оставил Д.В. Скрынченко, был цельным и глубоким. Он хотел сохранить его, возможно, по этой причине он не принял проведенную советской властью модернизацию русской орфографии. Большая часть русских изданий за рубежом печаталась по старым правилам, которые напоминали о потерянной Родине. Стоит привести интересное наблюдение А.И. Доронченкова, согласно которому правые по убеждениям беженцы до конца

⁸⁰ Там же. – С. 195.

⁸¹ Там же. – С. 201. Об этом же говорят записи от 3 и 17 июня 1923 г.

⁸² Там же. – С. 216.

⁸³ Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб., 2001. – С. 265.

следовали традиционным правилам орфографии, а левые – меньшевики, эсеры и сменовеховцы – довольно быстро перешли на новое правописание.⁸⁴ Действительно, одной из первых на новую орфографию перешла ежедневная сменовеховская газета «Накануне», издававшаяся с 1922 г. в Берлине. Страницы дневника Д.В. Скрынченко, напротив, написаны с применением старой орфографии. Новую орфографию, введенную большевиками, русские эмигранты не приняли, потому что ее использование рассматривалось как косвенное признание незаконной советской власти.⁸⁵ Характерный факт: в начале апреля 1923 г. собрание Союза русских педагогов в Югославии приняло резолюцию по правописанию, в которой старая орфография связывалась с творчеством «великих писателей – Пушкина, Тургенева, Гоголя, Достоевского – и ученых во времена расцвета русской науки, культуры и искусства».⁸⁶ На самом деле модернизация русской орфографии была подготовлена еще императорской Академией наук, но ввиду войны реформу отложили. Для большевиков почти готовая реформа оказалась ценной находкой: они получили возможность даже в орфографии подчеркнуть начало иных времен.⁸⁷

В Новосадском историческом архиве историк русской эмиграции А.Б. Арсеньев обнаружил любопытные документы, которые проливают свет на работу Д.В. Скрынченко в Русской Матице. 11 января 1930 г. он отправил прошение Городскому совету Нового Сада, в котором просил выделить из городского бюджета 12 тыс. динар. Деньги требовались для приобретения книг – Матица содержала библиотеку с бесплатной читальней, аренда которой составляла боле 10 тыс.

⁸⁴ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001. – С. 77.

⁸⁵ Л. Андреев писал в январе 1919 г.: «Я не хочу по новому правописанию, которое я лично не признаю и которое введено не законным государственным путем, а декретом». – Андреев Л. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М. – С. 167.

⁸⁶ Миленковић Т. Друштва руских научника у Југославију // Руска емиграција у српској култури XX века. Т.1, Београд, 1994. – С. 67.

⁸⁷ См.: Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – С. 68–69.

динар в год. Кроме того, как писал Дмитрий Васильевич, Русская Матица устраивает бесплатные лекции и готовит к открытию курсы русского языка для местного населения.⁸⁸ Мы не знаем, что ответил Горсовет, но записи в «Дневнике» говорят о том, что местная городская администрация достаточно регулярно помогала Русской Матице.

Д.В. Скрынченко удалось собрать сведения о погибших в Австро-Венгрии русских военнопленных, а на собранные по подписке деньги благодаря Русской Матице на Успенском кладбище в Новом Саду и Петроварадинском военном кладбище были поставлены мемориальные восьмиконечные каменные кресты, которые, к сожалению, до нашего времени не сохранились.⁸⁹ Вот запись из дневника: «Сегодня освящен второй памятник при многочисленном собрании русских и местных жителей; освящение совершал и хорошую речь сказал митрополит Антоний. Памятники сделаны по проекту инженера Ю.Н. Шреттера и под его наблюдением... Деньги на постановку памятников дали местные жители, которые вообще отнеслись сочувственно. Лишь свои, русские, и здесь мешали постановке памятников. Как мешали – не хочу говорить, Бог с ними. Дело сделано. Рассеемся ли мы, или умрем, но хоть эти памятники будут говорить о том, что русские эмигранты заботились здесь не только об устройении своей личной жизни...».⁹⁰

В феврале 1937 г. в Новом Саду Русская Матица, как и многие русские зарубежные организации, отмечала 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. С его именем было связано появление первого (и, пожалуй, единственного) праздника, объединившего всех эмигрантов – Дня русской культуры. По точному выражению П.Б. Струве, зарубежная Россия складывалась из трех вер. Прежде всего, вера в Бога, вера в недалекую реставрацию и вера в культуру, особенно литературу, как средства спасения и возрождения России. «В 1924 г.

⁸⁸ Историйски Архив Новог Сада. Ф. № 9.189.

⁸⁹ Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 109.

⁹⁰ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 245.

в Эстонии по инициативе Союза русских просветительных и благотворительных обществ был устроен праздник, названный Днем русского просвещения».⁹¹ На следующий год в Праге ряд русских академических и студенческих организаций подписали призыв, в котором они обращались к русским эмигрантам «с предложением устройства ежегодного *«дня русской культуры»*», считая это одним из желательных способов объединения всех русских людей. Таким днем мы предлагаем избрать 8 июня нового стиля (26 мая старого стиля) – день рождения Пушкина, более чем кто наложившего печать своего творческого гения на язык русского народа».⁹² В 1924 г. в Эстонии был проведен первый праздник «День русского просвещения», который был приурочен к 125-летию рождения А.С. Пушкина. До нас дошло извещение, которое написал Д.В. Скрынченко в мае 1928 г.: «10 июня 1928 г. Матица и все русские организации, которые объединены вокруг нас, празднуют «День русской культуры».⁹³ Торжество должно было начаться молебном в Соборной церкви. Затем предполагалось две лекции – проф. Е. Спекторского и профессора мужской гимназии серба С. Баницы, а вечером предполагался концерт. К юбилею великого поэта эмигрантские круги готовились тщательно и заранее.

В 1937 г. празднование юбилея А.С. Пушкина в Европе происходило в 24 государствах и 170 городах, где жили русские беженцы.⁹⁴ За год до празднования в Париже был образован «Пушкинский комитет», председателем которого стал бывший дипломат В.А. Маклаков, а его товарищами – И.А. Бунин и П.Н. Милюков.⁹⁵ Интерес к Пушкину в среде русских беженцев был далеко не случайным. Культ Пушкина в

⁹¹ Филин М.Д. Пушкин как русская идеология в изгнании // «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. Рыбинское подворье. 1998. – С. 19.

⁹² Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – С. 270–271.

⁹³ Скрынченко Д. Дан Руске культуре у Новом Саду // Застава (Н. Сад). 1928, № 118 (24 маја).

⁹⁴ Филин М.Д. Ук. соч. – С. 21.

⁹⁵ Струве Н. Русская эмиграция и Пушкин // Струве Н. Православие и культура. – С. 319.

эмиграции утверждали в противовес советской филологии, которая усиленно занималась изучением творчества Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, писателей-народников.⁹⁶ 10 февраля в кафедральном соборе Нового Сада была отслужена панихида по великому русскому поэту, а 7 марта состоялось торжественное заседание, которое посетил заместитель бана (мэра) Нового Сада Св. Раич, а также епископ Ириней (Чирич). Речь о значении творчества А.С. Пушкина для русской культуры произнес Д.В. Скрынченко. Он акцентировал внимание на том, что «напрасно большевики стараются присвоить себе Пушкина, который ни по своему воспитанию, ни по мыслям, ни по целям не подходит к большевической идеологии».⁹⁷ Торжественная часть и концерт проходили в зале Спомен-Дома (Дома памяти) Короля Александра I, причем зал был полон. Фотографию об этих событиях поместил парижский еженедельник «Иллюстрированная Россия».⁹⁸

II

После кончины митрополита Антония место первоиерарха в РПЦЗ занял митрополит Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский, 1872–1965).⁹⁹ Под его руководством с 14 по 24 августа 1938 г. был проведен Второй Всезарубежный Собор РПЦЗ. Открытие Собора состоялось в Русском доме имени Императора Николая II в Белграде. В работе Собора принимали участие 13 архиереев, 26 священников и 58 гражданских лиц.¹⁰⁰ К сожалению, на Соборе примирения

⁹⁶ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбах России. СПб., 2000. – С. 17.

⁹⁷ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). Прил. к с. 386.

⁹⁸ Иллюстрированная Россия (Париж). 1937. № 15. – С. 11.

⁹⁹ Подробнее см.: Шкаровский М. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009. – С. 29-52.

¹⁰⁰ Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей. Белград, 1939. – С. 16. Подробнее см.: Маковецкий А., прот. Белая Церковь вдали от атеистического террора. История Русской Православной Зарубежной Церкви. М., 2009. – С. 91-98.

двух «ветвей» русского заграничного Православия не произошло – собор резко осудил митрополита Евлогия за уход в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Вот запись из дневника Д.В. Скрынченко: «Вчера, 24 августа 1938 г. в Сремских Карловцах закрылся Заграничный Церковный Собор, работавший с 14 августа под председательством митрополита Анастасия. Собор прошел в общем гладко. Муссировавшийся легитимистами вопрос о признании великого князя Кирилла Владимировича императором не был поставлен на обсуждение ввиду заявления самого Представителя династии. Редактор «Царского Вестника» Н.П. Рклицкий поднимал вопрос в пленарном заседании 20 августа о признании императора Николая II святым, но и этот вопрос был отставлен.¹⁰¹ Переосмысливая русскую историю, Дмитрий Васильевич пришел к выводу, что «Церковь наша должна стать **национальной**», для чего ей следует изжить «попытки к вселенской необъятности». «Наши «князья Церкви», – писал он, – то запрещают друг друга и готовы анафематствовать, то устраивают любопытные картины примирения, которого в действительности нет. Они точно решились затенить кристально чистый образ нашей Великой Святыни – Православной Церкви».¹⁰² Неприятие в церковной жизни у Дмитрия Васильевича вызывала сохранившаяся вопреки времени словность, мешавшая «постепенно готовить те необходимые поправки в нашей обрядовой церковной жизни, которые уже давно пора сделать». Так происходило потому, что основная часть новосадской русской интеллигенции, как он считал, «внешне покрыта дворянским лаком».

Начало новой мировой войны инспирировало вопрос: на чьей стороне стоит русская эмиграция? Невзирая на значительное количество организаций, русская эмиграция самостоятельной политической силы не представляла. «Бессильная, сброшенная со счетов истории, на чьей стороне может она стоять? Она только наблюдатель мировой катастрофы и исполняет роль и приказы той страны, где должны жить», –

¹⁰¹ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 394.

¹⁰² Там же. Прил. к с. 368.

записал Д.В. Скрынченко.¹⁰³ Положение русской эмиграции осложнялось тем, что в июне 1940 г. Югославия установила дипломатические отношения с СССР. Причиной тому стала реальная угроза со стороны Германии. «Русская эмиграция, – как отмечает А. Арсеньев, – восприняла этот факт настороженно».¹⁰⁴ Более того, признание Югославией СССР поставило русскую эмиграцию в тяжелое положение. Русской эмигрантской прессе было категорически запрещено выступать с критикой советской власти. Через три недели после установления дипломатических отношений с СССР газета «Царский вестник», издававшаяся Н.П. Рклицким, была закрыта.¹⁰⁵ Признание СССР было предпринято югославским правительством после того, как практически вся Европа была оккупирована Германией. Несмотря на беспокойство немцев, дальнейшего сближения между Югославией и СССР не произошло. В марте 1941 г. югославское руководство решило присоединиться к Тройственному пакту (Берлин – Рим – Токио). А 25 марта в Вене делегация Югославии во главе с премьером Д. Цветковичем подписала протокол о присоединении к оси Берлин – Рим – Токио.¹⁰⁶ Таким образом, Югославия стала союзником фашистской Германии. Однако в Белграде и в провинции начались протесты, с осуждением присоединения к пакту выступил глава Сербской Православной Церкви Патриарх Гавриил.

Массовые демонстрации подтолкнули группу проанглийски настроенных офицеров во главе с командующим ВВС Югославии генералом Душаном Симовичем к совершению государственного переворота. Принц-регент Павел и правительство Цветковича были свергнуты. Пытаясь найти противовес возможной агрессии, правительство Д. Симовича подписало в Москве договор о дружбе и ненападении между Югославией и СССР. В ответ 6 апреля в

¹⁰³ Там же. – С. 397.

¹⁰⁴ Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 169.

¹⁰⁵ Русский корпус на Балканах во время II Великой войны. 1941–1945. Воспоминания соратников и документы. Сб. второй. СПб., 1999. – С. 16.

¹⁰⁶ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. – С. 182-183.

Вербное воскресенье немцы начали бомбить Белград, а 13 апреля заняли его. После подписания 17 апреля 1941 г. в Белграде акта безоговорочной капитуляции Югославия перестала существовать. Провозглашенное С. Кватерником Хорватское государство получило Срем, Венгрии отошли Бачка и Баранья вместе с Новым Садам, который был переименован в Уйвидек. Военное управление венгры осуществляли до 16 августа 1941 г., а затем учредили гражданскую администрацию в связи с принятием закона о присоединении этих территорий к Венгрии.¹⁰⁷

Эмигрантские организации в Воеводине были распущены, после 22 июня 1941 г. в рядах русских беженцев началось интенсивное размежевание на тех, кто желал поражения СССР, и тех, кто сочувствовал борьбе СССР против гитлеризма. Судя по всему, последних было больше. Доподлинно неизвестно, какую позицию занимал Д.В. Скрынченко, но, судя по его записям в дневнике, он, скорее, был оборонцем, чем пораженцем. Учитывая сформировавшееся у него еще в годы Первой мировой войны негативное отношение к немцам, можно полагать, что Д.В. Скрынченко искренне переживал, узнав о нападении Германии на СССР.

Венгерские власти приравнивали русских к остальным гражданам т. н. «объединенных венгерских территорий».¹⁰⁸ Сам Новый Сад был отрезан от Белграда новыми границами, отчего контакты с русскими колониями в других городах стали спорадическими, а иногда совсем невозможными. К тому же венгры в Бачке запретили выпуск газет на славянских языках. В апреле 1941 г. все русские эмигрантские организации были распущены, в том числе и Русская Матица. В сентябре 1941 г. Д.В. Скрынченко остался без работы, чтобы выжить, пришлось продавать вещи. Он был вынужден съехать с «насиженной» квартиры, в ремонт и усовершенствование которой было вложено немало сил, и перебрался жить в помещение Русской Ма-

¹⁰⁷ Стругар В. Югославия в огне войны 1941–1945. М., 1985. – С. 22.

¹⁰⁸ Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 172.

тицы. В октябре 1941 г. венгерские власти разрешили открыть русские среднеобразовательные классы, в которых могли учиться дети русских эмигрантов. Это разрешение было дано Русскому Красному кресту в Уйвидеке. На курсах работали 13 преподавателей, среди которых священник Владимир Родзянко, Д.В. Скрынченко, А.А. Сердюкова, М.С. Чернцов и другие.¹⁰⁹ Дмитрий Васильевич преподавал географию, космографию и математику. В ноябре 1941 г. на курсах обучались 35 человек.

В октябре 1941 г. в Уйвидеке была открыта русская гимназия. В 1942 г. ее директором стал Д.В. Скрынченко. По его впечатлениям, венгры относились к русским неплохо, исправно платили пенсии и пособия, но в сентябре 1944 г., когда советские войска подошли к границам Венгрии, гимназия закрылась. Вместе с тем война стала тяжелейшим испытанием для оставшихся в Новом Саде русских. В январе 1942 г. венгры проводили карательную операцию против действовавших в Бачке партизан. Как пишет А.Б. Арсеньев, «город был в осаде и без телефонной связи с внешним миром».¹¹⁰ Жертвами венгерских репрессий всего стали около 3500 человек, среди которых были и русские.¹¹¹ Венгерские войска ввиду наступления Красной армии и активизации партизан начали покидать Бачку в первых числах октября 1944 г., а 23 октября Новый Сад был освобожден.¹¹² Можно только догадываться, какие противоречивые чувства и мысли посещали Д.В. Скрынченко, после того как в Новый Сад вошла Красная армия. Это была, с одной стороны, военная сила большевиков, которые сломали жизнь в России Дмитрию Васильевичу и его семье, а с другой – это была реальная сила, которая разбила Германию. «После прихода Красной армии в Воеводину, – пишет А.Б. Арсеньев, – почти всем русским пришлось

¹⁰⁹ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). – С. 405.

¹¹⁰ Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 174.

¹¹¹ Стругар В. Югославия в огне войны 1941–1945. – С. 89. По сведениям А.Б. Арсеньева, во время репрессий погибли 19 русских эмигрантов. – Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 174.

¹¹² Стругар В. Ук. соч. – С. 250.

писать автобиографии и заручиться характеристиками по месту работы».¹¹³ Мы не знаем, получил ли Д.В. Скрынченко характеристику из новисадской гимназии, но, кажется, он не был арестован, хотя органы СМЕРШ активно «просеивали» остатки русских беженцев. Несколько человек из них были расстреляны, других, например В.В. Шульгина, жившего в Сремских Карловцах, арестовали и вывезли в СССР. Русская эмиграция была опасна для Москвы не только потому, что состояла из людей, готовых бороться с советской властью. К середине 40-х гг. таковых было не так уж много. Большая часть беженцев откровенно не принимала советскую власть, и «всеми доступными способами разоблачала как саму коммунистическую доктрину, так и ее порождение – неприглядную советскую действительность и господствовавший в стране террор».¹¹⁴ Русскую Матицу новые власти открыть не разрешили. Да и людей, которые могли бы заниматься сохранением русской культуры, становилось все меньше. К тому же по распоряжению советского военного управления уже «в ноябре 1944 г. почти вся периодика и часть книжного фонда Библиотеки Русской Матицы в Новом Саду была сожжена».¹¹⁵

В октябре 1945 г. прошли выборы в Учредительную скупшину Югославии, на которых победил народный фронт во главе с коммунистами. А 29 ноября того же года была провозглашена Федеративная Народная Республика Югославии. Осенью 1945 г. Д.В. Скрынченко был приглашен в Новисадскую техническую школу преподавать русский язык, который стал обязательным предметом в послевоенной Югославии. Местных кадров для преподавания русского не хватало, и тогда на помощь призвали тех русских, кто был связан с преподавательской деятельностью и не сотрудничал с оккупантами. Образовавшееся на Балканах государство установило самые близкие отношения с СССР, тем

¹¹³ Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – С. 177.

¹¹⁴ Русский корпус на Балканах во время II Великой войны. 1941–1945. Сб. второй. С.7.

¹¹⁵ Арсеньев А. Ук. соч. – С. 144, прим. 2.

более что в русских снова видели освободителей от чужеземного ига. Одним из результатов сближения стало основание в Новом Саду «Общества по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР». Это общество стало последним местом работы Д.В. Скрынченко, он занимал «скромную должность библиотекаря общества».¹¹⁶ Д.В. Скрынченко помогал работе общества, передав ему остатки библиотеки Русской Матицы.

В рукописном отделе Матицы Сербской А.Б. Арсеньев обнаружил прошение Д.В. Скрынченко, в котором он обращался к руководству «Общества по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР» с просьбой принять его в члены общества. Прошение это датируется 14 июля 1946 г. Председателем общества в это время был Васа Стаич, который с 1935 г. был председателем Матицы Сербской; с ним Д.В. Скрынченко в те годы состоял в деловой переписке и хорошо его знал. Конечно, В. Стаич помнил главу Русской Матицы в Новом Саду, и Д.В. Скрынченко был принят. Вот что значилось в прошении: «На основании пп. 6 и 7 Устава данного общества прошу Правление Общества принять меня в члены Общества. Мое желание – принести пользу Обществу в осуществлении его целей. Родился я в России в 1874 году, состоял преподавателем и директором среднего учебного заведения. Сюда прибыл в 1920 году, в январе, с разрешения Попечителя Одесского учебного округа от 16 декабря 1919 года за № 5221-1239 «для изучения истории славянских народов и их быта».¹¹⁷ Членство Д.В. Скрынченко в «Обществе», как полагает А.Б. Арсеньев, дало ему возможность получить от новых властей комнату. После войны многие частные дома были национализированы и уплотнены. Д.В. Скрынченко дали жилье неподалеку от библиотеки «Общества дружбы» в самом центре города. Общество вело просветительскую работу, из СССР стали поступать книги, газеты, журналы. Поэтому Д.В. Скрынченко читал те советские книги, что без ограничений стали доступны в новой

¹¹⁶ Там же. – С. 179–180.

¹¹⁷ Рукописно одељење Матице Српске. Инв. бр. 9.192.

Югославии. Из них он делал выписки, которые сохранились в архиве Матицы Сербской.¹¹⁸

Эти выписки, озаглавленные «Мелочи из русской жизни и истории», датируются мартом 1946 г. Они весьма показательны, так как свидетельствуют о существенном изменении взглядов Д.В. Скрынченко на СССР. Вот что писал Дмитрий Васильевич в предисловии: «В СССР издано за последнее время много интересных книг исторического характера, которые рисуют русское прошлое до освобождения крестьян от крепостного права и перед настоящей революцией. Все эти книги ясно показывают, почему так успешна была русская революция и почему царский строй был таким гнилым».¹¹⁹ Первые страницы представляют довольно обширные цитаты из воспоминаний Д.В. Григоровича, А.П. Керн и А.Я. Панаевой. В цитируемых отрывках на сербском языке приведены характерные примеры издевательств и унижений, горя, которые терпели от своих господ крепостные. С другой стороны, здесь же можно найти факты, говорящие о тупости, чванстве и заносчивости высшего образованного слоя, его оторванности от народа. Дмитрий Васильевич цитирует в переводе на сербский знаменитую оду «Вольность» А.С. Пушкина, а именно ту строфу, которая начинается известными словами «Самовластительный злодей!».¹²⁰ Далее следуют живые характеристики А.С. Пушкина, которые дала ему А.П. Керн, а также Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова из воспоминаний А.Я. Панаевой.

Весьма показательны отрывки из воспоминаний Д.В. Григоровича, который оставил прекрасные страницы описаний быта помещиков. Д.В. Скрынченко приводит рассказ писателя, как помещики «жили в свое удовольствие, не заботясь большей частью о том, что имение заложено и перезаложено в опекуном совете».¹²¹ Продолжает этот рассказ история

¹¹⁸ Они были обнаружены проживающим в Нови Саде Алексеем Борисовичем Арсеньевым и любезно предоставлены автору.

¹¹⁹ Там же. Инв. бр. М. 9.774.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Рукописно оделење Матице Српске. Инв. бр. М. 9.774. (Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1928. – С. 6-7).

одного помещика, который всюду возил с собой экзекутора из крепостных, наводя ужас на крестьян. Он занимался тем, что по деревням собирал «лишних» детей и девок, продавал их в Москве как крепостных, а деньги привозил помещику.¹²² Д.В. Скрынченко цитирует рассказ А.П. Керн о своем отце, который был изрядным самодуром и пускался в различные спекуляции, которые его и разорили.¹²³ А затем следует рассказ, свидетельствующий о высокомерии и заносчивости высших чиновников (речь шла о генерал-губернаторе князе Лобанове-Ростовском). Наконец, выборку из воспоминаний А.П. Керн завершает довольно длинная цитата о том, как А.С. Пушкин в Тригорском читал поэму «Цыганы».¹²⁴

Из «Воспоминаний» А.Я. Панаевой Д.В. Скрынченко выбрал рассказ об одном ее богатом родственнике, который создал собственный гарем с двумя десятками крепостных девушек. А сын его издевался над крепостными просто от скуки, бил дворовых детей гибким прутом, когда те маршировали перед ним. Вслед за этим Д.В. Скрынченко цитирует диалог А.Н. Некрасова с В.П. Боткиным, в которой последний предстает как вестернизированный аристократ, презирающий русский народ и отзывающийся о русских пренебрежительно, сравнивая их с эскимосами и готтентотами.¹²⁵ Далее следуют выписки из мемуаров А.Я. Панаевой, в которых она рассказывает о реакции дяди-генерала В.И. Панаева на постановку гоголевского «Ревизора». Генерал считал, что «это была безобразная карикатура на администрацию всей России».¹²⁶ После краткой цитаты из мемуаров А.Я. Панаевой, с характеристикой М.Е. Салтыкова-Щедрина, Д.В. Скрынченко цитирует известный рассказ А.В. Кольцова о том, как он стал поэтом.¹²⁷

¹²² Там же. Инв. бр. М.9.774. (Григорович Д.В. Литературные воспоминания. – С. 7-8).

¹²³ Там же. Инв. бр. М.9.774. (Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. М., 1987. – С. 342).

¹²⁴ Там же. Инв. бр. М.9.774. (Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. – С. 41-42).

¹²⁵ Там же. Инв. бр. М.9.774. (Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1948. – С. 156, 343-344).

¹²⁶ Там же. Инв. бр. М.9.774. (Панаева А.Я. Воспоминания. – С. 173).

¹²⁷ Там же. Рукописно оделенье Матице Српске. Инв. бр. М.9.774. (Панаева А.Я. Воспоминания. С.93).

На двух страницах мы видим выписки из книги «Разговоры Пушкина». Они передают не только характер эпохи, но подобраны таким образом, чтобы оттенить высокомерие и чванство высших слоев русского общества 20-х – 30-х гг. XIX в., с одной стороны, и показать народность русского поэта, – с другой. Д.В. Скрынченко приводит известную историю о том, как Николай I спросил Пушкина, что он сделал бы, если бы 14 декабря был в Петербурге, на что Пушкин отвечал: «Стал бы в ряды мятежников».¹²⁸ Вообще, в его выписках Пушкин предстает как свободолюбивый, независимый человек, который с неприязнью относился к властям. Конечно, доля истины в этом имеется, и она задается углом зрения и отбором характеристик из довольно объемной подборки. Предпоследнюю страницу занимают содержательные выписки из сочинения Ю. Никольского «Тургенев и Достоевский (История одной вражды)».¹²⁹ Эта книга, изданная в начале 20-х гг. в Болгарии, видимо, сохранилась в силу политической неангажированности в библиотеке Русской Матицы и была использована Дмитрием Васильевичем для выписок. Завершаются «Мелочи» выписками из заграничных писем С. Есенина, в которых тот высказывал фундаментальное неприятие Запада, который гонится за деньгами и весь погружен в буржуазность, давящую творческую мысль.¹³⁰

Конечно, удивительным покажется то, что среди выписок из литературных воспоминаний мы находим цитаты из высказываний Анри Барбюса о Сталине.¹³¹ Подобное изменение взглядов среди некоторой части остатков русской эмиграции представляется весьма естественным. Еще в декабре 1939 г. В.Н. Штрэндтман писал В.А. Маклакову о мнении одного из православных иерархов, согласно которому единственный выход

¹²⁸ Там же. Инв. бр. М.9.774. (Разговоры Пушкина. Собр. – С. Гессен и Л. Модзалевский. М., 1929. – С. 69)

¹²⁹ Там же. Инв. бр. М.9.774. (Никольский Ю.А. Тургенев и Достоевский [История одной вражды] София, 1921).

¹³⁰ Там же. Инв. бр. М.9.774. (Есенин С.А. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М., 1990. – С. 320-321).

¹³¹ Великий вождь народа и Красной армии (передовая) // Большевик. 1945. № 13. – С. 8.

эмиграции заключается в одном: вернуться в Россию и избрать Сталина царем.¹³² В.И. Косик полагает, что причина появления такого мнения заключалась «в застарелом комплексе вины интеллигенции перед народом».¹³³ Скорее всего, причина подобных взглядов кроется глубже. Архетипы имперского и монархического сознания никуда не исчезли, даже если русские люди жили в эмиграции. Они трансформировались в популярную идею «народной монархии». У Д.В. Скрынченко позиция государственника оказалась сильнее антибольшевизма. Подобная эволюция характерна для многих эмигрантов, потому что большевики создали новое сильное государство и разгромили традиционного противника России в XX в. – Германию. Скорее всего, он по-своему признал советскую власть, уважая в СССР сильное государство.

В начале 1945 г. Д.В. Скрынченко получил известия от своей семьи. Перед уходом немцев из Киева Александра Ивановна и три дочери двинулись на Запад, они не хотели связывать свою судьбу с советской властью. Уехали Мария с сыном Игорем (муж Марии Павел Гершельман был расстрелян в 1937 г.),¹³⁴ Ирина с дочерью Светланой и мужем Игорем Бабаниным,¹³⁵ Нина с мужем Львом Савинским и дочерью Татьяной.¹³⁶ Сын Анатолий с женой и тремя детьми остался в Киеве. Беженцы ехали в товарном вагоне через Ровно и Варшаву, пережили по дороге два крушения – на железных дорогах в тылу немцев проявляли активность

¹³² Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов в двух книгах. Кн. вторая. – С. 265.

¹³³ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии. – С. 132.

¹³⁴ Мария Дмитриевна (1907–1988). Второй муж – Соболев Петр Андреевич. Сын от первого брака Игорь, 1934 г. р. Жена Игоря – немка Леонор, дети – Елена и Павел.

¹³⁵ Ирина Дмитриевна (1911–1970). Вышла замуж 5 ноября 1931 г. за Игоря Всеволодовича Бабанина (1908–1982). Дочь Светлана (1935) вышла замуж за Михаила Царевского, дети – Василий (1963), Сергей (1966), Мария (1969).

¹³⁶ Нина Дмитриевна (1912–1999). Вышла замуж в 1939 г., за Льва Николаевича Савинского (1910–2004). Дочери – Татьяна (1942) и Наталья (1952). Татьяна вышла замуж за Бориса Крохмалева, имеет двоих детей – Александру (Сиану) и Георгия. У Натальи сын Александр от первого мужа, уругвайца Гереро. В 1996 г. Нина и Лев Савинские по Указу Президента РФ от 30.07.1996 № 1114 получили российское гражданство.

партизаны. В Вене, где нашлась работа на бумажной фабрике, наладилась переписка с Дмитрием Васильевичем, но он не смог выехать из Нови-Сада, в это время он болел, не было средств, к тому же Красная армия стремительно приближалась к Вене. Столицу Австрии бомбили, и, когда советские войска вошли в пригороды Вены, вся семья Скрынченко покинула ее. Где пешком, где на поезде они добрались до Мюнхена, которым в свое время восторгался Дмитрий Васильевич, и прожили в нем до 1947 г. Из столицы Баварии они отправились в Марсель и через три недели плавания добрались до Аргентины, которая стала их второй родиной. В 1948 г. дочери Дмитрия Васильевича получили известие, что он умер от разрыва сердца. Кто-то переслал им дневник и воспоминания, которые дошли до нас.

В апреле 1947 г. в Новом Саду в бюллетене «Общества» был опубликован некролог. «Член нашего Общества Дмитрий В. Скрынченко, профессор, скончался 30 марта 1947 г. Профессор Скрынченко проживал в Югославии почти 30 лет. Ученики Новисадской гимназии вспоминают профессора Скрынченко как доброго воспитателя и человека. Как только наше Общество возникло, профессор Скрынченко, несмотря на то, что был в годах, продолжал как можно больше помогать работе нашего Общества, вложив много труда в дело налаживания библиотеки. Кроме того, профессор Скрынченко был одним из первых, кто с любовью учил нашу молодежь русскому языку. Его последнее выступление перед общественностью состоялось в нашем Обществе с лекцией о восьмисотлетии основания Москвы».¹³⁷ Похоронили его в «Русской парцеле» Успенского кладбища Нового Сада, на его могиле в 2002 г. был возобновлен православный крест.¹³⁸ В Новом Саду память о Дмитрие Васильевиче Скрынченко сохранилась. Не так давно вышла о нем статья в «Энциклопедии Нового сада».¹³⁹

¹³⁷ Билтен Друштва за културну сарадњу Воеводине са СССР, 1947. № 4. – С. 27.

¹³⁸ Усилиями Алексея Борисовича Арсеньева.

¹³⁹ Арсеньев А. Скрынченко Д.В. Енциклопедија Новог Сада. Књига 25. Нови Сад, 2005. – С. 94-95.

Несколько слов о судьбе братьев и сестер Д.В. Скрынченко. Его старший брат Михаил (1862–1919), окончив Бобровское уездное училище, стал офицером полиции и дослужился до полковника. Службу он закончил помощником Бобровского уездного исправника, когда весной 1909 г. его здоровье ухудшилось. Несмотря на лечение, болезнь не проходила, и в марте 1910 г. М.В. Скрынченко написал прошение об отставке.¹⁴⁰ Именно в это время Дмитрий Васильевич прислал воронежскому губернатору из Минска уже упоминавшееся письмо. Скончался М.В. Скрынченков 7 апреля 1919 года в возрасте 57 лет, находясь на лечении в Воронеже, когда в городе были красные. Вероятнее всего, что они его и расстреляли.

Как у Дмитрия, у Михаила Скрынченкова было три дочери Серафима (1887–1974), Вера (1891–1987), София (1897–1979) и сын Дмитрий (1894–1917). Старшая дочь Серафима закончила Мариинскую женскую гимназию в Воронеже, а затем работала в Окружном суде на канцелярских должностях, а при советской власти в Воронежском облсуде. После войны она переехала в Бобров, где до кончины проживала со своей сестрой Верой. Вера Скрынченкова в 1909 г. окончила с отличием Мариинскую женскую гимназию в Воронеже, вернулась в Бобров и с 1910 г. вплоть до выхода на пенсию в 1953 г. проработала учителем начальных классов в Бобровских школах. Дмитрий Скрынченков после окончания Бобровской мужской гимназии¹⁴¹ поступил в 1913 г. в Киевское юнкерское пехотное училище. В связи с началом войны он был досрочно выпущен из училища, произведен в подпоручики и записан в 212-й Романовский пехотный полк. Д. Скрынченков участвовал в боях за Луцк и Ковель, был произведен в поручики и командовал батальоном. Под Ковелем, испытывая сильнейший натиск русских, немцы применили химическое оружие. В бою у колоний Юльяновка и Александровка Д. Скрынченков был отравлен газами.

¹⁴⁰ Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО), ф. 2, оп. 9, д. 1280, л. 122-123; л. 129-130.

¹⁴¹ ГАВО, ф. 2, оп. 9, д. 1280, л.187.

Приказом по Особой армии № 224 от 21 ноября 1916 г. он был награжден орденом Св. Станислава с мечами 2-й степени. 26 июня 1917 г. при обходе сторожевого охранения (в это время 212-й Романовский полк стоял в Угриничской волости Пинского уезда Минской губернии) штабс-капитан Д.М. Скрынченков наткнулся на немецкую засаду, был тяжело ранен и унесен немцами.¹⁴² Все попытки узнать о его судьбе были безрезультатны. София Скрынченкова по окончании Бобровской женской гимназии уехала в Воронеж, где познакомилась с И.П. Вискне, латышом, оказавшимся в Воронеже. 19 июля 1919 г. она вышла за него замуж. В 1920–1921 гг. она училась в Воронежском сельскохозяйственном институте на землеустроительном факультете. В 1922 г. у них родилась дочь Вера, и в дальнейшем всю жизнь С.М. Вискне не работала, была домохозяйкой.

Младший брат Дмитрия Иван (1877–1936) окончил Воронежское духовное училище.¹⁴³ Он вернулся в Песковатку, стал псаломщиком, помогал отцу на службе в Покровской церкви. Кроме службы в церкви он работал учителем.¹⁴⁴ После женитьбы на Анне Кочуковой у них родился сын Николай, которому была дана фамилия матери. С 1928 г. Иван Скрынченков проживал в с. Девица, был сначала дьяконом, а затем священником.¹⁴⁵ В феврале 1930 г. он был арестован органами ГПУ. Ему и еще двум священнослужителям вменялась в вину борьба против колхозного строя. После освобождения И.В. Скрынченко вернулся в Песковатку. Вскоре он был кем-то сильно избит и едва сумел добраться до дома. После тяжелой болезни в 1935 г. он скончался. Сын Ивана Васильевича Николай был призван в Красную армию рядовым и погиб в июле 1941 г.¹⁴⁶

¹⁴² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2383, оп. 1, д. 100, л. 4, 5 об.

¹⁴³ Воронежские епархиальные ведомости. 1887. № 20. – С. 519.

¹⁴⁴ Центр документации новейшей истории, Воронеж (далее – ЦДНИ), ф. 9353, д. П-21888, л. 27.

¹⁴⁵ Там же, л. 27.

¹⁴⁶ Книга Памяти о войнах – воронежцах, погибших и пропавших без вести в Великую Отечественную войну в 1941–1945 годах. Лискинский район. Воронеж, 1994. – С. 187.

Сестра Дмитрия Васильевича Митродора (1865–после 1932) вышла замуж за воронежского мещанина Георгия Вандышева, работавшего инженером на железной дороге. Ее сын от первого брака Николай Вандышев учился сначала в 1-й мужской классической гимназии Воронежа, а затем в Московском университете на юридическом факультете.¹⁴⁷ Вернувшись в Воронеж, он с 1914 г. работал в Окружном суде.¹⁴⁸ При советской власти он был следователем по уголовным делам, а с 1925-го по 1927-й – помощником юрисконсульта. 14 января 1932 г. в доме Н.Г. Вандышева был произведен обыск, после которого он был арестован, но вскоре отпущен. Дальнейшая судьба сестры и племянника Дмитрия Скрынченко неизвестна.

О жизни второй сестры Анны (1873 – после 1930) известно совсем мало. Она вышла замуж за крестьянина с. Архангельское Михаила Губанова, проживала вместе мужем и сыном Алексеем в с. Коршево Бобровского уезда.¹⁴⁹ Так как Губановы были середняками, во время коллективизации их имущество было конфисковано, а М.Г. Губанов был в 1931 г. сослан в трудовой лагерь на Севере, откуда бежал в 1933 году.¹⁵⁰ В декабре 1937 г. он был арестован в родном селе Архангельское и в январе 1938 г. расстрелян. Что стало с Анной и ее сыном – неизвестно. Скорее всего, они были внесудебным порядком отправлены в один из лагерей как члены семьи врага народа.

¹⁴⁷ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 418, оп. 324, д. 285, л. 21.

¹⁴⁸ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж, 1916. Отд. IV. – С. 50.

¹⁴⁹ ГАВО, ф. 2, оп. 9, д. 1280, л. 151 об.

¹⁵⁰ ЦДНИ, ф. 9353, д. П-20353, л. 4 об.

ЧАСТЬ V. Земное и небесное

Орек 13

Православная антропология

В конце XIX – начале XX в. русская религиозная мысль переживала расцвет. Плеяда выдающихся мыслителей создала богословскую науку, которая в лице своих лучших представителей стремилась реагировать на запросы времени. И совсем не случайно, что особое место в религиозно-философской мысли начала века занимает этико-антропологическая проблематика. Она являла собой теоретическую попытку модернизации православной мысли, сближения ее с жизнью и синхронизации ее с теми возможными реформами, которые намечались в Русской Православной церкви. В Казани Д.В. Скрынченко написал три богословских работы. Это «Догмат о воскресении человеческой плоти», «Немезий, епископ Эмесский и его сочинение «О природе человека», а также исследование «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению». За последнее сочинение он был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии.

Среди многочисленных проблем православной антропологии значительную полемику в конце XIX – начале XX в. вызывала проблема воскресения человеческой плоти. О воскресении писали такие мыслители, как С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев и в особенности Н.Ф. Федоров, для которого идея воскресения мертвых была настолько значимой, что он подчинил ей всю свою философскую систему. В Казанской Духовной академии интерес к идее всеобщего воскресения мертвых проявил выдающийся русский богослов Виктор Иванович Несмелов, под чьим руководством работал Д.В. Скрынченко.

Вопрос о воскресении мертвых – важнейший в христианской антропологии.¹ Многие поколения христианских мыслителей стремились найти ответы на вопросы о воскресении, обосновать человеческое стремление к вечной праведной жизни в противовес греховному земному бытию. Актуализация этой проблемы произошла не только в связи с бурным развитием философского позитивизма и естествознания. Земная жизнь – как тайна, как загадка, и вечная жизнь после воскресения не случайно обратила на себя внимание русских богословов. Повсеместное превращение человека в функцию, в придаток снижало ценность жизни в бытовом, не говоря уже об экзистенциальном смысле, и заставляло мыслящих людей пытаться понять религиозный смысл человеческого бытия как в жизни земной, так и в последующей вечной. Кроме того, в интересе к вопросу о воскресении мертвых можно увидеть попытку найти синтез православного учения и естественнонаучных знаний того времени. Поэтому само по себе утверждение этой проблемы в русской философии на рубеже веков весьма симптоматично. В христианском понимании человек существует для вечной жизни в Царстве Божием. Христианство утверждает не только бессмертие духа, но и бессмертие плоти в виде воскресения из мертвых. Поэтому если ценность жизни определяется ее целью, то исследование проблемы воскресения как этапа на пути к осуществлению этой цели представляется вполне логичным. В этой связи В.И. Несмелова занимали два вопроса: что будет представлять собой всеобщее воскресение мертвых, и каким окажется воскресшее тело? В процессе воскресения мертвых, писал он, «Христос возвратит силу творчества жизни, и дух каждого человека мгновенно образует себе новое тело применительно к условиям существования нового мира».² Он рассматривал известный тезис святого Иустина Мученика, согласно которому «тело воскресшего человека составит из тех же самых элементов, из которых

¹ См.: Воскресение мертвых // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. – С. 435.

² Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 2. М., 1994. – С. 400.

прежде состояло живое тело его».³ Такое решение, как полагал В.И. Несмелов, удовлетворяло вполне богословскую мысль времен Иустина, но «не может, конечно, считаться удовлетворительным для современной научной мысли».⁴ По мысли В.И. Несмелова, тело воскреснет «независимо от тех материальных элементов, которые во время земной жизни человека последовательно входили в состав его материального организма».⁵ Это значило, что будущая идентичность человека обеспечивается его личностью, духовным началом. Поэтому, как считал В.И. Несмелов, тождество тела умершего и воскресшего не требуется и не будет, т. к. оно «создается исключительно только единством его личности».⁶ Он полагал, что воскресение «произойдет путем мгновенного повторения того же самого творческого процесса жизни, которым образуются живые тела людей и в настоящий период их земного существования».⁷

Отталкиваясь от идей В.И. Несмелова, Д.В. Скрынченко рассмотрел четыре вопроса, исчерпывающих, по его мнению, современное состояние понимания догмата о воскресении человеческой плоти: 1. Что станет с плотью после отделения от нас бессмертной души? 2. Что говорит об этом Св. Писание и Св. Предание? 3. Возможно ли при помощи науки доказать возможность и необходимость воскресения плоти? 4. Как следует оценивать современное естествознание, рассматривающее человека как биологическое существо?⁸

Основные положения работы Д.В. Скрынченко сводятся к следующему. Идея воскресения из мертвых восходит к книгам Ветхого Завета. В книге пророка Даниила возвещается не только о пробуждении от сна смерти, но и воздаянии праведникам и грешникам. «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное по-

³ Там же. – С. 402.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Скрынченко Д. Догмат о воскресении человеческой плоти // Минские епархиальные ведомости (далее – МЭВ. 1910). № 19. – С. 444.

ругание и посрамление» (Дан. 12.2). Однако окончательное оформление эта идея получила в Новом Завете: «Отличие новозаветного учения по данному вопросу от ветхозаветного, – писал Д.В. Скрынченко, – заключается в том, что центральным пунктом этого учения поставляется Искушитель наш Иисус Христос».⁹ Действительно, вера в то, что Христос воскрес, является самым убедительным основанием для веры в воскресение мертвых (1 Кор. 15, 12-13).

Рассуждая о воскресении человеческого тела после смерти, Д.В. Скрынченко задавал важный, с его точки зрения, вопрос: те же тела воскреснут, или же новые, иные?¹⁰ Отталкиваясь от Св. Писания, он показал, что тела будут те же, но только применительно к своему новому состоянию, это будут одухотворенные тела, которые не будут иметь телесных потребностей. Воскресение плоти подобным образом коснется не всех, потому что грешники будут подвергнуты адским мукам, для чего они должны обладать телом в полном смысле этого слова.¹¹ Для подтверждения своей мысли Д.В. Скрынченко привел мнения известных богословов: Климента Римского, Поликарпа Смирнского, Св. Иустина, Татиана. Особенно его привлекали идеи Афинагора Афинянина, рассуждения которого раскрывают сущность процесса воскресения мертвых. Афинагор утверждал, что идентичное воскресение тел вполне возможно, так как Бог знает, куда поступает каждая из частиц разрушенной после смерти плоти.¹² Возможность воскресения, как полагал Д.В. Скрынченко, вытекает из того, что Бог создал все из ничего, следовательно, Он обладает возможностью вернуть назад исчезнувшее. Необходимость воскресения вытекает из факта, что человек состоит из тела и души, поэтому если душа человека воскреснет, то с необходимостью должно воскреснуть и его тело.

Несколько ранее Д.В. Скрынченко опубликовал в «Минских епархиальных ведомостях» сделанный еще на 3-м курсе

⁹ Там же. – С. 447.

¹⁰ Там же. – С. 449.

¹¹ Там же. – С. 451.

¹² Там же. – С. 455.

академии перевод и комментарии к труду епископа Немезия «О природе человека».¹³ Современные издания, к сожалению, не учитывают вклад Д.В. Скрынченко в изучение наследия этого мыслителя.¹⁴ О самом Немезии известно немного. Большинство исследователей сходится в том, что жил он в конце IV в. в Эмесе, эллинизированном городе, который лежал на полпути между Антиохией и Дамаском.¹⁵ Труд Немезия высоко ценился как в святоотеческой традиции, так и в средневековой схоластике. Почему Д.В. Скрынченко обратился к переводу труда Немезия? Дело, наверно, не только в том, что к началу XX в. сочинение Немезия еще не нашло русского переводчика. Причина, скорее, в том, что в Немезии молодой богослов увидел представителя раннехристианской традиции, чьи идеи могли бы «освежить» русскую богословскую мысль, придать ей импульс в развитии. Обращение к труду Немезия было своего рода попыткой напомнить о незамутненных идеях и ценностях раннего христианства. Ведь Немезий своим трудом, несомненно, способствовал утверждению христианского понимания человека, создавая синтез раннего христианства и поздней античной мысли. Не следует сбрасывать со счета еще одну причину повышенного интереса к творчеству Немезия. Обращение к тексту его труда как материалу для перевода произошло потому, что он «предпринимал защиту христианства от нападок испускавшего последний вздох и потому ожесточенного язычества».¹⁶ Поэтому проблематика сочинения епископа представлялась Д.В. Скрынченко весьма актуальной. В Казани он работал с древнегреческим текстом издания Ж.П. Минья (французского аббата и издателя, известного публикатора латинских,

¹³ Скрынченко Д.В. Немезий, епископ Эмесский и его сочинение «О природе человека» // МЕВ. 1909. № 3. – С. 1-22; № 4. – С. 23-38; № 5. – С. 39-54; № 6. – С. 55-70; № 7. – С. 71-86; № 10. – С. 87-114.

¹⁴ См.: Немесий, епископ Эмесский. О природе человека. Пер. Ф.С. Владимирского. М., 1996. Немесий, епископ Эмесский. О природе человека. Пер. с греч. Ф.С. Владимирского. М., 1998.

¹⁵ Хорьков М.Л. Немезий Эмесский и его сочинение «О природе человека» // Немесий, епископ Эмесский. О природе человека. М., 1998. – С. 454.

¹⁶ Скрынченко Д.В. Немезий, епископ Эмесский и его сочинение «О природе человека» // МЕВ. 1909. № 3. – С. 4.

греческих и святоотеческих текстов), сверялся с латинским переводом и признавал, что его «изложение будет не чуждо многих и, быть может, весьма существенных промахов».¹⁷

20 марта 1909 г., когда текст изложения сочинения Немезия уже печатался в «Минских епархиальных ведомостях», Д.В. Скрынченко получил письмо от преподавателя Волынской Духовной семинарии Ф.С. Владимирского. В послании говорилось, что автор письма в 1905 году (на самом деле в 1904 г. – В.К.) издал перевод труда Немезия.¹⁸ Возможно, волынский коллега полагал нужным заявить о себе как о первом публикаторе и напомнить о *copyright*'е. Казус возник потому, что Д.В. Скрынченко, первым сделав перевод труда Немезия, не опубликовал его, а перевод Ф.С. Владимирского до Дмитрия Васильевича не дошел. Отвечая своему корреспонденту, Д.В. Скрынченко писал, что в отличие от перевода его «работа является популярным и близким к подлиннику изложением сочинения Немезия, сделанным без всяких пособий...».¹⁹ И, действительно, сравнение по объему текста Ф.С. Владимирского, выдержавшего в России в начале прошлого века два издания, показывает, что Д.В. Скрынченко в своем изложении опускал некоторые разделы труда епископа из Эмеса. После издания своего изложения труда Немезия Д.В. Скрынченко больше к данной проблематике не возвращался.²⁰

Написанное Д.В. Скрынченко еще в стенах Казанской Духовной Академии сочинение «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению» было издано в 1908 г. в Петербурге как приложение к журналу «Странник».²¹

¹⁷ Там же.

¹⁸ Немезий, епископ Эмесский. «О природе человека». Пер. с греч. с прим., с приложением, предисловием и словарем Ф.С. Владимирского. Почаев, 1904.

¹⁹ Скрынченко Д.В. Немезий, епископ Эмесский и его сочинение «О природе человека» // МЭВ. 1909. № 10. – С. 114.

²⁰ Объем перевода Ф.С. Владимирского в изданиях 1904, 1996 и 1998 гг. составляет 12,4 п.л., а объем издания Д.В. Скрынченко равен 6 п.л. Кроме того, Ф.С. Владимирский в 1912 г. издал исследование «Антропология и космология Немезия, еп. Эмесского, в их отношении к древней философии и патристической литературе». (Житомир, 1912). О нем подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. 9. – С. 66-67.

²¹ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христиан-

Как и многие произведения русских богословов, оно оказалось преданным забвению, и лишь недавно труд Дмитрия Васильевича стал предметом анализа в контексте развития религиозной и философской мысли.²² Выбор темы сочинения во многом был предопределен как преобладанием антропологической проблематики в русском богословии, так и глубокими нравственными исканиями, которые вообще характерны для русского человека. Исходным положением в понимании ценности жизни в русском богословии рубежа веков был следующий тезис. Вера в бессмертие души – обязательное условие для решения проблемы смысла жизни и ее ценности.²³ Жизнь имеет ценность только тогда, когда она имеет смысл, а последний может ей придать только вера в бессмертие души. Если мы обладаем верой в бессмертие души, то мы готовы отвечать за нашу реальную жизнь, мы несем за нее ответственность.²⁴ Если для человека все заканчивается его физической смертью, то стремиться к чему-либо подлинно высокому абсурдно.

Русская богословская мысль стремилась ответить на вопрос: на каких началах следует строить жизнь? Православные мыслители полагали, что выработка стратегии нравственного созидания вне Православия невозможна, потому что, признавая вечность и абсолютность духовных ценностей, оно обеспечивает человеку духовные основы его существования.²⁵ В православном богословии методологическая основа для разработки вопроса о ценности жизни была заложена еще В.И. Несмеловым. В 1895 г. он писал, что «человеческая личность имеет в христианстве особую ценность, и притом бесконечную ценность: весь мир есть совершенное

скому учению. СПб., 1908.

²² Эта работа кратко рассматривается в кн.: А.А. Козел. Философская мысль Беларуси в XX веке. Мн., 1998. – С. 296-299; заключение из работы Д.В. Скрынченко «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению» было опубликовано в той же книге на с. 328-331; Кроткая Т. П. Религиозная философия в Белоруссии начала XX века: критический анализ. Минск, 1983. – С. 58-63.

²³ Понятие ценности жизни пришло из немецкой «философии жизни».

²⁴ См.: Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века. СПб., 1995. – С. 345.

²⁵ Там же. – С. 356.

ничто в сравнении с человеком».²⁶ Сам смысл жизни человеческой определяется верой в новую жизнь и поэтому служит единственным обоснованием нравственности.²⁷

Христианство всегда утверждало взгляд на человека, его жизнь с позиций веры. Поиски разумных оснований наличного бытия, развернувшиеся в философской мысли Нового времени к концу XIX в., породили, с одной стороны, «научную веру», подкрепленную развитием наук и позитивизма, а с другой – атеизм и социализм. И тот и другой взгляды, расходясь в тактике, стратегически рассматривали возможность реализации рая земного, достижения гармонии и полного счастья в земной жизни. Православный дискурс, противостоявший этим, сциентистским по сути, разрушающим человека тенденциям, был также сформулирован В.И. Несмеловым: «Но обратиться к достижению истинной цели жизни для человека значит то же самое, что и обратиться к сознанию невозможности осуществить эту цель».²⁸ Он писал, что воплощение безусловного бытия в пределах наличного мира невозможно, человек не может создать рай на земле, хотя многие стремятся именно к этому – насытить свою жизнь лишь одними чувственными удовольствиями, полагая, что ими достигнута цель жизни и, соответственно, последняя обретает истинную ценность.

В.И. Несмелов очень тонко уловил и выразил противоречивость метафизики бытия. Ведь вопрос о конечном назначении человека предполагает постановку вопроса о смысле жизни и значимости его временного существования в мире. Как физическое существо человек смертен, как носитель идеального начала – сопричастен вечности. Именно это фундаментальное противоречие и заставляет снова и снова задавать вопрос о смысле и ценности жизни. Смерть кажется человеку нелепостью, но это происходит потому, что отсутствует положительная цель жизни и тогда она сама становится для

²⁶ Несмелов В.И. Вопрос о смысле жизни в учении Новозаветного откровения // Смысл жизни. Антология. М., 1994. – С. 76.

²⁷ Там же. – С. 76.

²⁸ Там же. – С. 78.

себя целью. Подобную позицию сформулировал в свое время А.И. Герцен: «Цель жизни – жизнь». «Очевидно, – писал В.И. Несмелов, – подлинная ценность жизни заключается вовсе не в том, что жизнь дает человеку много радостей и позволяет ему забавлять себя грандиозным построением идиллических утопий».²⁹ Отсутствие высшей цели придает бессмысленность жизни многих людей. Некоторые не желают примириться с этим и придумывают себе искусственный смысл жизни, состоящий из достижения удовольствий.³⁰

Позитивизм, распространившийся среди значительной части русской интеллигенции и дворянства, делал свой, особый акцент на цели и ценности жизни. Так, в опубликованной в 1895 г. статье «Мысли об основах нравственности» русский историк Н.И. Кареев писал, что ценность жизни вытекает из того, что «жизни можно поставить цель, а цель можно найти, раз ты веришь в благо и знаешь, что это благо достижимо».³¹ Он полагал, что цель жизни «есть состояние **моего** сознания, которое **мне** дает удовлетворение», из чего вытекало, что цель «находится в моей жизни, а не вне этой жизни».³² Ускоренная вестернизация русского общества, которая заметно коснулась образованных слоев, толкнув многих к атеизму и экстремизму, сказывалась в безверии, нигилизме и ориентации на вещи. Еще в 1881 г. философ Н.Ф. Федоров писал К.П. Победоносцеву: «Основные свойства нашей интеллигенции – это потеря смысла жизни, совершенная бесцельность существования, отсюда и самоубийства, отсюда и измышление самых невообразимых целей, и в том числе – измышление цели осчастливить людей экономическим равенством, материальным благосостоянием, которое по невообразимой путанице понятий превозносится превыше всего, превыше чужой и собственной жизни, превыше тех, кого этими благами хотят осчастливить».³³

²⁹ Несмелов В.И. Наука о человеке. М., 1994. Т. 1. – С. 394.

³⁰ Там же. – С. 395.

³¹ Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века. – С. 99.

³² Там же. – С. 117.

³³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. – С. 71.

По мнению Д.В. Скрынченко, вопрос о ценности и самой человеческой жизни неразрывно связан с вопросом о смысле жизни, вопросом, который всегда ставился в рамках метафизических доктрин. В конце XIX в. этот вопрос приобрел необычайную остроту, так как сама человеческая жизнь девальвировалась, возникло представление об отсутствии смыслов, об абсурдности самого бытия. Агрессивная атеизация и дехристианизация, начало которой уходит в эпоху Просвещения, привели к утрате веры значительной частью образованного слоя. По мысли Д.В. Скрынченко, именно такая ситуация способствовала тому, что «люди отстраняют от себя вопрос о смысле жизни, да и самую постановку вопроса они считают неправильной».³⁴

Рассмотрение вопроса о смысле жизни Д.В. Скрынченко начал с **пантеизма**. В конце XIX в. под ним понимали учение, отождествляющее Бога с миром. К представителям пантеизма Дмитрий Васильевич относил А. Шопенгауэра, Л. Толстого и Ф. Ницше, так как они отбросили религиозную основу жизни, заменив ее иными субстанциями. Поэтому, как полагал Д.В. Скрынченко, пантеизм вопрос о смысле жизни не ставит, но лишь говорит о ее ценности. В чем же видели ценность жизни представители пантеистического направления? По мысли Д.В. Скрынченко, пантеисты критерием ценности жизни считают «чувствование», которое наукой сводится к двум видам: чувству удовольствия и чувству страдания.³⁵ Эти чувства не могут, однако, придать жизни человека тот необходимый смысл, который придает религиозное и нравственное чувство. Только они, как писал Д.В. Скрынченко, дают «действительный смысл жизни», поскольку эти чувства даны в человеческой природе.³⁶

Далее Д.В. Скрынченко перешел к анализу **пессимизма**, адепты которого с очевидностью отрицали ценность жизни. Практический пессимизм, как объяснял немецкий философ

³⁴ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 5.

³⁵ Там же. – С. 8.

³⁶ Там же. – С. 10.

Е. Дюринг, появляется по причине либо чрезмерной, либо недостаточной деятельности чувств, что вызывает недовольство жизнью.³⁷ К источникам теоретического пессимизма Д.В. Скрынченко относил влияние философии И. Канта (о чем в свое время писал один из зачинателей иррационализма А. Шопенгауэр). Ведь признание реальности, непроницаемой для разума, конечно, не внушало оптимизма, и ответ Канта на вопрос «Что я могу знать?», скорее, подвиг некоторые умы к пессимизму в отношении возможностей и пределов человеческого познания. Свой вклад в обоснование пессимизма, по мысли Д.В. Скрынченко, внесли социальные науки, в частности, обосновав идею гибели человечества от избытка благ и богатств.³⁸ Наконец, кроме названных источников пессимизма он указал на современное воспитание, «не развивающее психологические задатки человека гармонически».³⁹ Если чувства не воспитаны и нет гармонии между чувствами и разумом, то имеется либо чрезмерное развитие чувств, либо их неразвитость, в таком случае имеется основание для возникновения пессимизма.⁴⁰

Одним из певцов пессимизма был известный итальянский поэт Джакомо Leopardi (1798–1837). По мнению Д.В. Скрынченко, пессимизм Leopardi объясняется психологическими причинами, так как теоретических оснований не ценить жизнь у него не имелось.⁴¹ С этим можно согласиться лишь отчасти. Для Leopardi, который родился в семье богатого графа Мональдо Leopardi, основным законом жизни было несчастье: любые устремления человека к счастью и совершенству обречены на неудачу, причиной чего, как считал он, являются величественные и неумолимые законы природы. И если у Гегеля, который был современником Leopardi, великий человек тот, кто лучше и полнее других понимает мировой закон, управляемый мировым разумом,

³⁷ Дюринг Е. Ценность жизни. М.-Минск, 2000. – С. 14-21

³⁸ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 22.

³⁹ Там же. – С. 23

⁴⁰ Там же. – С. 27.

⁴¹ Там же. – С. 107-108.

то у Леопарди человек противостоит закону мира, результатом чего неизбежно является «мировая скорбь».

В работе Д.В. Скрынченко приведен большой отрывок из «Палинодии» Леопарди, показав, сколь глубок был пессимизм итальянского графа. На пессимистические взгляды поэта наложили отпечаток и годы, проведенные в доме тирана-отца, и физический недуг, не способствовавший выработке жизнерадостного мироощущения. Вместе с тем истоки пессимизма Леопарди следует искать в разочаровании результатами века Просвещения, вслед за которым пессимистические умонастроения охватили немало мыслящих людей начала XIX столетия, искавших этического обоснования возникшей ситуации. Этика XVII и особенно XVIII вв. исходила из того, что стремление отдельной личности к счастью ставилось в зависимость от степени ее подчинения рационально понимаемым нормам морали. Идеалы романтизма, столь близкого Леопарди, утверждали иную этику, согласно которой человек вписан во враждебный ему фон, как природный, так и социальный.⁴² Поэтому в погоне за счастьем, как полагал Леопарди, человек ни за что не может не быть эгоистом, что неизбежно ведет к несчастью. И.К. Полуяхтова отмечает, что одной из причин «мировой скорби» Леопарди был его атеизм. Утрата веры в Бога погружает человека во власть злой неведомой силы, подобной античному Фатуму.⁴³ Оптимистичному прогрессизму XVIII в. Леопарди противопоставил теорию несчастья, согласно которой страдания выступают единственным законом жизни. В «Дневнике размышлений» он записал: «Две истины, в которые люди по большей части поверить не способны: что они не знают ничего и что они ничтожества. Добавь и третью, тесно связанную со второй: им не на что надеяться после смерти (16 сентября 1832 г.)».⁴⁴

⁴² Подробнее см.: Сапрыкин Е.Ю. Парадоксы Леопарди об истинах и химерах // Леопарди Дж. Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли. М., 2000. – С. 10.

⁴³ Полуяхтова И.К. Жизнь и творчество Джакомо Леопарди. М., 2003. – С. 116-117.

⁴⁴ Леопарди Дж. Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли. – С. 332.

В отличие от итальянского поэта Артур Шопенгауэр является представителем теоретического пессимизма, его формула «наш мир – наихудший из всех возможных миров» является основанием позиции, отрицающей ценность жизни. Мировая воля как субстанциальное начало проявляет себя абсурдным образом, что заставляет мыслящего человека усомниться в ценности жизни. Правда, пессимизм, опирающийся на мировую волю, есть, скорее, пессимизм героический, близкий стоицизму. Заметим, что Шопенгауэр не делал вывода, что в жизни все безнадежно, хотя зло, по его мнению, коренится в самой мировой воле. Д.В. Скрынченко дал изложение идей Шопенгауэра, показывая, каким образом из признания иррациональной субстанции возникает пессимизм.⁴⁵ Критику идей Шопенгауэра он начал с неприятия основной идеи великого пессимиста. Ошибка Шопенгауэра, как писал Д.В. Скрынченко, заключается в том, что сущность человека, равно как и сущность мира, он видел в воле. Субстанциальная воля порождает мир, полный страданий. Поэтому с целью уменьшения страданий Шопенгауэр утверждал аскетизм. Этот аксиоматический принцип, лежавший в основе позиции немецкого философа, для русского богослова был неприемлем. Д.В. Скрынченко на это возразил, что если человек с целью избежать страданий следует по пути сокращения желаний, он просто перестает быть человеком.⁴⁶

Вторая позиция, также отрицающая ценность жизни и противоположная пессимизму, – **оптимизм**. Признавая жизнь благом или целью в самой себе, оптимизм не исключает признания зла и страданий. Но если с точки зрения пессимизма страдания перечеркивают ценность жизни, то оптимизм рассматривает страдания как составную и даже необходимую часть жизни, не умаляя при этом ее значения. Подобное отношение к жизни утверждал Л.Н. Толстой. Рассматривая его религиозные позиции, Д.В. Скрынченко, пре-

⁴⁵ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 38-49.

⁴⁶ Там же. – С. 112.

жде всего, отметил, что великий писатель «отрицает бытие личного Бога, исповедуемого христианством»,⁴⁷ понимая под Богом все человечество в его духовной сущности. Слабость позиции Льва Толстого он видел в способе понимания Бога, которого великий писатель отождествлял с духовностью всего человечества. В начале марта 1855 г., будучи 27 лет от роду, Л. Толстой занес в свой дневник следующее: «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – создание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле».⁴⁸ В понимании Толстого Бог, равный сознанию всех людей, не способен к творению. В соответствии с этим учением индивидуальная жизнь должна стремиться к тотальной духовности как к вечной жизни, тогда личная жизнь имеет ценность постольку, поскольку побеждает свой эгоизм и индивидуальные интересы. Поэтому цель жизни, по Толстому, заключается в служении ближним на основе любви. Последняя придает жизни смысл и ценность, потому что подчиняет личную жизнь «вечной и бессмертной жизни человечества». Согласно воззрениям Л. Толстого жизнь имеет нравственную ценность, при этом человек во имя вечной и бессмертной родовой жизни должен жертвовать жизнью индивидуальной.⁴⁹

Ценность жизни Л. Толстой выводил из подчинения животной индивидуальности сознанию посредством любви. Но в конечном итоге человек не может уничтожить свою животность, так как она создана не им. Кроме того, если все-таки предположить возможность подобного уничтожения, то человек перестанет быть самими собой. Позиция Л. Толстого представлялась Д.В. Скрынченко несостоятельной не только

⁴⁷ Там же. – С. 52.

⁴⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 47. М., 1937. – С. 37.

⁴⁹ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 56.

в силу того, как писатель понимал Бога. Толстой, по мнению богослова, постулировал связь между жизнью и исполнением требований разумного сознания, не удосужившись доказать ее, и приписал жизни свое понимание ее ценности, которое критики не выдерживает.⁵⁰

В своей книге Д.В. Скрынченко отвел немало страниц изложению и критике учения Фридриха Ницше, чье влияние на образованную часть русского общества конца XIX в. неоспоримо. Исходная позиция Ницше, в фундаментальном плане сходная с позицией Л. Толстого, основана на отрицании Бога. Кроме того, позиции Ницше и Толстого сближает пантеизм. Как и Толстой, Ницше считал, что жизнь обладает ценностью, которую снижает христианская мораль и культура.⁵¹ Отсюда вытекал имморализм, приводивший к идее сверхчеловека как носителя воли к власти, которая и придает жизни ценность. Согласно Ницше, ценность жизни иррациональна, она сконцентрирована в воле немногих, для всех остальных жизнь ценности не имеет. Таким образом, Ницше сформулировал сословное понимание ценности жизни, напоминающее корпоративную мораль.

Наконец, третья позиция – **мелиоризм** (от лат. *melior* – лучше). Это понятие было введено английской писательницей М. Эванс, писавшей под псевдонимом Дж. Элиот (1819–1880). В дальнейшем оно активно употреблялось английским психологом Дж. Селли (*Sully*) (1843–1923) и американским социологом Лесли Уордом (1841–1913). Мелиоризм – понятие, широко употреблявшееся с 50-х гг. позапрошлого века, как в Европе, так и в России в значении улучшений, как в технике сельского хозяйства, так и в социальных и природных условиях его ведения. Л. Уорд ввел понятие «социальный мелиоризм», подразумевая учение об улучшении всего социального строя. Цель мелиоризма, который Л. Уорд, по его выражению, приравнивал к «научному утилитарианизму», он видел в создании таких условий, при которых страдания были бы невоз-

⁵⁰ Там же. – С. 123.

⁵¹ Там же. – С. 67-71.

можно.⁵² Социальный строй, враждебный человеку, порождает в нем пессимизм и неверие в собственные силы. Разделяя позицию прогрессизма, Л. Уорд считал, что пессимизм может исчезнуть, когда наука скажет свое слово; это, по его мысли, приведет «к улучшению социальных условий путем холодного расчета».⁵³ Американский социолог полагал, что источником жизненного динамизма являются желания. Удовлетворение одних желаний освобождает человека от страданий, удовлетворение других служит источником удовольствия и прокладывает путь к счастью. Именно счастье как законченное состояние Л. Уорд считал высшим нравственным идеалом.⁵⁴ Человек не может достигнуть счастья в одиночку, для этого он нуждается в обществе, которое требуется улучшать, чтобы привести к счастью многих. А так как люди в обществе не только стремятся к счастью, но и конкурируют, проявляя свой эгоизм, то общество нуждается в регулировании, которое обеспечит прогрессивное движение.⁵⁵ С позиции мелиоризма жизнь человека есть благо, и поэтому она должна иметь и имеет действительную ценность. Но это благо подчас не является таковым по причине плохих условий современной жизни. Зато в будущем эти условия с развитием цивилизации изменятся к лучшему, и жизнь обретет свою истинную ценность.⁵⁶ В методологическом плане мелиоризм опирался на естествознание и позитивизм, отвергая идею сверхчуждственного мира и исходя из идеи эволюции природы и общества. Прогрессизм, подкрепленный верой во всемогущество науки, подталкивал к тому, чтобы работать над усовершенствованием жизни, ее улучшением и приближением времени, когда ценность жизни многократно возрастет.

В качестве типичных для мелиоризма Д.В. Скрынченко рассматривал взгляды немецкого философа Евгения Дюринга (1833–1921), стоявшего на позиции эволюциониз-

⁵² Уорд Л. Психические факторы цивилизации. М., 1897. – С. 81.

⁵³ Там же. – С. 328.

⁵⁴ Там же. – С. 335.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 78.

ма, и Дж. Селли, который ценность жизни видел «в том, чтобы извлекать из нее возможно больше наслаждений».⁵⁷ Дюринг рассматривал жизнь как «космический продукт», имея в виду, что она возникла путем эволюции природы.⁵⁸ Будучи материалистом, Дюринг распространял принцип материальности мира на духовную жизнь. Он утверждал, что ощущения создают психологические состояния, которые ценны сами по себе, из чего и вытекала ценность жизни: «Существование, – писал он, – получает свой интерес и свою ценность благодаря лишь всей сумме ощущений, в которую оно развивается».⁵⁹ Дюринг считал, что современная мораль ищет ценности существования в теориях, которые отрицают систему аффектов, лежащих в основе мотивов действий людей.⁶⁰ Под современной моралью он подразумевал христианскую мораль, которую он не принимал, как и Ф. Ницше. Он полагал, что ценность жизни в конечном счете определяется чувствами. В основе этих взглядов лежал утрированный сенсуализм, превращающийся в этической сфере в заурядный гедонизм, который делает из человека расчетливого потребителя.

Напомним доводы, которые привел Д.В. Скрынченко, критикуя материализм Дюринга. Православный богослов полагал, что мир является нам в нашем самосознании, и вывод о существовании материи мы можем сделать, исходя только из своего самосознания. Но оно, как отмечал Дмитрий Васильевич, не говорит нам, «что это за материя, какова ее сущность и существует ли она так же реально, как мы видим существование самосознания», признание первоначальности материи не дает возможности понять, откуда возникли жизнь и сознание.⁶¹ Если принять выводы Дюринга, восходившие к «материалистической этике» Ж. Ламетри, то окажется, что целью жизни являются на-

⁵⁷ Там же. – С. 96.

⁵⁸ Дюринг Е. Ценность жизни. – С. 65.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. – С. 68.

⁶¹ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 133.

слаждения, и в таком случае жизнь должна превратиться в непрерывную цепь наслаждений.⁶² Дюринг, следуя основному принципу сенсуализма, пытался создать вслед за Ж. Ламетри гедонистическую этику, идеалом которой является погоня за наслаждениями. Учение Дж. Селли принципиально от позиции Е. Дюринга не отличалось за исключением разве того, что совокупность наслаждений английский психолог объединял понятием счастья. Дж. Селли полагал, что ценность жизни определяется счастьем, которое достигается по мере прогрессивного развития, а прогресс состоит «в нашей способности увеличивать сумму позитивного блага».⁶³ Селли придерживался прогрессистской этики, в рамках которой присутствовало ключевое утверждение, что прогресс приводит ко всеобщему счастью. Он утверждал, что в настоящее время идеал счастья неосуществим, и отодвигал его реализацию в будущее. Поэтому согласно Селли жизнь обретет свою ценность только в будущем.

Рассматривая позицию мелиоризма, Д.В. Скрынченко задавал вопрос: счастлив ли нынешний человек по сравнению с тем, что жил в прошлом?⁶⁴ Он утверждал, что нет никаких оснований утверждать, что прогресс делает человека счастливым. А самое главное, учение о прогрессе не давало утвердительного ответа на вопрос, почему нынешний человек, если он не является счастливым (а будущее с позиции прогресса – это счастье), должен приносить себя в жертву ради счастья будущего человека?⁶⁵ Кроме того, вопрос об индивидуальном счастье предполагает вопрос о соотношении и связи счастья индивидуального и общего. «Личное благо, – заметил Д.В. Скрынченко, – не может вполне совместиться с общим, если для этого нет какого-либо другого высшего объединяющего фактора».⁶⁶ Высший объединяющий фактор – не что иное, как **абсолютное начало**,

⁶² Там же. – С. 134.

⁶³ Селли Дж. Пессимизм. История и критика. СПб., 1893. – С. 268-269; 338-339.

⁶⁴ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 138.

⁶⁵ Там же. – С. 139.

⁶⁶ Там же. – С. 137.

лежащее в основе жизни. Если нет интегрирующего абсолютного начала, то столкновение личных и общественных интересов неизбежно, в таком случае говорить о счастье и прогрессе просто не приходится.

Д.В. Скрынченко поднял очень важный вопрос: почему современная философская мысль оказалась бессильной решить вопрос о ценности жизни? Причину он видел в том, что рассуждениям о ценности жизни не предшествовало решение вопроса о ее смысле. В пределах философского дискурса, как показал Д.В. Скрынченко, вопрос о ценности жизни не может быть разрешен точно так же, как не может быть по разумному плану построено общество благоденствия (счастья, равенства, свободы и т. п.) или рай на земле. Интеллектуальный тупик, в котором оказались многие размышлявшие о ценности жизни философы, объясняется тем, что светская философия либо отвергает, либо решает вопрос о смысле жизни, не учитывая ее метафизических оснований. А его решение как раз является необходимым условием для разрешения вопроса о ценности жизни. Поэтому для доказательства ценности жизни философы приводят различные доводы, которые исключают друг друга и запутывают человека, подчас приводя его к самоубийству.

В контексте анализа философской мысли можно увидеть серьезный вопрос, мучивший мыслящих людей рубежа веков, – вопрос о нравственной стороне прогресса. Ускорение и усложнение общественного развития неизбежно порождало вопрос о нравственных издержках развития общества.⁶⁷ Проблему взаимосвязи прогресса и нравственности Д.В. Скрынченко затрагивал неоднократно. Будучи в Минске, в одной из статей он коснулся очень важного вопроса о человеческом измерении прогресса, о том, насколько нравственные принципы соответствуют результатам ускоренного развития общества, который выражается в развитии науки. Идея прогресса, которая в своем светском варианте возникла в Новое время и утвердилась в эпоху Просвещения, выработала в людях уверенность в том,

⁶⁷ См., например, вышедшее в свет в 1909 г. эссе В.Н. Эрнэ «Идея катастрофического прогресса» (Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. – С. 198-219).

что век Разума не за горами, поэтому многим мыслителям казалось, что наука способна решить все проблемы, стоящие перед человеком. Стремительное развитие науки и техники, казалось, подкрепляло этот оптимистический прогноз.

Д.В. Скрынченко пытался понять, прогрессирует ли «счастье и суммы добра».⁶⁸ Ведь прогрессизм породил в людях норму морали, производную от идеи прогресса: нравственно то, что выгодно, нравственно то, что полезно. Д.В. Скрынченко, естественно, критически относился к эволюционной теории Э. Геккеля, из которой вытекало естественное происхождение человека на Земле и отрицалась идея его творения. По мысли эволюционистов, итогом подобного развития как раз и должен был стать «век разума», дорогу к которому проторит позитивное знание. Д.В. Скрынченко рассматривал позитивную науку как «высшую область человеческого ума» и тем не менее считал, что часто она строится на презрении к нравственным нормам или не имеет таковых в своем основании.

Некогда, с легкой руки французского романиста Эмиля Золя, в конце XIX в. получила хождение идея, согласно которой наука должна заменить религию и на месте последней должна возникнуть научная религия. Как богослов, Дмитрий Васильевич Скрынченко подобные взгляды принять не мог. Его отповедь рационалистам заключалась в том, что наука при всем ее величии не может объяснить тайну человека, она постижима лишь с позиции веры. Из этого он делал неординарный вывод, что богословам, обладающим знанием святоотеческой и новозаветной традиции, следует владеть и научным знанием. Отсутствие естественнонаучных знаний у богословов приводит к тому, что светские науки развиваются вне Православия, которое подчас замыкается в себе, отталкивает пытливых, стремящихся к Истине людей. «Отсюда-то, – писал он, – столь заметная рознь между светскими учеными и вообще людьми духовными, рознь, едва ли ведущая к чему-либо хорошему».⁶⁹ Иными словами, он пред-

⁶⁸ Скрынченко Д.В. Подделки и мошенничества века // Минское слово. 1909. 29 декабря. (№ 890).

⁶⁹ Скрынченко Д.В. Догмат о воскресении человеческой плоти // МЕВ. 1910. № 20. – С. 482.

лагал новый синтез веры и знания, науки и религии, необходимость которого остро осознавалась многими русскими религиозными мыслителями.

Указывая на волну подделок, переполняющих нашу жизнь, Д.В. Скрынченко увязывал ее прежде всего с падением веры в Бога. «Вследствие этого, конечно, спали все сдерживающие цепи, появилась необыкновенная разнузданность, проснулся человек-зверь».⁷⁰ Кроме того, безнравственность времени Д.В. Скрынченко связывал с действиями образованных слоев, имевших доступ к знаниям. Но «что же будет тогда, – спрашивал он, – когда неверие хлынет по селам и деревням? Не произойдет ли тогда страшного крушения той «гордой» цивилизации, которая создавалась непрерывными поколениями людей?»⁷¹ Вопрос оказался поистине пророческим.

Вернемся к проблеме ценности жизни. Во второй части своего труда Д.В. Скрынченко изложил христианское понимание ценности жизни, которое определяется ее смыслом. Смысл жизни в христианстве понимается как стремление человека к Богу, как нравственное самоусовершенствование человека. Это значит, что христианская религия дает ответы на такие вопросы, на которые наука и здравый смысл при всем желании ответить не могут. Позиция христианства предполагает, что не земные блага ценны для человека, а его душа, которая нуждается в совершенствовании.⁷² Естественно, это не означает презрения к благам жизни, ибо они созданы Богом и полезны для человека. Жизнь имеет высокую нравственную ценность потому, что она служит временем приготовления людей к Царству Небесному. Рассмотрев новозаветную и святоотеческую традиции, Д.В. Скрынченко пришел к выводу, что только христианство «дает истинный смысл, цену и счастье жизни».⁷³

В совокупности эти идеи сохраняют удивительную акту-

⁷⁰ Скрынченко Д.В. Подделки и мошенничества века // Минское слово. 1909. 29 декабря. (№ 890).

⁷¹ Там же.

⁷² Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 147.

⁷³ Там же. – С. 159.

альность. Поразительная фрагментация индивидуального и социального бытия не восполняется в современном человеке единым духовным началом. Консюмеризм и погоня за наслаждениями усугубляют дискретность жизни, делают ее частичной и в конечном счете пустой. Отрицание метафизического бытия и утверждение посюсторонности смысла и ценности жизни приводят иногда к разочарованиям и даже к самоубийству. Не случайно в своей книге анализ проблемы ценности жизни Д.В. Скрынченко начал с упоминания волны самоубийств, захлестнувшей Россию на грани веков. Уход из жизни, как он полагал, происходит по причине фальшивых и неустойчивых оснований жизни, которые не придают ей ни смысла, ни ценности. Можно полагать, что подобный зачин был связан с тем, что в конце XIX в. у всех на слуху в Казани была история дочери богатого чаеоторговца, или, по тогдашней терминологии, «торговца колониальным товаром» девицы Д. Латышевой. Она покончила с собой в знак протеста против насильственного замужества, застрелившись сразу после венчания. На ее похороны пришли около 5 тыс. человек. Причем либеральное студенчество было в восторге от ее поступка и рассматривало его как знаковое действие против мерзостей жизни.⁷⁴ В конце книги Д.В. Скрынченко привел пример острой психологической ситуации, в которой оказался герой рассказа Л. Андреева некий Сергей Петрович. Под влиянием идей Ницше у него родился дух тотального возмущения действительностью, что привело его в конце концов к самоубийству.⁷⁵ Он не понимал, что смирение и упование на Бога – вот начало начал понимания православного смысла жизни.

⁷⁴ Вот что писал М. Горький: «Весь город взволнован: застрелилась, приехав из-под венца, насильно выданная замуж дочь богатого торговца чаем. За гробом ее шла толпа молодежи, несколько тысяч человек, над могилой студенты говорили речи, полиция разгоняла их». Этот случай имел место в Казани в 1886 г. Известия о нем дошли до Д.В. Скрынченко в самом конце XIX в. – Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. М., 1975.

⁷⁵ Андреев Л. Рассказ о Сергее Петровиче // Андреев Л. Избранное автором. Рассказы и повести 1899–1907. М., 2001. – С. 46-67.

Д.В. Скрынченко не без основания утверждал, что не подкрепленный христианскими нравственными основаниями прогресс опасен для человека, который без веры в Бога не может обрести смысл и ценность жизни. Он считал, что усиливавшаяся на глазах деморализация общества может быть преодолена на основе синтеза веры и знания, того синтеза, без которого жизнь человека в современном обществе быстро заходит в тупик. Подводя итог критике философских оснований в решении проблемы ценности жизни, Д.В. Скрынченко писал: «Смысл жизни дает только религия; без последней жизнь теряет свой смысл и свою ценность».⁷⁶ Идеи, высказанные Дмитрием Васильевичем Скрынченко чуть более ста лет назад, поразительно современны, потому что в своих богословских сочинениях он стремился обозначить онтологические основы жизни, имеющие самодовлеющую ценность, не подверженные влиянию моды или «всесильного» разума. Жизнь, по его мнению, обретает свою ценность, лишь будучи соотнесенной с вечностью, с которой временный человек связан неразрывной духовной связью.

Как ученик митрополита Антония (Храповицкого), Д.В. Скрынченко не мог пройти мимо знаменитого спора об имяславии, разгоревшегося в связи с событиями на Афоне.⁷⁷ Что заставило его включиться в спор, длившийся несколько лет в русской церковной и светской прессе и имевший на самом деле чуть ли не тысячелетнюю историю? Предыстория вопроса такова. В экзегетике сложились две позиции, в которых отражалось понимание того, как соотносится Бог с Его именем. Некоторым русским религиозным мыслителям был ближе подход, согласно которому Имя Божие есть выра-

⁷⁶ Скрынченко Д.В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. – С. 142.

⁷⁷ Скрынченко Д.В. Соблазн // Киев. 1914. № 119. – С. 2; его же: Происки афонских смутьянов (об именовбожнической ереси) // Киев, 1916. № 922. – С. 1-2. Статьи были перепечатаны в кн.: Святое Православие и именовбожническая ересь: в 3 ч. Харьков, 1916. Приложение № 4. – С. XLI-XLII; Святое Православие и именовбожническая ересь: в 3 ч. Харьков, 1916. Ч. 3: Положение именовбожнического вопроса по удалении именовбожников с Афона. – С. 272-276.

жение Его сущности, т. е. связано с ним онтологически. Эта позиция получила в дальнейшем название имяславие (также имябожие, или именовожие). Другой подход заключался в том, что имя есть нечто внешнее по отношению к Богу, не имеющее связи с Его сущностью.⁷⁸ Противники имяславия получили название имяборцы.

В начале XX в. в России споры вспыхнули с новой силой и неожиданно привели к резкому противостоянию полемизирующих сторон, что вызвало широкий общественный резонанс и привлекло к себе внимание общественности. Все началось после появления в 1907 г. книги кавказского схимонаха Илариона «На горах Кавказа». В соответствии с традиционной богословской позицией Иларион полагал, что «в имени Божием присутствует сам Бог».⁷⁹ Он утверждал, что «благодаря долговременному призыванию имени Иисуса человек может прийти в такое состояние, при котором будет ощущать имя Божие тождественным самому Господу. Достигнув этого состояния, человек уподобляется Богу и приобретает божественные свойства».⁸⁰ Отклик на вышедшую книгу возник в русских монастырях Афона, где монахи довольно быстро разделились на сторонников и противников позиции Илариона.

В 1912 г. в журнале «Русский инок», издававшемся Почаевской лаврой, появилась разгромная рецензия на книгу Илариона, что придало новый импульс спорам на Святой Горе, а в мае того же года архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) опубликовал в том же журнале свой комментарий к книге «На горах Кавказа». Тогда в полемику вступил иеросхимонах Антоний (Булатович),⁸¹

⁷⁸ Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. Т. 1, СПб., 2002. – С. 287.

⁷⁹ Там же. – С. 312.

⁸⁰ Там же. – С. 318-319.

⁸¹ Булатович Александр Ксаверьевич (1870–1919), иеросхимонах Андреевского скита на Афоне. Происходил из родовитой дворянской семьи, воспитанник Александровского лицея. Участвовал в экспедициях в Эфиопию, где сделал ряд выдающихся географических открытий. Научные заслуги его получили мировое признание. По возвращении на родину принял постриг и несколько лет провел на Афоне. В 1912 г. принял горячее участие в полемике с архиепископом Антонием (Храповицким) по поводу имяславского движения на Афоне. Последний год жизни прожил отшельни-

ответом на его выступление стала статья архиепископа Антония (Храповицкого) в «Русском иноке», в которой он сравнил имяславие с хлыстовством.⁸² Находившийся на Афоне иеросхимонах Антоний (Булатович) начал писать труд «Апология веры в Божественность Имен Божиих и имени «Иисус» (Против имяборствующих)». Именно появление этой книги и привело к т. н. «Афонской смуте». Она началась с того, что в декабре 1912 г. иноки Фиваидского скита признали мнение, изложенное в книге «На горах Кавказа», истинным. Ситуация осложнилась тем, что двумя месяцами раньше, в октябре 1912 г., началась 1-я Балканская война, в ходе которой Афон был захвачен греческим десантом, и территория, где располагалась Св. Гора, перешла под юрисдикцию Греции (до этого территория монастырей пользовалась в греческом государстве правом экстерриториальности). Скорее всего, именно поэтому греки заняли по отношению к «афонским смутьянам» непримиримую позицию, что объяснялось не только и не столько борьбой за чистоту Православия, сколько стремлением ослабить влияние России на Афоне. «Смута» на Афоне была чревата вытеснением диссидентствующих монахов с Афона, что, в свою очередь, могло означать утрату влияния России на Св. Горе.⁸³

В Андреевском ските, который стал центром диссидентов, монахи изгнали игумена Иеронима. Афонский кинот, как и Св. Синод в России, поддержал противников имяславия. Архиепископ Антоний (Храповицкий), видя непослушание имяславцев, рекомендовал «привести три роты солдат и заковать нахалов».⁸⁴ Греческим властям конфликт в монастырях Афона был выгоден: традицион-

ком в имени своей матери в Луцковке (Украина) и там был убит в ночь с 5 на 6 декабря 1919 года.

⁸² Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. Т. 1, – С. 359.

⁸³ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М., 1996. – С. 473-474.

⁸⁴ Епископ Иларион (Алфеев). Ук. соч. Т. 1. – С. 390.

но там было сильно русское влияние, которое греки хотели бы ослабить.⁸⁵

Инициатором осуждения имяславия выступил архиепископ Антоний, который 16 мая 1913 г. сделал доклад на заседании Св. Синода, добившись осуждения имяславия. Интересно, что сам архиепископ Антоний книги «На горах Кавказа» не читал.⁸⁶ Но, как отмечает современный исследователь, важно иное: «Остается только удивляться тому, как архиепископ Антоний мог не заметить, насколько глубоко учение схимонаха Иллариона укоренено в церковной традиции...».⁸⁷ В мае 1913 г. Св. Синод вынес окончательный вердикт имяславию. Оно было признано богохульным и еретическим.⁸⁸ Позиция высшего органа церковной власти была жесткой и непримиримой, что не оставляло шансов на нахождение компромисса или хотя бы установление диалога. Как считает современный исследователь, на решение высшей церковной инстанции повлиял архиепископ Антоний (Храповицкий). Если бы не его непримиримая позиция, решение Синода могло бы быть более мягким и приемлемым для имяславцев.⁸⁹ Кстати, именно тогда «Афонское дело» привлекло внимание Дмитрия Васильевича. Он сразу же позиционировал себя как сторонник архиепископа Антония и признал, что осуждающее взгляды имяславцев решение Св. Синода было правильным: «Другого решения и быть, конечно, не могло», – заключал он.⁹⁰

Результатом столь непримиримой позиции стало откровенное насилие, которое русские власти применили к насельникам Афона. В мае 1913 г. архиепископ Никон (Рождественский) с согласия Константинопольского Патриарха как член Св. Синода был командирован на Афон. Он пытался сначала

⁸⁵ Подробнее о конфликте на Афоне см.: Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви. Т. 1. – С. 380-482.

⁸⁶ Епископ Иларион (Алфеев). Ук. соч. Т. 1. – С. 545-547.

⁸⁷ Там же. Т. 1. С. 485.

⁸⁸ Фирсов С.Л. Ук. соч. – С. 475.

⁸⁹ Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви. Т.1. – С. 546.

⁹⁰ Скрынченко Д.В. Не слишком ли много было шуму? // Киевлянин. 1913. № 238. – С. 2.

воздействовать на монахов-имяславцев убеждением, а когда это не удалось, события стали развиваться по пути применения силы. С помощью роты солдат удалось провести перепись сторонников имяславия. Таковых оказалось 517 человек.⁹¹ Затем несколько партий монахов-диссидентов были насильственно отправлены со Св. Горы, в результате чего количество русских монахов на Афоне сократилось на 1 тыс. человек, а к 1914 г. уменьшилось на полторы тысячи.⁹²

Естественно, либеральное общественное мнение стало на сторону обиженных иноков Афона. Не наблюдалось единомыслия среди православных мыслителей. Например, негативную позицию по отношению к решению Св. Синода занял С. Булгаков, выступивший в «Русской мысли» со статьей «Афонское дело».⁹³ В 1914 г. Св. Синод поручил Московской синодальной конторе во главе с митрополитом Макарием (Невским) произвести церковный суд над 25 монахами-имяславцами, подавшими церковным властям прошение о пересмотре дела. Под давлением общественного мнения контора по сути дела вынесла оправдательный приговор имяславцам.⁹⁴ Ситуация осложнилась тем, что Св. Синод не решился отвергнуть позицию Московской синодальной конторы и предать свою позицию гласности. По мнению современного автора, так случилось «ввиду авторитета, которым пользовался в церковных кругах митрополит Макарий».⁹⁵

В годы войны интерес к «Афонской смуте» несколько снизился, но в обществе имяславие пользовалось устойчивой поддержкой, не имевшей тенденции к ослаблению. Разгром мятежных монахов на Св. Горе не положил конец «ереси», но вызвал к жизни новый виток имяслав-

⁹¹ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – С. 480-481.

⁹² Епископ Иларион (Алфеев). Ук. соч. Т. 1. – С. 573; Миндлин А.Б. Подавление религиозного движения русских монахов на греческом Афоне: По материалам российской прессы и Государственной думы // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. – С. 138-148.

⁹³ Булгаков С. Афонское дело // Русская мысль. 1913. № 9.

⁹⁴ Епископ Иларион (Алфеев). Ук. соч. Священная тайна Церкви. Т. 2. – С. 36.

⁹⁵ Там же. Т.2. – С. 39.

ских споров. Именно в этот период, когда вопрос окончательно перешел в теоретическую плоскость, к дискуссии подключился Д.В. Скрынченко. Однако он высказывался не как теоретик, скорее всего, он считал спор об имяславии разрешенным на теоретическом уровне. Его интересовала политическая подоплека «афонской смуты». Он полагал, что «имябожничество – не столь невинное учение, как это желают представить некоторые газеты», а «Исторический вестник» зря публикует на своих страницах положительные отклики на события на Св. Горе.⁹⁶ У Д.В. Скрынченко имелся политический довод, мимо которого трудно было пройти в 1916 г.: «не время заниматься какими-то там имябожниками-скандалистами... это было бы позорно для русского государства».⁹⁷ Кроме того, Д.В. Скрынченко высказал опасение, что смута приведет к ослаблению русского влияния на Афоне, которым могут завладеть греки: «Что же касается опасения некоторых, что Афоном и русскими обителями могут завладеть греки, то опасение это совсем неосновательно: русские власти не допустят этого».⁹⁸

И, конечно, оправдание имяславцев Московской синодальной конторой вызвало резкую реплику Д.В. Скрынченко. Он писал, что «просто страшно становится за судьбы нашей Церкви: в каком же порабощении находится она, если еретичествовавший гусар (Булатович) может ставить ее в такое недопустимое положение».⁹⁹ Позицию Московской синодальной конторы Д.В. Скрынченко назвал соблазном, причину которого он видел в уступчивости церковных властей и нерешительности их действий.¹⁰⁰ Как видно, он

⁹⁶ Скрынченко Д.В. Происки афонских смутьянов // Святое православие и именовбожническая ересь: в 3 ч. Харьков, 1916. Ч. 3: Положение именовбожнического вопроса по удалении именовбожников с Афона. – С. 273. Касвинцев Е.Н. Черный «бунт» (странички из истории «афонской смуты») // Исторический вестник. 1915. № 1. – С. 139-169; №2. – С. 471-487.

⁹⁷ Скрынченко Д.В. Происки афонских смутьянов. – С. 276.

⁹⁸ Там же. – С. 276.

⁹⁹ Скрынченко Д.В. Соблазн // Святое Православие и именовбожническая ересь: в 3 ч. Харьков, 1916. Приложение № 4. – С. ХLI.

¹⁰⁰ Там же. – С. ХLII.

включился в уже ставшую затихать полемику по политическим причинам: как государственный, он не мог пройти мимо факта возможного ослабления или ущемления интересов имперского государства. Очевидно, что богословскую сторону полемики он не затрагивал – ее заслонял смысл государственный, политический, на который Дмитрий Васильевич и обратил внимание. Вместе с тем в откликах Д.В. Скрынченко на «афонскую смуту» явственно прозвучала тревога за судьбу Православия в России.

Естественно попытаться понять: в чем причина столь жесткого и в целом неадекватного ответа властей на события на Св. Горе? Понятно, что монахи подняли бунт, применив насилие к своим оппонентам, что в принципе было недопустимо. И первым следствием удара по имяславиям было катастрофическое уменьшение численности русского монашества на Афоне. Ожесточенность позиций отразила тот разрыв, который возник между богословской ученостью и молитвенным богомыслием. Монахи в русских монастырях продолжали жить наследием Древней Церкви и Византии, и основным источником вдохновения для них были творения Св. Отцов Восточной Церкви. В то же время в духовных академиях и семинариях было сильно влияние рационалистической схоластики. Обе эти традиции к началу XX в. заметно разошлись, что и послужило теоретическим основанием для столь жесткого противостояния. Но и шире: события на Афоне показали *уровень толерантности*, существовавший в обществе, равно как и методы решения спорных проблем. Обе стороны, участвовавшие в споре, продемонстрировали непреклонную решимость идти до конца в отстаивании своих принципов наряду со склонностью решать теоретические споры при помощи силы.

Д.В. Скрынченко был глубоко и искренне верующим человеком. В тяжелые минуты жизни лишь православная вера давала ему силы, в ней он чувствовал основу, которая придает жизни смысл и ценность. Его богословские идеи, актуальные сегодня как никогда, останутся в сокровищнице православной мысли.

Заключение

История жизни Дмитрия Васильевича Скрынченко связывает воедино разные времена. Но она же связывает те идеи, что он разделял и формулировал. Они ничуть не утратили своего звучания и применимы в большинстве по сей день.

Основная идея, что он утверждал, проста: развитие России может и должно происходить по консервативному сценарию, а любые реформы должны ориентироваться на присущие России ценности. Д.В. Скрынченко придерживался консервативной позиции в понимании того, каким путем следует развиваться России, полагая, что издержки традиционализма с лихвой перекрывают несчастья, приносимые либеральными реформами или насильственной революцией. Собственно, консервативная революция, глашатаем которой он являлся, не может быть названа революцией в строгом смысле слова. Ведь она находит свое выражение в существовании самой жизни, в утверждении национальных ценностей – Православия, семьи, государства, единства большой русской нации (не в ущерб другим). Утверждая последнее, русские националисты предлагали свое видение будущего национальных движений на западных окраинах империи в виде западнорусизма и малороссийства, которые понимались как «сохранение своей культурной и языковой идентичности при признании доминирующей роли Москвы... «Малороссийство» и «западнорусизм» – это культурнические явления, дополняющие и разнообразящие российский общеимперский универсум».¹ В этом смысле пример подавал сам Д.В. Скрынченко. Как малоросс он сохранял локальную малороссийскую идентичность, входившую в общерусскую (вспомним его увлечение малороссийским театром в молодости). Сохраняя двусостав-

¹ Окара А.Н. Беларусь в отсутствие «третьей альтернативы» // Национальные интересы. 2001, № 4. – С. 22.

ную идентичность, он считал, что лучше понимает интересы края. Хотя по современным украинским меркам, чего доброго, его объявят «предателем украинского народа».

Насколько реальны были выдвигаемые консерваторами цели? Ведь многое из того, о чем на протяжении многих лет писал Д.В. Скрынченко, в принципе было достижимо. Естественно, здесь должен возникнуть знаменитый русский вопрос: кто виноват? Скорее всего, историческая ответственность за многие русские беды лежит на элите тогдашней России, и прежде всего на дворянстве. От элиты, ее качеств зависит исторический выбор, она в конечном счете определяет что и как следует делать, она задает вектор развития и выбирает путь, движение по которому обеспечивает максимальное раскрытие потенциала нации.

Д.В. Скрынченко активно боролся за консервативную модернизацию России, но без насильственной вестернизации, которую несли перемены, охватившие русское общество в начале XX в. Русские консерваторы предлагали свой вариант модернизации, предполагавший синтез национальной идеи, включавшей Православие, с основными ценностями эпохи Просвещения – наукой, рациональным ведением хозяйства, бессловесным обществом, верховенством закона. Этот путь мог бы стать для России выигрышным. Страна могла бы модернизироваться, сохранив при этом верность традиционным ценностям. Вместо этого после 1917 г. усилиями большевиков Россия отгородилась от Запада в поисках особого, коммунистического пути, и к 1991 г. потерпела цивилизационное поражение.

Выше уже говорилось о том, что происхождение из низов давало Д.В. Скрынченко основание с недоверием относиться к дворянству. Консервативное понимание связи верхов и низов было заложено в свое время Ф.М. Достоевским, неоднократно писавшем об образованном классе, который «развращал», «соблазнял» и «постоянно мучил» народ, оторвавшись от него и потеряв веру в Бога. «В полтора года жизни русского барства, – писал он о дворянстве, – истлели последние корни, расшатались последние связи его с рус-

ской почвой и русской правдой».² Аналогичные соображения можно обнаружить у М.О. Меньшикова. «Правящие классы, – писал он, – потеряли свое родство с народом и насквозь переполнены чуждыми элементами».³ Д.В. Скрынченко принцип измены своему народу рассматривал как имманентное свойство дворянства. Неоднократно писал он об измене части дворянства в XVI – начале XVII вв. на польских землях: они «ради корыстных целей изменили своим предкам, оплоячили, олатинились и навсегда ушли от родного народа».⁴ Измену дворян он понимал как «отпадение от православной веры» и ненависть к обрядам Православия. Точно таким же образом ведут себя потомки изменников, которых называли мазепинцами. Изменив Православию и тяготая к унии, «они открыто объявляют себя врагами Православной Церкви».⁵ Для Д.В. Скрынченко «белой костью» были люди, преданные Отечеству, образованные, понимающие и умеющие реализовать национальные интересы. С точки зрения Д.В. Скрынченко, основная причина исторического поражения России в начале XX в. заключалась в том, что национальная идея не стала основой модернизации, не смогла утвердиться в сознании большинства. В России не возникло (как нет его и сейчас) внятного национального движения.

Почему же русская национальная идея не смогла оказать переломного влияния на российское общество? Почему не стали действенными люди и партии консервативно-национальной ориентации, чья идеология могла бы консолидировать нацию? Видимо, дело в том, что большинство населения Империи не имело ни малейшего представления о национальных проблемах. Лишь на окраинах государства национальные проблемы существовали в ярко выраженном виде, поэтому идея нации воплотилась в идеологию лишь для незначительной части образованного общества. Скорее

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 // Полное собрание сочинений. Т. 21. Л., 1980. – С. 9.

³ Меньшиков М.О. Письма к ближним // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – С. 42.

⁴ Скрынченко Д.В. Новая черта мазепинцев // Киев. 1914. № 90. – С. 3.

⁵ Там же.

всего, прав был М.О. Меньшиков, который еще в 1908 г. с горечью писал: «Одновременно утвердить и самодержавие, и Православие, и народность не под силу оказалось не только партии (национальной – В.К.), но всему народу».⁶ Противоречие между интересами Империи и русской нации, создавшей великое государство, разрешить не удалось. Виною тому – позиция вестернизированной элиты, далекой от реальных интересов общества. Она не сумела гармонизировать разновекторные национальные интересы русской нации и других народов, населявших империю. Результатом подобного положения стал сепаратизм, проявивший себя в годы Гражданской войны.

Слово и дело национально-консервативных кругов противостояли сепаратистским движениям на окраинах империи. В Северо-западном крае белорусское национальное движение не привело к формированию нации, так как белорусский этнос отличался низкой социальной мобильностью и невысоким уровнем грамотности, почти полным отсутствием интеллигенции, что ограничивало коммуникативную составляющую процесса. «Распространенное в Беларуси самоопределение «тутэйшыя» («здешние»), – отмечает исследователь, – является одной из базовых черт этнической самоидентификации».⁷ В связи с замедленным развитием национального самосознания белорусов этническая идентичность в Белоруссии сложилась лишь при советской власти.

В Юго-западном крае социальная мобильность была несколько выше, население жило менее замкнуто, нежели в белорусском Полесье. И тем не менее процесс формирования национального самосознания «развивался чрезвычайно медленно, охватывая лишь узкие группы малороссов – молодежи и интеллигенции...».⁸ Перманентной активности украинского движения способствовало существование Галиции,

⁶ Меньшиков М.О. Письма к ближним // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* – С. 40.

⁷ Шевцов Ю. *Объединенная нация. Феномен Беларуси.* Мн., 2005. – С. 20.

⁸ Михутина И.В. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века).* – С. 247.

где украинский сепаратизм поддерживался австрийскими властями и польскими помещиками. Искусственность украинского движения, которую неоднократно подчеркивал Д.В. Скрынченко, определялась тем, что малороссы (как и белорусы) не испытывали национального гнета в России, не подвергались ограничениям (конфессиональным или этническим) и считались частью русского народа. Национальное движение в Юго-западном крае оформилось политически лишь благодаря распаду России в 1917 г. Украинское национальное самосознание начало свой рост лишь в 20-х гг. XX в., когда на Украине проводилась т. н. украинизация (выражение М.С. Грушевского), выражавшаяся в искусственном насаждении украинского языка и создании национальной элиты.⁹ Утверждение, что деятельность русских националистов до 1917 г. на западных окраинах потерпела полную неудачу, неверно – ведь на Украине наших дней бывшая Слобожанщина, Новороссия, Левобережье и Крым ориентированы на русскую идентичность, что не позволяет говорить о существовании Украины как единого государства-нации. Более того, украинский национализм (украинство) следует рассматривать как регионализм, потому что здесь мы встречаем национализм без этничности или почти без этничности. Так происходит потому, что на Украине все же возникло государство (УССР), но оно было квазигосударством. Вместе с ним в процессе украинизации начала возникать украинская нация как квазинация.

Русский национализм имел слабое звено, на существование которого указывали многие приверженцы русской идеи. Принцип «Россия для русских» нес потенциальную опасность дезинтеграции, ибо отталкивал от империи нерусские народы, нацеливал на превращение России в государство-нацию.¹⁰ Утверждая привилегированный статус

⁹ Подробнее см.: Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.

¹⁰ Лукьянов М.Н. «Россия – для русских», или «Россия – для русских подданных»? Консерваторы и национальный вопрос накануне Первой мировой войны // Отечественная история. 2006. № 2. С.36–46.

русского народа по сравнению со всеми остальными, националисты вступали в противоречие с системой тогдашнего права, которое формально не предусматривало ограничения прав подданных по национальным признакам. Как отмечает Д.А. Коцюбинский, идеология националистов не содержала основ для реального «национального примирения»: «Данное обстоятельство, в свою очередь, явилось одной из причин идейного и организационного распада партии русских националистов».¹¹ Русский национализм в это время не выступал союзником империи. Потому что империя исповедовала гражданский национализм французского образца, в рамках которого нация рассматривается как сообщество граждан, а русские националисты (среди них Д.В. Скрынченко) утверждали культурный национализм, в рамках которого русская нация признавалась главенствующей, а все остальные подчиненными.

Националисты не могли выступать против империи: это было бы разрушением основы основ политического бытия. Опора на один лишь русский народ объективно восстанавливала против него другие народы, населявшие империю, и давала импульс для развития локальных национализмов. Это был своего рода исторический тупик, цугцванг вместе с цейтнотом, выход из которого обозначился только лишь распадом Советского Союза. Современные исследователи отмечают, что по отношению к имперским принципам «русский национализм играл подрывную роль, в имперском контексте русская националистическая идеология объективно приобретала не консервативный, а радикальный и даже революционный модус».¹² Империя не обладала этнической гомогенностью, и попытки националистов эту гомогенность учредить были обречены на провал. В этом кроется трагедия русского национализма, не сумевшего найти свой путь к реальности.

¹¹ Коцюбинский Д.А. Утопия русского консерватизма: на примере партии «Всероссийский национальный союз» (1908–1917) // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)* Сб. статей. СПб., 2004. Вып. 1. – С. 99.

¹² Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. – С. 421.

Свою негативную роль сыграла мощная антигосударственная и антирусская пропаганда, противостоять которой националисты адекватно не имели возможности. Дискредитируя самодержавие, либералы на протяжении многих лет «пролагали путь восстанию и склоняли страну признать, что уничтожение царской власти необходимо».¹³ Среди левой общности разговоры о национальных интересах и национальных ценностях считались предосудительными, если не черносотенными. В целом же как концептуальные, так и мобилизационные возможности русского национализма оказались невелики. Эта слабость проявилась в политической беспомощности и не востребованности русского национализма в 1917 г. и в последующие годы Гражданской войны.

Пройдя через трагические годы эмиграции, он утверждал, что без развития русского национального начала Россия существовать в принципе не может: «Страшны жертвы, которые приносит и уже принес в свое искупление русский народ, но, думается мне, они не пропадут даром: они отрезвят от болезненных мечтаний наш народ и научат его жить реально и вскармливать в себе здоровый национализм».¹⁴

Вся жизнь Дмитрия Васильевича Скрынченко представляет образец служения Отчизне. Ей он посвятил самые прекрасные порывы души, ей служил он и в России, и в эмиграции. Он сохранил православную веру, веру в Россию и русский народ и его великую миссию. В изгнании он писал: «Но верится, что там, в России, страдания выкуют из русской души тот закал, который не только спасет русский народ, но и двинет его на необычайную, еще неизвестную миру, культурную высоту. Скажут: это тоже «бесмысленные мечтания»... Нет, это очень осмыслено, ибо основано на факте необычайной даровитости русского народа, на факте, что он обладает, как никто в мире, великим, любящим, сострадательным, широким сердцем».¹⁵

¹³ Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. – С. 414.

¹⁴ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания (рукопись в архиве автора). – С. 37.

¹⁵ Там же.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Глубинная Россия	
Очерк 1. Истоки. Пространственно-временной контекст	12
Очерк 2. Время учения	19
Очерк 3. Первые годы	45
Часть II. Северо-западный край	
Очерк 4. Большая политика	67
Очерк 5. Правый националист	90
Очерк 6. История: антипольский дискурс	131
Очерк 7. Церковь, общество, государство	147
Часть III. Юго-западный край	
Очерк 8. Интерлюдия	194
Очерк 9. Борьба за нацию	206
Очерк 10. Вторая Отечественная	245
Очерк 11. Время потрясений	284
Часть IV. Балканы	
Очерк 12. Эмиграция	324
Часть V. Земное и небесное	
Очерк 13. Православная антропология	363
Заключение	392

Вадим Борисович КОЛМАКОВ
С РОССИЕЙ В СЕРДЦЕ
Дмитрий Скрынченко
История жизни

Под редакцией *А.Ю. Минакова*
Оформление, верстка *О.Б. Куликовой*
Корректурa *Е.В. Дуровой*

Подписано в печать 20.08.2012 г. Формат 60x90¹/₁₆.
Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Пресса ИПФ»
8(473)266-70-02 pressaipf@yandex.ru

Отпечатано в ОАО «ИПФ «Воронеж», 394000, г. Воронеж, пр. Революции, 39.
Тел. 8(473)266-25-20.

Вадим Борисович Колмаков родился в Воронеже в 1952 году. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета и аспирантуру философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук, доцент ВГУ. Автор более 80 работ по проблемам исторического познания, краеведения и русской консервативной мысли, автор книги «Три века истории в лицах». Живёт в Воронеже.

